

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

Я ОТПУСКАЮ ТЕБЯ

КЛЭР МАКИНТОШ

Annotation

Был обычный дождливый день. День, когда маленький мальчик отпустил руку отвлекшейся матери и побежал через дорогу, – и ее жизнь разбилась вдребезги...

Год спустя талантливая художница Дженна Грей, скрывшаяся от мира в прибрежной деревушке, вновь и вновь переживает день этой трагической автокатастрофы, все глубже погружаясь в чувство вины и безнадежности.

А между тем опытный детектив Рэй Стивенс и его молодая напарница Кейт, ведущие дело о наезде на мальчика, бегстве водителя с места аварии и исчезновении убитой горем матери, начинают подозревать, что здесь всё далеко не так просто, как казалось вначале...

- [Клэр Макинтош](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

Клэр Макинтош

Я отпускаю тебя

Clare Mackintosh
I LET YOU GO

Серия «Психологический триллер»

Перевод с английского О. А. Мышаковой
Компьютерный дизайн В. А. Воронина

Печатается с разрешения издательства Little, Brown Book Group Limited и литературного агентства Nova Littera SIA

© Clare Mackintosh, 2014

© Перевод. О. А. Мышакова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Часть первая

Глава 1

Стоя у окна, инспектор криминальной полиции Рэй Стивенс разглядывал свой крутящийся стул, подлокотник которого сломался минимум год назад. До сих пор инспектор, будучи человеком практическим, попросту не опирался на левую сторону, но когда он выходил на обед, на спинке кресла кто-то черным маркером написал «дефективный». Рэй гадал: может, отдел хозобеспечения, рьяно взявшийся за ревизию офисного оборудования, собрался расщедриться на замену? Или же ему суждено руководить бристольской криминальной полицией из кресла с надписью, бросающей нешуточную тень на его, Стивенса, авторитет?

Отыскав в верхнем ящике маркер, Рэй присел на корточки и исправил одну букву, так что получилось «детективный». Тут дверь в кабинет распахнулась, и он поспешно встал, закрыв маркер колпачком.

– А, Кейт, я тут это... – Он не договорил, все поняв по ее лицу еще до того, как взглянул на оперативную сводку. – Что у тебя?

– Наезд со смертельным исходом в Фишпондс, шеф. Водитель задавил пятилетнего ребенка и скрылся.

Рэй взял у нее распечатку и пробежал глазами, пока только что сменившаяся с дежурства Кейт мялась на пороге. Она пришла в криминальную полицию всего пару месяцев назад и еще не освоилась, но работник из нее вышел хороший – она даже не сознавала, насколько.

– Номер не запомнили?

– Пока никто не признался. Вызванный на место патруль обеспечил сохранность места происшествия, сержант сейчас берет показания у матери ребенка. Понимаете, она в шоковом состоянии...

– Сможешь сегодня задержаться? – только и спросил Рэй. Кейт закивала, не дожидаясь, пока он договорит. Они обменялись понимающими полуулыбками – прилив адреналина заставлял забыть об усталости и будил охотничий азарт, несмотря на чудовищную причину. – Тогда поехали.

Они кивнули курильщикам, собравшимся под козырьком служебного выхода.

– Стампи, я забираю Кейт в Фишпондс. Свяжись с аналитическим, узнай, может, уже есть какие результаты.

– Будет сделано. – Пожилой детектив торопливо затянулся своей

самокруткой. Сержанта Джейка Оуэна все звали просто Стампи^[1] так давно, что в суде всякий раз было непривычно слышать его полное имя. Немногословный Стампи имел в запасе больше баек, чем готов был рассказать, и, без сомнения, был лучшим детективом-сержантом у Рэя в управлении. Они несколько лет работали как напарники: Стампи со своей физической силой, неожиданной в таком коротышке, был весьма удобен в розыском деле.

Кроме Кейт, в подчиненных у Стампи ходили невозмутимый Малколм Джонсон и молодой Дейв Хиллсдон, энергичный, но авантюрного склада констебль, чьи упорные попытки обличить виновного балансировали на грани допустимого. Но вместе они составляли хорошую команду, и Кейт быстро у них училась. Она так и горела служебным рвением, пробуждавшим в Рэе ностальгию по тем дням, когда он был рядовым оперативным сотрудником и семнадцать лет бюрократии его еще не укатали.

На «Опеле Корса» без опознавательных полицейских знаков они пробивались в Фишпондс по запруженным транспортом дорогам. Кейт, нетерпеливый водитель, досадливо цокала языком, когда загорался красный свет, и вытягивала шею, чтобы разглядеть, отчего впереди очередной затор. Она ни секунды не сидела спокойно: барабанила пальцами по рулю, морщила нос, ерзала на сиденье. Когда автомобили наконец тронулись с места, Кейт подалась вперед, будто от этого «Корса» поедет быстрее.

– Что, сейчас бы мигалку с сиреной? – сочувственно спросил Рэй.

Кейт улыбнулась:

– Да, не помешало бы!

Под глазами у нее немного расплылась подводка, но в остальном лицо девушки не было тронута макияжем. Темные кудри окружали его ореолом, несмотря на черепаховую заколку, которой надлежало их удерживать.

Рэй зашарил в поисках мобильного – требовалось убедиться, что на место уже выехали из отдела расследований дорожно-транспортных происшествий, дежурный суперинтендант поставлен в известность и вызвали техподдержку – неуклюжий фургон, под самую крышу набитый палатками, прожекторами и горячими напитками. Все оказалось сделано. Честно признаться, думал Рэй, все всегда и делалось, но вместе с должностью инспектора он заработал и постоянную головную боль. Обычно патрульные мрачнели, когда инспектор полиции подъезжал лично и, так сказать, покушался на свою прежнюю территорию, но тут уж ничего не поделаешь. Все через это прошли, даже Рэй, отработавший в

патрульных необходимый минимум.

Он связался с диспетчером, сообщив, что через пять минут будет на месте, но домой звонить не стал: он, наоборот, предупреждал Мэгс в тех редких случаях, когда собирался вернуться с работы вовремя (с его нагрузкой так целесообразнее).

Свернув за угол, Кейт сбросила скорость: шесть полицейских автомобилей, припаркованных как попало, освещали все вокруг голубоватыми вспышками мигалок. Прожекторы уже были установлены на металлических штативах, и сильные лучи пронизывали завесу измороси, в которую за последний час превратился мелкий дождь.

Выходя из управления, Кейт захватила куртку и переобулась, сменив туфли на резиновые сапоги.

– Практичность важнее красоты, – засмеялась она, бросив туфли в свой металлический шкафчик. Рэй редко думал о практичности и еще реже о красоте, но сейчас он пожалел, что не взял хотя бы пальто.

Они оставили машину за сотню метров от большого белого тента, раскинутого в попытке спасти от дождя возможные улики. С одной стороны палатка оказалась открыта, и было видно, как эксперт-криминалист, стоя на четвереньках, собирает марлевым тампоном что-то неразличимое. Другой эксперт в белом спецкостюме осматривал одно из огромных деревьев на обочине.

Рэй и Кейт направились к месту происшествия, когда их остановил молодой патрульный в застегнутой до ушей светоотражающей куртке: его лицо было едва заметно между козырьком фуражки и воротником.

– Добрый вечер, сэр, хотите туда пройти? Я обязан вас записать.

– Нет, спасибо, – отказался Рэй. – Где ваш сержант?

– В доме матери пострадавшего, – полицейский показал дальше по улице, вдоль которой тянулся ряд одинаковых домов, и еще выше подтянул воротник. – Дом номер четыре, – раздалось приглушенное пояснение.

– Господи, вот уж дрянная работа, – посетовал Рэй, когда они с Кейт шагали в указанном направлении. – Помню, в бытность мою стажером я двенадцать часов охранял место происшествия под проливным дождем, после чего меня отчитал приехавший к восьми утра следователь за то, что я не улыбаюсь...

Кейт засмеялась:

– И поэтому вы решили податься в сыщики?

– Не только, – отозвался Рэй, – хотя в какой-то мере тот случай повлиял. А в основном просто осточертело передавать интересные дела сыскарям, не видя ни одного раскрытия. А ты?

– Да тоже как-то так...

Дойдя до ряда домов сплошной застройки, на которые указал патрульный, они принялись выискивать четвертый номер. Кейт продолжала:

– Меня всегда привлекали серьезные расследования. Я по характеру такая, что мне быстро все надоедает, потому и люблю заковыристые дела, над которыми нужно поломать голову. Кроссворды повышенной сложности, понимаете?

– Еще как понимаю, – согласился Рэй. – Хотя я никогда не умел разгадывать кроссворды.

– Там только приноровиться надо, и начнет получаться, – сообщила Кейт. – Будет время, я вас научу. Вот номер четыре!

Нарядно покрашенная дверь была приоткрыта. Рэй распахнул ее и крикнул в коридор:

– Криминальная полиция! Можно нам войти?

– Проходите в гостиную, – послышался ответ.

Вытерев ноги, детективы прошли по узкому коридору, миновав завешанную одеждой вешалку, под которой аккуратно поставленные детские красные резиновые сапожки соседствовали с парой сапог побольше.

Мать погибшего ребенка сидела на кушетке, не сводя глаз с синего школьного рюкзака на завязках, лежавшего у нее на коленях.

– Я инспектор полиции Рэй Стивенс. Примите мои соболезнования по поводу случившегося с вашим сыном.

Молодая женщина подняла глаза, так накручивая шнурки на руки, что на коже оставались красные борозды.

– Джейкоб, – сказала она без слез. – Его звали Джейкоб.

Патрульный сержант, примостившийся за кухонным столом, держал блокнот на колене. Рэй видел раньше этого парня в управлении, но как зовут, не знал. Он бросил взгляд на его жетон.

– Брайан, выйди пока с Кейт на кухню и расскажи ей, что удалось узнать. Я хочу задать свидетельнице несколько вопросов, это не займет много времени, а вы пока ей чаю сделайте.

По выражению лица Брайана стало ясно – меньше всего ему хочется заниматься чаем, но он встал и вышел из комнаты вместе с Кейт. Наверняка сейчас пожалуется, как следаки третируют их, простых патрульных. Рэй не стал об этом думать.

– Простите, что приходится вас беспокоить, но нам сейчас очень важно получить как можно больше информации.

Мать Джейкоба кивнула, по-прежнему глядя на рюкзачок.

– Я так понял, номера машины вы не заметили?

– Все случилось очень быстро, – проговорила она, и эти слова словно открыли невидимые шлюзы. – Джейкоб рассказывал о школе, а тут... Я выпустила его руку буквально на секунду... – Она сильнее затянула шнур на запястье. – Так быстро... Машина просто летела...

Она отвечала на вопросы тихо, не выдавая огромного горя, которое не могла не чувствовать. Рэй не любил трогать человека в таком состоянии, но выбора у него не оставалось.

– А кто был за рулем?

– Я не видела.

– Пассажиры в машине были?

– Я внутрь не заглядывала, – это прозвучало монотонно и как-то безжизненно.

– Понятно, – отозвался Рэй. И как прикажете работать, черт побери?

Женщина поглядела на него:

– Вы же его найдете? Того, кто задавил Джейкоба? Найдете? – Ее голос дрогнул, и слова перешли в утробный стон. Несчастливая мать согнулась, прижимая к животу школьный рюкзак, и у Рэя все сжалось в груди. Он глубоко вздохнул, справляясь с эмоциями.

– Мы сделаем все возможное, – ответил он, презирая себя за эту избитую фразу.

Из кухни вернулась Кейт, за которой шел Брайан с кружкой чая.

– Ну что, может, я все-таки закончу брать показания? – спросил он.

«Ты имел в виду – прекрати расстраивать мою свидетельницу», – подумал Рэй.

– Пожалуйста. Простите, что помешал. Кейт, мы все узнали?

Девушка кивнула. Она была бледна, и Рэй подумал, уж не расстроил ли ее Брайан. Через год Рэй будет видеть ее насквозь, как остальных своих сотрудников, но пока он ее еще не раскусил. Впрочем, прямолинейности ей было не занимать, в чем Рэй имел случай убедиться: на совещаниях Кейт не боялась высказать свою точку зрения и быстро училась.

Выйдя на улицу, детективы молча пошли к машине.

– Ты в порядке? – зачем-то спросил Рэй. Кейт шла, стиснув зубы, и в ее лице не было ни кровинки.

– В полном, – отозвалась девушка, но голос у нее звучал сипло, и Рэй понял, что она сдерживает слезы.

– Эй, – он неловко приобнял ее за плечо, – ты из-за этого мальчика?

За много лет у инспектора выработался защитный механизм, не

позволявший расклеиваться в подобных ситуациях. Свои методы на этот счет имелись у большинства детективов – соленые шутки, звучащие иногда в столовой, лучше было пропускать мимо ушей, – но Кейт, видимо, еще не привыкла.

Она кивнула и глубоко, прерывисто вздохнула.

– Простите. Обычно я держу себя в руках, я расследовала уже больше десяти наездов со смертельным исходом, но... Господи, всего пять лет! Отец Джейкоба не желал его знать, поэтому мать и сын жили вдвоем. Даже представлять не хочу, каково ей сейчас... – Ее голос сел, и Рэй снова почувствовал в горле ком. Он спасался тем, что сосредотачивался на расследовании – на твердых доказательствах – и не думал о переживаниях участников трагедии. Если все время пережевывать, каково держать на руках своего умирающего ребенка, от такого детектива не будет пользы в первую очередь Джейкобу и его матери. Рэй невольно подумал о своих детях, и его посетило иррациональное желание позвонить домой и проверить, все ли с ними в порядке.

– Простите. – Кейт через силу улыбнулась. – Обещаю, такого больше не повторится.

– Да все нормально, – заверил Рэй. – Каждый через это прошел.

Она приподняла бровь:

– И вы? Простите, шеф, но я не считаю вас чувствительной натурой.

– Всякое случалось. – Рэй коротко сжал ее плечо и убрал руку. Плакать на работе ему не доводилось, но порой он держался из последних сил. – Успокоилась?

– Почти. Спасибо.

На ходу Кейт оглянулась на дорогу, где эксперты еще и не думали заканчивать.

– Какой же ублюдок способен задавить пятилетнего мальчишку и уехать?

Рэй ответил без колебаний:

– Вот это нам и предстоит выяснить.

Глава 2

Я не хочу чая, но принимаю предложенную кружку и опускаю лицо к поднимающемуся пару, пока не становится нестерпимо горячо. Боль щиплет кожу, от нее немеют щеки и жжет глаза. Я борюсь с инстинктивным желанием отодвинуться – мне нужно одеревенеть, утратить всякую чувствительность, чтобы выдержать воспоминания, не тускнеющие ни на миг.

– Принести тебе что-нибудь поесть?

Он стоит надо мной, и я знаю, что должна поднять голову, но я не в силах совладать с собой. Как он может предлагать мне еду и питье, будто ничего не произошло? Изнутри поднимается волна дурноты, и я сглатываю едкий, кислый вкус. Он винит в этом меня. Он не сказал прямо, но ему и не надо, все читается в его глазах. И он прав – это моя вина. Надо было возвращаться домой другой дорогой. Я не должна была болтать, я должна была его остановить...

– Нет, спасибо, – тихо отвечаю я. – Я не голодна.

Наезд снова и снова прокручивается у меня в голове. Я хочу нажать на паузу, но этот видеоролик неумолим: тело, распластанное на капоте, раз за разом. Я снова подношу чашку к лицу, но чай остыл, его тепла недостаточно, чтобы обжечь. Я не чувствую, как выступают слезы, но увесистые горячие капли падают мне на колени. Я смотрю, как они впитываются в джинсы, и скребу ногтем по пятну глины на своем бедре.

Я обвожу взглядом комнату в доме, который столько лет создавала. Занавески той же ткани, что и диванные подушки, статуэтки – некоторые мои, остальные я увидела в разных галереях и не смогла пройти мимо. Я думала, что вдыхала в дом душу, а оказалось, лишь украшала стены. Пустая скорлупа.

Рука болит. В запястье бьется пульс, быстрый и легкий. Я рада боли; лучше бы болело сильнее. Жаль, что это не меня сбила машина.

Он снова говорит. Полиция повсюду ищет автомобиль... Свидетелей происшествия попросят откликнуться через газеты... Несчастный случай попадет в выпуск новостей...

Комната кружится, и я начинаю пристально смотреть на кофейный столик, кивая, когда это кажется уместным. Он делает два шага до окна, потом возвращается. Я бы предпочла, чтобы он сел: это заставляет меня нервничать. Руки у меня дрожат, и я поспешно ставлю нетронутую чашку

чая, боясь ее уронить, однако при этом громко звякаю о стеклянную столешницу. Он с досадой смотрит на меня.

– Прости, – говорю я. Во рту металлический вкус, и я догадываюсь, что прокусила губу. Я сглатываю кровь, не желая привлекать внимание просьбой о платке.

Все изменилось. В то мгновение, когда машину занесло на мокром асфальте, вся моя жизнь изменилась. Я вижу это очень ясно, будто со стороны. Я так дальше не смогу.

Проснувшись, я не сразу понимаю, что это за ощущение: все вокруг то же самое, и, однако, все изменилось. Но прежде чем я открываю глаза, в голове возникает шум, подобный звуку поезда метро, и тут же начинают мелькать нестерпимо яркие картинки, которые я не могу прогнать или поставить на паузу. Я прижимаю основания ладоней к вискам, словно стараясь силой подавить воспоминания, но они все равно наплывают, выпуклые, стремительные, будто без них я смогу забыть.

На тумбочке медный будильник, который мне подарила Ева, когда я поступила в университет («Иначе ты нипочем не успеешь на лекции»). Потрясенная, я замечаю, что уже половина одиннадцатого. Ноющая рука отходит на второй план – голова раскалывается так, что в глазах темнеет от любого движения, и когда я буквально выдираю себя из кровати, в теле болит каждая мышца.

Я натягиваю вчерашнюю одежду и выхожу в сад, не налив себе кофе, хотя во рту пересохло, и трудно глотать. Я не нашла свою обувь, и побитая морозом трава обжигает босые ступни. Сад небольшой, но и зима на подходе: дойдя до дальнего края, я уже не чувствую пальцев.

Мастерская в саду служит мне уединенным уголком последние пять лет. Случайному зрителю она может показаться почти сараем, но я приходила сюда думать, работать и отрешиться от всего. Деревянный пол усеян кусками глины, которые падали с гончарного колеса, установленного в центре студии, чтобы я могла ходить вокруг, окидывая свою работу критическим взглядом. Вдоль трех стен тянутся полки, куда я ставлю мои скульптуры в художественном беспорядке, понятном только мне. Незаконченные работы – сюда; обожженные, но не раскрашенные – сюда; готовые заказы – сюда. Здесь сотни статуэток, однако если я закрою глаза, то сразу вспомню ощущение каждой из них под пальцами, влажность глины на ладонях.

Я беру ключ из тайника под подоконником и открываю дверь. Все хуже, чем я думала. Пола не видно под сплошным ковром глиняных черепков; округлые половинки ваз заканчиваются угрожающе острыми

зазубринами. Деревянные полки пусты, со стола сброшены все работы, а миниатюры на подоконнике, неузнаваемые, разбиты в крошку, блестящую в лучах утреннего солнца.

У двери лежит маленькая статуэтка – эту серию я делала в прошлом году для магазина в Клифтоне. Мне хотелось воспроизвести что-то реальное, далекое от совершенства, но все равно прекрасное, и я вылепила десять женщин, каждую с индивидуальной фигурой, со своими складками, шрамами и несовершенствами. Моделями мне служили моя мать, моя сестра, девушки, которых я учила гончарному делу, женщины, которых я видела в парке. А вот это как раз я – сходство довольно условное, чтобы не узнавали, но тем не менее это я. Грудь почти плоская, бедра слишком узкие, стопы великоваты. Волосы скручены в низкий пучок. Я нагибаюсь и поднимаю фигурку, кажущуюся невредимой, однако под моим прикосновением глина приходит в движение, и я остаюсь с двумя половинками в руках. Некоторое время я гляжу на обломки, а затем с силой запускаю их в стену, где они разлетаются в крошку, осыпаящую стол.

Я глубоко втягиваю воздух и медленно выдыхаю.

Не знаю, сколько дней прошло после аварии или как я прожила неделю, когда мне казалось, что я бреду по колено в густой патоке. Не знаю, что подтолкнуло меня сделать это именно сегодня, но я решилась. Я беру с собой только то, что умещается в дорожной сумке, зная, что если не уеду прямо сейчас, то не уеду уже никогда. Я мечусь по дому, пытаюсь представить, что никогда больше сюда не вернусь. От этой мысли становится страшно и одновременно охватывает ощущение свободы и легкости. По силам ли это мне? Возможно ли сбежать от одной жизни и начать другую? Но я должна попробовать; это мой единственный шанс выдержать все это и не умереть.

Ноутбук на кухне; в нем адреса, фотографии, важная информация, которая может понадобиться, я ее нигде больше не сохраняла. У меня нет времени думать об этом сейчас, и хотя ноутбук тяжелый и большой, я засовываю его в сумку. Места в ней остается мало, но я не могу уехать без одной особой частицы моего прошлого. Я выбрасываю джемпер и футболки и опускаю в сумку деревянную шкатулку, где спрятаны мои воспоминания, утрамбованные под кедровой крышкой. Внутрь я не заглядываю – мне это не нужно. Подростковые дневники, которые я вела как попало, вырывая провинившиеся страницы; билеты на концерты, стянутые резинкой для волос; школьный аттестат; газетные вырезки о моей самой первой выставке – и фотографии сына, которого я любила так

неистово, что это казалось невероятным. Драгоценные снимки. Так мало от человечка, которого так любили. Такой маленький след для мира и, однако, центр моего личного мирка.

Не в силах удержаться, я открываю шкатулку и беру самый верхний снимок – полароидный, сделанный акушеркой с вкрадчивым голосом в день его рождения. Здесь он еще крошечный розовый комочек в складках белого больничного одеяльца. На фотографии мои руки выдают неловкость неопытной матери, которую захлестывает любовь и изнеможение. Все было таким поспешным, таким пугающим, настолько непохожим на книги, которые я читала во время беременности, но любовь, которую я должна была почувствовать, не подвела и не поколебалась. Вдруг разучившись дышать, я кладу снимок обратно и заталкиваю шкатулку в сумку.

Гибель Джейкоба стала сенсацией для первых газетных полос, кричащей со стены гаража, когда я прохожу мимо, из углового магазинчика, из очереди на автобусной остановке, в которой я стою как все, будто ничем не отличаюсь. Будто я не убегаю отсюда.

Все только и говорят, что о несчастном случае. Как такое могло случиться? Кто это сделал? На каждой остановке в автобус врываются свежие новости, обрывки разговоров доносятся в конец салона, и закрыться от них я не могу.

Машина была черная.

Машина была красная.

Полицейские уже напали на след.

У полиции нет никакой информации.

Рядом со мной сидит женщина. Она разворачивает газету, и мне на грудь вдруг будто ложится камень. На меня смотрит лицо Джейкоба: кажется, что эти затекшие кровью глаза упрекают меня в том, что я не защитила его, не спасла, дала умереть. Я заставляю себя смотреть на него, и горло забивает плотный комок. Перед глазами все расплывается, я не могу разобрать строки, но мне и не нужно – я видела эту статью в каждой газете, мимо которой сегодня прошла. Слова подавленных горем учителей, описание букетов, выложенных вдоль обочины рядом с местом трагедии, расследование – начатое и вскоре закрытое. На второй фотографии венок из желтых хризантем на неправдоподобно маленьком гробике. Женщина с газетой цокает языком и начинает говорить – вроде бы сама с собой, но ожидая от меня реакции:

– Ужасно, правда? И ведь перед самым Рождеством!

Я молчу.

– Ездят, ездят, носятся на такой скорости. – Она снова цокает языком. – Всего-то пять лет пожил... Ну вот какая мамаша отпустит такого крошку одного через дорогу?

У меня невольно вырывается рыдание. Я не заметила, что плачу, однако горячие слезы текут по щекам в платок, который мне кто-то сунул в руку.

– Бедняжка, – с жалостью говорит женщина не то обо мне, не то о Джейкобе. – В голове не укладывается, правда?

Но для меня случившееся в высшей степени реально, и я хочу ей сказать, что бы она себе ни напридумывала, все в тысячу раз хуже. Женщина находит мне еще салфетку, мятую, но чистую, и переворачивает газетную страницу; дальше пишут о том, что в Клифтоне уже включили рождественскую иллюминацию.

Я никогда не думала, что сбегу. Я никогда не думала, что мне придется это сделать.

Глава 3

На третьем этаже управления постоянная, не стихающая круглые сутки суeta дежурного отделения сменялась тишиной кабинетов офисных служащих и следователей по особо важным делам. Инспектору Стивенсу здесь очень нравилось по вечерам, когда он мог без помех просматривать неубывающую стопку дел на своем столе. Рэй прошел по общему залу к отгороженному углу, служившему ему кабинетом.

– Как совещание?

Инспектор даже подскочил от неожиданности. Обернувшись, он увидел Кейт за ее столом.

– Я раньше работала с четвертой командой. – Девушка зевнула. – Надеюсь, они хотя бы притворились, что им интересно?

– Совещание прошло нормально, – ответил Рэй. – «Четверка» – хорошие парни, но полезно же лишний раз освежить в памяти информацию...

Рэй упрямо держал фишпондское происшествие на повестке дня уже неделю, хотя ту трагедию теснили неуклонно копившиеся новые дела. Рэй всячески мотивировал каждую дежурную смену, напоминая, что ему очень нужна их помощь.

– А что ты здесь делаешь? – Рэй выразительно постучал себя по запястью.

– Читаю ответы на обращения СМИ к населению, – отозвалась девушка, с треском чиркнув большим пальцем по уголку толстой стопки распечаток. – Хотя толку, по-моему, мало.

– Ничего стоящего?

– Голяк. Сообщения о машинах, вливающих на дороге, ханжеское осуждение недосмотра матери, ну, и психи оживились – есть даже предсказание второго Пришествия. – Кейт вздохнула. – Нам так нужна информация!

– Тут главное не сдаваться, поверь моему опыту, – посоветовал Рэй.

Кейт со стоном отъехала на стуле от бумажной горы:

– По-моему, я лишена добродетели терпения...

Рэй присел на край стола.

– Да, эту часть полицейской работы в сериалах не показывают... – он улыбнулся при виде кислого выражения лица подчиненной, – но результат того стоит. А вдруг где-то здесь кроется ключ к раскрытию дела!

Кейт с сомнением поглядела на стол. Рэй, не удержавшись, захохотал.
– Ладно, сейчас заварю чаю и помогу тебе.

Они просмотрели каждый лист, но не нашли ни капли информации, на которую надеялся Рэй.

– Ну ладно, по крайней мере, это можно вычеркнуть, – подытожил он. – Спасибо, что задержалась и подтянула этот край.

– Как считаете, мы найдем того водителя?

– Надо верить, что найдем, иначе как другие будут нам доверять? Я вел сотни дел, раскрыл не все, но всегда чувствовал – ответ где-то рядом.

– Стампи сказал, вы обратились в «Крайм уотч»? [\[2\]](#)

– Это стандартная практика при расследовании дорожно-транспортных происшествий, особенно с участием детей. Боюсь, нас ждет масса подобной работы. – Он показал на гору бумаг, годных теперь только для shreddera.

– Ничего, – отозвалась Кейт, – я не против сверхурочных. В прошлом году я купила свою первую квартиру, и выплачивать ипотеку не так легко.

– Ты живешь одна? – удивился Рэй, сразу спохватившись, позволительно ли задавать подобный вопрос. В последнее время политкорректность достигла такого уровня, что даже самые невинные личные темы лучше не затрагивать. Скоро людям вообще запретят беседовать.

– В основном, – усмехнулась Кейт. – Квартиру купила сама, но мой бойфренд много времени проводит у меня. Лучшее из двух миров!

Рэй собрал пустые кружки.

– Так поезжай домой, твой парень уже теряется в догадках, где тебя носит.

– Все нормально, он шеф-повар, – отмахнулась Кейт, но все же встала. – Работает еще больше моего. А вы? Как ваша супруга выдерживает, что вы сутками пропадаете на работе?

– Раньше расстраивалась, – погромче ответил Рэй, уходя в кабинет за пальто. – Она тоже работала в полиции – нас распределили в одну смену.

В полицейском учебном центре в Райтоне-на-Дансморе развлечений не водилось, но имелся дешевый бар. Во время одного особенно невыносимого вечера с караоке Рэй увидел Мэгс в кругу приятельниц: она хохотала чьей-то байке. Увидев, что Мэгс встала и пошла заказать всем выпить, Рэй высосал свою почти полную пинту пива в надежде утопить смущение и тоже пошел к бару. К счастью, Мэгс не страдала болезненной застенчивостью, и до конца полуторамесячного курса обучения они не

расставались. Рэй с трудом удержал улыбку, вспомнив, как крался из женского корпуса в свою комнату в шесть утра.

– А вы давно женаты? – спросила Кейт.

– Пятнадцать лет. Окольцевались еще в бытность стажерами.

– Но сейчас она в полиции не служит?

– Мэгс взяла отпуск после рождения Тома, а потом подросла наша младшая, и кому-то надо было ими заниматься, – объяснил Рэй. – Люси уже девять, Том пошел в среднюю школу, и Мэгс начала подумывать о работе. Хочет переквалифицироваться в учительницу.

– А почему она так долго не работала? – В голосе Кейт слышалось искреннее удивление. Рэю вспомнилось очень похожее недоверие Мэгс, когда они оба были молодыми оперативниками. Начальница Мэгс ушла в отпуск по уходу за ребенком, и Мэгс сказала Рэю, что не видит смысла делать карьеру, если все равно придется все бросать.

– Ну, она занималась домом, семьей, – ответил Рэй с невольным чувством вины. Мэгс изначально мечтала об этом, или так распорядилась жизнь? Няньку нанимать накладно, поэтому уход жены с работы казался очевидным и логичным выходом. Рэй точно знал, что Мэгс мечтала присутствовать на всяких там школьных соревнованиях и праздниках урожая. Но способности к разыскной работе у нее ничуть не хуже, чем у него, а даже и лучше, если быть честным.

– Короче, раз вы женаты на работе, приходится мириться с паршивыми условиями. – Кейт выключила настольную лампу, и они на секунду оказались в темноте. Рэй вышел в коридор, где сразу автоматически загорелся свет.

– Издержки профессии, – согласился Рэй. – А ты давно со своим парнем?

Они спустились во двор, где стояли их машины.

– Полгода, – ответила Кейт. – Для меня это рекорд – обычно я всех бросаю через несколько недель. Мама говорит, я придираюсь.

– А что в парнях не так?

– У каждого по-разному, – весело ответила девушка. – То чересчур умный, то тупой, то без чувства юмора, то законченный клоун.

– Тебе не угодишь, – усмехнулся Рэй.

Кейт сморщила нос:

– Но это же важно – найти своего человека! Месяц назад мне стукнуло тридцать, у меня уже мало времени...

На тридцать она не выглядела, но, с другой стороны, Рэй никогда не умел верно угадывать возраст. Глядя в зеркало, он до сих пор видел себя

таким, как двадцать лет назад, хотя морщинки рассказывали иную историю.

Рэй полез в карман за ключами.

– Ну, ты, главное, не спеши выскакивать замуж. Там не розами усыпано, я тебя уверяю.

– Спасибо за совет, папаша.

– Э, какой я тебе папаша!

Кейт засмеялась:

– Спасибо, что помогли с бумагами. Пока, до утра.

Рэй усмехнулся, выезжая из-за «Омеги» с надписью «Полиция». Папаша, как же! Вот нахалка...

Мэгс ждала в гостиной перед телевизором. В пижамных брюках и старой фуфайке она сидела на диване, подобрав под себя ноги, как ребенок. Диктор новостей коротко повторял информацию о роковом наезде для тех бристольтцев, которые умудрились пропустить ажиотаж недельной давности. Взглянув на Рэя, Мэгс покачала головой:

– Не могу перестать смотреть. Бедный ребенок...

Рэй присел рядом и взял пульт, чтобы убрать звук. Показывали старый репортаж с места происшествия, и Рэй увидел собственный затылок – они с Кейт шли к полицейской машине.

– Я знаю, – сказал он, обнимая жену за плечи, – но мы их найдем.

На экране появилось лицо Рэя крупным планом, когда он объяснял журналисту, что произошло. Интервьюер в кадр не попал.

– Считаешь, найдете? У вас есть какие-то ниточки?

– Нет, – вздохнул Рэй. – Никто не видел, как это произошло, а если и видели, молчат. Будем надеяться на криминалистов и оперативные данные.

– Может, водитель не понял, что натворил? – Мэгс выпрямилась и повернулась к мужу, нетерпеливо убрав прядь за ухо. Всю жизнь, сколько Рэй ее знал, она носила длинные прямые распущенные волосы, без челки – темные, как у Рэя, но, в отличие него, без седины. После рождения Люси Рэй попытался отпустить бородку, но через три дня побрился, когда стало ясно – лезет больше соли, чем перца. Теперь он ходил чисто выбритым и старался не обращать внимания на седые виски, которые, по словам Мэгс, придавали ему благородный вид.

– Это невозможно, – коротко ответил Рэй. – Мальчишку подбросило прямо на капот.

Мэгс не дрогнула. Волнение, которое Рэй застал по возвращении, сменилось сосредоточенностью, которую он отлично помнил по давней совместной работе.

– Кроме того, – продолжал он, – машина остановилась, сдала задним ходом и развернулась. Допустим, водитель не знал, что Джейкоб погиб, но он абсолютно точно видел, что сбил ребенка.

– У тебя больницами кто-нибудь занимается? – спросила Мэгс. – Возможно, при столкновении водитель тоже получил какие-то ушибы, и...

Рэй улыбнулся.

– Проверим, – пообещал он и встал: – Слушай, не пойми превратно, но я с утра на ногах и больше всего мечтаю выпить пива, поглядеть полчаса телевизор и завалиться спать.

– Разумеется, – сухо сказала Мэгс, – привычка – вторая натура.

– Задержим мы этого водителя! – Рэй поцеловал жену в лоб. – Рано или поздно они всегда попадают... – Он спохватился, что дал Мэгс обещание, которое не смог дать матери погибшего мальчика, потому что ничего не мог гарантировать. При ней он ограничился фразой «приложим все усилия». Оставалось надеяться, что усилий полиции окажется достаточно.

Он пошел в кухню за пивом. Мэгс расстроена из-за погибшего ребенка – пожалуй, зря он посвятил ее в детали происшествия. Ему и свои эмоции непросто держать в узде, а теперь и Мэгс места себе не находит. Надо взять себя в руки и не носить, так сказать, работу домой.

Рэй вернулся с пивом в гостиную и присел рядом с женой перед телевизором, переключив с новостей на одно из реалити-шоу, которые Мэгс любила.

Войдя в кабинет с горой папок, взятых из отдела корреспонденции, Рэй свалил ношу на свой и без того заваленный стол, отчего все посыпалось на пол.

– Блин, – сказал он, равнодушно глядя на беспорядок. Уборщица опустошила корзину для бумаг и сделала вялую попытку протереть стол, оставив, однако, пыльную кайму вокруг лотка для входящих документов. По обе стороны клавиатуры красовались чашки с остывшим кофе, а стикеры внизу на мониторе содержали телефонные сообщения разной степени важности. Рэй сорвал их и приклеил внутрь своего ежедневника, где уже имелся неоновый-розовый квадрат с требованием оценить работу своих подчиненных. Можно подумать, ему без этого делать нечего! Бюрократия, пропитывавшая теперь его работу, стала для Рэя настоящим испытанием воли. Он благоразумно не возмущался засильем канцелярщины – с недавних пор на горизонте замаячило долгожданное повышение, – но смириться не мог. Час, потраченный на обсуждение

личностного роста, Рэй считал потерянным временем, особенно когда на повестке дня стояло расследование гибели ребенка.

В ожидании, пока компьютер загрузится, Рэй откатнулся на стуле, балансируя на задних ножках, и перевел взгляд на снимок Джейкоба, приколотый к дальней стене. Привычка выставлять на видном месте фотографию центральной фигуры текущего расследования осталась у Рэя с первого года работы в полиции: его тогдашний начальник ворчливо напоминал, что схватить преступника за воротник, конечно, хорошо и приятно, но нельзя забывать, «ради чего мы возимся в этом дерьме». Раньше снимки стояли на рабочем столе, пока – уже несколько лет назад – к нему не зашла Мэгс. Рэй уже не помнил, что она привезла – не то забытую им папку, не то ланч. Он ощутил раздражение оттого, что ему помешали, когда Мэгс позвонила с ресепшена, желая его удивить, но недовольство сменилось раскаянием, когда Рэй понял, что ради него жена специально сделала крюк. По дороге в кабинет мужа Мэгс зашла поздороваться с прежним начальником, теперь уже суперинтендантом.

– Наверняка тебе здесь все непривычно, – предположил Рэй, пропуская Мэгс к себе.

Она засмеялась:

– Да я будто не уходила! Девушка может уйти из полиции, но вот полиция из девушки никуда не денется...

С видимым удовольствием она ходила по кабинету, легко касаясь пальцами рабочего стола.

– Кто эта женщина? – шутливо-грозно спросила она мужа, взяв фотографию, прислоненную к снимку в рамке, где были она и дети.

– Жертва, – отозвался Рэй, мягко отбирая фото у Мэгс и снова ставя на стол. – Семнадцать ножевых ранений от бойфренда за то, что она поздно поставила чайник.

Если Мэгс и осталась шокирована, вида она не подала.

– А почему не в папке?

– Я предпочитаю ставить их на видное место, – объяснил Рэй. – Чтобы не забывать, чем я занимаюсь, ради чего работаю круглыми сутками...

Мэгс кивнула. Иногда Рэя поражало, насколько глубоко жена его понимает.

– Но только не рядом с нашим снимком, будь любезен. – Она снова взяла фотографию и огляделась. Ее внимание привлекла пробковая доска, висевшая без дела на дальней стене. Взяв булавку из банки на столе, Мэгс приколотла снимок улыбающейся погибшей в самый центр доски.

Там фотография и осталась.

Бойфренд той женщины давно отбывает срок за убийство, а снимки на пробковой доске меняются по мере открытия дел: старик, забитый до смерти несовершеннолетними грабителями, четыре женщины, изнасилованные таксистом, а теперь сияющий Джейкоб в новенькой школьной форме. И все они зависели от Рэя. Готовясь к утреннему совещанию, он просмотрел записи в своем ежедневнике, сделанные накануне. М-да, с такой информацией начинать расследование... Загрузившийся компьютер наконец пискнул, и Рэй внутренне встряхнулся. Пусть ниточек у них почти нет, но работать надо.

Около десяти часов Стампи со своей командой двинулся в кабинет Рэя, где сразу стало очень тесно. Сержант и Дейв Хиллсдон уселись на низких стульях у журнального стола, а остальные столпились у дверей или прислонились к стене. Третий стул остался незанятым из молчаливой дани рыцарству, и Рэй, пряча усмешку, отметил, что Кейт осталась стоять рядом с Малколмом Джонсоном. Отдел временно усилили двумя полицейскими из патрульных, которым было непривычно и неловко в одолженных костюмах, и Филом Крокером, экспертом из отдела расследований дорожных происшествий.

– Всем доброе утро, – начал Рэй, – я вас надолго не задержу. Позвольте представить вам Брайана Уолтона из первой бригады и Пэта Брайса из третьей. Мы рады, что вы с нами, ребята, работы прорва, подключайтесь. – Брайан и Пэт кивнули. – Ладно, цель сегодняшнего совещания – еще раз повторить, что мы знаем о наезде в Фишпондс, и напомнить наши дальнейшие действия. Как вы сами понимаете, начальство наедает насчет раскрытия этого дела хуже чесотки... – Рэй заглянул в ежедневник, хотя и помнил записи наизусть: – В шестнадцать двадцать восемь двадцать шестого ноября девяносто девятого года, понедельник, операторы приняли звонок от женщины, проживающей на Энфилд-авеню. Свидетельница слышала на улице громкий удар и крик. Когда она выбежала из дому, все уже было кончено: над лежавшим на дороге Джейкобом склонилась безутешная мать. «Скорая» приехала через шесть минут, медикам оставалось только констатировать смерть на месте происшествия.

Рэй помолчал, давая присутствующим проникнуться серьезностью дела. Он взглянул на Кейт, но та стояла с бесстрастным видом, и Рэй не знал, радоваться или огорчаться тому, что она так быстро учится сдержанности. Посторонний, окажись он сейчас в кабинете, мог бы предположить, что полиции и дела нет до смерти маленького мальчика, но Рэй знал – случившееся потрясло все управление. Он продолжал:

– Месяц назад Джейкобу Джордану исполнилось пять лет, незадолго до этого он начал учиться в школе Сент-Мэри на Бекет-стрит. В день аварии Джейкоб был в группе продленного дня, где работает его мать. Согласно ее показаниям, они возвращались домой и разговаривали. Она на секунду выпустила руку Джейкоба, и мальчик кинулся бежать через дорогу к дому. Из того, что она сказала, можно сделать вывод, что Джейкоб уже делал так раньше – он еще не научился переходить через улицу по правилам, и мать всегда вела его за руку... – Кроме того раза, прибавил Рэй про себя. Отвлеклась буквально на секунду, чуть-чуть ослабила бдительность – и теперь будет казниться до конца дней. Рэй невольно содрогнулся.

– Она успела разглядеть машину? – спросил Брайан Уолтон.

– Практически нет. По ее словам, автомобиль не только не тормозил, а наоборот, набрал скорость перед тем, как сбить Джейкоба, и едва не зацепил ее саму. Кстати, она действительно не устояла на ногах, упала и получила ушибы. Снимавшие показания полицейские обратили внимание на ее травмы, но от медицинской помощи женщина отказалась. Фил, можешь рассказать нам, что удалось собрать на месте происшествия?

Единственный в форме из собравшихся в кабинете, Фил Крокер работал в отделе расследований ДТП и со своим многолетним опытом был у Рэя незаменимым специалистом по любым происшествиям на проезжей части.

– Да почти ничего, – пожал плечами Фил. – В дождь тормозной след не остается, так что я не смогу назвать вам примерную скорость или сказать, старался водитель избежать столкновения или нет. Нам достался обломок пластикового экрана фары, найденный метрах в двадцати от места наезда; эксперт подтвердил, что это от противотуманки «Вольво».

– Ну, хоть что-то, – отозвался Рэй.

– Подробное описание я передал Стампи, – продолжал Фил. – Кроме этого, боюсь, у нас пусто.

– Спасибо, Фил. – Рэй снова углубился в свои записи: – В заключении патологоанатома сказано, что мальчик скончался от тупой травмы, следствием которой стали множественные переломы и разрыв селезенки.

Рэй лично присутствовал на вскрытии – не столько потому, что хотел лично проследить за расследованием на всех этапах, сколько потому, что не хотел оставлять Джейкоба одного в холодной мертвецкой. Он смотрел и не видел, избегая глядеть в лицо мертвого ребенка и сосредоточившись на информации, которую главный патологоанатом выдавал отрывистыми фразами. Они оба вздохнули с облегчением, когда вскрытие было

закончено.

– Судя по направлению удара, наезд совершен небольшим автомобилем, минивэны и внедорожники можно исключить. Патологоанатом извлек из тела Джейкоба фрагменты стекла, но, насколько я понял, их невозможно отнести к определенной марке машины – так, Фил, или нет? – Рэй взглянул на эксперта.

– Автомобильное стекло вещь стандартная, – кивнул Фил. – Если бы у нас был преступник, в его одежде нашлись бы мелкие частицы этого стекла – от них почти невозможно избавиться. Однако на месте наезда осколков нет, значит, лобовое стекло от удара треснуло, но не разлетелось. Найдите мне машину, и мы сравним ее стекла с фрагментами, найденными на жертве, но вот без машины...

– Ну, зато понятно, автомобиль с какими повреждениями мы ищем. – Рэй попытался найти хоть что-то положительное в коротеньком заключении экспертов. – Стампи, расскажи, что уже сделано на сегодняшний день?

Сержант поглядел на стену, где ход расследования был отражен целой серией схем, таблиц и флипчартов, каждая со списком необходимых действий.

– Поквартирный обход произведен в ночь аварии и на следующий день разными сменами. Несколько жителей слышали, по их выражению, «громкий удар» и крик, но саму машину никто не видел. Патрульные на подъезде к школе говорят с родителями, которые привозят детей, жителям Энфилд-авеню разосланы письма с просьбой свидетелям, если таковые отыщутся, связаться с нами. На обочинах выставлены плакаты – Кейт разбирается со звонками, которые поступают от прочитавших.

– Что-нибудь полезное есть?

Стампи покачал головой:

– Дело дрянь, босс.

Рэй игнорировал его пессимизм.

– Когда выйдет выпуск «Крайм уотч»?

– Завтра вечером. Мы подготовили реконструкцию, а они с помощью компьютерной графики покажут, как может выглядеть машина; комментарий писали мы совместно с их ведущим.

– Мне нужно, чтобы завтра кто-то задержался и принимал звонки после эфира, – сказал Рэй. – Остальное в темпе вальса. – Возникла пауза. Рэй выжидательно оглядел подчиненных: – Кто готов?

– Я могу, – приподняла руку Кейт, заслужив признательный взгляд начальника.

– А что насчет разбитой противотуманки? – вспомнил он.

– В «Вольво» нам назвали артикул детали, у нас уже есть список гаражей, куда такую запчасть отправляли за последние десять дней. Я дал задание Малколму обзвонить все мастерские, начиная с местных, и узнать номера автомобилей, которым делали «жестянку» начиная с того дня.

– Ладно, давайте будем учитывать гипотетическую «Вольво», но это всего лишь одна улика, нет никакой уверенности, что виновник скрылся именно на «Вольво». Кто занимается записями уличных видеокамер?

– Мы, босс, – поднял руку Брайан Уолтон. – Изъяли все видеозаписи с муниципальных камер видеонаблюдения, плюс на офисах и на заправках. Отбирали материал за полчаса до наезда и полчаса после, но все равно получается несколько сотен часов, которые надо отсматривать...

Рэй содрогнулся, представив сумму сверхурочных и трещащий по швам бюджет отдела.

– Дайте мне список видеокамер, – велел он. – Нечего обнимать необъятное, продумайте, что смотреть в первую очередь, а что в последнюю.

Брайан кивнул.

– Ну вот, уже есть с чем работать. – Рэй уверенно улыбнулся, скрывая свои опасения. Прошло уже две недели с «золотого часа» после аварии, когда шансы на поимку виновника наиболее высоки, однако его люди, работая на пределе сил, не добились ни малейшего прогресса. Он помолчал, прежде чем сообщить плохую новость: – Думаю, я никого из вас не удивлю, что все отпуска отменены вплоть до особого распоряжения. Со своей стороны обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы на Рождество вы успели немного побыть в кругу семьи.

С недовольным ропотом все потянулись из кабинета, но никто не жаловался, в чем Рэй и не сомневался. Хоть на брифинге этого не прозвучало, все наверняка подумали: каким станет Рождество для матери Джейкоба Джордана?

Глава 4

Моя решимость ослабевает почти сразу же, как Бристоль остается позади. Я не задумывалась, куда поеду, и наугад выбрала западное направление, вспомнив о Девоне и Корнуолле. Я с грустью думаю о детстве и каникулах, песчаных замках, которые мы строили с Евой, липкие от мороженого на палочке и крема от загара. Воспоминания тянут меня к морю, отвратив от обсаженных деревьями авеню Бристоля и его автомобилей. Я буквально обмираю от страха при виде машин, которым непременно надо обогнать автобус на остановке. Я бесцельно кружила некоторое время по автовокзалу и наконец протянула десять фунтов продавцу в киоске возле «грейхаундов», которого не более заботило, куда я уезжаю, чем меня саму.

Мы переезжаем Севернский мост, и я смотрю вниз на бурлящую зеленовато-серую воду Бристольского залива. Междугородний автобус тих и анонимен, здесь никто не читает «Бристоль пост», никто не говорит о Джейкобе. Я обмякла в кресле; я измучена, но не осмеливаюсь закрыть глаза. Когда я сплю, меня преследуют картины и звуки аварии и сознание, что если бы я оказалась у того перехода на несколько минут раньше, ничего бы не случилось.

«Грейхаунд» направляется в Суонси. Я украдкой разглядываю попутчиков. В основном едут студенты, заткнувшие уши наушниками и погруженные в чтение журналов. Женщина моего возраста просматривает газеты, делая аккуратные пометки на полях. Жить в Бристолье и ни разу не побывать в Уэльсе, конечно, просто несуразно, но теперь я рада, что у меня там нет никаких связей. Прекрасное место для того, чтобы начать все заново.

Я выхожу последней и дожидаясь, пока автобус отъедет от остановки. Адреналиновая решимость уехать превратилась в туманное воспоминание; теперь, когда я забралась аж в Суонси, я понятия не имею, что делать дальше. На тротуаре сутуло сидит человек; он поднимает глаза и бормочет нечто невразумительное. Я пячусь. Не могу здесь оставаться и не знаю, куда идти, поэтому просто шагаю вперед. Я играю сама с собой: поверну налево, неважно куда; затем направо; а на первом перекрестке пойду прямо. Я не смотрю на названия улиц, просто на каждом пересечении выбираю самую узкую, непроезжую и малолюдную. Я чувствую себя словно в бреду, на грани истерики: что я делаю? Куда иду? Может, вот так и сходят с ума?

И вдруг наступает осознание – мне все равно. Это уже неважно.

Я прохожу много миль – Суонси остается далеко позади – и буквально вжимаюсь в живую изгородь, когда мимо проезжают машины, становясь все более редкими к ночи. Дорожную сумку я несу как рюкзак, лямки продавили на плечах глубокие борозды, но я иду, не сбавляя темпа. Слыша только свое дыхание, я постепенно успокаиваюсь. Я не позволяю себе думать о случившемся или о том, куда я иду, а просто шагаю. Вынимаю телефон из кармана и, не взглянув, сколько там пропущенных звонков, бросаю его в кювет с собравшейся водой. Это последнее, что соединяло меня с моим прошлым; почти сразу на душе становится легче.

Натруженные ноги болят, и я понимаю, что если остановлюсь и прилягу на обочине, то уже не поднимусь. Я начинаю идти медленнее, и тут слышу машину сзади. Я отступаю на травянистую обочину и отворачиваюсь от дороги, пропуская автомобиль, но вместо того чтобы скрыться за поворотом, он останавливается метрах в пяти впереди. До меня доносится слабое шипение тормозов и запах выхлопных газов. Я разворачиваюсь и стремглав бросаюсь бежать, не разбирая дороги. Сумка колотит по спине. Я бегу неуклюже, свежие мозоли трутся о ботинки, струйки пота стекают по груди и спине. Автомобиля больше не слышно, и когда я оглядываюсь – при этом меня шатнуло так, что я чуть не упала, – машины не видно.

Я глупо стою посреди пустого шоссе. Я так устала и проголодалась, что не могу мыслить связно. Я уже не уверена, была машина или же я мысленно перенесла на эту заброшенную дорогу визг резины на мокром асфальте, который стоит у меня в ушах.

Сгущаются сумерки. Я уже на побережье: я ощущаю соль на губах и слышу, как волны разбиваются о берег. На указателе написано «Пенфач»; вокруг так тихо, что, идя по деревне и поглядывая на опущенные шторы, лишний заслон от зимней стужи, я чувствую себя непрошеной гостьей. Лунный свет плоский и белый, в нем все кажется двухмерным. Моя тень впереди все удлиняется, пока я не начинаю казаться непомерно высокой. Я дохожу до самой бухты, где скалы обступили полосу песка, словно защищая ее, и спускаюсь по петливой тропинке. Но тени обманчивы, лунный свет неверен, и я поскользывается на сланце, испугавшись ощущения пустоты под ногой. Я вскрикиваю, теряю равновесие из-за непривычной тяжести моего импровизированного рюкзака, падаю и скатываюсь до самого пляжа. Подо мной хрустит влажный песок. Я осторожно вдыхаю, прислушиваясь, где проснется боль, но боли нет, я ничего не повредила. У меня мелькает мысль – может, я стала

невосприимчивой к боли? Может, человеческий организм не приспособлен выдерживать двойную – физическую и эмоциональную – муку? Рука еще саднит, но как-то отстраненно, будто чужая.

Меня охватывает острое желание что-нибудь почувствовать – что угодно. Я скидываю обувь, несмотря на холод, и чувствую подошвами песок. Небо чернильно-черное, полная луна тяжело нависает над морем, и ее двойник отражается в волнах мерцающими дольками. Я не дома. Это самое важное. Здесь ничто не напоминает дом. Плотнее завернувшись в куртку, я сажусь на сумку, спиной к твердой скале, и жду.

Когда наступает рассвет, я понимаю, что, должно быть, заснула: мое оцепенение было нарушено шумом волн, надвигавшихся на берег. С трудом вытянув ноющие, замерзшие ноги, я встаю поглядеть на ярко-оранжевое сияние, разливающееся над горизонтом. Выглядывает солнце, но в нем нет тепла; меня сотрясает дрожь. Да, план бегства оказался совсем непродуманным.

Узкую тропинку легче одолеть при свете, и теперь я вижу, что местность не безлюдна: всего в полумиле стоит одноэтажное здание, приземистое и утилитарное, а за ним аккуратные ряды домиков-трейлеров. Начинать новую жизнь здесь ничуть не хуже, чем в любом другом месте.

– Доброе утро, – говорю я. Голос звучит неожиданно тонко в относительно тепле маленького магазина. – Я ищу, где можно остановиться пожить.

– В отпуск приехали? – Полная грудь женщины покоится на журнале «Отдохни». – Сезон-то вроде не отпускной. – Улыбка убирает колкость из ее слов, и я стараюсь улыбнуться в ответ, но не получается.

– Я надеюсь сюда переехать, – удается мне выговорить. Представляю, как я, должно быть, выгляжу: неумытая и нечесаная. Зубы у меня стучат, тело бьет неподконтрольная дрожь: я совсем продрогла.

– А, тогда понятно, – весело говорит женщина, кажется, ничуть не смущенная моим видом. – Значит, подыскиваете что снять? Но мы-то закрыты до конца зимы, до марта только магазин работает, так что вам нужен Йестин Джонс со своим коттеджем. Я ему позвоню. Звонить, или сперва чаю выпьете? Снаружи-то холодно, и вид у вас замерзший.

Она подводит меня к табурету за прилавком и скрывается в соседней комнате, не прекращая бойкий разговор, перекрывая шум закипающего чайника.

– Я Бетан Морган, – рассказывает она, – это мой магазин и трейлерный парк. А Глинн, мой муж, занимается фермой. – Она высунулась в дверь и

улыбнулась: – Вернее, бьется с ней, ведь фермерствовать сейчас стало ох как нелегко... Стоп, я же хотела Йестину позвонить!

Не дожидаясь ответа, Бетан снова скрывается из виду, пока я мнусь, придумывая ответы на неизбежные вопросы. Внутри меня точно растет воздушный шарик, становясь все больше и жестче.

Но Бетан, вернувшись, ни о чем не спрашивает: ни когда я приехала, ни отчего выбрала Пенфач, ни даже откуда я. Она подает мне щербатую чашку сладкого чая и втискивается на соседний стул. На Бетан столько разной одежды, что разглядеть или даже угадать ее фигуру невозможно, однако подлокотники кресла неудобно врезаются ей в бока. Про себя я предполагаю, что ей за сорок, однако гладкое круглое лицо делает ее моложе. Ее длинные темные волосы стянуты в хвост. Шнурованные ботинки под длинной черной юбкой, несколько футболок, а сверху – вязанный кардиган длиной до щиколоток, края которого задевают сейчас пыльный пол. Сгоревшая ароматическая палочка оставила на подоконнике полоску пепла, и в воздухе витает стойкий пряный запах. К старомодной касе на прилавке привязана мишура.

– Йестин едет, скоро будет, – сообщает Бетан, выставляя на прилавок третью кружку с чаем. Значит, Йестин, кто бы он ни был, появится через несколько минут.

– А кто этот Йестин? – спрашиваю я, соображая, не совершила ли ошибку, приехав в деревню, где все друг друга знают. Надо было ехать в крупный город, там сплошная анонимность.

– У него ферма на другом конце Пенфача, – отзывается Бетан. – А здесь он пасет своих коз – на склонах и на берегу. Если поселитесь в коттедже, будем соседками, но у него, сразу скажу, не дворец, – смеется она. Я невольно улыбаюсь. Прямота Бетан напоминает мне Еву, хотя, подозреваю, моя стройная модница-сестрица пришла бы в ужас от такого сравнения.

– Мне много и не надо, – отвечаю я.

– Йестин молчун. Если поговорить, то это не к нему, – предупреждает Бетан, словно я могу из-за этого огорчиться. – Но человек хороший. Овец своих держит рядом с нашими. – Она неопределенно машет в противоположную от моря сторону. – Как и всем в Пенфаче, ему не помешает лишняя тетива на луке... Как это теперь называется, диверсификация? – Бетан презрительно фыркает. – Йестин сдает дачный домик в Пенфаче и коттедж Блэйн Сэди на отшибе.

– Считаете, именно в коттедже мне захочется поселиться?

– Если поселитесь, будете первая за долгое время.

От мужского голоса я вздрагиваю и оборачиваюсь. На пороге стоит худощавый человек.

– Все не так плохо! – вмешивается Бетан. – Пей вот чай, а потом отвези леди поглядеть коттедж.

Лицо у Йестина такое загорелое и морщинистое, что глаза совершенно исчезают в складках. Одежды не разглядеть под запыленным синим рабочим комбинезоном с длинными полосами от грязных пальцев, вытертых о бедра. Он прихлебывает чай через желтые от табака усы и оценивающе разглядывает меня.

– Для большинства Блэйн Сэди слишком далеко от дороги, – говорит он с сильным акцентом, искажающим слова. – Не хотят сумки таскать.

– А можно взглянуть? – Я встаю, вдруг очень захотев, чтобы этот всеми отвергнутый, заброшенный коттедж стал тем решением, которое я ищу. Йестин продолжает пить чай, прополаскивая зубы каждым глотком, прежде чем проглотить. Наконец, удовлетворенно выдохнув, он выходит из магазина. Я гляжу на Бетан.

– Что я говорила? Молчун, – смеется та. – Идите, он ждать не будет.

– Спасибо за чай.

– На здоровье. Приходите в гости, когда устроитесь.

Я машинально обещаю, хотя и знаю, что не сдержу слова, и спешу на улицу. Йестин уже сидит, широко расставив ноги, на квадроцикле, облепленном коркой грязи.

Я отступаю. Не ждет же он, что я усядусь сзади? На квадроцикл с человеком, которого знаю меньше пяти минут?

– Это единственный способ передвигаться по округе, – кричит Йестин, перекрывая шум мотора.

Голова у меня идет кругом. Я пытаюсь уравновесить практическую необходимость посмотреть сдаваемый в аренду коттедж и страх, от которого ноги приросли к земле.

– Ну, садитесь уже, если едете!

Я заставляю себя сдвинуться с места и с опаской усаживаюсь на сиденье квадроцикла. Поручней никаких нет, держаться за Йестина я не собираюсь, поэтому вцепляюсь в сиденье, когда он дает газу, и квадроцикл стрелой летит по неровной прибрежной дорожке. Справа внизу тянется бухта – прилив достиг своего пика, волны разбиваются о скалы, но когда мы доезжаем до тропинки, спускающейся к пляжу, Йестин отворачивает от моря. Он что-то кричит через плечо и призывает меня глядеть в другую сторону. Квадроцикл подскакивает на неровной земле, а я выискиваю глазами то, что, как надеюсь, станет моим новым домом.

Блэйн Сэди, который Бетан отрекомендовала коттеджем, выглядит едва ли не пастушьей хижинкой. Когда-то беленые стены давно проиграли борьбу с непогодой, превратившись в грязно-серые. Деревянная дверь кажется непропорционально огромной по сравнению с крошечными окошками, глядящими из-под карнизов. Слуховое окно свидетельствует о наличии второго этажа, для которого, по-моему, просто нет места. Мне сразу становится ясно, отчего Йестин никак не мог сдать это жилье даже в разгар сезона: самые креативные риелторы не смогли бы скрыть сырость, поднимающуюся от земли по наружным стенам, или недостающую черепицу на крыше.

Пока Йестин сражается с замком, я стою спиной к коттеджу, оглядывая побережье. Я думала, что отсюда будет виден трейлерный парк, но тропа спускается сюда от берега, и коттедж стоит в небольшом естественном углублении. Бухты тоже не видно, хотя я слышу, как море яростно бьется о скалы, – три стука сердца до очередной волны. В небе кружат чайки, и их пронзительные крики напоминают мяуканье котят. Я невольно вздрагиваю, очень захотев оказаться под крышей.

Комната первого этажа едва двенадцати футов длиной. Грубо сколоченный деревянный стол, отделяющий гостиную от вытянувшейся вдоль стены кухоньки, приходится как раз под огромной дубовой балкой.

Наверху спальня и тесная уборная с сидячей ванной. В пятнистом от старости, потрескавшемся зеркале я вижу свое искаженное отражение. Моя бледная кожа, какая часто бывает у рыжих, в тусклом освещении выглядит почти прозрачной, мертвенно-белой, особенно по контрасту с медно-красными волосами, падающими на плечи. Я поспешно спускаюсь на первый этаж. Йестин складывает дрова у очага. Закончив, он переходит на другой конец комнаты и останавливается у плиты.

– Она малость с характером, это как водится, – признает он, открывая духовку с грохотом, от которого я подскакиваю.

– Можно мне снять этот коттедж? – прошу я. – Пожалуйста?

В моем голосе звучит отчаяние. Представляю, что Йестин обо мне думает.

Он глядит на меня с подозрением:

– Вам есть чем платить-то?

– Да, – твердо отвечаю я, хотя не представляю, насколько хватит моих накоплений и куда я пойду, когда деньги закончатся.

Йестина мой ответ не убеждает.

– А кем вы работаете?

Я думаю о моей студии с ковром из глиняных черепков. Рука болит

уже меньше, но пальцы так плохо слушаются, что я, пожалуй, не смогу ваять. Если я больше не скульптор, кто же я тогда?

– Я художница, – отвечаю я наконец.

Йестин хмыкает, будто это все объясняет.

Мы договариваемся о цене, которая, хоть и крошечная, вскоре истощит мои скромные сбережения. Но на несколько месяцев этот тесный каменный домик мой, и я вздыхаю с облегчением оттого, что мне есть где жить.

Йестин пишет номер своего мобильного на обороте квитанции, вытащенной из кармана.

– Плату можете относить к Бетан, если хотите. – Кивнув мне, он шагает к своему квадроциклу, который заводится с жутким ревом.

Проводив Йестина взглядом, я запираю дверь, протаскивая по ушкам упрямый засов. Хотя день солнечный, я бегу наверх закрыть шторы в спальне и захлопнуть приоткрытое окошко в ванной. На первом этаже портьеры застревают на металлическом карнизе, будто отвыкли двигаться, и я дергаю сильнее, отчего в воздух поднимаются клубы пыли. Стекла дрожат от ветра, и шторы почти не защищают от ледяного холода, сочащегося через плохо подогнанные рамы.

Я сижу на диване, слушая звук своего дыхания. Шум волн сюда не долетает, но жалобные крики одинокой чайки похожи на плач ребенка, и я зажимаю уши руками.

Меня одолевает усталость, и я сворачиваюсь в комок, обхватив колени и уткнувшись лицом в грубую ткань джинсов. Я чувствую, как изнутри нарастает давление, но шквал эмоций обрушивается на меня с неожиданной силой, лишив на время дыхания. Горе кажется почти физической мукой, и непонятно, почему я еще жива, отчего сердце, разорванное на части, продолжает биться. Я стараюсь воскресить в памяти его образ, но стоит мне закрыть глаза, как я вижу безжизненное тельце у себя на руках. Я его отпустила. В жизни себе не прощу.

Глава 5

– Шеф, есть время потолковать насчет фишпондского наезда? – спросил Стампи, сунув голову в дверь. За его спиной маячила Кейт.

Рэй поднял голову. За три месяца расследование постепенно отошло на второй план, уступив место другим, более срочным делам. Пару раз в неделю на совещаниях Рэй все равно проходил по списку мероприятий, но звонки давно перестали поступать, и новой информации не было уже несколько недель.

– Конечно.

– Мы не можем отыскать мать Джейкоба, – едва усевшись, сказал Стампи.

– То есть?

– Буквально. Мобильный выключен, в доме пусто. Будто испарилась женщина.

Рэй перевел взгляд на Кейт, сидевшую с неловким видом.

– Скажи мне, что это шутка!

– Если шутка, то непонятно, когда смеяться, – отозвалась та.

– Она же наша единственная свидетельница! – взорвался Рэй. – Не говоря уже о том, что она мать жертвы! Как, блин, вы умудрились ее потерять?

Кейт покраснела, и Рэй заговорил спокойнее:

– Расскажите, что конкретно произошло.

Кейт поглядела на Стампи. Тот кивнул.

– После пресс-конференции она была нам особо не нужна, – начала Кейт. – Показания ее сняли, допросить допросили, ну и оставили ее на попечение отдела по связям с семьей...

– Кого именно к ней прикрепили? – спросил Рэй.

– Констебля Диану Хит, – после паузы ответила Кейт. – Из дорожной полиции.

Рэй записал имя в свой синий ежедневник и выжидательно поднял глаза.

– На днях Дайана заходила проверить, как там мать Джейкоба, но та куда-то смылась.

– Соседи что сказали?

– Она с соседями мало общалась, и где ее искать, через них не передавала. Как она уехала, тоже никто не видел. Будто в воздухе

растворилась.

Кейт снова взглянула на Стампи. Рэй прищурился.

– Что-то недоговариваете?

Стампи, помявшись, ответил:

– На местном интернет-форуме имела место жесткая негативная реакция – кто-то взбаламутил чат, назвав ее плохой матерью.

– Травлю пытались начать, что ли?

– Ну, примерно. Контент сразу удалили, но я попросил айтишников найти и восстановить кэшированные файлы... Но это не все, босс. Судя по всему, полицейские, допрашивая ее сразу после аварии, перегнули палку. Типа, проявили черствость. Возможно, мать Джейкоба решила, что мы считаем ее ответственной за смерть мальчишки и не станем париться и искать водителя.

– Господи, – простонал Рэй, подумав, что начнется, если это дойдет до начальницы. – Мать жертвы хоть раз высказывала свое недовольство работой полиции?

– Это первое, что нам передала Диана, – отозвался Стампи.

– Свяжитесь со школой, – велел Рэй. – Кто-то наверняка поддерживает с ней контакт. Опросите клиники общей практики – их в районе не больше двух-трех, с ребенком она наверняка вставала на учет, – может, они переслали ее медкарту по новому адресу!

– Будет сделано, босс.

– И боже упаси проговориться «Пост», что мы ее потеряли, – криво улыбнулся Рэй. – Иначе Сьюзи Френч не устанет прохаживаться на наш счет.

Стампи и Кейт сидели с мрачными лицами.

– Кроме потери главной свидетельницы, есть еще что-нибудь существенное?

– С запросами в соседние округа тоже тупик, – ответила Кейт. – Пара угнанных машин засветились на нашей территории, но и только. Я проверила все автомобили, на которые срабатывали дорожные камеры, и побывала во всех автосервисах Бристоля – никто ничего подозрительного не вспомнил. По крайней мере, мне не признались.

– Что у Брайана и Пэта по записям с уличных камер?

– У них уже глаза квадратные, – хмыкнул Стампи. – Проверили полицейские камеры и городские, теперь смотрят записи с заправок. Вроде выделили одну и ту же машину, попавшую на три разные камеры, – выехала с Энфилд-авеню через несколько минут после наезда. Автомобиль предпринял две рискованные попытки обгона, затем скрылся за пределами

зоны охвата камер и больше не появлялся. Ребята стараются разглядеть, что это за машина, хотя пока ее ничто не связывает с происшествием...

– Отлично, спасибо за новости. – Рэй поглядел на часы, скрывая разочарование: расследование сильно буксовало. – Вы пока двигайте в паб, а я позвоню суперинтенданту и приду через полчаса.

– Вот это дело, – повеселел Стампи, которого никогда не приходилось уговаривать пропустить пинту-другую. – Кейт, идешь?

– Почему бы и нет, – отозвалась она. – Если вы платите...

В «Голову кобры» Рэй добрался только через час – Кейт и Стампи уже взяли себе по второй. Рэй завидовал их способности переключаться: беседа с суперинтендантом оставила неприятный холодок под ложечкой. Вышестоящий офицер разговаривал довольно вежливо, но на его лице было написано предельно ясно: дело о наезде надо закрывать. В пабе оказалось тепло и тихо, и Рэю очень захотелось научиться отодвигать работу в сторону и говорить о футболе, погоде – о чем угодно, лишь бы не о пятилетнем погибшем и неуловимой машине.

– Очень, очень ждал вашего прихода, – пробурчал Стампи.

– Бумажник, что ли, дома забыл? – И Рэй подмигнул Кейт: – Чудеса не заканчиваются. – Он заказал себе пинту горького пива и вернулся, бросив на стол три пакета чипсов.

– Что вам сказал суперинтендант? – спросила Кейт.

Рэй не мог пропустить вопрос мимо ушей и лгать тоже не хотел, поэтому отпил пива, выигрывая время. Кейт смотрела на него с надеждой: девушке явно хотелось услышать, что им выделяют дополнительные ресурсы или увеличат бюджет. Жаль ее разочаровывать, но деваться некуда.

– Признаться, ничего приятного. У нас забирают Брайана и Пэта.

– Что?! Почему? – Кейт резко поставила бокал, едва не выплеснув пиво.

– Нам и так повезло, что они взяли на себя просмотр видеозаписей, – ответил Рэй. – Но в транспортном отделе не могут до бесконечности ставить им замену. Горькая правда в том, что нам нечем оправдать расходы. Мне очень жаль, – добавил он, будто сам принял такое решение, но Кейт все равно еле сдерживала возмущение.

– Нельзя же вот так все бросить! – Взяв подставку для пива, она принялась крошить ее с краю.

Рэй вздохнул. Трудно найти какой-то разумный баланс между ограниченным бюджетом полицейского управления и ценой жизни ребенка. В какую сумму прикажете ее оценить?

– Мы и не бросаем, – возразил он. – Ты ведь ищешь ту противотуманку, верно?

Кейт кивнула:

– За неделю после трагедии такие фары меняли у семидесяти трех машин. Все страховые случаи оказались чистыми, сейчас ищу среди зарегистрированных владельцев, кто оплатил ремонт частным порядком.

– Видишь? Кто знает, что удастся накопать! Мы лишь немного сбавим обороты. – Рэй тщетно поглядывал на Стампи в поисках поддержки.

– Начальство интересуют только быстрые результаты, Кейт, – буркнул сержант. – Если за пару недель, а еще лучше за два дня дело не раскрыто, его вычеркивают из списка первоочередных и вписывают другие.

– Да все понятно, – согласилась Кейт, – но от этого не легче. – Она сгребла крошки от подставки в кучку посередине стола. Рэй заметил, что ногти у девушки не покрашены и нещадно, до мяса, обкусаны. – У меня ощущение, что недостающий кусочек головоломки совсем рядом, а мы смотрим и не видим!

– Может, ты и права, – сказал Рэй, – но пока над этим делом придется работать в свободное время. Медовый месяц закончился.

– Я собиралась отправить запрос в Королевскую больницу, – поделилась Кейт. – Возможно, водитель получил какие-то травмы при столкновении – от того же ремня безопасности, например. После аварии мы посылали патрульную машину в отделение «Скорой», но вдруг водитель не сразу обратился за помощью?

– Хорошая мысль, – одобрил Рэй. От слов Кейт у него шевельнулись какие-то смутные соображения, но мысль ушла, так и не оформившись. – Не забудь про Саутмид и Френчей... – Мобильный, лежавший на столе экраном вниз, завибрировал. – Черт! – не удержался Рэй, прочитав сообщение.

Кейт поглядела на него с удивлением, Стампи – с усмешкой:

– Что на этот раз забыл?

Рэй поморщился, но объяснять не стал. Залпом допив пиво, он вынул десятку и подал Стампи:

– Возьмите себе еще по одной, а я поехал.

В кухне Мэгс ставила тарелки в посудомойку, гремя ими так, что Рэй вздрогнул. Волосы жены были заплетены в небрежную косу, и щеголяла она сегодня в старых спортивных брюках и ношенной футболке Рэя. Он невольно задался вопросом, давно ли Мэгс махнула на себя рукой, но сразу возненавидел себя за эту мысль. Не ему выступать по этому поводу.

– Прости меня, пожалуйста, – начал он. – Я совершенно забыл.

Мэгс открыла бутылку красного вина. Она выставила только один бокал, но Рэй счел неразумным это подчеркивать.

– Я очень редко прошу тебя где-то быть в определенное время, – сказала она. – Конечно, иногда работа важнее, но встреча была запланирована две недели назад. Две! И ты обещал, Рэй!

Голос ее задрожал, и Рэй нерешительно обнял жену за плечи.

– Мэгс, ну, извини меня. Что, все было так плохо?

– Нормально. – Дернув плечом, Мэгс сбросила руку Рэя и села за кухонный стол, сделав большой глоток вина. – Ничего плохого не сказали, за исключением того, что Том осваивается в школе не так хорошо, как другие дети, и педагоги за него волнуются.

– И какие же меры предприняли эти педагоги? – Рэй вынул бокал из шкафчика, налил себе и подсел к Мэгс. – Наверное, поговорили с учеником?

– Том, разумеется, ответил, что все в порядке, – пожала плечами жена. – Миссис Хиксон всячески старается его мотивировать, добиться от него активности на уроках, но он молчит как рыба. Она спросила меня, может, он у нас просто робкий или тихоня?

– Тихоня? Том? – фыркнул Рэй.

– Вот именно. – Мэгс поглядела на Рэя. – Ты бы мне там очень пригодился.

– Совсем из головы вон. Прости, Мэгс, очень загруженный день, а потом я зашел в бар.

– Со Стампи?

Рэй кивнул. Мэгс обожала Стампи, крестного Тома, и относилась к их с Реем заходам в паб с терпением жены, понимающей потребность мужа в чисто мужской компании. О Кейт Рэй не упомянул, сам не зная почему.

Мэгс вздохнула:

– И что нам делать?

– Все будет нормально. Мэгс, это новая школа, детям всегда трудно переходить в среднюю из начальной. Том долгое время был большой рыбой в маленьком пруду, а теперь приходится плавать с акулами. Я с ним поговорю.

– Только нотаций ему не читай...

– Я вообще не читаю нотаций!

– ...от этого только хуже будет.

Рэй прикусил язык. Они с Мэгс являлись прекрасной командой, но подход к воспитанию у них диаметрально отличался: Мэгс была гораздо

мягче с детьми и всячески их опекала, тогда как Рэй предпочитал дать сыну и дочери возможность вкусить самостоятельности.

– Ладно, не буду, – пообещал он.

– В школе предложили посмотреть, как пойдет дело в ближайшие два месяца, и снова собраться всем вместе через пару-тройку недель после каникул. – Мэгс демонстративно поглядела на Рэя.

– Назови дату, и я там буду, – клятвенно пообещал он.

Глава 6

Отблеск фар на мокром асфальте ослепляет каждые несколько секунд. Люди спешат мимо по скользкому тротуару, проезжающие машины обдают пешеходов веером брызг. Горы опавших листьев промокшими грудами лежат у ограждения: яркие цвета поблекли до тускло-бурого.

Пустая дорога.

Джейкоб бежит.

Визг покрышек тормозящей машины, глухой удар о капот и бессильное сползание уже мертвого Джейкоба на дорогу. Паутина трещин на лобовом стекле. Кровь, собирающаяся под головой мальчика. Одинокое белое облачко дыхания.

Вопль пререзает мой сон, и я, вздрогнув, просыпаюсь. Солнце еще не взошло, но в спальне горит свет: я теперь не могу находиться в темноте. Сердце бьется тяжело и часто. Я сосредотачиваюсь на том, чтобы дышать ровно.

Вдох-выдох.

Вдох-выдох.

Тишина давит, а не успокаивает, поэтому в мякоти ладоней остаются полукруглые следы ногтей, пока я жду, когда уляжется паника. Сны становятся все отчетливее и правдоподобнее: я ясно вижу его и слышу отвратительный треск, с которым голова ударяется об асфальт...

Кошмары начались не сразу, но теперь они не желают униматься. Каждую ночь я лежу в кровати, борясь со сном и проигрывая в уме различные сценарии, как в детских книжках, где финал выбирает читатель. Я плотно зажмуриваюсь и представляю альтернативный вариант, когда мы ушли на пять минут раньше или позже, и Джейкоб остался жив и спит сейчас в своей кроватке, и его ресницы спокойно темнеют на фоне круглых щек. Но ничего не меняется. Каждую ночь я заставляю себя проснуться пораньше, будто, прервав кошмар, можно обратить вспять и реальность. Но, похоже, возник некий устойчивый шаблон, и вот уже несколько недель я вскакиваю по несколько раз за ночь от глухого удара маленького тела о бампер и моего бесполезного вопля, когда Джейкоб скатывается с капота на мокрую дорогу.

Я живу затворницей в каменном коттедже – не хожу дальше

деревенского магазина, где покупаю молоко, и существую на тостах с кофе. Я трижды решала зайти к Бетан в трейлерный парк и три раза передумывала. Это досадно: у меня уже давно нет друзей, и примерно столько же времени они мне очень нужны.

Я сжимаю левую руку в кулак и разгибаю пальцы, затекшие и непослушные после ночного сна. Боль теперь редко меня беспокоит, но я ничего не ощущаю в области ладони, и два пальца потеряли чувствительность. Стискиваю кулак, чтобы прогнать щекочущее покалывание. Конечно, надо было сразу обратиться к врачу, но это казалось такой мелочью по сравнению с тем, что случилось с Джейкобом, и боль представлялась чем-то справедливым и заслуженным. Поэтому я просто бинтовала руку, скрипя зубами каждый раз, как приходилось отдирать присохшую повязку. Постепенно рука поджила, но линия жизни навсегда скрылась под сплошными рубцами.

Я вытаскиваю ноги из-под горы одеял на кровати. Наверху нет отопления, и стены блестят от конденсата. Я поспешно натягиваю спортивные брюки и темно-зеленую фуфайку, не потрудившись выправить из-под нее волосы, после чего спускаюсь в гостиную. Ледяные плитки пола заставляют беззвучно ахнуть, прежде чем я на цыпочках добегаю до кроссовок и отодвигаю засов на двери. Я всегда вставала рано – вместе с солнцем, чтобы поработать в мастерской. Без своей работы я чувствую себя потерянной, заблудившейся в поисках новой себя.

Летом здесь будут туристы – пожалуй, не в такой ранний час и не так далеко от моря, но на пляже яблоку негде будет упасть. Однако пока песчаный берег мой, и одиночество приятно. Тусклое зимнее солнце медленно одолевает скалистые вершины, отражаясь блеском в ледяной корке луж на тропе, огибающей бухту. Я перехожу на бег, и мое дыхание повисает в воздухе судорожно вырвавшимися белыми облачками. В Бристоле я не ходила на пробежки, а здесь заставляю себя пробегать целые мили.

Поймав темп в такт биению сердца, я размеренно бегу к морю, гулко стуча подошвами по каменной дорожке. Ежедневные пробежки сделали меня увереннее. Тропинка, спускающаяся на пляж, уже настолько знакома, что я могу пройти ее с закрытыми глазами; последние несколько футов я перепрыгиваю, приземляясь на влажный песок. Держась вплотную к скалам, я оббегаю бухту, пока путь не преграждает скальный выступ, уходящий в море.

Сейчас отлив; по песку тянется полоса плавника и выброшенного волнами мусора, как грязный круглый след в ванне. Отойдя от скалы, я бегу

быстрее и несусь по отмели, где ноги засасывает мокрый песок. Низко наклонив голову против ледяного ветра, я мчусь изо всех сил, обгоняя прилив, и вскоре легкие начинают гореть, а в ушах шумит кровь. Противоположная скала увеличивается, стремительно приближаясь, но вместо того чтобы остановиться, я прибавляю скорость. Ветер хлещет меня волосами по лицу, и я мотаю головой, чтобы их отбросить. За долю секунды до того, как врезаться в поджидающий утес, я вытягиваю перед собой руки и с размаху упираюсь ладонями в холодный камень. Жива. Не сплю. Спаслась от ночных кошмаров.

Адреналин схлынул, и я, дрожа от холода, возвращаюсь тем же путем. Мокрый песок уже поглотил цепочку следов, не оставив доказательств моего спринта между скал. Заметив у ног обломок выброшенного морем дерева, я рассеянно поднимаю его и провожу канавку вокруг себя, однако пропитанный водою песок снова становится гладким еще до того, как я отрываю палку от его поверхности. Огорчившись, я поднимаюсь ближе к скалам, где песок посуше, и снова обвожу круг. Так-то лучше. Меня вдруг посещает желание написать свое имя на песке, будто я приехала на каникулы, и я улыбаюсь своей ребячливости. Обломок дерева тяжелый и скользкий, но я заканчиваю надпись и отступаю полюбоваться делом рук своих. Странно видеть свое имя таким размашистым и дерзким – я много лет всячески старалась стусеваться... Что я такое теперь? Скульптор, который ничего не ваяет. Мать без ребенка. Буквы отчетливы и зримы, они буквально кричат, их можно разглядеть даже с вершин прибрежных скал. Меня пробирает дрожь страха и восторга. Я рискую, и как же это приятно!

Наверху символическое ограждение призывает прохожих не подходить к осыпающемуся краю обрыва. Не обращая внимания на предупреждающую табличку, я переступаю проволоку и останавливаюсь в нескольких дюймах от пропасти. Песок внизу превращается из серого в золотой в лучах поднимающегося солнца, и мое имя так и сияет посреди пляжа, словно подбивая запечатлеть его, прежде чем оно исчезнет.

Я успею сделать снимок, прежде чем начнется прилив. Я смогу остановить мгновение своей возвращенной смелости. Я кидаюсь в коттедж за фотоаппаратом. Ноги словно стали легче, и я поняла – это потому, что я бегу, а не убегаю.

Первая фотография получается так себе: буквы слишком далеко от берега. Я бегом спускаюсь на пляж и исписываю песчаную гладкость именами из моего прошлого: их скоро сгладит мокрый песок. Ближе к скалам я вывожу прозвища персонажей читанных в детстве книг или

имена, которые привлекают меня своим витиеватым начертанием. Вынув фотоаппарат, я присаживаюсь на корточки и низко наклоняюсь, почти припав к песку, и принимаюсь снимать под разными углами, ловя объективом слова на фоне пенных бурунов, а затем вместе со скалами и щедрой порцией синего неба. Последние кадры я делаю со скалы, балансируя на самом краю и игнорируя липкий цепенящий страх. пляж испещрен словами разных размеров, будто бессвязным бредом сумасшедшего, но я уже вижу, как наступающий прибой лижет буквы и закручивает мутные водовороты песка, набегая на берег. К вечеру, когда вода снова отступит, пляж будет девственно-чист, и я смогу начать заново.

Я совсем потеряла счет времени, но солнце уже высоко, и в фотоаппарате, должно быть, сотни снимков. Мокрый песок липнет к одежде, волосы жесткие от соли. Пальцы без перчаток ноют от холода. Я пойду домой и приму горячую ванну, затем загружу снимки на ноутбук и погляжу, получилось ли у меня что-нибудь годное. Я ощущаю прилив сил: впервые после несчастного случая у меня появляется цель.

У развилки я колеблюсь, живо представив Бетан, так напоминающую мою сестру. Меня охватывает ностальгия, и, не успев передумать, я сворачиваю на тропу, ведущую к трейлерному парку. Какая у меня причина идти в магазин? Денег при себе нет, поэтому я не могу притвориться, что зашла за молоком или хлебом. Наверное, можно что-нибудь спросить, но ничего убедительного в голову не приходит: Бетан поймет, что это лишь предлог, и сочтет меня жалкой.

Решимость ослабевает уже через сотню ярдов, и я останавливаюсь перед парковкой. Взглянув на магазин, я вижу в окне силуэт – не знаю, Бетан ли это, но я не выясняю: поворачиваюсь и бегу обратно в коттедж.

Я добираюсь до Блэйн Сэди и вытаскиваю ключ из кармана, однако когда кладу руку на дверь, та слегка подается вперед, и я осознаю, что не смогла ее запереть. Дверь старая, замок ненадежный; Йестин показал мне, как подтягивать дверь, чтобы ключ повернулся, но иногда я билась с ним по десять минут. Йестин оставил мне свой номер телефона, но не знал, что я выбросила мобильный. К коттеджу проведена телефонная линия, а самого аппарата нет, поэтому придется идти в Пенфач искать таксофон, чтобы попросить Йестина зайти и починить замок.

Не пробыла я в коттедже и десяти минут, как в дверь стучат:

– Дженна? Это Бетан!

Я на мгновение думаю притвориться, что меня нет дома, однако любопытство пересиливает, и когда я открываю, чувствую прилив радости:

хотя я и искала уединения, в Пенфаче мне одиноко.

– Я вам пирог принесла. – Бетан приподнимает завернутое в полотенце блюдо и переступает порог, не дожидаясь приглашения. Она ставит подарок у плиты.

– Спасибо. – Я тщетно подыскиваю дежурные любезности, но Бетан только улыбается. Она снимает тяжелое шерстяное пальто, и я выхожу из ступора: – Хотите чаю?

– Если нальете, – отзывается гостья. – Вот, подумала – зайду, погляжу, как вы поживаете. Я все ждала, когда вы ко мне зайдете, но представляю, что такое устраиваться на новом месте... – Оглядевшись, она замолкает при виде аскетичной гостиной, ничем не отличающейся от той, куда меня впервые впустил Йестин.

– У меня мало средств, – смущенно объясняю я.

– А в Пенфаче и нет богачей, – весело говорит Бетан. – Главное, чтобы вам было тепло и уютно.

Пока она болтает, я хожу по кухне, собирая чай и радуясь, что есть чем занять руки. Наконец мы присаживаемся за сосновый стол.

– Как вам в Блэйн Сэди?

– Идеально, – отвечаю я. – То, что нужно.

– В смысле, теснота и холодина? – смеется Бетан, отчего чай выплескивается у нее из кружки. Она пытается оттереть темное пятно на бедре, однако жидкость впитывается в брюки.

– Мне не нужно много места, а камин вполне меня согревает, – улыбаюсь я. – Мне здесь правда нравится.

– Какая же у вас история, Дженна? Каким ветром вас занесло в Пенфач?

– Здесь красиво, – просто отвечаю я, обхватив кружку и глядя на чай, чтобы не встречаться с пронизательным взглядом Бетан. Она не настаивает.

– Что ж, тут вы правы, бывают места и похуже, хотя зимой здесь скучно.

– А когда вы начнете сдавать трейлеры?

– Откроемся к Пасхе, – говорит Бетан. – Когда заработают все летние заведения, округу будет не узнать. А сворачиваемся в конце октября. Дайте знать, если к вам приедут родственники, – выделю вам трейлер. Здесь-то гости нипочем не уместятся.

– Это очень любезно с вашей стороны, но я никого не жду.

– У вас нет родни? – Бетан глядит на меня в упор, и я чувствую, что не могу опустить глаза.

– Есть сестра, – признаюсь я. – Но мы не общаемся.

– А что случилось?

– О, обычная размолвка, – легко отвечаю я. Даже сейчас я отчетливо помню гневное лицо Евы, умолявшей меня послушать ее. А я была слишком горда. Ослеплена любовью. Послушайся я Еву, все вышло бы по-другому.

– Спасибо за пирог, – говорю я. – Вы очень добры.

– Чепуха, – отзывается Бетан, ничуть не возражая против смены темы. Она надевает пальто и закутывается в шарф. – Для чего еще нужны соседи! Теперь ваша очередь зайти на чай, и не задерживайтесь с визитом!

Это звучит почти приказом. Я киваю. Бетан внушительно смотрит на меня темно-кариыми глазами, и на секунду я снова чувствую себя ребенком.

– Приду, – обещаю я. – Правда, приду.

Когда Бетан уходит, я переставляю карту памяти в ноутбук и открываю снимки. Большинство никуда не годятся, но на нескольких превосходно запечатлелись надписи на песке на фоне неумолимо надвигающегося зимнего моря. Я ставлю подогреть воду для чая и, увлекшись редактированием, лишь спустя полчаса спохватываюсь – чайник до сих пор не закипел. Я протягиваю руку: плита холодна, как лед. Опять барахлит. В рабочем азарте я и не заметила, что в комнате понизилась температура, но теперь зубы выбивают дробь. Я гляжу на пирог с курятиной, принесенный Бетан, и в животе урчит. В прошлый раз, когда плита вышла из строя, мне понадобилось два дня, чтобы снова ее зажечь, и теперь просто руки опускаются при мысли повторить это мероприятие.

Я встряхиваюсь. Что это я так падаю духом? Когда я успела растерять способность принимать решения и справляться с проблемами? Я не какая-нибудь жалкая слабачка!

– Так, – громко говорю я. В гулкой пустой кухне мой голос звучит странно и почти незнакомо. – Ну-ка, разберемся!

Солнце встает над Пенфачем прежде, чем я успеваю согреться. Ноги затекли после нескольких часов сидения на корточках, и волосы местами перепачкались копотью, но я с давно забытым чувством триумфа кладу пирог Бетан в духовку. Меня не волнует, что сейчас уже ближе к завтраку, чем к ужину, и что голодные спазмы перестали меня мучить: я накрываю стол как для обеда и с наслаждением съедаю все до последней крошки.

Глава 7

– Шевелитесь! – гаркнул Рэй, задрал голову вверх, и взглянул на часы в пятый раз за пять минут. – Опаздываем же!

Словно утро понедельника не было тяжелым само по себе, Мэгс ночевала у сестры и должна была вернуться только к обеду. На сутки Рэй оказался в одиночном полете и разрешил (весьма недальновидно, как он уже понял) детям вчера посмотреть поздний фильм. Сегодня в полвосьмого он еле поднял с кровати даже неунывающую Люси. Сейчас без двадцати пяти девять, пора выезжать. В полдесятого Рэя ожидает к себе начальница, а такими темпами он и через час будет стоять у лестницы и звать детей.

– А ну, бегом! – Рэй пошел к машине, оставив дверь дома открытой, сел за руль и завел мотор. На крыльцо выбежала Люси – нерасчесанные волосы падали на лицо – и прыгнула на переднее сиденье рядом с папой. Темно-синяя школьная юбка мятая, один гольф спустился до щиколотки. Доброй минутой позже Том на заплетающихся ногах вышел вслед за сестрой – полы незаправленной рубашки трепетали на ветру. Галстук он нес в руке и надевать, судя по всему, не собирался. За последние месяцы сын сильно вытянулся и еще не привык к новому росту, поэтому ходил с опущенной головой и сильно сутулился.

Рэй крикнул в окно машины:

– Дверь, Том!

– А? – поднял голову сын.

– Дверь закрой! – Рэй стиснул руль. Бог знает, как Мэгс управляет каждое утро и еще не поубивала этих лодырей. Список дел рос с каждой минутой, и крюк до школы сегодня был очень лишним.

– А-а. – Том вернулся и захлопнул дверь, после чего поплелся к машине.

– А почему это Люси впереди? – возмутился он, усевшись сзади.

– Сегодня моя очередь!

– Нет!

– Нет, да!

– Хватит! – рявкнул Рэй.

В полном молчании они доехали до начальной школы Люси, и подскочившее давление у Рэя почти пришло в норму. Бросив «Мондео» на желтых зигзагах, он отвел дочку в класс, наскоро поцеловал в лоб и бегом побежал обратно. У машины уже стояла представительница дорожной

полиции и записывала номер.

– О, это вы! – сказала она при виде Рэя и погрозила пальцем: – Уж вы-то должны знать, инспектор!

– Простите, – извинился Рэй, – очень спешу на работу. Вы же представляете, что это такое.

Он уехал, оставив патрульную постукивать карандашом по блокноту. Чертова дорожная мафия, подумал он. Делать им нечего, вот и страдают ерундой.

– Как твоя школа? – спросил Рэй, поглядывая на пассажирское сиденье (Том перелез вперед, едва Люси вышла, но упорно смотрел в окно).

– Прекрасно.

Учительница Тома сказала, что ситуация не ухудшилась, но нет и признаков улучшения. Рэю с Мэгс пришлось подъехать в школу и выслушать рапорт о мальчике, у которого нет друзей, который готовит домашние задания с минимально возможным старанием и никогда не поднимает руку на уроках.

– Миссис Хиксон говорит, по средам тренируется футбольный клуб. Хочешь пойти?

– Не особо.

– А я в детстве очень любил футбол. Может, и тебе передалось что-нибудь спортивное?

Даже не глядя на Тома, Рэй знал, что мальчишка вытаращил глаза. Он вздрогнул, слыша себя: сейчас он говорит в точности как его собственный отец.

Том сунул в уши наушники.

Рэй вздохнул. Пубертатный период превратил его сына в недовольного молчаливого подростка, и он с ужасом ждал того дня, когда то же самое начнется с дочкой. Родителям не годится иметь любимчиков, но Рэй питал особую нежность к своей Люси, которая в девять лет обожала посидеть у папы на коленях и порой требовала сказку на ночь. А с Томом Рэю и раньше случалось сталкиваться лбами. Слишком одинаковые, со вздохом говорила Мэгс, хотя Рэй никакого особенного сходства не замечал.

– Можешь высадить меня здесь, – сообщил Том, отстегивая ремень безопасности.

– Отсюда же целых два квартала!

– Пап, все нормально, я дойду. – Мальчишка взялся за ручку, и на мгновение Рэю показалось, что сын сейчас распахнет дверцу и выбросится на проезжую часть.

– Да пожалуйста... – Рэй остановился у обочины, второй раз за утро

игнорируя дорожную разметку. – Но ты опоздаешь на переключку.

– Все, пока.

Хлопнув дверцей, Том пошел через дорогу, лавируя между машинами. Что же случилось с его добрым, смешливым сынишкой? Подобная немногословность – норма для подростков, или же тут что-то другое? Рэй покачал головой. Казалось бы, детские проблемы – это прогулка в парке по сравнению со сложным расследованием, но Рэй бы не задумываясь предпочел допрос подозреваемого общению с сыном. Подозреваемого легче разговорить, невесело подумал он. Слава богу, забирать детей из школы будет Мэгс.

Когда Рэй доехал до управления, мысли о Томе отошли на второй план. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, почему его вызывает высокое начальство: Джейкоб погиб почти полгода назад, расследование застопорилось... Рэй присел на стул у обшитого дубовыми панелями кабинета, поймав сочувственную улыбку секретарши.

– Она заканчивает звонок, – предупредила секретарь. – Ждать недолго.

Оливия Риппон была женщиной блестящего ума и невыносимого характера. Быстро поднявшись по служебной лестнице, она уже семь лет руководила полицией графств Эйвон и Сомерсет. Когда ей предложили очередную должность – комиссара столичной полиции, Оливия, сославшись на «личные причины», осталась в родном управлении, где с наслаждением доводила опытных детективов до состояния заикающихся развалин по время ежемесячных отчетов о выполненной работе. Оливия была прямо-таки рождена для полицейской формы; темные волосы забраны в простой узел, мощные ноги обтянуты плотными черными колготками.

Рэй потерял ладони о колени – однажды он слышал, что начальница зарубила повышение перспективному сотруднику, метившему в старшие инспекторы, на том основании, что его «потные ладони не внушают доверия». Рэй не знал, правда это или нет, но держать пари бы не стал. На его зарплату полицейского инспектора семья худо-бедно жила, хотя случалось и затянуть пояса. Мэгс упорно держалась за свою затею пойти в учительницы, однако Рэй подсчитал, что если ему удастся подняться на одно, а то и два звания, новой зарплатой им хватит и без того, чтобы жена выходила на работу. С содроганием вспомнив утренний хаос, Рэй решил, что Мэгс и так делает более чем достаточно. Не годится ей рваться на части ради того, чтобы они могли иногда себя побаловать...

– Можете войти, – произнесла секретарша.

Рэй глубоко вздохнул и толкнул дверь:

– Доброе утро, мэм.

Ответом послужило молчание – начальница что-то быстро и подробно записывала в блокноте известным своей неразборчивостью почерком. Рэй мялся у дверей, притворяясь, что любит целой коллекцией сертификатов и фотографий, развешанных по стенам. Темно-синий ковер был толще и мягче, чем у других в управлении; огромный стол для совещаний занимал полкабинета. Оливия Риппон сидела у дальней стены за пузатым письменным столом. Дописав, что нужно, начальница подняла глаза:

– Я хочу, чтобы вы закрыли дело о наезде в Фишпондс.

Ясно было, что присесть ему не предложат, поэтому Рэй взял ближайший к Оливии стул и присел без приглашения. Начальница приподняла бровь, но ничего не сказала.

– Мне кажется, будь у нас еще немного времени...

– У вас было достаточно времени, – отрезала Риппон. – Пять с половиной месяцев. Это просто позорное пятно на нашей репутации, Рэй. Каждая статейка в «Пост» о ваших сомнительных «достижениях» в расследовании лишней раз напоминает – полиция не справляется со своей задачей. Вчера вечером мне звонил Льюис: он хочет, чтобы дело отправили в архив. Это совпадает с моим желанием.

Рэй почувствовал, как в нем растет гнев.

– Разве не лично Льюис отклонил просьбу общественности ограничить скорость в жилых районах до двадцати миль в час?

Последовала пауза, в течение которой Оливия холодно глядела на него.

– Закрывайте дело, Рэй.

Они мерили друг друга взглядами над блестящей полированной ореховой столешницей. Странно, но первой глаза опустила Оливия, отодвинувшись на стуле и положив руки перед собой.

– Рэй, вы превосходный сыщик, ваше упорство делает вам честь, но если вы хотите повышения, то должны понимать, что в полиции нужно не только уметь раскрывать преступления, но и вести правильную политику.

– Так точно, мэм. – Рэю с трудом удалось избежать тоскливой интонации.

– Ну вот и хорошо. – Оливия сняла с ручки колпачок и потянулась к очередной служебной записке. – Значит, договорились: с сегодняшнего дня дело Джордана закрыто.

Возвращаясь в управление, Рэй впервые в жизни обрадовался дорожной пробке. Ему очень не хотелось сообщать новость Кейт, причем эта мысль отчего-то перевешивала остальные соображения. Кейт в полиции

еще новичок и не привыкла расписываться в собственном бессилии, закрывая расследования, в которые вложено столько сил. Стампи отнесется к этому спокойнее.

Приехав, Рэй сразу вызвал их обоих к себе. Кейт вошла первой, неся кружку кофе, которую поставила рядом с его компьютером, где стояли три других, с остатками холодной черной жижи.

– С прошлой недели, что ли?

– Ага. Уборщица отказалась мыть.

– Ну и правильно, вы и сами в состоянии вымыть за собой чашку. – Кейт присела. Вошел Стампи, кивнув Рэю в знак приветствия.

– Помните машину, которую Брайан и Пэт заметили на записях уличных камер? – начала Кейт, как только Стампи уселся. – Которая летела, будто за ней черти гонятся?

Рэй кивнул.

– Мы не смогли установить ее номер, и я бы хотела отдать видеозапись Уэсли. В крайнем случае сможем вычеркнуть водителя из числа подозреваемых.

Уэсли Бэррон был анемичным тощим типом, каким-то образом попавшим в эксперты дорожной полиции. Сидя в цокольном этаже тесного здания на Рэдленд-роуд, он работал на потрясающем оборудовании и умел добиться такой четкости записей с уличных камер, что материалы можно было использовать в качестве доказательств в суде. По логике вещей, за Уэсли ничего не водилось, раз он сотрудничал с полицией, но сама обстановка его душного подвала без окон будила нехорошие подозрения.

– Прости, Кейт, но эти расходы я тебе не подпишу, – покачал головой Рэй, собираясь с духом сказать, что работу над делом придется прекратить. Уэсли стоил дорого, хотя результаты у него были выше всяких похвал. Однако Рэя впечатлил столь всесторонний подход к расследованию у новой сотрудницы. Ему не хотелось признаваться в этом даже себе, но за последние недели он отвлекся от дела Джордана. А все этот Том со своими проблемами, с неожиданной обидой подумал Рэй. Нельзя допускать, чтобы семейные неурядицы сказывались на качестве работы, особенно в таких громких делах. Хотя какая теперь разница, с горечью сказал он себе, раз Риппон вынесла постановление о прекращении расследования.

– Ну, там не такая огромная сумма, – не сдавалась Кейт. – Я говорила с Уэсли, и он...

– Я не могу выделить ни пенни из бюджета управления, – перебил Рэй, многозначительно глядя на Стампи. Тот посмотрел на Рэя и все понял. Не в первый раз они закрывали дело по распоряжению начальства. – Главная

приказала отправить дело в архив, – пояснил Рэй, переведя взгляд на Кейт.

Стало очень тихо.

– Надеюсь, вы сказали, куда ей идти, – засмеялась Кейт, но смех прозвучал в тишине. Она поглядела на Рэя, затем на Стампи, и лицо у нее вытянулось: – Вы серьезно? Что, вот так взять и все бросить?

– А нечего бросать, – хмыкнул Рэй. – Мы в тупике. У нас ничего нет, осколки разбитой фары ничего не дали...

– Есть больше десятка подозрительных автомобилей, – перебила Кейт. – Необязательно верить на слово механикам, которые якобы не ведут записей, кому чинили машину. Я все равно смогу их проверить, просто это займет больше времени!

– Напрасный труд, – мягко сказал Рэй. – Иногда нужно уметь вовремя остановиться.

– Мы сделали все, что могли, – поддержал его Стампи, – но это все равно что искать иголку в стоге сена. Ни номера, ни цвета, ни марки, ни модели. Маловато для раскрытия, Кейт.

Рэй остался очень благодарен Стампи за его слова.

– Вот именно, – подхватил он. – Боюсь, пока придется подвести черту. Конечно, если что-то всплывет, мы возобновим расследование, но пока...

Он не закончил, спохватившись, что говорит, как Риппон в пресс-релизах.

– Это все внутренняя политика, да? – вдруг спросила Кейт. – Начальство говорит: «Прыгай», а мы только спрашиваем: «На какую высоту?»

Похоже, девушка приняла новость слишком близко к сердцу.

– Да ладно тебе, Кейт, ты не первый день в полиции и понимаешь – иногда приходится принимать трудные решения... – Рэй заставил себя замолчать, а то у него выходило чересчур снисходительно. – Пойми, за полгода у нас ничего не появилось – ни свидетелей, ни данных судмедэкспертизы. Мы можем бросить все ресурсы в мире на это дело и все равно не соберем достоверной информации. Прости, но у нас в работе другие дела и другие жертвы.

– Но вы хоть возразили или сразу лапки кверху подняли? – надерзила Кейт, щеки которой пылали от гнева.

– Кейт, – предупреждаяще одернул ее Стампи, – уймись!

Игнорируя его, она с вызовом смотрела на Рэя:

– Наверное, вы думали о своем повышении! Кто метит высоко, с начальством не ссорится!

– Это здесь ни при чем! – неожиданно для себя рявкнул Рэй.

Несколько секунд они с Кейт испепеляли друг друга взглядами. Краем глаза он видел, что Стампи выжидательно смотрит на него. Старшему инспектору полагалось приказать Кейт выйти из кабинета, напомнить, что она рядовой оперативный сотрудник в заваленном работой полицейском управлении, и если начальник сказал, что дело закрыто, значит, оно закрыто, и баста. Рэй открыл рот, но заговорить не смог.

Проблема была в том, что Кейт попала в точку. Было время, когда Рэй тоже стоял перед начальством и ожесточенно возражал – примерно так, как Кейт сейчас. Может, он теряет хватку или действительно на все готов ради повышения?

– Когда вкладываешь в дело всю душу, с таким исходом трудно смириться, – негромко произнес он.

– На кону не просто дело, – Кейт указала на фотографию Джейкоба на стене, – а гибель маленького мальчика! Так нельзя, это неправильно!

Рэй вспомнил мать Джейкоба, сидевшую на диване, с почерневшим от горя лицом, и не стал спорить.

– Мне очень жаль. – Он кашлянул и попытался сменить тему. – Что еще у нас в работе сейчас? – спросил он у Стампи.

– Малколм в суде всю неделю по делу Грейсона, у него слушание о тяжких телесных на Квинс-стрит – прокуратура решила предъявить обвинение. Я занимаюсь агентурными сведениями касательно ограблений магазинов «Ко-оп», а Дейва бросили проводить мероприятия в рамках кампании предупреждения незаконного ношения холодного оружия. Он сегодня в колледже, взаимодействует с местными сообществами...

Последнюю фразу Стампи произнес с отвращением. Рэй засмеялся.

– Приходится шагать в ногу со временем, Стампи.

– Перед этими юнцами можно трепаться до посинения, – огрызнулся сержант, – это не мешает им ходить с ножом в кармане.

– Возможно, но попытка не пытка, – проговорил Рэй, быстро записывая себе памятку в ежедневнике. – Что будет нового, сообщи мне завтра до утреннего совещания. И я бы хотел получить твои соображения о добровольной сдаче ножей до начала школьных каникул. Нужно отвлечь от улицы как можно больше подростков.

– Будет сделано.

Кейт смотрела в пол, безжалостно обдирая заусенцы. Стампи мягко потыкал ее в плечо. Девушка повернула голову.

– Хочешь сэндвич с беконом? – тихо спросил он.

– От сэндвича мне лучше не станет, – буркнула она.

– Тебе нет, – согласился Стампи, – зато мне станет легче, если ты все

утро не будешь ходить с лицом как у бульдога, проглотившего осу.

Кейт невесело засмеялась:

– Сейчас подойду.

Возникла заминка – Кейт явно ждала, пока Стампи выйдет. Плотнo прикрыв дверь за сержантом, Рэй вернулся за свой стол, уселся и скрестил руки на груди.

– Ты в порядке?

Кейт кивнула:

– Я хотела извиниться. Я позволила себе недопустимый тон.

– Я слышал и похуже, – усмехнулся Рэй. Кейт не улыбнулась, и он понял, что у нее нет настроения для шуток. – Я знаю, сколько значило для тебя это расследование...

Кейт снова оглянулась на снимок Джейкоба.

– У меня такое чувство, будто я его предала.

Рэй почувствовал, что его решимость колеблется. Это правда, они действительно предали погибшего мальчишку, однако Кейт не станет легче, если это озвучить.

– Ты выложились на полную, – сказал он вместо этого. – Большого ты не сделаешь.

– Но этого оказалось недостаточно? – Кейт поглядела на начальника. Рэй покачал головой.

Девушка встала и вышла из кабинета, прикрыв за собой дверь. Рэй с силой врезал кулаком по столу. Ручка покатилась и упала на пол. Инспектор качнулся назад на стуле и переплел пальцы за затылком, отметив, какими жидкими стали волосы, и прикрыл глаза, чувствуя себя старым и уставшим. Рэй подумал о старших по званию полицейских, с которыми ежедневно пересекался, – большинство солидного возраста, но немало и молодых, бодро штурмовавших служебную лестницу. Хватит ли у него сил состязаться с ними? Хочет ли он этого вообще?

Много лет назад, когда Рэй пришел в полицию, ему все казалось предельно простым: сажать негодяев и охранять безопасность добропорядочных горожан, собирать улики на месте преступления, где произошло убийство, изнасилование или злостное хулиганство, ловить виновных, и от этого людям станет легче дышать. А чем он занимается? Торчит в офисе с восьми до восьми и уходит домой, просто махнув рукой на нескончаемые бумажные завалы, вынужденный подчиняться корпоративной политике, даже когда она идет вразрез с его убеждениями.

Рэй поглядел на пухлую папку с делом Джейкоба Джордана, набитую отчетами о поисках ветра в поле и обернувшимися пшиком

информационными запросами. Он подумал о горечи на лице Кейт, о ее разочаровании, что любимый начальник не осмелился возразить Оливии Риппон. Ему было невыносимо думать, что отныне Кейт будет о нем худшего мнения. Но слова начальницы звучали в ушах, и Рэй знал – с приказами не спорят. Он взял папку с делом Джейкоба и решительно убрал в нижний ящик стола.

Глава 8

Небо грозило дождем с самого рассвета, едва я спустилась на пляж. Я накидываю капюшон, защищаясь от первых капель. Сегодня я сделала достаточно снимков, исписав пляж вокруг. Я уже научилась обходиться без лишних следов вокруг надписей, оставляя песок гладким и нетронутым, и уже смелее обращаюсь с фотоаппаратом. Я изучала фотодело в колледже искусств, хотя моей подлинной страстью всегда была скульптура, и теперь с удовольствием заново знакомлюсь с камерой, повсюду ношу ее с собой, меняю настройки и пробую снимать при разном освещении. Фотоаппарат стал частью меня, совсем как комки глины, с которой я раньше работала. Рука ноет после целого дня работы с камерой, но оставшейся в ней подвижности мне хватает. Я начала спускаться на пляж каждое утро, пока песок еще влажен и податлив, но возвращаюсь сюда и днем, когда солнце в зените. Я запомнила часы прилива и отлива и впервые после несчастного случая начала строить планы на будущее: я жду лета, чтобы увидеть песок позолоченным солнцем. Трейлерный парк уже открылся – Пенфач полон приезжих. Меня забавляет, насколько «местной» я успела стать; я ворчу из-за нашествия туристов, ревниво оберегая свой уединенный пляж.

Песок становится рябым от дождевых капель. Начавшийся прилив сглаживает первые надписи, равно уничтожая удачи и ошибки. У меня вошло в привычку начинать утро с написания собственного имени у самой кромки воды, и я вздрагиваю при виде того, как его поглощает море. Новые снимки надежно заключены в фотокамере, но я никак не привыкну к этой недолговечности: нет комка глины, к которому можно возвращаться снова и снова, делая силуэт все более совершенным, открывая его истинную форму. Из необходимости я работаю быстро и нахожу процесс упоительным – и изматывающим.

Дождь усиливается, промачивая насквозь мою куртку и обувь. Повернувшись уходить, я вижу человека, идущего навстречу; его прыжками догоняет большой пес. Я перестаю дышать. Человек довольно далеко, и трудно сказать, направляется ли он ко мне или просто гуляет у моря. Во рту появляется металлический вкус, и я облизываю губы в поисках влаги, но нахожу только соль. Я уже видела этого человека и его собаку вчера утром – смотрела на них сверху, пока они не ушли и пляж снова не опустел. Несмотря на акры открытого пространства, я вдруг чувствую себя как в ловушке и иду вдоль прибоя, словно так и

намеревалась.

– Доброе утро, – здоровается мужчина, слегка меняет направление и идет параллельно мне.

Я не могу ничего ответить.

– Прекрасный день для прогулки, – продолжает он, кивнув на небо. Ему за пятьдесят, под плотной мужской панамой седые волосы, короткая ухоженная борода закрывает половину лица.

Я медленно выдыхаю.

– Я уже возвращаюсь, – неопределенно говорю я. – Мне пора.

– Хорошего дня, – человек чуть кивает и подзывает пса, а я сворачиваю к скалам и трусцой бегу к тропинке. На полпути я оглядываюсь, но мужчина по-прежнему у самого моря, кидает палку в волны, и собака в восторге бросается за ней в воду. Вскоре сердце перестает частить, и я начинаю чувствовать себя нелепо.

Мокрая насквозь, я взбегаю наверх и вдруг решаю повидать Бетан. Быстрым шагом я иду к трейлерному парку, не давая себе времени передумать.

Бетан встречает меня широкой улыбкой.

– Я сейчас поставлю чайник!

Она хлопчет в глубине магазина, весело болтая о прогнозе погоды, угрозе закрытия автобусных маршрутов и поломанной изгороди, из-за которой у Йестина за ночь разбежалось семьдесят коз.

– Элвен Рис была весьма недовольна, доложу я вам!

Я смеюсь – не столько самому рассказу, сколько манере Бетан говорить, сопровождая речь бурной жестикуляцией с выразительностью прирожденной актрисы. Я брожу по магазину, пока она готовит чай. Бетонный пол, беленные известью стены, стеллажи. Когда я зашла сюда впервые, полки были пусты, а сейчас они заставлены пачками хлопьев, консервами, свежими фруктами и овощами на самый взыскательный вкус. В больших холодильниках – упаковки молока и другие продукты. Я присматриваюсь к какому-то сыру.

– Это козий сырок Йестина, – поясняет Бетан. – Берите, пока есть, а то туристы расхватывают, как горячие пирожки. Ну, садитесь к обогревателю и рассказывайте, как поживаете... – Черно-белый котенок мяукает у ее ног. Бетан подхватывает его и устраивает на своем плече: – Хотите взять для компании? Мне троих раздать нужно, наша кошка – отличная мышеловка, кстати, – окотилась несколько недель назад. Ума не приложу, кто папаша!

– Нет, спасибо...

Котенок само очарование – меховой шарик с подергивающимся хвостиком-метрономом. В памяти всплывает давно забытое воспоминание, и я съеживаюсь на стуле.

– Не жалуется кошек?

– Не смогу обеспечить уход, – поясняю я. – У меня даже хлорофитум вянет. Все, вверенное моему попечению, погибает.

Бетан смеется, хотя я и не шучу. Пододвинув второй стул, она ставит чашку чая на прилавок рядом с моей.

– Фотографировали, да? – указывает она на фотоаппарат, висящий у меня на шее.

– Да так, несколько кадров залива...

– Можно посмотреть?

Я колеблюсь, но снимаю ремешок через голову и включаю камеру, показывая Бетан, как листать снимки.

– Как красиво!

– Спасибо, – лепечу я, заливаясь краской. Я никогда не умела с достоинством принимать похвалу. В детстве учителя хвалили мои работы и выставляли их в канцелярии, где ожидали посетители, но только годам к двенадцати я поверила, что у меня талант, пусть неоформившийся и неограниченный. В школе проводили выставку – самую обычную, для родителей и местных жителей, и мои папа с мамой пришли вместе, что было редкостью уже тогда. Отец молча постоял там, где были выставлены мои рисунки и птица из изогнутого металла. Я, затаив дыхание, скрестила пальцы на удачу, спрятав руку в складки юбки.

«Невероятно, – произнес отец, глядя на меня так, будто видел впервые. – Дженна, неужели ты все это сама?»

Чуть не лопаюсь от гордости, я взяла папу за руку и подвела к миссис Бичинг, которая заговорила о колледжах искусств, стипендиях и специальном образовании. А я просто сидела и смотрела на моего папу, который поверил, что я необыкновенная.

Хорошо, что его уже нет. Мне было бы невыносимо увидеть разочарование в его глазах.

Бетан разглядывает запечатленные мной пейзажи.

– Дженна, но это же хоть вот сразу на стенку! Вы их продавать будете?

Я чуть не прыскаю, но Бетан смотрит без улыбки, и до меня доходит, что это деловое предложение.

Я задумываюсь. Пожалуй, не эти – это все пробы пера, я еще учусь верно улавливать свет, но если над ними поработать...

– Может быть, – неожиданно для себя отвечаю я.

Бетан пролистывает оставшиеся фотографии и смеется при виде своего имени, выведенного на песке:

– Это же я!

Я снова краснею:

– Я пробовала что-то новое...

– Какая прелесть! Можно я ее куплю? – Бетан снова берет фотоаппарат и любитесь снимком.

– Пустяки, – отмахиваюсь я, – я для вас распечатаю. Это самое меньшее, что я могу сделать, ведь вы были так добры ко мне...

– На почте в деревне есть такая машина, что можно самим печатать фотографии, – подсказывает Бетан. – Мне ужасно нравится та, которая с моим именем, и вот эта, во время отлива!

Она выбирает один из моих любимых кадров, сделанный вечером, когда солнце опускалось за горизонт. Море в тот вечер было удивительно спокойным – переливающееся розово-оранжевое зеркало, а прибрежные скалы превратились в гладкие темные силуэты, выступавшие из воды справа и слева.

– Сегодня же распечатаю.

– Спасибо. – Бетан решительно откладывает камеру и поворачивается ко мне со знакомым деловым видом: – А теперь моя очередь что-то для вас сделать.

– Но зачем же, – начинаю я, – вы уже и так...

Бетан отменяет мои робкие возражения.

– Я тут разбиралась перед летом, набралось вон кое-что, нужно куда-то деть. – У двери стоят два черных мешка. – Ничего особенного – подушки и покрывала из трейлеров, где мы делали ремонт, и одежда, в которую мне уже не влезть, даже если я брошу есть шоколад. Все простенькое – в Пенфаче не носят бальных туалетов, но есть свитера, джинсы и пара платьишек, которыми я соблазнилась в свое время...

– Бетан, но вы не можете отдать мне свою одежду!

– Отчего же?

– Ну, потому что...

Она глядит мне в глаза, и я замолкаю, побежденная ее практичностью. В самом деле, не могу же я ходить в одном и том же, не снимая.

– Слушайте, я все равно снесла бы эти пакеты в благотворительный магазин. Переберете и возьмете то, что вам пригодится.

Я возвращаюсь в коттедж, нагруженная теплой одеждой и большим пакетом того, что Бетан называла «всякой всячиной для красоты». Я раскладываю вещи на полу гостиной, как рождественские подарки.

Джинсы немного великоваты, но с ремнем сядут прекрасно. Я тронута чуть ли не до слез от мягкости толстого флисового джемпера, который Бетан положила для меня: в коттедже жутко холодно, и я постоянно мерзну. Скучная одежда, которую я захватила из Бристоля (я спохватилась, что перестала называть его домом), сносилась и стала жесткой от соли и ручной стирки в ванне.

Но в настоящий восторг меня приводит «всякая всячина для красоты». Я застилаю обшарпанный диван огромным лоскутным покрывалом зеленого и красного цветов, и в гостиной сразу становится уютнее и даже теплее. На каминной полке у меня лежит коллекция отполированных волнами камней, которые я собрала на пляже: к ним я ставлю вазу из «благотворительного» пакета Бетан, решив днем срезать несколько веток ивы. Подушки находят место на полу у камина, где я обычно читаю или редактирую фотографии. На дне пакета находятся два полотенца, коврик для ванной и еще одно покрывало.

Я ни на миг не верю, что Бетан собиралась все это выбросить, но считаю за лучшее не допытываться.

В дверь стучат, и я оставляю свое занятие. Бетан предупредила, что сегодня зайдет Йестин, но я на всякий случай выжидаю несколько секунд.

– Эй, дома вы или нет?

Отодвинув засов, я открываю дверь. Йестин приветствует меня со своей обычной ворчливостью, и я радушно отвечаю. То, что я сперва принимала за пренебрежение и даже грубость, оказалось просто свойством нелюдимого человека, который больше волнуется о своих козах, чем о чувствах двуногих собратьев.

– Я вам дрова привез, – сообщает он, указав на обрезки бревен, как попало сваленные в прицепе квадроцикла. – Нельзя же, чтобы вы в холоде сидели. Вот и привез вам.

– Разрешите предложить вам чая?

– Два сахара, – бурчит Йестин через плечо, уже шагая к прицепу. Он начинает укладывать дрова в ведро, а я ставлю чайник.

– Сколько я должна вам за дрова? – спрашиваю я, когда мы сидим за кухонным столом и пьем чай.

Йестин качает головой:

– Да это остатки от зимы. Продать нельзя, никто не купит.

Дров, которые он аккуратно сложил у очага, хватит минимум на месяц. Я снова подозреваю в этом руку Бетан, но не могу отказаться от столь щедрого дара. Нужно придумать, как отблагодарить Йестина, и Бетан тоже.

Йестин отмахивается от моего лепета:

– Я бы тут обстановку и не узнал, – говорит он, оглядывая нарядное покрывало, ракушки и другие освоенные сокровища. – Как плита, не капризничает? – Он указывает на допотопную «Агу»: – У нее, заразы, непростой характер!

– Нет, все прекрасно, спасибо, – отвечаю я, пряча улыбку. Я стала уже настоящим экспертом и привожу плиту в чувство за несколько минут. Скромный триумф, но я прибавила его к остальным, копя успехи, будто они могли нейтрализовать неудачи.

– Ну, мне пора, – поднимается Йестин. – В выходные съедется родня. Можно подумать – королеву принимаем, так Глинис хлопочет. Я ей говорил – им все равно, чисто ли у нас и стоят ли цветы в гостиной, но ей подавай, чтобы все сверкало. – Он таращит глаза якобы сердито, но его тон заметно смягчается, когда он заговаривает о жене.

– Приедут ваши дети? – спрашиваю я.

– Обе дочки, – отвечает он, – с мужьями и внучатами. Теснота будет, но никто не в обиде, родная кровь, что ж...

На этом Йестин прощается, и я некоторое время смотрю, как квадроцикл подскакивает на неровной земле.

Закрыв дверь, я стою, оглядывая коттедж. Гостиная, всего минуту назад казавшаяся такой уютной, стала пустой. Я представляю ребенка – моего ребенка, играющего у камина. Я думаю о Еве, о племяннике и племяннице, растущих без меня, не знающих своей тетки. Пусть я потеряла сына, но у меня по-прежнему есть родня, как бы там ни было!

В детстве мы с Евой жили очень дружно, несмотря на разницу в четыре года. Я ходила за ней хвостом, а Ева возилась со мной, ничуть не досадуя. Внешне мы совсем разные: я с буйной рыжей шевелюрой и Ева с прямыми светло-каштановыми волосами. Учились мы обе хорошо, но Ева была прилежнее меня и корпела над учебниками, когда мои книжки уже летели через комнату. Я предпочитала проводить время в школьной арт-студии или на полу гаража – единственном месте в доме, где мать разрешала мне доставать глину и краски. Моя брезгливая сестрица воротила нос от подобных занятий, с визгом убегая от моих расставленных рук, выпачканных свежей глиной. «Леди Ева», – назвала я ее однажды, и прозвище прилипло: сестру все так и звали, уже когда мы обе обзавелись семьями. Меня не покидало ощущение, что Еве льстит такое определение: я не однажды видела, как она с удовольствием принимает комплименты за прекрасный званый ужин или нарядно завернутые подарки.

Черная кошка между нами пробежала после ухода отца. Я так и не смогла простить нашу мать, выставившую его из дома, и не понимала, отчего Ева встала на ее сторону. Но я очень скучала по сестре, и сейчас даже больше, чем раньше. Пять лет необщения – слишком высокая плата за сказанные в запальчивости слова.

Найдя в ноутбуке фотографии, о которых просила Бетан, я добавляю еще три, которые хотела вставить в рамки и повесить в коттедже. Рамки можно сделать из выброшенного морем дерева... На снимках залив, все сделаны с одной точки, но при этом удивительно несхожие. Пронзительно-синяя вода, в которой отражается солнце, на первой фотографии – сменяется монотонно-серой на второй, где солнце едва проглядывает в облачном небе. Третий кадр – мой любимый: я сделала его, когда сильный ветер едва не толкнул меня с края обрыва: даже вечных чаек в небе не было. На фотографии грозовые тучи, угрожающе нависнув над морем, мечут молнии в пучину, а море бешено швыряет опененные валы в лицо тучам. Природа в тот день казалась настолько живой и одухотворенной, что дух захватывало от глубокого волнения.

Я добавляю на флэшку еще один снимок, сделанный в первый день, когда я писала на песке имена из моего прошлого.

«Леди Ева».

Я не могу рисковать, сообщив сестре, где нахожусь, но могу намекнуть, что со мной все в порядке – и что я прошу прощения.

Глава 9

– Я в «Гарри» на ланч, босс, вам чего-нибудь принести? – спросила Кейт с порога. Она была в серых брюках от хорошего портного и облегающем свитере, поверх которого накинула легкую куртку.

Рэй поднялся и сдернул пиджак со спинки стула.

– Я с тобой – хоть воздуха глотну.

Обычно он ел в столовой или в кабинете, но ланч с Кейт привлекал его больше. Кроме того, наконец-то выглянуло солнце, а Рэй с восьми утра не вставал из-за письменного стола. Он заслужил перерыв.

В кафе «У Гарри», как всегда, былолюдно: очередь тянулась до самого входа. Кафе пользовалось популярностью среди полицейских не только из-за близости к управлению, но и потому, что сэндвичи тут стоили недорого, и делали их быстро. Нет ничего хуже для голодного дежурного копа, чем срываться на срочный вызов, когда заказ еще не принесли.

Очередь постепенно продвигалась.

– Я могу принести вам сэндвич в офис, если вы торопитесь, – предложила Кейт, но Рэй покачал головой:

– Тороплюсь, но не настолько. Я дорабатываю план операции «Прорыв», мне полезно проветрить голову. Давай поедим здесь.

– Давайте. «Прорыв» – это против отмывания денег? – Кейт говорила тихо, чтобы не слышали стоявшие вокруг, и Рэй кивнул.

– Могу тебе коротко рассказать, если хочешь, чтобы ты понимала, что к чему.

– Очень хочу, спасибо.

Они заказали сэндвичи и устроились на высоких стульях у окна, вполглаза поглядывая на Гарри, который через минуту уже помахал в воздухе коричневыми пакетами. За окном прошли двое полицейских в форме – Рэй приподнял руку в знак приветствия.

– Вот тебе и еще доказательство, что полиция ни черта не делает, – усмехнулся он.

– Ох, знал бы кто, – вздохнула Кейт, вытаскивая из сэндвича кольцо помидора и съедая его отдельно. – Я никогда так не впахивала, как над делом Джейкоба Джордана, и все впустую.

Рэй уловил горечь в ее голосе.

– Не впустую, и ты это знаешь. Однажды виновный кому-нибудь

проговорится, поползут слухи, и мы возьмем негодяя.

– И это называется охраной правопорядка?

– В смысле? – Рэй даже не знал, обижаться или смеяться над подобной прямоотой.

Кейт отложила сандвич:

– Мы только реагируем, а надо действовать активно. Нельзя сидеть и ждать, пока поступит информация; мы должны ее искать.

Рэй словно услышал себя молодого в первые дни работы в полиции – или Мэгс, хотя его жена не была такой настырной, как Кейт. Эта даже в сандвич въелась с яростным напором. Рэй подавил улыбку. Девушка привыкла высказываться начистоту, не сдерживая себя и не заботясь, по чину ли ей такие заявления. В управлении ее дерзость уязвила бы не одно самолюбие, но Рэй ничего не имел против откровенности и искренности. Более того, разговор с девушкой казался ему отдушиной.

– Что, достало до печенок? – уточнил он.

Кейт кивнула.

– А водитель, сволочь такая, где-то катается, радуясь, что ему все сошло с рук. Мать Джейкоба уехала из Бристоля, решив, что мы вообще не ищем, кто был за рулем...

Вдруг она замолчала.

– В чем дело?

Щеки Кейт порозовели, но она с вызовом подняла голову:

– Я не переставала работать над расследованием!

За годы работы Рэю случалось сталкиваться с не отработанными из-за загруженности или лени следователей версиями, но чтобы делать лишнюю работу? Это что-то новое.

– Я занимаюсь этим в свое личное время, у Риппон к вам никаких претензий быть не может. Я пересматривала записи с уличных камер и проверяла звонки, поступившие после эфира «Крайм уотч»: вдруг мы что-то пропустили?

Рэй представил, как Кейт сидит дома, разложив бумаги на полу, и смотрит бесконечные нечеткие записи с камер дорожного наблюдения.

– Значит, ты считаешь, мы можем вычислить водителя?

– Я считаю, что нам нельзя опускать руки.

Рэй улыбнулся.

– Теперь вы мне запретите? – Кейт закусила губу.

Именно это инспектор и собирался сделать, но девица оказалась на диво упрямая и настойчивая; даже если она ничего не найдет, какой от нее вред? Когда-то Рэй и сам мог решиться на подобную авантюру.

– Нет, – отозвался он, – не запрещаю. В основном потому, что ты меня не слушаешься.

Они обменялись понимающими усмешками.

– Но я попрошу держать меня в курсе, ну и включать голову в отношении времени, которое ты на это тратишь. Дело Джордана не должно идти прежде текущих исследований. Договорились?

Кейт оценивающе поглядела на него:

– Да. Спасибо, Рэй.

Тот скомкал опустевшие бумажные пакеты.

– Пошли, пора. Покажу тебе свои наработки по операции «Прорыв», и мне надо двигать домой, иначе опять наживу крупные неприятности. – Рэй округлил глаза в шутливой гримасе.

– Мне казалось, Мэгс не против того, что у вас ненормированный график? – спросила Кейт, когда они возвращались в управление.

– В последнее время у нас будто что-то разладилось... – признался Рэй, сразу почувствовав себя предателем. Он почти ни с кем не откровенничал, за исключением Стампи, который знал Мэгс столько же, сколько Рэя. С другой стороны, вряд ли это можно счесть болтливостью: ведь его слышит только Кейт.

– Будто? – засмеялась она. – А наверняка вы не знаете?

Рэй невесело улыбнулся.

– Наверняка пока ничего не знаю. Не могу конкретно сказать, что неладно, но... У нас проблемы со старшим, с Томом. Он никак не освоится в школе, стал очень угрюмым и обособленным.

– А сколько ему?

– Двенадцать.

– По-моему, это особенность возраста, – отозвалась Кейт. – Моя мама клянется, что я вообще была чума...

– Верю, – не удержался Рэй. Кейт ткнула его в бок, и он засмеялся. – Но для Тома такое поведение необычно, и изменился он буквально за день.

– Думаете, его задирают в школе?

– Мне приходила такая мысль. Расспрашивать не лезу, чтобы не капать на мозги. Мэгс с ними лучше умеет, но и она ничего от Тома не добилась. – Он вздохнул. – Дети... Кто их только заводит?

– Точно не я, – сообщила Кейт, проводя картой-ключом по считывателю, чтобы открыть дверь служебного входа. – По крайней мере, в ближайшие годы. Еще столько всего хочется попробовать, – засмеялась она, и Рэй невольно позавидовал ее сравнительно беззаботной жизни.

Они поднялись на второй этаж, и Рэй остановился, взявшись за

дверную ручку:

– Насчет дела Джордана...

– Строго между нами, – улыбнулась Кейт. Рэй про себя вздохнул с облегчением. Если Риппон узнает, что он по-прежнему тратит ресурсы – пусть и бесплатные – на расследование, которое она прямым текстом приказала закрыть, он будет разжалован в патрульные, прежде чем успеет глазом моргнуть.

Вернувшись в свой кабинет, Рэй углубился в разработку операции «Прорыв»: Риппон поручила ему расследование предполагаемого отмывания денег двумя ночными клубами в центре Бристоля. Клубы служили ширмой для разнообразнейшей преступной деятельности, и предстояло обработать массу информации. Владельцы клубов были известными людьми и солидными бизнесменами; Рэй понимал – Риппон его проверяет, и готовился достойно ответить на вызов.

Вечером он разбирался с делами, которые вела третья оперативная группа. Констебль Келли Проктор ушла в декретный отпуск, и Рэй попросил самого опытного оперативника в группе не подвести. Шон работал хорошо, но инспектор хотел убедиться, что ничего не упускается в отсутствие Келли.

Кейт скоро тоже повысят, подумалось ему. Девушка настолько энергичная и способная, что может научить паре вещей даже матерых сыщиков, и с азартом берется за самые сложные задачи. Вон с каким вызовом она призналась, что не прекращала работу над расследованием: такую преданность разыскному делу еще поискать.

Интересно, что ею движет? Не желает смириться с поражением или и правда надеется на какой-то результат? Может, зря Рэй покорно согласился с Риппон, что дело пора закрывать? Он задумался, барабанил пальцами по столу. Рабочий день официально закончился, Рэй обещал жене не опаздывать, но на полчаса задержаться можно. Он быстро открыл нижний ящик и достал дело Джейкоба.

О времени он вспомнил спустя добрых полтора часа.

Глава 10

– А, я так и думала, что это вы! – запыхавшаяся Бетан догоняет меня на тропинке в Пенфач; полы ее незастегнутого пальто хлопают на ветру. – Я на почте была. Вот хорошо, что я вас встретила – у меня новость!

Я дожидаюсь, пока Бетан отдышится.

– Какая же?

– К нам вчера заходил торговый агент из компании, которая выпускает открытки, я показала ваши фотографии, а он сказал – из них получатся отличные открытки!

– Что, правда?

Бетан смеется:

– Конечно, правда! Он просит, чтобы вы распечатали несколько образцов, и он их заберет, когда в следующий раз к нам наведется.

Я не в силах сдержать широкой улыбки:

– Какая чудесная новость, спасибо!

– А я обязательно выставлю их на продажу. Да, а если вы создадите свой веб-сайт и выложите снимки в Сеть, я разошлю информацию по всему моему списку контактов. Многие захотят купить прекрасные фотографии залива, где проводили отпуск!

– Обязательно, – обещаю я, хотя понятия не имею, как создавать сайты.

– На песке же не только имена можно писать, но и «Желаю удачи!» или «Поздравляю!» и так далее.

– В самом деле. – Я представляю целую серию открыток, расставленных в ячейки проволочной стойки, узнаваемых по наклонной букве «J», которую я сделаю своим логотипом. Имени писать не буду, только инициал. Может, открытки действительно будут покупать, ведь мне давно пора начинать зарабатывать. Расходы у меня невелики – я почти ничего не ем, но вскоре закончатся последние деньги, и другого источника дохода у меня нет. К тому же я соскучилась по работе. Мысленно мне слышится злорадный, издевательский хохот, но я заставляю себя не обращать внимания. Почему это я не могу освоить новое направление? Отчего это люди не купят мои фотографии, как покупали скульптуры?

– Я так и сделаю, – решительно говорю я.

– Ну, тогда вопрос, считайте, решен, – заключает довольная Бетан. – Чем сегодня займетесь?

За разговором мы незаметно дошли до Пенфача.

– Да вот, думала пройтись по побережью, посмотреть новые места, – отзываюсь я. – Пофотографировать другие пляжи.

– Лучше Пенфача не найдете, – заверяет Бетан и глядит на часы. – Через десять минут отходит автобус до Порт-Эллис – неплохое местечко, можете начать оттуда!

Дождавшись автобуса, я с удовольствием поднимаюсь в салон. Автобус пустой, и я сажусь назад, подальше от водителя, чтобы не пришлось отвечать на расспросы. Мы едем от побережья по узким дорогам, и я смотрю, как остается позади море, а потом выискиваю его снова, когда мы приближаемся к месту назначения.

Тихое шоссе, где останавливается автобус, стиснуто каменными стенами, обступившими, кажется, весь Порт-Эллис. Тротуара нет, поэтому я иду по дороге, ведущей, по моим расчетам, к центру деревни. Погуляю по улицам, а потом спущусь к морю.

Черный пакет лежит полускрытым живой изгородью – он завязан узлом и выброшен в неглубокий кювет. Я почти прохожу мимо, приняв его за мусор, оставленный туристами.

Но пакет вдруг шевелится – совсем легонько.

Так легонько, что я сперва думаю – это ветер шевелит пластик. Я наклоняюсь и трогаю пакет: внутри явно находится что-то живое.

Опустившись на колени, я разрываю мусорный мешок. Отвратительная вонь страха и экскрементов бьет в нос, и я пытаюсь подавить дурноту, разглядев внутри двух щенков. Один лежит неподвижно, его спина разодрана в кровь когтями извивающегося, обезумевшего от страха второго щенка, который еле слышно скулит. У меня вырывается рыдание, и я подхватываю живого щенка, положив его за пазуху куртки. Кое-как поднявшись на ноги, я осматриваюсь и кричу человеку, переходящему дорогу метрах в ста:

– Помогите, пожалуйста!

Человек поворачивает и неторопливо направляется ко мне, ничуть не взволнованный моей паникой. Он очень стар, с горбатой спиной, его подбородок почти утыкается в грудь.

– Здесь есть ветеринар? – спрашиваю я, когда незнакомец подходит поближе.

Старик глядит на щенка, неподвижно и тихо лежащего в куртке, всматривается в черный пакет у кювета, щелкает языком и медленно поводит головой.

– Сын Алана Мэтьюса, – отвечает он, кивая в сторону, видимо, показывая, в каком направлении искать этого сына, после чего подбирает черный мешок с его ужасным содержимым. Я иду за стариком, чувствуя, как тепло от щенка распространяется в груди.

Больница оказывается маленьким белым домиком в конце переулочка. Над дверью красуется вывеска «Ветеринарная клиника Порт-Эллис». В темноватой приемной на пластмассовом стуле сидит женщина, держа на коленях кошачью переноску. Пахнет дезинфектантом и псиной.

Секретарша отрывается от компьютера:

– Здравствуйте, мистер Томас, чем могу помочь?

Мой компаньон кивает медсестре и опускает увесистый черный мешок ей на стол.

– Эта вот нашла щенков, выброшенных в канаву. Что за люди пошли... – Старик треплет меня по руке: – Тут вам помогут, не сомневайтесь.

На этом он выходит на улицу, заставив колокольчик над дверью восторженно задребезжать.

– Спасибо, что принесли... – На секретарше ярко-голубая туника с бейджем, на котором жирными выпуклыми буквами значится: «Меган». – Многие прошли бы мимо.

Ключи у нее висят на ремешке, унизанном яркими бейджиками для животных и значками благотворительных организаций – такие носят медсестры в детском отделении. Открыв пакет, Меган бледнеет и молча уносит его куда-то.

Через несколько секунд открывается дверь из кабинета врача, и Меган с улыбкой спрашивает:

– Вы хотите вылечить этого малыша? Патрик вас сейчас примет.

– Спасибо. – Я прохожу за Меган в комнату странной формы, со шкафами по углам. В дальнем конце стоит кухонный стол с маленькой металлической раковиной, над которой человек в медицинском халате моет руки ярко-зеленым мылом, покрыв себя пеной до локтей.

– Здравствуйте, я Патрик. Ветеринар, – добавляет он и смеется: – Но это вы уже поняли.

Он высокий – выше меня, что я встречаю нечасто, – с темно-русыми волосами, которых давненько не касались ножницы парикмахера. Под голубым халатом джинсы и клетчатая рубашка с закатанными рукавами. Улыбка открывает белые зубы. На вид ему лет тридцать пять.

– Меня зовут Дженна. – Я распахиваю куртку и вынимаю черного с белыми подпалинами щенка, успевшего заснуть и тихо посапывающего:

прискорбная участь брата его явно не тронула.

– Что тут у нас? – спрашивает ветеринар, мягко забирая щенка из моих рук. Песик просыпается, вздрагивает и съезживается. Патрик возвращает щенка мне. – Подержите его на столе, – просит он, – иначе стресс усугубится. Если в пакет его бросил мужчина, пройдет довольно много времени, прежде чем пес снова начнет нам доверять. – Он осторожно ощупывает дрожащее тельце, а я, нагнувшись, приговариваю щенку в ухо что-то успокаивающее, не забывая о том, что подумает Патрик.

– Что это за порода? – спрашиваю я.

– Чистокровный двортерьер.

– Кто? – Я выпрямляюсь, держа ладонь на спинке щенка, который уже не протестует против осторожного осмотра Патрика.

Ветеринар улыбается:

– Интересная помесь. В основном спаниель, судя по ушам, но кто еще принимал участие, можно только догадываться. Пожалуй, колли или в самом деле терьер... Чистопородных бы не выбросили, можете мне поверить.

Он поднимает щенка и отдает мне.

– Ужас какой, – отзываюсь я, вдыхая тепло маленькой собачки. Щенок утыкается носом мне в шею. – Кто мог такое сделать?

– Мы сообщим в полицию, но шансы, что виновника найдут, ничтожны. Народ здесь неразговорчивый, лишнего не сболтнет.

– И что с ним будет? – спрашиваю я.

Патрик сует руки в карманы своего хирургического халата и прислоняется к раковине.

– Вы сможете его взять к себе?

Я замечаю у доктора мелкие белые линии в уголках глаз, словно от постоянного прищура на солнце. Должно быть, он много времени проводит на свежем воздухе.

– Вряд ли ему найдут хозяина, – продолжает Патрик. – А в приюте мест не хватает. Было бы очень здорово, если бы вы взяли его домой. Судя по всему, из него выйдет прекрасный друг.

– Боже, но я не могу завести собаку! – вырывается у меня. Я не могу избавиться от ощущения, что все это произошло только потому, что я приехала в Порт-Эллис.

– Отчего же?

Я замираю в нерешительности. Как объяснить, что вокруг меня происходят сплошные несчастья? Я всей душой хочу вновь о ком-то заботиться, но в то же время такая перспектива повергает меня в ужас. Что,

если я не смогу стать хорошей хозяйкой? А вдруг щенок заболеет?

– Я даже не знаю, позволит домовладелец или нет, – отвечаю я наконец.

– А где вы живете? В Порт-Эллисе?

Я качаю головой:

– В Пенфаче, в коттедже недалеко от трейлерного парка.

В глазах Патрика мелькает искорка:

– Вы сняли коттедж Йестина Джонса?

Я киваю. Меня уже не удивляет, что Йестина в округе знают все.

– Его я беру на себя, – решительно говорит Патрик. – Йестин учился в школе вместе с моим отцом, и мне есть что ему припомнить. Вот увидите, он разрешит вам держать хоть стадо слонов.

Я невольно улыбаюсь и чувствую, что краснею.

– Пожалуй, слонов я приводить не буду...

– Спаниели отлично ладят с детьми, – добавляет Патрик. – У вас есть дети?

Пауза кажется бесконечной.

– Нет, – отвечаю я наконец, – детей у меня нет.

Щенок, приподнявшись на моих руках, начинает неистово лизать мне подбородок. Его крохотное сердечко бьется рядом с моим.

– Ладно, – решаюсь я, – я его возьму.

Глава 11

Рэй осторожно поднялся с постели, стараясь не разбудить Мэгс. Он обещал ей в выходные не вспоминать о работе, но если встать пораньше, у него будет целый час, чтобы ответить на электронные письма и посидеть над планом операции «Прорыв». Обыски пройдут в двух клубах одновременно, и если источники не подвели, полиция найдет крупную партию кокаина и документацию о движении денежных средств в этом якобы законном бизнесе.

Натянув брюки, Рэй спустился сварить кофе. Когда чайник уже кипел, сзади послышались шаги.

– Папуля! – Люси подбежала и с размаху обняла его за талию. – Я не знала, что ты проснулся!

– Ты уже не спишь? – Рэй разжал дочкину хватку и наклонился поцеловать Люси. – Прости, не попрощался с тобой на ночь. Как у тебя в школе?

– Нормально вроде бы. А у тебя на работе?

– Вроде бы нормально.

Они улыбнулись друг другу.

– Можно телевизор посмотреть? – затаив дыхание, Люси уставилась на отца огромными молящими глазами. У Мэгс было строгое правило насчет телевизора по утрам, но, во-первых, сегодня выходной, а во-вторых, у Рэя будет время поработать.

– Давай, только быстро.

Девочка побежала в гостиную, боясь, что папа передумает; тихо щелкнул включившийся телевизор, и в кухню донеслись делано высокие голоса персонажей какого-то мультфильма. Рэй, присев за кухонный стол, включил «блэкберри».

К восьми часам он разобрался с большинством писем и налил себе вторую чашку кофе, а в кухню вернулась Люси и пожаловалась – она умирает с голоду, когда будет завтрак?

– Том еще спит? – спросил Рэй.

– Спит. Он лентяй.

– Я не лентяй! – возмущенно раздалось со второго этажа.

– Нет, лентяй! – крикнула Люси.

По лестнице загрохотали шаги, и Том слетел на первый этаж с сердитой гримасой, пылающий от гнева и взлохмаченный со сна. На лбу у

него пламенели подростковые прыщи.

– Нет, не лентяй! – гаркнул он и толкнул сестру вытянутой рукой.

– Уй-я! – вскрикнула Люси, у которой тут же брызнули слезы. Ее нижняя губа задрожала.

– Да я тебя совсем не больно!

– Нет, больно!

Рэй застонал. Неужели все братья и сестры так ссорятся? Когда он уже хотел силой разнимать своих отпрысков, в гостиную спустилась Мэгс.

– Спать в восемь утра в выходной – какая же это лень, Люси, – мягко пожурела она. – Том, не бей сестру. – Она взяла у мужа чашку кофе: – Это мне?

– Да, – ответил Рэй и снова поставил чайник. Он поглядел на своих детей, которые уже сидели за столом и вслух планировали, что будут делать в летние каникулы, забыв – или отложив – свою ссору. Мэгс всегда умела разрядить обстановку. – Как ты это делаешь?

– Это называется воспитание, – отозвалась жена. – Попробуй, тебе понравится.

Рэй промолчал. В последнее время они с Мэгс постоянно пикировались, и у него не было настроения в сотый раз спорить, что важнее: работать с утра до ночи или растить детей.

Мэгс ходила по кухне, выставляя на стол все для завтрака, ловко и быстро делая тосты, наливая сок и успевая при этом пить кофе.

– Когда ты вчера пришел? Я не слышала, – надев фартук поверх пижамы, она выпустила яйца на сковороду. Этот фартук Рэй подарил ей на Рождество много лет назад, решив прикинуться незадачливым мужем, который дарит жене сковородки и гладильные доски, но Мэгс только этот фартук и носила. На нем была картинка с домохозяйкой 50-х годов и подпись: «Люблю готовить с вином – иногда даже в еду его добавляю». Рэй вспомнил, как приходил домой с работы и обнимал стоявшую у плиты Мэгс сзади, чувствуя, как фартук мнется под руками. Отчего он совсем перестал обнимать жену?

– В час, наверное, – признался Рэй. На бензозаправке в пригороде Бристоля произошло вооруженное ограбление. Патрульным удалось переловить всех четверых грабителей за несколько часов после инцидента. Рэй оставался в управлении скорее из солидарности со своей командой, чем из реальной необходимости.

Кофе был слишком горячим, но Рэй все равно сделал глоток, обжигая язык. Зажужжал «блэкберри»: Стампи писал, что четверым задержанным уже предъявлены обвинения, и на утреннем слушании судья оставил их под

стражей. Рэй сразу набрал сообщение суперинтенданту.

– Рэй! – с нажимом сказала Мэгс. – Никакой работы, ты же обещал!

– Извини, я докладываю насчет ночного ограбления...

– Всего два дня, Рэй! На работе как-нибудь обойдутся без тебя.

Она поставила сковороду с яичницей на стол и присела.

– Осторожно, горячо! – предупредила она Люси и посмотрела на Рэя: – Завтракать будешь?

– Попозже, сейчас в душ схожу. – Он задержался в дверях, глядя, как они втроем едят.

– В понедельник нужно оставить калитку открытой, придет мойщик окон, – говорила Мэгс. – Не запирай, когда завтра вечером будешь выставлять пакеты с мусором. Я ходила к соседям по поводу деревьев – обещали спилить в ближайшие дни, хотя в это я поверю, когда увижу...

Рэй думал, появится ли в «Пост» заметка о ночном задержании: пронюхивают же газетчики о нераскрытых делах!

– Круто, – рассеянно отозвался он.

Мэгс отложила вилку и поглядела на мужа.

– А? Что? – спросил Рэй. Поднимаясь на второй этаж, он вынул «блэкберри», чтобы сбросить пару строк дежурному сотруднику по связям с прессой: не стоит упускать случая подчеркнуть оперативность вверенного ему управления.

– Спасибо, – сказала Мэгс. Они сидели на диване, не включая телевизор.

– За что?

– За то, что в кои-то веки отложил свою работу. – Мэгс запрокинула голову и закрыла глаза. Морщинки в уголках глаз разгладились, и жена сразу показалась моложе. Рэй вдруг осознал, как часто она теперь ходит хмурая, и задумался – с ним та же история?

У Мэгс была улыбка, которую ее свекровь называла щедрой.

«Просто у меня большой рот», – засмеялась Мэгс, впервые услышав такое определение.

Собственный рот Рэя чуть изогнулся при этом воспоминании. Пусть жена сейчас меньше улыбается, но она по-прежнему все та же Мэгс, какой была много лет назад. Она любила сетовать на лишние фунты, набранные после рождения детей, но Рэю даже нравилось, какой стала Мэгс: мягкий круглый живот, полные, тяжелые груди. Однако жена оставалась глуха к его комплиментам, и он бросил ее хвалить.

– Да, здорово вышло, – подтвердил Рэй. – Нужно почаще так делать.

Они провели день дома, ничего особенного не делая, а потом, по случаю солнечной погоды, вышли поиграть в крикет. Рэй достал из сарая старый свингбол, и Люси с Томом лупили по мячу до сумерек, хотя Том громогласно возмущался, что это «детский маразм».

– Как приятно видеть, что Том смеется, – проговорила Мэгс.

– Да, в последнее время это редко бывает.

– Я о нем беспокоюсь.

– Ну, давай еще раз с учительницей поговорим.

– А смысл? – возразила Мэгс. – На носу летние каникулы. Может, в сентябре с другим преподавателем дела пойдут лучше. Том уже не будет одним из самых младших, станет увереннее...

Рэй попытался посочувствовать сыну, который всю последнюю четверть колупался с прежним отсутствием энтузиазма.

– Как я хочу, чтобы он с нами откровенно поговорил, – призналась Мэгс.

– Том клянется и божится, что все в порядке, – отозвался Рэй. – Переходный возраст, ничего не попишешь. Но ему придется переступить через свой характер, потому что если он и в выпускной класс пойдет с таким отношением к учебе, аттестат будет двоечный...

– Вы вроде сегодня лучше ладили, – перебила Мэгс.

Это было правдой – за целый день они ни разу не сцепились. Рэй не реагировал, если Том иногда огрызался, а Том перестал таращить глаза на выговоры отца. Сегодня был хороший день.

– Видишь, ничего страшного не произошло, когда ты выключил «блэкберри», – доказывала Мэгс. – Сердце у тебя не остановилось, холодным потом ты не облился, белая горячка не началась!

– Ха-ха. Ничего страшного, ага...

Конечно, он ничего не отключал, и «блэкберри» вибрировал в кармане целый день. Улучив минуту, Рэй удалился в туалет, просмотрел имейлы и убедился, что не пропустил ничего срочного. Ответив на письмо Риппон касательно операции «Прорыв», Рэй заметил, что Кейт что-то написала насчет дела Джордана, и ему не терпелось ознакомиться с ее письмом в спокойной обстановке. Мэгс не понимала, что игнорировать «блэкберри» в выходные означает накопить к понедельнику столько работы, что ее придется разгребать всю неделю, и ни на что другое времени не останется.

Он встал.

– Я в кабинет, поработаю часок.

– Что?! Рэй, ты же обещал!

– Так ведь дети уже спят, – удивился Рэй.

Мэгс молча потрясла головой, будто что-то попало в ухо.

– Что?

– Ничего, все нормально. Иди, работай.

– Я приду через час, обещаю.

На исходе второго часа Мэгс вошла в кабинет:

– Я подумала, ты не откажешься от чашки чая...

– Спасибо. – Рэй потянулся и застонал, когда в спине что-то хрустнуло.

Мэгс поставила кружку на письменный стол и взглянула на толстую стопку бумаг, которую читал муж.

– Это по ночным клубам? – Она пробежала глазами первые строчки. – Джейкоб Джордан? А это не тот мальчик, которого в прошлом году сбила машина?

– Тот.

– Разве дело не закрыто? – удивилась Мэгс.

– Закрыто.

Жена присела на подлокотник кресла, сосланного в кабинет, потому что не сочеталось с ковром в гостиной. С обстановкой кабинета кресло тоже не сочеталось, но оно было удивительно удобным, и Рэй отказывался с ним расставаться.

– Тогда почему ваш отдел над ним работает?

Рэй вздохнул.

– В том-то и дело, что не работает. Расследование прекращено, но я не сдал материалы в архив. Нужно просмотреть свежим глазом – вдруг мы что-то упускаем.

– Кто это – мы?

– Мы – это команда, – после неуловимой заминки ответил Рэй. Он и сам не знал, почему не назвал Кейт, но поправляться не стал. Лучше ее не впутывать, чтобы Риппон даже случайно не пронюхала. Нечего подмачивать девушке репутацию в самом начале карьеры.

– Рэй, – мягко начала Мэгс, – неужели тебе недостаточно текущей работы, что ты возишься с всякими?

– А мне кажется, опускать руки еще рано, – возразил Рэй. – Я не могу избавиться от ощущения, что мы поспешили закрыть дело. Если возобновить расследование, может, что и найдем...

– Опять как с Аннабель? – помолчав, спросила Мэгс.

Рэй стиснул чашку:

– Не начинай.

– Нельзя мучить себя по поводу каждого нераскрытого дела, –

подавшись вперед, жена сжала его колено: – Так ты себя с ума сведешь.

Рэй сделал глоток чая. Дело Аннабель Сноуден было самым первым, которое поручили вести ему, молодому инспектору полиции. Девочка пропала, возвращаясь из школы, и родители не находили себе места – по крайней мере, так всем казалось. Через две недели Рэй предъявил отцу девочки обвинение в убийстве, когда тело Аннабель нашли в белье в ящике кровати в папиной квартире; ее держали в живых больше недели.

– Я чуял какую-то странность в Терри Сноудене, – проговорил Рэй, подняв глаза на Мэгс. – Надо было добиться его ареста сразу после исчезновения Аннабель.

– Так ведь не было оснований, – возразила жена. – Инстинкт сыщика – это прекрасно, но расследования не ведутся по догадкам. – Она мягко закрыла папку, лежавшую перед мужем: – Это другое дело и другие люди.

– Все равно ребенок, – упорствовал Рэй.

Мэгс взяла руки мужа в свои:

– Он уже мертв, Рэй. Ты можешь до пенсии рыть носом землю, но Джейкоб не воскреснет. Смирись и отпусти это от себя.

Рэй не ответил. Он повернулся к столу и снова открыл папку, почти не заметив, как Мэгс ушла в спальню. Когда он проверил почту, там оказалось новое сообщение от Кейт, присланное пару минут назад. Он быстро набрал ответ:

«Еще не спишь?»

Ответ не замедлил:

«Проверяю, нет ли мамы Джейкоба в «Фейсбуке». Заодно смотрю, что продается на «eBay». А вы?»

«Просматриваю сообщения о сгоревших машинах, поступившие в полицию соседних районов. Материала много».

«Отлично, теперь я не засну!»

Рэй представил, как Кейт сидит на диване с ноутбуком справа и какой-нибудь вкуснятиной слева.

«Шоколадное мороженое?» – написал он.

«Как вы догадались?!»

Рэй довольно улыбнулся и оттащил иконку почты в угол экрана, чтобы видеть новые сообщения, а сам начал читать полученные по факсу ответы из больниц.

«Разве вы не пообещали Мэгс не работать в выходные?»

«Я и не работал! Так, чуть-чуть, когда дети заснули. Кто-то же должен составить тебе компанию».

«Польщена. Лучший способ провести субботний вечер!»

Рэй засмеялся.

«Что-нибудь полезное в «Фейсбуке» нашла?»

«Есть пара возможных вариантов, но у них в профиле нет фотографий. Погодите, мне звонят. Я сейчас».

Рэй нехотя закрыл почту и углубился в ответы из больниц. Прошло много месяцев со смерти Джейкоба, и Рэй боролся с ощущением, что он напрасно тратит время. Разбитая фара оказалась от «Вольво» одной домохозяйки, которая не справилась с управлением на обледеневшей дороге и задела одно из деревьев у обочины. Столько работы насмарку! И, однако, они продолжают. Рэй играл с огнем, нарушая прямой приказ Риппон, не говоря о том, что позволил Кейт делать то же самое, но он зашел слишком далеко и не мог остановиться, даже если бы захотел.

Глава 12

Днем станет теплее, но сейчас воздух еще не прогрелся. Я поеживаюсь, поднимая плечи.

– Какая холодина, – жалуясь я вслух.

Я начала говорить сама с собой, как та старуха, таскавшаяся через Клифтонский подвесной мост с хозяйственными сумками, набитыми газетами. Как-то она там, все еще ходит каждое утро на правый берег и обратно каждый вечер? Стоит откуда-нибудь уехать и кажется, что там все по-прежнему, хотя ничто не остается неизменным надолго. Моя жизнь в Бристоле будто принадлежала кому-то другому.

Я прогоняю эту мысль и натягиваю ботинки, а на шею наматываю шарф. Повоевав с замком, который норовит зажать ключ и не дать ему провернуться, я запираю коттедж и опускаю ключ в карман. Бо бежит за мной по пятам. Щенок следует за мной тенью, не желая терять из виду ни на миг. Когда я впервые принесла его домой, он скулил всю ночь, просясь на кровать. Стыдно признаваться, но я накрыла голову подушкой и игнорировала плач щенка, зная, что если привяжусь к нему, то потом пожалею. Через несколько дней песик перестал скулить и спит теперь у нижней ступеньки, просыпаясь на каждый скрип половиц в моей комнате.

Я перечитываю сегодняшние заказы; я помню их наизусть, но нельзя же допустить ошибку. Бетан, верная слову, горячо рекомендует мои снимки всем постояльцам трейлеров, и даже не верится, что у меня теперь нет и минуты свободной. Не как раньше, с выставками и заказами, но тем не менее я загружена работой. Я уже дважды пополняла запас фотографий в магазине и не устаю выполнять заказы, поступающие на мой доморощенный сайт. Ему, конечно, далеко до моего прежнего профессионального сайта со множеством функций, но всякий раз меня охватывает гордость, что я создала его сама, без посторонней помощи. Это, конечно, мелочь, но я начинаю думать, что, пожалуй, я не так бесполезна, как мне казалось.

Я не указала на сайте своего имени – только галерея фотографий, довольно неуклюжая и примитивная система заказов и название моего нового предприятия: «Надписи на песке». С выбором мне помогла Бетан – за бутылкой вина, распитой в коттедже однажды вечером, когда она заговорила о моем бизнесе с таким энтузиазмом, что я невольно увлеклась.

«А если так? Что скажете?» – то и дело спрашивала она.

Моим мнением никто не интересовался уже очень давно.

Август – самый разгар сезона, трейлерный парк переполнен, и хотя я вижу с Бетан минимум раз в неделю, мне не хватает зимней тишины, когда мы могли проговорить час и более, грея ноги у старого масляного радиатора в углу магазина. На пляжах тоже яблоку негде упасть – приходится вставать до рассвета, чтобы застать гладкий песок.

Над головой кричит чайка, и Бо с лаем носится вдоль прибоя. Птица дразнит его со своей недостижимой высоты. Ногой я отбрасываю выброшенные морем обломки и поднимаю длинную палку. Сейчас отлив, но песок теплый и уже подсыхает. Придется писать ближе к воде. Вынув листок из кармана, я напоминаю себе о первом заказе:

– Джулия, – говорю я. – Незатейливо, зато по существу.

Бо вопросительно смотрит на меня – щенку кажется, что я разговариваю с ним. Может, так и есть, хотя я не должна к нему слишком привязываться. Я отношусь к Бо, как Йестин к своим пастушьим собакам: это его инструменты для выполнения определенных задач. Бо – мой охранник. Пока мне не была нужна защита, но, может, и понадобится.

Наклонившись, вытянутой рукой я вывожу заглавную «джей», отступаю, прикидывая размер, и дописываю остальные буквы. Радуюсь, что так удачно вышло, я отбрасываю палку и беру за фотоаппарат. Солнце уже поднялось над горизонтом, и ранний утренний свет придает песку красивый розовый оттенок. Я делаю десяток снимков, низко присев на корточки, пока надпись не скрывается под белой пеной набежавшей волны.

Я ищу новый чистый участок пляжа, проворно набирая целую охапку выброшенных на берег обломков. Выложив из них своеобразное обрамление, критически оглядываю результат. Пряди мокрых водорослей смягчают торчащие концы палок и твердость камней. Сердце из плавника шести футов в ширину получилось достаточно большим, чтобы внутри уместилось витиеватое «Прости меня, Элис». Я дотягиваюсь до одного из кусков дерева, желая его передвинуть, как вдруг Бо бросается к скалам, заливаясь лаем.

– Спокойно! – кричу я, прикрывая висящую на шее камеру на случай, если щенку вздумается прыгнуть на меня. Однако Бо, не обращая внимания, несется мимо (из-под лап разлетается мокрый песок) к дальнему концу бухты, где принимается прыгать вокруг человека, идущего по пляжу. Сперва я решила, что это тот владелец собаки, который заговаривал со мной месяц назад, но мужчина убирает руки в карманы плотной куртки, и у меня перехватывает дыхание, настолько знаком мне этот жест. Как такое может быть? Я здесь никого не знаю, кроме Бетан и Йестина, однако

мужчина, до которого остается едва сотня метров, явно направляется ко мне. Я вижу его лицо – я его знаю, однако не могу вспомнить, и эта беспомощность делает меня слабой. Заикаясь от страха, я подзываю Бо.

– Вы Дженна, да?

Я хочу бежать, но ноги будто свинцовые. Мысленно я перебираю всех знакомых из Бристоля. Я точно встречала его раньше.

– Простите, я не хотел вас напугать, – говорит человек, и я осознаю, что меня бьет крупная дрожь. Он, кажется, действительно сожалеет и обезоруживающе улыбается, будто извиняясь. – Я Патрик Мэтьюс, ветеринар из Порт-Эллиса.

И тут я вспоминаю – да, именно так он убирал руки в карманы голубого хирургического халата!

– Простите, пожалуйста, – опомнившись, говорю я. Голос звучит тоненько и неуверенно. – Я вас не узнала. – Я бросаю взгляд на тропинку, ведущую наверх. Скоро отдыхающие потянутся к морю, готовясь провести целый день у воды, вооружившись против капризов погоды штормовками, кремом от солнца и зонтами. Впервые я радуюсь тому, что сейчас разгар сезона и в Пенфаче яблоку негде упасть: улыбка у Патрика приятная, но однажды я уже поверила приятной улыбке.

Он нагибается и чешет Бо за ушами.

– Вы отлично справляетесь! Как вы его назвали?

– Бо^[3].

Не в силах совладать с собой, я отступаю на два маленьких шажка, и комок в горле сразу делается мягче. Я заставляю себя опустить руки, но они будто сами поднимаются и находят друг друга.

Патрик садится на песок и всячески гладит и чешет Бо, который моментально подставляет пузико, радуясь непривычной ласке.

– Надо же, совсем не боится!

Меня ободряет спокойствие Бо – недаром же говорят, что собаки чувствуют хорошего человека.

– Да, он молодец.

– Замечательный пес. – Патрик поднимается и отряхивает колени. Я стою неподвижно. – С Йестином проблем не возникало? – улыбается Патрик.

– Ни малейших, – искренне отвечаю я. – Больше того, он считает, что в хозяйстве без собаки не обойтись.

– Склонен с ним согласиться. Я бы и сам с удовольствием завел пса, но при моей загруженности бедняге пришлось бы несладко. Впрочем, я постоянно общаюсь с животными, так что жаловаться не приходится.

Он явно много времени проводит у моря: в его ботинки въелся мелкий песок, складки куртки белые от соли. Патрик кивает на сердце на песке:

– А кто такая Элис и почему вы просите у нее прощения?

– О, это не я... – Он, должно быть, считает меня чудачкой, рисующей на песке. – То есть извинение не мое. Я только делаю фотографию.

Патрик, кажется, не совсем понимает.

– Я фотограф, – поясняю я, приподняв камеру для пущей убедительности. – Люди присылают мне заказы, пишут, что именно хотели бы увидеть на песке, я спускаюсь сюда, пишу слово или фразу, а потом высылаю фотографии... – Я замолчала, но Патрик вроде бы искренне заинтересовался:

– И что просят?

– В основном любовные послания или предложения руки и сердца, но вообще чего только не бывает. Это вот извинение, а иногда заказывают знаменитые цитаты или строчки из любимых песен. Всякий раз что-то новое. – Я замолкаю, чувствуя, как густо краснею.

– Так у вас свой бизнес? Какая прекрасная работа! – Я силюсь расслышать в его голосе нотки сарказма, но ничего такого не нахожу и позволяю себе немного погордиться. Это действительно прекрасная работа, и я создала ее из ничего.

– Я и другие фотографии продаю, – хвастаюсь я. – В основном Пенфачского залива. Здесь удивительно красиво, многие хотят увезти с собой снимок на память.

– Да, очень живописная бухта, мне здесь нравится.

Мы замолкаем, глядя, как разбиваются о берег поднявшиеся волны. Во мне растет смутное беспокойство, и я стараюсь придумать, что еще сказать.

– Что привело вас на пляж? – спрашиваю я. – Немногие спускаются сюда в такую рань, разве что собаку выгулять.

– Мне нужно было выпустить птицу, – объясняет Патрик. – Женщина принесла баклана со сломанным крылом, и он жил у нас в больнице, пока не поправился. Я его и привез выпустить вон оттуда, сверху. Птиц надо выпускать там, где подобрали, тогда у них больше шансов выжить. А потом я разглядел ваше послание на песке, не устоял и спустился полюбопытствовать, кому вы пишете. И только на пляже понял, что мы уже встречались.

– Баклан улетел, все нормально?

Патрик кивает:

– С ним все будет хорошо, у них не редкость такие травмы. Вы вроде бы не местная? Я помню, вы говорили, что недавно приехали в Пенфач. А

где вы жили раньше?

Не успеваю я ответить, как у Патрика пиликает мобильный. Механическая музыка кажется неуместной здесь, у моря. Я внутренне вздыхаю с облегчением, хотя у меня наготове давно придуманная история, обкатанная на Йестине, Бетан и случайных прохожих, подходящих иногда поговорить. По профессии я художница, но повредила руку и не могу рисовать, поэтому занимаюсь фотографией. В конце концов, это недалеко от истины. О детях меня еще не спрашивали, и я гадаю, неужели ответ настолько очевиден.

– Простите, – извиняется Патрик, хлопая себя по карманам, и извлекает маленький пейджер вместе с пригоршней сухих отрубей и соломинок, которые стряхивает на песок. – Я ставлю на максимальную громкость, иначе не услышу... О, мне нужно бежать. Я волонтер на спасательной станции в Порт-Эллисе, два раза в месяц дежурю. Похоже, что-то срочное. – Он бросает пейджер в карман: – Очень приятно было встретиться, Дженна. Очень!

Помахав на прощание, Патрик действительно бежит по песку до крутой тропинки и исчезает, прежде чем я успеваю с ним согласиться.

В коттедже Бо без сил плюхается в свою корзинку, а я загружаю утренние снимки в ноутбук, ожидая, пока закипит чайник. Фотографии вышли лучше, чем я думала, учитывая, что меня прервали: буквы прекрасно читаются на сохнувшем песке, сердце из плавника выглядит идеально. Я оставляю на экране самую удачную фотографию, чтобы позже отредактировать, и иду с кофе наверх. Пусть потом я об этом пожалею, но удержаться я не могу.

Опустившись на пол, я ставлю кружку рядом и лезу под кровать за шкатулкой, к которой не прикасалась с самого приезда в Пенфач. Сев потурецки, я открываю крышку и вдыхаю запах воспоминаний. Мне почти сразу становится нестерпимо больно, и я понимаю – лучше не копаться в шкатулке, но, как наркоман в поисках дозы, я остаюсь глуха к доводам разума.

Я беру маленький фотоальбом, лежащий поверх документов. Один за другим я перебираю снимки с таких далеких времен, что они кажутся чужими. Вот я стою в саду, вот в кухне, готовлю. Вот я беременная, гордо выставляю живот и улыбаюсь в камеру. Комок в горле становится плотнее, и глаза знакомо начинает щипать. Я моргаю, прогоняя слезы. В то лето я была счастлива как никогда, уверенная, что эта новая жизнь, ребенок – все изменят, и мы начнем все заново. Я думала, это наш второй шанс. Я

поглаживаю фотографию, проводя пальцем по очертаниям своего живота, вспоминая – где в то время была его головка, согнутые ручки и ножки, едва сформировавшиеся пальчики.

Нежно, словно чтобы не побеспокоить моего нерожденного ребенка, я закрываю альбом и убираю в шкатулку. Стоило бы пойти вниз, пока самообладание не оставило меня вовсе, но это как раскачивать шатающийся зуб или отдирать засохшую корку с раны. Я шарю в шкатулке, пока пальцы не касаются мягкого кролика, с которым я спала каждую ночь, пока была беременна, чтобы отдать новорожденному сыну вещь, пахнущую мамой. Я прижимаю игрушку к лицу и вдыхаю, отчаянно стараясь почувствовать запах моего ребенка. У меня вырывается подавленный вой, и Бо бесшумно взбегают по лестнице и входит в спальню.

– Марш вниз, – приказываю я.

Пес не слушается.

– Вон отсюда! – ору я, обезумев, вцепившись в детскую игрушку. Я кричу, не в силах остановиться, хотя вижу перед собой не Бо, а человека, отобравшего у меня сына, мужчину, оборвавшего мою жизнь вместе с жизнью моего ребенка. – Вон! Вон!

Бо прижимается к полу, напрягшись всем тельцем и прижав уши, но не сдается. Медленно, дюйм за дюймом, он поползает ко мне, не сводя с меня взгляда.

Ярость отступает так же внезапно, как и овладела мной.

Бо подползает вплотную и кладет голову мне на колено. Он зажмуривается, и я чувствую вес и тепло щенка через ткань джинсов. Моя рука сама тянется его погладить, и из глаз каплют непрошеные слезы.

Глава 13

Перед операцией «Прорыв» Рэй собрал свой отдел. Кейт он поручил сбор вещдоков – непростая задача для того, кто работает в полиции всего полтора года, однако инспектор не сомневался: девушка справится.

– Конечно, справлюсь! – заявила она, когда начальник поделился с ней своими соображениями. – Я же всегда смогу подойти к вам с вопросами?

– В любое время, – подтвердил Рэй. – После работы выпьем?

– Только попробуйте меня остановить!

Они взяли в привычку встречаться два-три раза в неделю посовещаться о деле Джордана. Исчерпав темы касательно расследования, они стали меньше говорить о том роковом наезде и больше о себе. Рэй с удивлением узнал, что Кейт тоже страстная болельщица «Бристоль сити», и они провели немало приятных вечеров, сокрушаясь по поводу вылета команды из высшей лиги. Впервые за много лет Рэй почувствовал себя не только мужем, отцом и инспектором полиции, но и самим собой.

Из осторожности он не занимался делом Джордана в рабочие часы. Рэй напрямую нарушал приказ, но, раз он делал это в свое свободное время, то рассудил, что Риппон придраться не к чему. Вот найдут они вескую улику, которая позволит задержать подозреваемого, – тогда начальница запоем по-другому.

Необходимость таиться от сотрудников привела к тому, что Рэй и Кейт начали встречаться в пабах подальше от полицейского управления. Заведение «Лошадь и жокей» было малолюдным, с высокими перегородками вокруг столиков; можно разложить бумаги, не рискуя выдать себя, – хозяин паба головы не поднимал от кроссвордов. Это был отличный способ сбросить стресс, прежде чем ехать домой, и Рэй ловил себя на том, что поглядывает на часы в ожидании конца рабочего дня.

Обычно его задерживал телефонный звонок в пять часов, и пока он добирался до «Жокея», Кейт успевала выпить половину своего бокала. По невысказанной договоренности, заказ делал тот, кто приходил первым, и сейчас пинта «Прайда» ждала Рэя на столе.

– Из-за чего задержались? – любопытствовала Кейт, пододвигая ему кружку. – Что-нибудь интересное?

Рэй отпил пива.

– Нам перепала информация, которая может оказаться весьма полезной, – негромко ответил он. – Под одним наркодилером из Крестона

ходят шесть или семь шестерок, толкают наркоту на улицах. Можно оформить в четкое милое дело.

Один из самых ярких парламентариев от лейбористской партии усмотрел в проблеме наркотиков подходящее основание для разглагольствований об угрозе обществу со стороны «кварталов, где закон бессилён», и Рэй знал, что Риппон очень хочет показать – полиция ведет масштабную предупреждающую работу. Если операция «Прорыв» пройдет как задумано, Рэй рассчитывал заслужить расположение начальницы и возглавить и новую операцию тоже.

– Отдел по борьбе с домашним насилием связался с Доминикой Леттс, подружкой одного из толкачей, – поделился он с Кейт. – Убеждают ее написать на него заявление. Не хватало только его спугнуть обвинением в нанесении побоев сожительнице, но и девицу обезопасить бы надо...

– А ей что-то угрожает?

Рэй подумал.

– Не знаю. В отделе настаивают на категории повышенного риска, но Леттс решительно заявила, что ничего писать не будет, и категорически отказалась сотрудничать.

– А сколько времени нам надо на подготовку операции?

Рэй прикинул в уме.

– Несколько недель. Да, это опасно. Нужно поместить Леттс в приют – при условии, что она согласится, – и придержать обвинения в нанесении побоев, пока не возьмем его за наркоту.

– Выбор Хобсона, – задумчиво сказала Кейт. – Что важнее – распространение наркотиков или домашнее насилие?

– Все не так просто – куда ты отнесешь насилие под влиянием наркотиков? Ограбления, совершенные торчками, ищущими новой дозы? Эффект от распространения этой дряни, может, не такой быстрый, как от удара кулаком по лицу, но тоже чреват серьезными последствиями и не менее болезненный... – Рэй спохватился, что горячится, и замолчал.

Кейт успокаивающе накрыла его руку ладонью.

– Эй, я же нарочно! Да, придется решать.

Рэй смущенно улыбнулся.

– Всякий раз завожусь, когда встает подобный выбор.

На самом деле он и думать об этом забыл. После стольких лет работы в полиции соображения, когда-то побудившие его выбрать профессию полицейского, давно были погребены под бумажными горами и проблемами с персоналом. Вспомнить о важном оказалось приятно.

Он взглянул в глаза Кейт, ощущая тепло ее кожи. Девушка убрала руку

и смущенно засмеялась.

– Ну что, по последней? – уточнил Рэй и пошел к бару. Когда он вернулся, момент нежданной близости уже миновал. А может, ему вообще все показалось. Поставив кружки, он надорвал пакет чипсов и положил посреди стола.

– По делу Джейкоба у меня ничего нового, – признался он.

– У меня тоже. – Кейт вздохнула: – Неужели придется махнуть рукой?

– Судя по всему, да. Мне очень жаль.

– Спасибо, что разрешили не бросать расследование.

– Ты правильно сделала, что не сдалась, – отозвался Рэй.

– Мы же никуда не продвинулись!

– Да, но теперь закрыть дело кажется хоть отчасти оправданным. Мы действительно сделали все, что в наших силах.

Кейт медленно кивнула, оценивающе глядя на Рэя:

– Да, сейчас ощущения другие.

– В смысле?

– Похоже, вы все-таки не подкаблучник начальства, – широко улыбнулась она, и Рэй засмеялся, радуясь, что вырос в ее глазах.

Они хрустели чипсами в дружеском молчании. Рэй проверил телефон – нет ли сообщения от Мэгс.

– Как дома?

– По-старому, – отозвался Рэй, убирая телефон в карман. – Том по-прежнему угрюмый и недовольный, а мы с Мэгс спорим, как с этим быть. – Он фыркнул, но на сей раз Кейт не улыбнулась.

– Когда вам в следующий раз к учительнице?

– Вчера ходили, – угрюмо отозвался Рэй. – Учебный год начался всего полтора месяца назад, а Том уже прогуливает уроки. – Он побарабанил пальцами по столу. – Не понимаю я этого парня. Летом все было нормально, но едва начались занятия, Том опять стал необщительным, надутым и строптивым.

– Считаете, его травят в школе?

– Учительница клянется, что нет, но ведь такие вещи творятся без ведома учителей. – Рэй был не особо высокого мнения о директрисе школы, которая сразу же попыталась переложить вину на Мэгс и Рэя за то, что они не выступили «единым фронтом» на родительских собраниях. Мэгс пригрозила приехать к Рэю в управление и насильно привезти его на очередную встречу, и Рэй так забеспокоился, что забыл – он в тот день работает дома и вполне успевает к директрисе. Впрочем, собрание ничего не изменило.

– Учителя считают, что Том дурно влияет на других учеников. Подрывает дисциплину, понимаешь! – Рэй презрительно хмыкнул: – В его-то возрасте! Это просто смешно! Если они не могут справиться со строптивыми детьми, нечего было идти в учителя. Ничего Том не подрывает, просто он вредный!

– Интересно, в кого, – ввернула Кейт, сдерживая улыбку.

– Придержите язык, констебль Эванс! Или снова в патрульные захотелось? – усмехнулся Рэй.

Смешок Кейт перешел в зевок.

– Простите, я с ног валюсь. Пожалуй, поеду домой. Машина в гараже, пойду на автобус.

– Я тебя сам отвезу.

– Точно? Мне в другую сторону.

– Точно. Хотя посмотрю, как живут в дорогах районах.

Кейт жила в высотке в центре Клифтона, где цены на квартиры, по мнению Рэя, были раздутыми до бесстыдства.

– Родители помогли с ипотекой, – пояснила Кейт. – Сама бы я в жизни на нее не заработала. Квартирка крошечная – всего две комнаты, и во вторую кровать ставить не захочешь.

– А в другом районе за эти деньги ты бы взяла трешку!

– Да, но это же Клифтон! – Кейт широко повела рукой: – Где еще можно купить фалафель в три часа ночи?

Единственное, чего Рэю иногда хотелось в три часа ночи, – это отлить, поэтому особой привлекательности в ночном фалафеле он не уловил.

Кейт отстегнула ремень безопасности и взялась за ручку дверцы:

– Хотите подняться ко мне посмотреть квартиру?

Она спрашивала небрежным тоном, но воздух вдруг загустел, как патока, и Рэй почувствовал – он готов перейти черту, которую отказывался признавать много месяцев.

– С удовольствием, – отозвался он.

Квартира оказалась на верхнем этаже, куда новый красивый лифт доставил их за несколько секунд. Дверцы разъехались, открыв маленькую, устланную ковром площадку с кремовой дверью напротив. Рэй посторонился, пропуская Кейт первой. Когда лифт закрылся, они постояли. Кейт смотрела на него в упор, чуть приподняв подбородок; на лоб ей падала прядка волос. Рэй понял, что ему не хочется уходить.

– Это же я, – проговорила Кейт, глядя ему в глаза.

Рэй кивнул и отвел непослушную прядь ей за ухо. А затем, уже не думая, что происходит, он поцеловал Кейт.

Глава 14

Бо сопит мне в согнутое колено, и я чешу песика за ухом. Я все-таки привязалась к щенку, и Бо теперь спит на моей кровати, как просился с самого начала. Когда я просыпаюсь с криком, Бо всегда рядом и ободряюще лижет мне руку. Постепенно, незаметно для меня, горе изменило свою форму: страшная, невыносимая боль, которую невозможно заглушить, сменилась ноющей, тупой, которую я научилась запираť в глубине сознания. Если ее не тревожить, я могу притвориться, что все в порядке, что у меня никогда не было другой жизни.

– Ну, пошли. – Я выключаю лампу на тумбочке. Ночник не может соперничать с солнечным светом, льющимся в окно. Прожив в Пенфаче почти год, я выучила здешние сезоны и нахожу в этом отрадное удовлетворение. Бухта никогда не бывает одинаковой: меняются приливы, капризничает погода, даже мусор, выброшенный волнами на пляж, не повторяется. Сегодня море в пене от ночного дождя, песок серый и мокрый, а над водой висят сизые тучи. Палаток уже нет, у магазина лишь «домики» Бетан и несколько частных трейлеров тех, кто решил воспользоваться скидками конца сезона. Вскоре трейлерный парк закроется, и пляж снова станет только моим.

Бо убегает вперед и в несколько прыжков оказывается на песке. Начался прилив, и щенок бросается к волнам, лая на холодную воду. Я хохочу. Бо уже больше похож на спаниеля, чем на колли, разве что лапы длинноваты, и в нем столько энергии, что я не знаю, иссякнет она когда-нибудь или нет.

Я оглядываю скалы, но наверху никого нет, отчего я немного огорчаюсь, сразу же себя отчитав. Нелепо надеяться снова встретить Патрика, который бывает в Пенфаче лишь по необходимости, но ожидание рождается помимо воли.

Я нахожу гладкий участок, где можно работать. Зимой поток заказов, наверное, обмелеет, но пока желающих много. При виде каждой заявки, поступившей на сайт, я ощущаю азарт художника: мне нравится воображать ситуации, побудившие заказчиков просить о той или иной фразе. Почти всегда обратившиеся ко мне как-то связаны с морем, и многие, получив заказ, спешат поблагодарить, восхищаются фотографиями и рассказывают, как в детстве играли на пляже или целый год копили

деньги, чтобы всей семьей отдохнуть у моря. Иногда меня спрашивают, что это за место на фотографии, но я никогда не отвечаю.

Я уже готова вывести первую букву, но тут Бо начинает лаять. Подняв голову, я вижу идущего ко мне человека. У меня перехватывает дыхание, но человек приветственно машет, и я понимаю, что это Патрик. Я невольно улыбаюсь, и хотя сердце учащенно бьется, виной тому не страх.

– Я надеялся вас застать, – начинает он еще издали. – Вам помощник не нужен? – Патрик сегодня не в сапогах, и вельветовые брюки внизу украшены узорами мокрого песка. Уголок воротника куртки с одной стороны торчит, и я подавляю желание его поправить.

– Доброе утро, – отвечаю я. – В каком смысле помощник?

Патрик широким жестом обводит пляж:

– Ну, я бы мог что-нибудь написать...

Я не понимаю, смеется он надо мной или нет, поэтому молчу.

Патрик берет палку из моей руки и выжидательно смотрит, замерев над пустым участком песка.

– Это не так легко, как может показаться, – говорю я, вдруг занервничав и стараясь скрыть неловкость. – Ваши следы не должны попасть в кадр, и работать нужно быстро, пока не начался прилив.

Не припомню, чтобы кто-то захотел разделить со мной эту сторону моей жизни: творчество всегда словно находилось в соседней комнате – занятие только для меня, отдушина в моей реальности.

– Понял. – Патрик мгновенно сосредотачивается, что я нахожу трогательным: ведь речь идет всего лишь о послании на песке.

Я зачитываю первый заказ:

– Просто, но со вкусом: «Спасибо, Дэвид».

– Ага, а вот за что спасибо, интересно... – приговаривает Патрик, нагнувшись над песком и выводя первое слово. – Спасибо, что кормил мою кошку? Или что спас мне жизнь? Или что согласился жениться на мне, несмотря на мою интрижку с почтальоном?

Я пытаюсь сдержать улыбку.

– Спасибо, что научил меня танцевать фламенко, – предполагаю я, стараясь сохранять серьезность.

– Спасибо за широкий выбор хороших кубинских сигар!

– Спасибо, что увеличил мой кредитный лимит!

– Спасибо за... – Дописывая последнее слово, Патрик теряет равновесие и ныряет вперед, успев выставить ногу – прямо посреди готовой надписи. – Ох, черт! – отступив, он оглядывает дело ног своих и виновато смотрит на меня.

Я хохочу:

– Я предупреждала, это труднее, чем кажется!

Патрик отдает мне палку.

– Признаю ваше явное творческое превосходство – мой вариант все равно далек от идеала. Вон, все буквы разные.

– Ничего, глаза боятся – руки делают. – Я оглядываюсь в поисках Бо. Щенка приходится срочно подзывать, чтобы отвлечь от краба, с которым он вознамерился поиграть.

– А как вам это? – спрашивает Патрик, что-то выводя в стороне. Я ожидаю увидеть новый вариант «спасибо» и немного обалдеваю, прочитав предложение сходить в ресторан.

– Лучше, – машинально отзываюсь я, – но этого нет среди зака... – Я осекаюсь, чувствуя себя глупо. – А, понятно...

– Может, в «Кросс оук» сегодня вечером? – Голос Патрика дрожит: он тоже волнуется. Это придает мне уверенности.

Я колеблюсь, но лишь секунду, не обращая внимания на забившееся сердце.

– С удовольствием!

Остаток дня я жалею о своем порыве, и к вечеру меня буквально трясет от волнения. Я представляю разнообразные варианты нехорошего развития событий и вспоминаю все, что Патрик когда-либо при мне говорил, пытаюсь найти что-нибудь настораживающее. Действительно ли он такой искренний, как кажется? Людям вообще свойственна такая открытость? Меня даже посещает мысль дойти до деревенского таксофона, позвонить в ветклинику и все отменить, но я знаю – у меня не хватит на это мужества. Чтобы убить время, я принимаю ванну в такой горячей воде, что кожа становится ярко-розовой, а затем сижу на кровати и соображаю, что надеть. Последний раз на свидание я ходила десять лет назад, и теперь мне страшно шагнуть из привычных рамок. Бетан продолжала освобождать свои шкафы; большинство ее вещей мне велики, но я примеряю темно-фиолетовую юбку: если стянуть ее в талии шарфом, она сядет неплохо. Я прохожусь по комнате, радуясь непривычному ощущению голых ног и прикосновению ткани к бедрам. На секунду я вновь чувствую себя той девушкой, какой была когда-то, но, поглядевшись в зеркало, спохватываюсь – подол выше колен, ноги вызывающе открыты. Я стаскиваю юбку и, зашвырнув ее в шкаф, хватаюсь за джинсы, которые только что сняла. Затем нахожу чистую блузку и причесываю волосы. Я выгляжу совсем как час назад – в точности как и всегда. Я опять думаю о той прежней девушке,

которая тратила на сборы по несколько часов, включала музыку и разбрасывала косметику по всей ванной; в комнате нечем было дышать от сильных духов. Тогда и я не догадывалась, какой бывает реальная жизнь.

Я иду к трейлерному парку, где мы с Патриком договорились встретиться. В последнюю минуту я решила взять с собой Бо, и его присутствие вернуло мне частицу той храбрости, которую я ощущала утром на пляже. Когда я добираюсь до парка, Патрик стоит у открытой двери магазина, разговаривая с Бетан, прислонившейся к косяку. Они над чем-то смеются, и я невольно думаю, уж не надо мной ли.

Бетан замечает меня первой. Патрик оборачивается и с улыбкой глядит, как я подхожу. Сначала я думаю, что он собирается поцеловать меня в щеку, но он лишь мягко касается моей руки, когда здоровается. Неужели у меня такой испуганный вид?

– Ну, будьте умниками! – с улыбкой напутствует нас Бетан.

Патрик смеется, и мы направляемся в деревню. По дороге он сыплет байками из жизни своих мохнатых и пернатых пациентов, по-моему, слегка приукрашивая истину, но я благодарна за эти бесконечные истории. Я немного успокаиваюсь, только когда мы доходим до «Кросс оук».

Пабом владеет Дэйв Бишоп, йоркширец, приехавший в Пенфач всего за пару лет до меня. Теперь они с супругой Эммой стали здесь совсем своими и знают всех по имени и роду занятий. Я ни разу не заходила в «Кросс оук», но всегда здоровалась с Дейвом, когда мы с Бо проходили мимо, торопясь на маленькую почту.

Всякая надежда, что мы тихонько чего-нибудь выпьем и посидим в уголке, испаряется, едва мы переступаем порог.

– Патрик! Каким ветром в наши края?

– Слушай, погляди еще раз мою Роузи, она все равно прихварывает!

– Как твой старик поживает? Не соскучился еще по валлийской погоде?

Патрику кричат со всех сторон, и от этих криков и тесноты меня охватывает острая тревога. Я стискиваю поводок, чувствуя, как кожаный ремешок скользит в потной ладони. У Патрика для каждого находится несколько слов, при этом он ухитряется разговаривать и со мной. Он бережно проводит меня через толпу знакомых к самой стойке. Я чувствую тепло его ладони у себя на пояснице и испытываю одновременно облегчение и разочарование, когда он убирает ладонь и кладет руки на стойку:

– Что будете пить?

Лучше бы Патрик заказал первым. Я очень хочу холодного лагеря^[4] и

оглядываюсь, интересуясь, пьет ли кто-нибудь из женщин светлое пиво.

Дейв вежливо кашляет.

– Джин с тоником, – брякаю я, хотя вообще не пью джин. Моя неспособность самостоятельно принять решение – не новость, но я не могу вспомнить, когда это началось.

Себе Патрик заказывает «Бекс», и я, не удержавшись, с завистью гляжу на запотевшую бутылку.

– Значит, это вы та женщина-фотограф, которая живет в Блэйн Сэди? А мы-то гадали, где вы прячетесь! – обращается ко мне ровесник Йестина, в твидовой кепке и со щетинистыми баками.

– Ее зовут Дженна, – отвечает за меня Патрик. – Она создавала свой бизнес, и ей некогда было распивать пиво со старыми разбойниками вроде вас.

Мужчина хохочет, а я заливаюсь румянцем, благодарная за убедительное объяснение моей обособленности. Мы уходим за столик в углу, и хотя все взгляды устремлены на меня – да и слухи теперь, без сомнения, разойдутся, – вскоре посетители вновь утыкаются в свои кружки.

Я стараюсь не сболтнуть лишнего. К счастью, Патрик неистощим на рассказы и интересные эпизоды местной истории.

– Здесь просто замечательно, – говорю я, имея в виду Пенфач.

Патрик вытягивает под столом длинные ноги.

– Вы правы, хотя раньше я так не считал. Дети не ценят прекрасные пейзажи или сопричастность месту. Я изводил родителей просьбами переехать в Суонси, не сомневаясь, что это изменит мою жизнь и я разом стану очень популярен у девушек. – Он улыбается. – Но родители никуда не собирались уезжать, и пришлось мне учиться в здешней средней школе.

– Вы всегда хотели стать ветеринаром?

– О, с самого детства! В коридоре я рассаживал в ряд свои игрушки и заставлял мать приносить их на кухню по очереди, чтобы я мог их прооперировать... – Когда Патрик говорит, его лицо оживает, а за секунду до того, как появляется улыбка, от уголков глаз разбегаются морщинки. – Кое-как получил необходимые пятерки и поступил в Лидский университет на ветеринарный, где наконец-то обрел личную жизнь, о которой мечтал.

– И вереницу подружек? – не удерживаюсь я.

Патрик улыбается:

– Одна-две были, конечно. И вот столько лет я хотел вырваться из Уэльса, а в Лидсе такая ностальгия началась... После университета я

остался работать недалеко от Лидса, но когда в Порт-Эллисе открылась вакансия партнера в частной ветклинике, я не раздумывая ухватился за эту возможность. Родители к тому времени уже сильно сдали, одним им было сложно, и я стосковался по морю.

– Они тоже родом из Порт-Эллиса? – Мне всегда были любопытны люди, у которых сложились близкие отношения с родителями. Я не завидую, просто для меня это иная вселенная. Может, если бы отец прожил с нами подольше, все вышло бы иначе.

– Мама там родилась, а отец переехал в Порт-Эллис еще подростком. Они поженились, когда им обоим было по девятнадцать.

– Ваш папа тоже ветеринар? – Я сыплю вопросами, боясь, что иначе ответы давать придется мне. Но Патрик совсем не против рассказывать о себе. История его семьи вызывает у него ностальгическую улыбку.

– Инженер. Он уже на пенсии, всю жизнь проработал в газовой компании в Суонси. Это из-за него я волонтерю на спасательной станции – папа много лет там помогал. Срывался на вызов, не дождавшись конца воскресного обеда, и мама заставляла нас прочесть молитву, чтобы все вернулись из моря живыми. Я считал своего отца супергероем. – Патрик отпил пива. – Тогда еще действовала старая спасательная станция в Пенфаче – позже построили другую, в Порт-Эллисе.

– А часто вас вызывают?

– Зависит от времени года. Летом чаще, когда в трейлеры съезжаются отдыхающие. Сколько табличек ни ставь не подходить к обрыву и не лезть в море во время отлива – как об стенку горох. – Патрик вдруг становится серьезным: – Вы, кстати, осторожнее в бухте – там очень сильное разрывное течение.

– Я плохая пловчиха, – признаюсь я. – Ни разу не заходила в воду выше колен.

– И не надо, – подхватывает он, со странной настойчивостью глядя на меня. Я неловко ерзаю на стуле. Патрик опускает глаза и делает большой глоток пива. – Отлив уносит людей в открытое море, – тихо добавляет он.

Я киваю и обещаю, что не буду плавать.

– Не поверите, безопаснее всего купаться вдали от берега. – У Патрика веселеют глаза. – Летом на лодке надо выйти из бухты и сразу нырять в глубокую воду. Я вас отвезу, если хотите.

Это сказано непринужденно, но у меня по спине пробегает дрожь. Мысль оказаться наедине с Патриком – с кем угодно – посреди океана повергает меня в ужас.

– Вода вовсе не такая холодная, – добавляет он, неправильно

истолковав мое смущение. Повисает неловкая пауза.

Я наклоняюсь и поглаживаю Бо, заснувшего под столом. Одновременно я пытаюсь придумать, что сказать.

– Ваши родители по-прежнему живут в Порт-Эллисе? – наконец выдавливаю из себя я, удивляясь собственному занудству. В университете я была душой компании – подруги хохотали до слез, когда мне случалось что-нибудь отмочить. А теперь я разучилась даже поддерживать разговор.

– Нет, они переехали в Испанию пару лет назад. У мамы артрит, теплый климат полезен ее суставам – по крайней мере, так она уверяет. А ваши родители в добром здравии?

– Не совсем.

Патрик смотрит на меня с любопытством, и я понимаю, что можно было просто сказать «нет».

– Я никогда не ладила с матерью, – со вздохом поясняю я. – Она выгнала отца, когда мне было пятнадцать, и он ушел навсегда. Я так и не простила ее за это.

– Наверное, у нее были на это свои причины. – Его слова звучат полувопросительно, но я все равно ошетиниваюсь:

– Мой отец был прекрасный человек! Она его не заслуживала.

– Значит, с матерью вы с тех пор не разговаривали?

– Отчего же, просто общение прекратилось, когда я... – Я останавливаюсь. – Короче, не было возможности. А пару лет назад сестра написала мне, что мама умерла. – Я вижу сочувствие в глазах Патрика, но оставляю это без внимания. Я все только порчу. Я совсем не соответствую его представлениям; он наверняка уже жалеет, что пригласил меня в бар. Вечер грозит стать тягостным и неловким для нас обоих. Темы для застольных разговоров иссякли, и в голову ничего не приходит. Я боюсь вопросов, которые наверняка вертятся у Патрика на языке: как меня занесло в Пенфач, почему я уехала из Бристоля, отчего живу здесь совсем одна. Он непременно спросит – из вежливости, не подозревая, что правда бы его ужаснула. Не догадываясь, что я не могу открыть ему правду.

– Мне пора, – говорю я.

– Уже? – Должно быть, Патрик испытывает облегчение, хотя ничем себя не выдает. – Но ведь еще совсем рано! Давайте закажем еще выпить или что-то поесть!

– Нет, я правда лучше пойду. Спасибо за джин. – Я встаю, прежде чем Патрик успеет произнести дежурную любезность о том, что мы еще увидимся. Однако он отодвигает стул одновременно со мной:

– Я вас провожу.

В моей голове оглушительно ревет тревожная сирена. Зачем ему со мной идти? В пабе тепло, кругом его знакомые, в кружке у него еще полпинты «Бекса». В висках стучит: коттедж стоит на отшибе, никто не услышит, если Патрик откажется уйти. С виду он добрый и порядочный, но я-то знаю, как быстро все может меняться.

– Нет-нет, спасибо...

Я проталкиваюсь через сгрудившихся у стойки местных, не заботясь о том, что обо мне подумают, и быстро иду по улице, сдерживаясь, чтобы не перейти на бег. Как только дверь «Кросс оук» скрывается из виду, я бросаюсь бегом мимо трейлерного парка по каменистой тропе, которая приведет меня домой. Бо скачет у моих ног, удивленный такой сменой темпа. Легкие горят от холодного воздуха, но я не останавливаюсь до самого крыльца, где снова приходится биться с неподатливым замком. Ворвавшись в коттедж, я с размаху захлопываю дверь и прислоняюсь к ней спиной.

Сердце гулко колотится в груди, пока я стараюсь отдышаться. Я не то чтобы испугалась Патрика, просто он смешался в моей голове с паникой, которая охватывает меня каждый день. Я больше не доверяю своим инстинктам – они уже столько раз подводили! – поэтому лучше всего держаться подальше.

Глава 15

Перевернувшись на другой бок, Рэй зарылся лицом в подушку, спасаясь от утреннего солнца, проникавшего через щели жалюзи. Секунду он не мог разобраться, отчего внутри точно лег камень, но тут же понял – это чувство вины. О чем он думал? Он никогда не помышлял изменить Мэгс – ни разу за пятнадцать лет брака. Ему вспомнились события вчерашнего вечера. Что, если он злоупотребил служебным положением? Рэй не успел перехватить мысль о том, что девушка вполне может подать на него жалобу, но сразу одернул себя – Кейт не такая. Тем не менее беспокойство почти вытеснило вину.

Ровное дыхание рядом подсказывало, что проснулся только он. Рэй бесшумно поднялся, взглянув на стеганый бугор на кровати – у Мэгс привычка накрываться одеялом с головой. Если жена узнает... об этом Рэй не решался и думать.

Одеяло зашевелилось, и Рэй замер. Пусть это трусость, но он надеялся выйти из дома незамеченным. Вечером ему в любом случае придется общаться с Мэгс, но за день он разберется в обстановке.

– Который час? – пробормотала жена.

– Начало седьмого, – прошептал Рэй. – Я на работу, у меня масса бумажек недоделанных.

Она что-то буркнула и снова задремала. Рэй неслышно выдохнул с облегчением. В рекордное время приняв душ и собравшись, час спустя он вошел в свой кабинет, прикрыл дверь и углубился в ожидавшие его внимания документы, словно это могло загладить то, что он себе позволил. К счастью, Кейт находилась на допросе подозреваемых, и в обед Рэй рискнул спуститься в столовую. Они со Стампи нашли свободный стол, и Рэй принес две тарелки кривобокого кушанья, которое значилось в меню как лазанья. Повариха Мойра любовно намалевала цветными мелками итальянский флаг рядом с блюдом дня и, сияя, отпускала щедрые порции. Рэй мужественно жевал, справляясь с тошнотой, преследовавшей его с самого пробуждения. Мойра была крупной дамой неопределенного возраста и неунывающего нрава, несмотря на проблемы со здоровьем: когда она снимала кофту, с ее рук осыпались мелкие, как пудра, частицы.

– Рэй, ты чего? О чем задумался? – спросил Стампи, выскребая остатки вилок. Владелец железного желудка, он не только переваривал кулинарные творения Мойры, но и ел их с явным удовольствием.

– Да так, – отозвался Рэй, радуясь, что Стампи не стал расспрашивать. В дверях столовой он увидел Кейт и сразу пожалел, что не проглотил лазанью не жуя. Стампи отъехал на стуле, провезя металлическими ножками по кафельному полу, и встал:

– Жду вас в офисе, босс.

Не придумав, как вернуть Стампи или под каким предлогом уйти не доев, Рэй через силу улыбнулся:

– Привет, Кейт.

Он почувствовал, что краснеет. Во рту вдруг страшно пересохло.

– Здравствуйте. – Кейт присела и развернула свои сандвичи, словно не замечая смущения начальника.

По ее лицу ничего нельзя было прочесть, и Рэю почти стало дурно. Он отодвинул тарелку, решив, что гнев Мойры – меньшее из двух зол, и незаметно огляделся.

– Насчет вчерашнего вечера... – заикаясь, начал он, как пацан.

Кейт сразу перебила:

– Я очень сожалею. Не знаю, что на меня нашло. Вы в порядке?

Рэй испытал несказанное облегчение.

– Более-менее. А ты?

– Мне немного неловко, если честно.

– Тебе-то чего смущаться, – возразил Рэй. – Это я не должен был...

– Да, мы позволили себе лишнее, – перебила Кейт, – но это был всего лишь поцелуй. – Она улыбнулась Рэю и откусила от сандвича, добавив с полным ртом сыра и соленых огурцов: – Прекрасный, но только поцелуй.

Рэй медленно выдохнул сквозь зубы. Похоже, все обойдется. Произошла весьма некрасивая вещь, и если Мэгс когда-нибудь узнает, Рэй ждет оглушительный скандал, но, кажется, все удастся замять. Они же взрослые люди – ну, извлекут из случившегося полезный урок и станут работать дальше как ни в чем не бывало. Впервые за двенадцать часов Рэй позволил себе вспомнить, как хорошо целовать такую молодую, полную энергии и жизни женщину. Горячая волна снова залила щеки, и инспектор откашлялся, прогоняя посторонние мысли.

– Ну, если все нормально...

– Рэй, да чепуха! Я не собираюсь строчить на вас жалобу, если вы об этом.

Рэй покраснел:

– Что ты, мне такое и в голову не приходило, просто я женатый человек и...

– А я встречаюсь с парнем, – без обиняков сказала Кейт. – Значит,

огласка невыгодна нам обоим. Короче, забыли, идет?

– Идет.

– Но я к вам по другому вопросу, – вдруг очень по-деловому заговорила Кейт. – Как вы посмотрите на то, чтобы в годовщину смерти Джейкоба Джордана повторить обращение к населению с просьбой откликнуться свидетелей происшествия?

– Неужели уже год прошел?

– В следующем месяце ровно год. Скорее всего, реакция будет вялой, но если за это время кто-то проболтался, может поступить интересная информация. Нельзя исключать возможность, что виновный решится облегчить свою совесть, или кто-нибудь догадался, что за тип сидел за рулем той чертовой машины! – добавила она, сверкнув глазами.

На ее лице появилась воинственная мина, которую Рэй хорошо изучил.

– Давай тогда так и сделаем, – ответил он. Представив реакцию Риппон, он ничуть не усомнился – это не лучшим образом скажется на его вымечтанном повышении, однако Кейт говорила дело. Полиция порой действительно обращалась к населению за помощью по нераскрытым преступлениям хотя бы для того, чтобы родственники верили: никто не ставит крест на расследовании, пусть даже розыск уже не ведется активно. Попытаться, безусловно, стоило.

– Здорово! Я вот закончу с бумажками и подойду к вам, вместе составим примерный текст.

Выходя из столовой, Кейт весело помахала Мойре. Глядя ей вслед, Рэй пожалел, что не умеет с такой же легкостью оставлять прошлое в прошлом. Трудно видеть Кейт и не вспоминать ощущение молодых упругих рук, закинутых ему на шею... Накрыв салфеткой недоеденную лазанью, инспектор понес тарелку на стойку с грязной посудой.

– Ну, Мойра, как в ресторане! – сказал он, проходя мимо раздаточного окошка.

– Завтра греческий день! – сообщила ошарашенная повариха.

«Не забыть взять из дома сэндвичи», – решил Рэй.

Он говорил по телефону, когда Кейт открыла дверь кабинета, не постучав. Увидев, что начальник занят, она извинилась одними губами и попятилась, но Рэй жестом велел ей присесть. Кейт тихо прикрыла дверь и уселась на низкий стул. Инспектор смотрел, как она поглядывает на фотографию Мэгс и детей на столе. Раскаяние поднялось в нем с новой силой и едва не отвлекло от разговора с Риппон.

– Какая в этом необходимость? – говорила Оливия. – Шансы что-то

выяснить ничтожны, и меня беспокоит, что обращение лишний раз привлечет внимание общественности к тому, что мы так никого и не посадили за гибель ребенка.

У ребенка есть имя – Джейкоб, мысленно парировал Рэй, повторяя слова матери погибшего, прозвучавшие почти год назад. Ему даже стало интересно: неужели Риппон действительно настолько толстокожая?

– Никто с пеной у рта не требует правосудия, так зачем дразнить гусей? Мне казалось, старшему инспектору криминальной полиции работы и так хватает, особенно с учетом планируемых операций.

Намек был весьма прозрачен.

– Я думала поручить вам расследование насчет распространения наркотиков в Крестоне, но если вам больше нравится копать в безнадёжных случаях...

Операция «Прорыв» прошла успешно, и начальница не в первый раз помахивала метафорической морковкой перед носом Рэя, завлекая крупным расследованием. На мгновение инспектор поколебался, но наткнулся на твердый взгляд Кейт. Именно ее прямота заставила Рэя вспомнить, почему он выбрал сыскное дело. Он снова полюбил свою работу и дал себе слово впредь поступать по совести, а не так, как удобно начальству.

– Я успею и то, и другое, – твердо сказал он. – Я намерен санкционировать обращение и считаю это правильным решением.

Возникла пауза.

– Одна коротенькая статья в «Пост», Рэй, и несколько плакатов у дороги. Больше ничего. И снять в течение недели, – сухо проговорила Оливия и положила трубку.

Беспокойно постукивая ручкой по подлокотнику, Кейт ждала, что скажет начальник.

– Обращение будет, – произнес Рэй.

На лице Кейт расплылась широченная улыбка.

– Знай наших! Что, она рвет и мечет?

– Ничего, переживет, – отмахнулся Рэй. – Она дала понять, что не одобряет этого мероприятия, чтобы сказать – я вас предупреждала, когда обращение возымеет обратный эффект и доверие к полиции упадет до рекордного уровня...

– Довольно цинично с ее стороны.

– А так устроено высшее руководство.

– И вы по-прежнему метите в кресло повыше? – В глазах Кейт мелькнул огонек лукавства, и Рэй засмеялся:

– Не вечно же мне здесь торчать.

– А что вас не устраивает?

Рэй подумал, как славно было бы не прогибаться ради повышения, а просто делать свое дело, которое он знал и любил.

– Мне двоих детей нужно в университеты отправлять, – ответил он. – Да и не стану я таким, как Риппон. Я же знаю, что такое оперативная работа.

– Я вам напомню эти слова, когда вы станете начальником полиции, – ввернула Кейт, – и запретите мне обратиться к населению через газеты!

Рэй улыбнулся.

– Я уже говорил с «Пост». Сьюзи Френч только рада, что мы дадим несколько строк после памятной статьи о погибшем мальчишке и попросим очевидцев откликнуться и сообщить любую информацию, способную помочь следствию. Материал о Джейкобе у них есть, но я хочу, чтобы ты позвонила Сьюзи и продиктовала текст обращения, телефонный номер и наше официальное заявление о том, что мы готовы принять полезную информацию из любых, даже анонимных источников.

– Сделаю. А вот как быть с матерью Джейкоба?

Рэй пожал плечами.

– Придется обращаться к населению без нее, что же еще. Поговори с директрисой школы, где учился Джейкоб, узнай, даст ли она интервью в «Пост». Может, полезно будет услышать мнение третьего лица. Спроси, не сохранилась ли у них какая-нибудь поделка мальчишки или рисунок. Посмотрим, что даст обращение, а потом начнем искать его мать. Надо же, будто сквозь землю провалилась!

Рэй до сих пор не успокоился, что сотрудница из отдела по связям с семьями не уследила за матерью погибшего мальчика. Его не удивило, что женщина скрылась, – Рэй знал, что существуют два основных типа реакции на потерю близкого человека: либо родственники никогда не переезжают и сохраняют комнату усопшего в том виде, какой она была при его жизни, превращая ее в подобие святилища, либо обрывают все связи и начинают с нуля, не в силах жить дальше как ни в чем не бывало, когда для них рухнул целый мир.

После ухода Кейт Рэй некоторое время вглядывался в фотографию Джейкоба, которая так и провисела год на пробковой доске. Отколов снимок, инспектор разгладил закрутившиеся уголки и поставил фото погибшего ребенка перед рамкой с Мэгс, Люси и Томом, чтобы оно находилось на глазах.

Обращение к населению было почти безнадежным предприятием, практически без шансов на успех, но все же лучшим, чем бездействие.

Если и на этот раз не будет результатов, дело Джейкоба отправится в архив.

Глава 16

Я сижу за кухонным столом перед ноутбуком, подтянув колени к подбородку и укрыв их краем большого, крупной вязки свитера, в котором я работала в мастерской зимой. Несмотря на включенную плиту, меня трясет, и я натягиваю рукава до кончиков пальцев. Еще нет и часа дня, но я налила себе большой бокал красного вина. Я печатаю в строке поиска и замираю: столько месяцев прошло с тех пор, как я истязала себя просмотром! Это не поможет – ни разу не помогало, но разве я могу не думать о нем именно сегодня, в этот день?

Глотнув вина, я нажимаю ввод.

Секунду спустя экран пестреет сообщениями СМИ о несчастном случае, обсуждениями на форумах и посланиями в память Джейкоба. Цвет ссылок показывает, что я уже заходила на все эти сайты.

Однако сегодня, ровно год спустя после того, как оборвалась моя прежняя жизнь, в онлайн-издании «Бристоль пост» появилась новая статья.

У меня вырывается полузадушенное рыдание, а кулаки сжимаются так, что побелели суставы. Судорожно пробежав коротенькую заметку, я возвращаюсь к началу и начинаю читать внимательнее. Стало быть, у полиции ничего нового – ни улики, ни информации о машине. Они лишь напоминают через газету, что водитель по-прежнему разыскивается за причинение смерти по неосторожности. Меня корбит от такого определения, и я закрываю браузер, но даже заставка в виде фотографии Пенфачского залива меня не успокаивает. После свидания с Патриком я не спускалась на пляж. Меня ждут срочные заказы, но мне так стыдно за свое поведение, что я не в силах смотреть ему в глаза. Когда я проснулась на следующее утро, бывшие страхи показались мне нелепыми, и я почти решила позвонить и извиниться, но струсилa. Прошло почти две недели; Патрик ни разу не попытался со мной связаться. Неожиданно меня мутит. Я выливаю вино в раковину и решаю вывести Бо на прогулку по берегу.

Мы проходим, наверное, несколько миль, огибая мыс перед Порт-Эллисом. Впереди показывается серое здание – должно быть, спасательная станция. Я невольно представляю, сколько жизней спасли работающие здесь волонтеры, и мысли сами собой обращаются к Патрику. У меня нет никакого плана, я просто иду, пока не появляются дома Порт-Эллиса, и сворачиваю к ветеринарной клинике. Только когда я открываю дверь и маленький колокольчик звякает над головой, я задумываюсь – а что я,

собственно, намерена делать.

– Чем могу помочь? – спрашивает та же медсестра на ресепшене. Я бы ее не вспомнила без цветного бейджа.

– А можно Патрика на минуту?

Наверное, надо было придумать причину, но медсестра не интересуется.

– Подождите.

Я неловко стою в приемной, где сидит женщина с маленьким ребенком и корзиной, в которой кто-то шевелится. Бо тянет поводок, но я отвожу его в сторону.

Через несколько минут слышатся шаги, и появляется Патрик в коричневых вельветовых брюках и клетчатой рубашке. Волосы растрепаны, будто он пригладил их пятерней.

– Что-нибудь с Бо?

Он держится вежливо, но без улыбки, и моя решимость слабеет.

– Нет. Я хотела спросить, нельзя ли с вами поговорить – это не займет много времени.

Патрик колеблется, и я не сомневаюсь, что он ответит отказом. Щеки у меня пылают, и я физически ощущаю на себе любопытный взгляд медсестры.

– Проходите.

В кабинете, где он в первый раз осматривал Бо, Патрик останавливается у раковины и молчит, не желая облегчать мне задачу.

– Я хотела... извиниться.

В глазах знакомо щиплет, но я сдерживаю слезы усилием воли.

Патрик невесело улыбается уголком губ:

– Мне и раньше давали от ворот поворот, но чтобы вот так сразу...

Взгляд у него смягчился, и я отваживаюсь чуть усмехнуться шутке.

– Приношу свои искренние извинения.

– Я что-то не то сделал? Ляпнул что-нибудь?

– Вовсе нет, ничего подобного, вы были... – Я силюсь подобрать нужное слово, но отказываюсь от попыток. – Дело во мне, я не очень хорошо умею общаться.

Патрик уже не сдерживает улыбки:

– Может, вам нужна тренировка?

Я невольно смеюсь:

– Может, и нужна.

– Слушайте, у меня еще два пациента, и на сегодня все. Давайте я покормлю вас ужином? У меня сейчас в мультиварке гуляш готовится, там

не то что на двоих, на троих хватит. Выделю миску Бо...

Если я сейчас скажу «нет», я его потеряю.

– С удовольствием.

Патрик смотрит на часы:

– Давайте встретимся здесь через час. До тех пор с вами все будет в порядке?

– Да, я все равно хотела сделать несколько снимков Порт-Эллиса.

– Тогда до скорой встречи, – искренне улыбается Патрик, и его глаза тоже улыбаются, собирая в углах морщинки. Он провожает меня до выхода, и я перехватываю взгляд медсестры:

– Разобрались?

Интересно, что она подумала, когда я попросила вызвать Патрика... Впрочем, мне все равно. Я проявила мужество: пусть я убежала из бара, но я вернулась и сегодня буду ужинать с мужчиной, которого не отпугнула даже моя боязливость.

Я то и дело справляюсь, который час, однако от этого время быстрее не бежит. Мы с Бо делаем несколько кругов по деревне, прежде чем вновь оказываемся перед клиникой. Я не горю желанием заходить внутрь и выдыхаю с облегчением, когда Патрик выходит, натягивая куртку. Он улыбается мне, треплет Бо по макушке и мягким ушам, и мы направляемся к маленькому дому в ряду сплошной застройки на соседней улице. Патрик проводит нас в гостиную, где Бо немедленно ложится перед камином.

– Бокал вина?

– Да, спасибо. – Я присаживаюсь, но сразу вскакиваю от волнения. Гостиная маленькая, но уютная: ковер почти закрывает пол, по обе стороны камина стоят кресла. Я гадаю, какое же принадлежит хозяину: кресла выглядят одинаково, невозможно понять, каким из них чаще пользуются. Маленький телевизор кажется немного чужеродным, но ниши за креслами заполняют два огромных книжных шкафа. Я наклоняю голову и читаю надписи на корешках.

– У меня слишком много книг, – сокрушается Патрик, возвращаясь с двумя бокалами красного вина. Я беру один, радуясь возможности чем-то занять руки. – Все собираюсь кому-нибудь отдать пару полок, но не могу расстаться.

– Я люблю читать, – отзываюсь я. – Но с самого переезда не открывала книги.

Патрик опускается в одно из кресел. Я понимаю невысказанный намек и сажусь в другое, теребя ножку бокала.

– А вы давно занимаетесь фотографией?

– Не очень, – отвечаю я, удивив себя своей честностью. – Вообще-то я скульптор. – Я думаю о своей мастерской в саду, о раздавленной глине, об уничтоженных готовых заказах, ожидавших отправки. – Была скульптором, по крайней мере.

– Больше не ваяете?

– Не могу. – Поколебавшись, я раскрываю левую ладонь. Глубокие шрамы покрывают ее до самого запястья. – Со мной произошел несчастный случай. Я могу пользоваться рукой, но кончики пальцев потеряли чувствительность.

Патрик присвистывает.

– Бедняжка! Как это произошло?

Я живо вспоминаю тот вечер год назад и поспешно заталкиваю воспоминание как можно глубже.

– Это только с виду страшно, а на самом деле ничего особенного, – небрежно говорю я. – Надо было быть осторожнее.

Я не осмеливаюсь поднять глаза на Патрика, но он ловко меняет тему:

– Хотите есть?

– Просто умираю с голоду.

В животе урчит от вкуснейших ароматов, проникающих в гостиную. Вслед за Патриком я вхожу в неожиданно большую кухню с сосновым шкафом, занимающим целую стену.

– Бабушкино наследство, – поясняет Патрик, выключая мультиварку. – После ее смерти шкаф достался моим родителям, а когда они уехали в Испанию, его унаследовал я. Вот махина, да? И чего там только нет, в этом шкафу! Что бы ни случилось, не открывайте дверцы!

Я смотрю, как Патрик аккуратно выкладывает гуляш в тарелки. Каплю подливки он подтирает кухонным полотенцем, не замечая другое, куда большее пятно.

Он приносит горячие тарелки на обеденный стол и ставит одну передо мной.

– Это практически единственное, что я умею готовить, – виновато сообщает он. – Надеюсь, получилось съедобно.

Он откладывает несколько ложек в металлическую миску, и Бо, как по сигналу, вбежав в кухню, терпеливо ожидает, пока миску поставят на пол.

– Еще рано, приятель, – говорит Патрик. Взяв вилку, он переворачивает в миске кусочки мяса, чтобы быстрее остывало.

Я опускаю глаза, пряча улыбку. Можно многое сказать о человеке по тому, как он относится к животным. К Патрику я ощущаю невольную

симпатию.

– С виду очень аппетитно, – хвалю я. – Спасибо.

Не припомню, чтобы кто-то так хлопотал вокруг меня: готовить, убирать и вести хозяйство всегда было моей обязанностью. Столько лет потрачено на то, чтобы построить счастливую семью, которая в итоге с треском рухнула...

– Мамин рецепт, – поясняет Патрик. – Она пыталась добавить его в мой репертуар всякий раз, когда ей случалось зайти. Наверное, считала, что без нее я живу на пицце и чипсах, как отец.

Я смеюсь.

– Они сорок лет вместе, осенью будет юбилей, – продолжает он. – Я вот даже представить такого не могу. А вы?

Я тоже не могу.

– Вы были женаты? – спрашиваю я.

Глаза Патрика мрачнеют.

– Нет. Однажды я собирался жениться, но – не судьба.

Возникает короткая пауза. Мне кажется, я угадываю облегчение на его лице, когда он убеждается, что я не стану расспрашивать.

– Дженна, а вы замужем?

Я глубоко вздыхаю.

– Я была замужем. Но оказалось, что мы хотим от жизни очень разных вещей.

Я улыбаюсь скромности своей формулировки.

– В Блэйн Сэди вы живете очень уединенно, – замечает Патрик. – Вам не скучно?

– Что вы, мне нравится! Там очень красиво, а для компании у меня есть Бо.

– И вам не одиноко без соседей?

Я вспоминаю свои дерганные ночи, когда я то и дело просыпаюсь от собственного крика, и никого нет рядом, чтобы меня успокоить.

– Я часто вижусь с Бетан, – отвечаю я.

– Она хороший друг, это верно. Я ее много лет знаю.

Я интересуюсь историей их дружбы. Патрик начинает рассказывать, как однажды они без спроса взяли у его отца лодку и на веслах вышли из бухты в море.

– Нас заметили через несколько минут. Я видел, как папа стоит на берегу, сложив руки на груди, рядом с отцом Бетан. Мы знали, что нам здорово попадет, и притаились в лодке, а они стояли на пляже чуть ли не несколько часов.

– И чем в итоге закончилось?

Патрик смеется:

– Поплыли к берегу, конечно. Добрались и получили по первое число. Бетан, как старшей, досталось больше, но и меня из дома не выпускали две недели.

Я улыбаюсь, когда Патрик скорбно качает головой, якобы удивленный суровостью наказания, и представляю его мальчишкой – растрепанным, как сейчас, и неистощимым на проказы.

Мою опустевшую тарелку сменяет блюдо с яблочным пирогом из песочного теста с жидким кремом. От запаха горячей корицы текут слюнки. Я счищаю ложкой крем с рассыпчатой промасленной верхушки и отщипываю маленький кусочек, стараясь не показаться неучтивой.

– Вам не нравится?

– Очень вкусно, – хвалю я, – просто я обычно не ем всякие запеканки.

Привычку сидеть на диете трудно ломать.

– О, вы многое теряете. – Патрик уговаривает свою порцию в несколько укусов. – Это не я готовил – одна девушка на работу принесла.

– Извините.

– Ничего-ничего. Пусть остынет, Бо доест.

Щенок наостряет уши, услышав свою кличку.

– Милейший пес, – говорит Патрик, – и очень везучий.

Я согласно киваю, хотя нуждалась в Бо не меньше, чем он во мне. Это мне повезло... Патрик опирает подбородок на ладонь, другой рукой поглаживая Бо. Спокойный и довольный. Мужчина без тайн и боли.

Взглянув на меня, он замечает, что я за ним наблюдаю. Мне становится неловко, я отворачиваюсь и вижу новый стеллаж в углу кухни:

– Еще книги?

– Устоять невозможно, – улыбается Патрик. – Здесь в основном кулинарные – мама надарила, но есть и детективы. Я читаю все подряд, лишь бы сюжет был захватывающий.

Он начинает убирать со стола, а я чуть отодвигаюсь на стуле и слежу за ним.

Может, рассказать тебе мою историю, Патрик?

О Джейкобе, об аварии? О моем бегстве, потому что я не видела другого способа выжить, кроме как начать все заново? О том, что я кричу каждую ночь, потому что мне никогда не убежать от того, что произошло?

Рассказать тебе эту историю?

Я представляю, как он слушает, и его глаза расширяются, когда я

говорю о визге тормозов и о глухом треске, с которым голова ребенка ударилась о лобовое стекло. Я мечтаю, чтобы Патрик потянулся ко мне через стол, но не могу позволить дотронуться до себя даже в воображении. Я надеюсь услышать от него, что он все понимает, что это не моя вина, с каждым могло случиться, но представляю, как он качает головой, встает из-за стола и отталкивает меня. Его переполняет отвращение. Гадливость.

Я никогда не смогу ему рассказать.

– С вами все в порядке? – Патрик странно глядит на меня, и на мгновение я холодею, решив, что он прочел мои мысли.

– Ужин был прекрасный, – говорю я. У меня есть выбор: уйти от Патрика либо скрыть от него правду. Мне страшно не хочется ему лгать – и невыносима мысль, что он от меня отвернется. Я смотрю на часы на стене: – Мне, пожалуй, пора.

– Не сбежите снова, как Золушка?

– На этот раз – нет. – Я краснею, но Патрик улыбается. – Просто последний автобус в Пенфач уходит в девять.

– У вас нет машины?

– Не люблю водить.

– Я вас отвезу. Я выпил всего бокал, это ничего...

– Я предпочла бы дойти домой сама.

Мне кажется, что в глазах Патрика мелькает раздражение.

– Может, встретимся завтра на пляже? – предлагаю я.

Он расслабляется и улыбается:

– Прекрасно! Очень рад был снова вас увидеть. Я счастлив, что вы вернулись.

– Я тоже.

Он собирает мои вещи, и мы стоим в тесной прихожей, пока я надеваю куртку, едва не задев стены локтями. Близость к хозяину дома делает меня неуклюжей: я никак не могу застегнуть молнию.

– Дайте-ка я, – говорит Патрик.

Я смотрю, как его рука аккуратно сводит обе полы вместе и тянет вверх замочек молнии. Я напрягаюсь, но Патрик останавливает руку, не доведя до моего подбородка, и кутает меня в шарф.

– Вот. Вы мне позвоните, как доберетесь домой? Я дам вам свой номер.

– Я бы позвонила, но у меня нет телефона, – немного растерявшись от его заботы, отвечаю я.

– У вас нет мобильного?!

Я смеюсь над его недоверчивостью.

– Нет. В коттедж проведена телефонная линия – для Интернета, но аппарата к ней не подсоединено. Обещаю, со мной ничего не случится.

Патрик берет меня за плечи и, прежде чем я успеваю отреагировать, наклоняется и мягко целует в щеку. Я чувствую на щеке его дыхание, и у меня отчего-то подкашиваются ноги.

– Спасибо, – ляпаю я. Не только неуместно, но и неоригинально. Но Патрик улыбается, будто я изрекла нечто глубокомысленное, и я думаю, как легко быть рядом с таким нетребовательным человеком.

Я пристегиваю поводок к ошейнику Бо, и мы прощаемся. Я знаю, что Патрик будет смотреть нам вслед, и когда поворачиваю, следуя изгибу дороги, то вижу, как он все еще стоит на пороге.

Глава 17

Мобильный Рэя зазвонил во время завтрака. Люси решила заслужить кулинарный значок в своих «Браунис»^[5] и вкладывала в дело всю душу: высунув кончик языка, девочка осторожно переносила подгоревший бекон и зажаренные до резиновости яйца на тарелки родителей. Том ночевал у приятеля и должен был вернуться только к обеду. Рэй согласился с женой – да, это прекрасно, что у Тома появились друзья, и в глубине души радовался покою в доме без хлопанья дверьми и гневных окриков.

– Выглядит очень вкусно, милая. – Рэй вынул телефон из кармана, взгляделся в экран и поднял глаза на Мэгс: – Работа.

Может, новая информация по операции «Сокол» (такое название присвоили делу крестонских наркодилеров)? Начальница, помахав своей морковкой еще неделю, все же поручила расследование Рэю со строгим приказом – все силы бросить на «Сокола» и не отвлекаться. Она не упомянула про обращение к населению, но в этом и не было необходимости.

Мэгс взглянула на Люси, занятую раскладыванием еды на тарелках:

– Доешь сперва завтрак, пожалуйста.

Нехотя Рэй нажал кнопку, сбросив звонок, и перевел звонящего на автоответчик. Не успел он подцепить вилкой яичницу с беконом, как зазвонил домашний телефон. Трубку взяла Мэгс.

– О, здравствуйте, Кейт! Что-то срочное? Мы завтракаем.

Рэю вдруг стало неловко, и он углубился во входящую почту на «блэкберри», поглядывая на Мэгс. Исходящее от жены недовольство ощущалось почти физически, хотя Мэгс повернулась к нему спиной. Почему вдруг Кейт звонит ему домой, да еще и в воскресенье? Напрасно Рэй напрягал слух – слова разобрать не удавалось. К горлу подступила знакомая дурнота, часто посещавшая его в последние дни, и Рэй поглядел в тарелку без энтузиазма.

Мэгс молча передала мужу трубку.

– Здравствуй, Рэй, – весело начала Кейт, не подозревавшая о его внутреннем конфликте. – Вы очень заняты?

– Да так, дела семейные. Что у тебя?

Он чувствовал на себе взгляд Мэгс и поэтому говорил нехарактерно для себя резко.

– Простите, что беспокою, – сухо сказала Кейт, – но, по-моему, это не

ждет до завтра.

– А конкретнее?

– Есть отклик на обращение к населению в связи с наездом на Джейкоба! У нас появился свидетель.

Через полчаса Рэй уже входил в свой кабинет.

– Так, давай по порядку: что за свидетель?

Кейт пробежала глазами распечатанный имейл, поступивший из полицейского коллцентра.

– Человек, который утверждает, что его подрезала красная машина, влившая по дороге недалеко от места несчастного случая. Он хотел заявить в полицию, но так и не заявил.

Рэй ощутил охотничий азарт.

– Почему же он не откликнулся, когда мы обращались к населению сразу после гибели мальчишки?

– А он не местный, – объяснила Кейт. – Приезжал к сестре на день рождения, поэтому хорошо помнит дату, но в тот же вечер вернулся в Борнмут и о наезде ничего не знал. Он сложил два и два, только когда вчера по телефону сестра сказала ему о статье в «Пост»...

– Свидетель надежный? – только и спросил Рэй, по опыту зная, что свидетели народ непредсказуемый. У иных людей прекрасная память на мелкие детали, а другие не ответят, какого цвета на них рубашка, пока не посмотрят, да и то ошибутся.

– Не знаю, мы с ним еще не говорили.

– Как так, черт побери?!

– Потому что сегодня воскресенье, и сейчас полдевятого утра! – не выдержав, огрызнулась Кейт. – Информация поступила за пять минут до того, как я вам позвонила, и мне показалось, вы захотите допросить свидетеля лично.

– Извини.

Кейт ничего не ответила.

– И прости за то, что я слегка повысил голос, когда ты позвонила. Вышло несколько... неловко.

– Все в порядке?

Вопрос был со специфическим подтекстом. Рэй кивнул.

– Да, просто не самый удобный момент.

Секунду они глядели друг на друга, потом Рэй отвел глаза.

– Так, ну ладно, везите его в управление. Я хочу услышать все, что он в состоянии вспомнить о той машине. Марка, цвет, номер, кто был за

рулем. Похоже, у нас появился шанс, и на этот раз его нельзя упустить.

– Блин, ну ничегошеньки! – Рэй мерил кабинет шагами, даже не пытаясь скрыть разочарование. – Не помнит ни возраста водителя, ни черный он или белый, ни даже мужчина или женщина! Иисусе! – Рэй яростно потирал виски, словно пытаясь трением добыть искру идеи.

– Так видимость была плохая, – напомнила Кейт, – и дорога скользкая.

У Рэя не было настроения великодушничать.

– Нечего лезть за руль, если в дождик водить боишься! – Он с размаху сел в кресло и отпил кофе, вздрогнув от горечи совершенно остывшей жижи. – Когда-нибудь я обязательно допью чашку кофе горячим, – буркнул он.

– «Форд» с номером, начинающимся на «джей», – сказала Кейт, читая свои записи, – и с треснувшим лобовым стеклом. Возможно, «Фиеста» или «Фокус». Это уже кое-что.

– Лучше, чем ничего, – проворчал Рэй. – Ладно, давай работать. И кровь из носу найдите мне мать Джейкоба! Если... то есть когда мы задержим виновного, я хочу, чтобы она убедилась – мы не остались глухи к ее горю.

– Поняла, – кивнула Кейт. – Я хорошо пообщалась с директрисой школы, позвоню ей снова и копну еще раз. Может, кто-то из учителей поддерживает связь с матерью Джейкоба.

– А я поручу Малколму найти машину. Пробьем через национальную компьютерную сеть все зарегистрированные в Бристолe «Фиесты» и «Фокусы», и я угощу тебя ланчем, когда мы проверим весь список.

Отодвинув остатки того, что Мойра самонадеянно называла паэльей, Рэй пробежал глазами лежащий перед ним список и присвистнул:

– Девятьсот сорок два!

– И это только в округе, – подхватила Кейт. – А если кто-то был проездом?

– Попробуем сузить. – Он сложил распечатку и протянул Кейт: – Сверь эти номера с данными системы автоматического распознавания номеров в пределах получаса до наезда и получаса после. Отметь те, которые в это время были в пути, и начинай с них.

– Теплее, теплее. – Глаза у Кейт загорелись. – Вот чую, что мы уже близко!

Рэй улыбнулся:

– Давай не будем забегать вперед. У тебя сейчас какие еще дела?

– Ограбление «Лондиса», – принялась загибать пальцы Кейт, – потом серия нападений на таксистов-азиатов и возможное изнасилование, о котором сегодня поступила информация от патрульных. Да, на следующей неделе у меня двухдневный тренинг по межкультурному разнообразию.

Рэй фыркнул.

– Считаю себя освобожденной от разнообразия! Другие дела отдай мне, я их перепоручу. Хочу, чтобы ты занималась только делом Джордана.

– На этот раз официально? – подняла бровь Кейт.

– И открыто, и прозрачно, – с улыбкой добавил Рэй. – Только не переусердствуй со сверхурочными!

Глава 18

Когда автобус прибывает в Порт-Эллис, Патрик меня уже ждет. Последние две недели мы встречаемся на пляже каждое утро, и когда он предложил провести вместе целый день, я колебалась всего мгновение. Я не могу всю жизнь бояться.

– А куда это мы? – спрашиваю я, оглядываясь в поисках подсказок. Его дом в противоположной стороне, и мимо деревенского паба мы тоже прошли, не остановившись.

– Увидишь.

Порт-Эллис остается позади; мы идем по дороге, ведущей к морю. Мы шагаем рядом, наши руки соприкасаются, и пальцы Патрика переплетаются с моими. Я вздрагиваю, как от электрического разряда, но расслабляю руку.

Новость, что я встречаюсь с Патриком, разлетелась по Пенфачу с поразительной быстротой. Вчера в деревенском магазине я встретила Йестина.

– Слышал, вы встречаетесь с сыном Алана Мэтьюса, – сказал он, улыбнувшись углом рта. – Патрик хороший парень, вы могли найти себе куда хуже.

Я почувствовала, что краснею.

– Когда вы сможете посмотреть мою дверь? – нашла я. – Замок не желает разрабатываться – заедает так, что иногда ключ вообще не поворачивается!

– Да не волнуйтесь вы об этом! – заявил Йестин. – Здесь никто воровать не станет.

Я сосчитала до десяти, прежде чем ответить, зная, что Йестин считает меня блаженной, оттого что я вообще запираю дверь.

– Тем не менее, – настаивала я, – мне было бы проще с исправным замком.

Йестин пообещал заехать и все починить, но когда я собралась около обеда в Порт-Эллис, о хозяине не было ни слуху ни духу, и добрых десять минут я билась с замком.

Дорога все сужается, и наконец впереди показывается океан, серый и неумолимый. Над вздымающимися валами в воздухе висит влажный белый

туман брызг. Чайки носятся невообразимыми зигзагами, борясь с ветрами, мечущимися в тесной бухте. Наконец я соображаю, куда Патрик меня ведет.

– Спасательная станция! А можно туда зайти?

– Я так и хочу, – отвечает он. – Ты уже видела ветеринарную клинику, вдруг тебе и здесь понравится – я ведь почти столько же времени провожу на станции.

Спасательная станция Порт-Эллиса оказывается одиноким приземистым строением, которое можно принять за корпус какого-нибудь завода, не будь на крыше смотровой вышки: четыре застекленные окна напоминают авиадиспетчерскую.

Мы проходим мимо огромных синих раздвижных дверей и останавливаемся рядом с меньшим, боковым входом, Патрик набирает код доступа в серой коробочке на стене.

– Входи, я тебе все покажу!

Внутри пахнет потом и морем – острым запахом морской соли, который впитывается в одежду. В лодочном ангаре основное место занято, по выражению Патрика, «плавсредством»: жесткой оранжевой надувной лодкой.

– Пристегиваться обязательно, – объясняет он. – Иначе в скверную погоду живо за бортом окажешься.

Я брожу по ангару, читая объявления, приколотые к дверям, и список оборудования, отмеченный аккуратными галочками после ежедневной проверки. К стене привинчена табличка в память трех волонтеров, погибших в 1916 году.

– «Старшина шлюпки П. Грант, матросы Гарри Эллис и Глин Барри», – читаю я вслух. – Ужас какой...

– Они ответили на вызов с парохода, терпящего бедствие у полуострова Гауэр, – говорит Патрик, подойдя и обнимая меня за плечи. Должно быть, он увидел мое лицо, потому что добавляет: – Тогда все было совсем иначе – у них не имелось и половины того оборудования, которое есть у нас.

Он за руку ведет меня из ангара в маленькую комнату, где мужчина в синей флисовой куртке заваривает кофе. Кожа у него выдублена солеными ветрами – лицо человека, прошедшего целую жизнь на море.

– Все в порядке, Дэвид? – спрашивает Патрик. – Это Дженна.

– Что, показывает вам снасти-мордасти? – подмигивает мне Дэвид, и я улыбаюсь этой явно очень бородатой шутке.

– Я никогда не интересовалась спасательными шлюпками, – отзываюсь я. – Мне казалось, они есть на каждом пляже, потому что так

полагается.

– Тут бы давно голый берег был, если бы мы за них не боролись, – хмыкает Дэвид, размешивая полную ложку сахара в густом кофе. – Наше содержание тянет королевская национальная служба спасения на водах, а не правительство, поэтому мы вечно ищем то деньги, то волонтеров.

– Дэвид наш менеджер, – объясняет Патрик. – Он управляет станцией и всех нас держит в узде.

Дэвид смеется:

– Ну, тут я спорить не стану...

Оживает телефон – резкий трезвон раздается в пустой комнате для экипажа. Дэвид, извинившись, выходит и почти сразу возвращается, расстегивая на ходу молнию флисовой куртки и бегом направляясь в ангар.

– Челнок опрокинулся в заливе Россили, – кричит он Патрику. – Пропали отец и сын. Хелен вызвала Гарри и Аледа.

Патрик открывает металлический шкаф и вытаскивает ком запутанной желтой резины, красный спасательный жилет и темно-синий дождевик.

– Дженна, прости, я должен помочь, – говорит он, натягивая непромокаемый костюм поверх джинсов и фуфайки. – Возьми ключи и жди меня дома. Я вернусь, не успеешь и глазом моргнуть.

Патрик собирается быстро, и не успеваю я ответить, как он уже выскакивает в ангар. Еще двое вбегают через раздвижные двери, сейчас широко открытые, и через несколько минут четверо спасателей, стащив «плавсредство» к воде, легко запрыгивают в шлюпку. Один из них – не разглядеть, кто именно – дергает за шнур, заводя мотор, и лодка стрелой рвется в море, подскакивая на высоких волнах.

Я стою и гляжу, как оранжевое пятнышко делается все меньше и меньше и наконец скрывается в серой дали.

– Шустро они, да?

Я оборачиваюсь: в дверях комнаты экипажа стоит женщина лет пятидесяти пяти, с сильной проседью в темных волосах; на блузке в цветочек – бейдж с эмблемой национальной службы спасения на водах.

– Я Хелен, – представляется она. – Отвечаю на телефон, вожу экскурсии по станции... А вы, должно быть, девушка Патрика?

Я краснею от такой фамильярности:

– Очень приятно. Дженна. Уф, даже голова закружилась: на сборы ушло минут пятнадцать!

– Двенадцать минут тридцать пять секунд, – поправляет Хелен и улыбается моему удивлению. – Мы обязаны вести учет вызовов и времени ответа. Все наши волонтеры живут поблизости: Гарри вон чуть дальше по

дороге, а у Аледа мясная лавка в деревне.

– И кто остается в лавке, когда Алед на вызове?

– А он вешает табличку на дверь. Местные привыкли – он уже двадцать лет спасателем.

Я снова поворачиваюсь к воде, на которой совсем не видно лодок, лишь огромный корабль удается различить вдали. Тяжелые тучи нависают так низко, что совсем скрывают горизонт. Небо и океан превратились в единую клубящуюся серую массу.

– Все с ними будет в порядке, – негромко говорит Хелен. – Не беспокоиться нельзя, но ко всему привыкаешь.

Я гляжу на нее с любопытством.

– Дэвид мой муж, – поясняет Хелен. – Когда он вышел на пенсию, то просто поселился на станции, и я вспомнила пословицу: не можешь победить – подружись. Ох, как трудно было впервые провожать его на вызов! Одно дело – помахать ручкой из дома, а тут, когда они реально садятся в лодку и... Да еще погода такая... – Ее передернуло. – Но они вернутся. Они всегда возвращаются.

Хелен трогает меня за плечо, и я испытываю благодарность младшей к старшей.

– Сразу многое становится понятно, – поддерживаю я. – Насколько... – Я замолчала, не в силах продолжать.

– Насколько нам нужно, чтобы они вернулись домой? – тихо подсказывает Хелен.

Я киваю:

– Да.

– Хотите, я покажу вам другие помещения станции?

– Нет, спасибо, – говорю я. – Пожалуй, я пойду в дом Патрика и дождусь его там.

– Он хороший человек.

Я думаю, права она или нет. Вот откуда ей знать? Поднимаясь в гору, я каждые несколько шагов оборачиваюсь и смотрю, не покажется ли вдали оранжевая лодка. Но там лишь бушуют серые валы, и внутри меня все каменеет от тревоги. Меня не покидает предчувствие чего-то дурного.

Странно оказаться в доме Патрика без хозяина: я подавляю желание подняться на второй этаж и осмотреться. За неимением чем заняться я включаю радио на местную волну и принимаюсь мыть посуду, целая гора которой громоздится в раковине.

– Отец и сын считаются пропавшими после того, как их челнок

перевернулся в миле от залива Россили...

В радиоприемнике трещат помехи, и я осторожно подкручиваю ручку настройки в попытке поймать сигнал посильнее.

– Спасательная шлюпка из Порт-Эллис вышла в море сразу после того, как местные жители подняли тревогу, но пока спасателям не удалось найти пропавших. Мы еще вернемся к этому сюжету.

Ветер треплет деревья, сгибая их чуть ли не пополам. Моря из окон не видно, и я не знаю – радоваться этому или подчиниться настойчивому желанию бежать обратно к спасательной станции и встать на берегу, высматривая крохотное оранжевое пятнышко.

Домыв посуду, я обхожу кухню, вытирая руки маленьким полотенцем. Комод завален бумагами, и я нахожу подобную бессистемность неожиданно успокаивающей. Поравнявшись с буфетом, я берусь за ручку, вспомнив слова Патрика: «Что бы ни случилось, не открывайте шкаф!»

Что там он от меня прячет? Я оглядываюсь, словно Патрик может войти в любой момент, и решительно дергаю дверцу. На меня сразу что-то вываливается, и я ахаю, чудом поймав вазу прежде, чем она ударилась бы о кафельный пол. Я ставлю ее обратно к целой коллекции стекла и хрусталя. От стопок постельного белья на полках тянет затхлой лавандой. В шкафу нет ничего зловещего – здесь хранятся лишь воспоминания.

Я уже хочу закрыть шкаф, когда замечаю краешек серебристой рамки, торчащей между сложенных скатертей. Я осторожно вытягиваю фотографию: Патрик обнимает за плечи белозубую женщину с короткими светлыми волосами. Они улыбаются – не на камеру, а друг другу. Интересно, кто это и почему Патрик прячет от меня снимок? Это та самая женщина, на которой он хотел жениться? Я вглядываюсь в фотографию, соображая, где она могла быть сделана. Патрик выглядит совсем таким же, как сейчас; эта блондинка – его прошлое или настоящее? Значит, не только у меня есть секреты... Я снова заталкиваю снимок между скатертей и закрываю шкаф, оставив все как было.

Я долго хожу по кухне, а потом, вконец устав от беспокойства, делаю себе чашку чая и присаживаюсь за стол.

Дождь больно хлещет по лицу, заливая глаза и наполняя окружающее пространство неясными силуэтами. Сквозь завывания ветра я едва различаю шум мотора, но отлично слышу глухой удар о капот и отвратительный звук, с которым ребенок падает на асфальт.

И вдруг вода в глазах перестает быть дождевой, превратившись в соленую, морскую. Мотор не автомобильный, а лодочный – чаг-чаг-чаг, от

спасательной шлюпки. Крик мой собственный, но лицо, которое смотрит на меня большими темными глазами, окруженными слившимися мокрыми ресницами, принадлежит не Джейкобу, а Патрику...

– Извини, – говорю я, не зная, вслух у меня получается или только мысленно. – Я не хотела...

Меня кто-то трясет за плечо, окончательно вырвав из сна. Ничего не понимая, я поднимаю голову от сложенных рук. Деревянная столешница еще теплая от моего дыхания, а остывший воздух кухни холодит лицо. Щурясь от яркого электрического света, я закрываюсь локтем:

– Не надо!

– Дженна, проснись! Дженна, тебе снится сон.

Я медленно опускаю руку, открываю глаза и вижу Патрика, присевшего на корточки у моего стула. Я открываю рот, но говорить не могу – голова гудит от тяжелого кошмара и одновременно готова лопнуть от несказанного облегчения: Патрик вернулся.

– Что тебе приснилось?

Я с трудом выговариваю слова – язык не слушается:

– Я... Я не знаю. Я испугалась.

– Ничего не бойся, – говорит Патрик и гладит влажные волосы у меня на висках, приподнимая мое лицо ладонями. – Я здесь.

Он бледен, на волосах и ресницах еще блестят капли дождя. Глаза, обычно такие живые, сейчас пустые и потемневшие. Он выглядит подавленным, и я, не раздумывая, подаюсь вперед и целую его в губы. Он отвечает жадно, удерживая мое лицо, но вдруг отпускает меня, уперевшись лбом в мой лоб.

– Вызов отменили.

– Как это? Значит, отца с сыном не нашли?

Патрик мотает головой, и я вижу в его взгляде тяжесть пережитого. Он устало садится на пол.

– Мы снова выйдем в море, когда рассветет, – безучастно говорит он, – но никто уже не притворяется, будто есть надежда.

Зажмурившись, он кладет голову мне на колени и плачет, не скрываясь, об отце и его подростке-сыне, которые так самоуверенно вышли в море на жалкой лодчонке, несмотря на штормовое предупреждение.

Я глажу его по волосам, и у меня тоже каплют слезы. Я плачу о мальчишке, оказавшемся в открытом море, о его матери, о кошмарах, преследующих меня во сне, о Джейкобе, о моем малыше.

Глава 19

Тела выбрасывает на берег в Сочельник, через несколько дней после того, как спасатели прекратили поиски. Я наивно полагала, что отец и сын окажутся на берегу рядом, но мне следовало бы уже знать: как поведет себя прилив, предугадать нельзя. Сына море отдает первым – ласковые волны, вынесшие его на песок залива Россили, выглядят кроткими, не способными причинить ужасные повреждения, полученные его отцом, тело которого находят на берегу милей дальше.

Мы на пляже, когда Патрику звонят, и по его угрюмо стиснутым челюстям я понимаю – новости нерадостные. Он немного отходит в сторону, будто чтобы оберечь меня, и поворачивается лицом к морю, молча слушая Дэвида. Опустив руку с телефоном, Патрик некоторое время стоит, вглядываясь в морскую даль, словно в поисках ответов. Я подхожу и трогаю его за локоть. Патрик вздрагивает, как будто начисто забыл о моем существовании.

– Мне очень жаль, – начинаю я, тщетно подбирая слова.

– Я встречался с девушкой, – вдруг говорит Патрик, снова отвернувшись к морю. – Мы познакомились в университете и вместе жили в Лидсе.

Я слушаю, не вполне понимая, почему он заговорил об этом сейчас.

– Я привез ее в Порт-Эллис. Она не хотела ехать, но разлучаться мы не стали, и она бросила работу и приехала. Ей тут все не нравилось – что поделаешь, деревня, жизнь течет тихо и медленно...

Мне становится неловко, будто от нечаянного вторжения во что-то очень личное. Я готова просить его не продолжать, ведь он не обязан мне отчитываться, но Патрик словно не в силах остановиться.

– Как-то в разгар лета мы поссорились – все та же старая причина: она хотела вернуться в Лидс, а я решил остаться здесь и открыть практику. Она в гневе хлопнула дверью и отправилась кататься на серфе, но попала в разрывное течение и не смогла вернуться на берег.

– Господи, Патрик... – Я чувствую ком в горле. – Это ужасно.

Он наконец поворачивает голову и смотрит на меня:

– Доску выбросило на следующий день, а тела мы так и не нашли.

– Как – «мы»? – не могу поверить я. – Ты ее тоже искал?

Даже представлять не хочу, что он тогда чувствовал.

Патрик пожимает плечами:

– Все искали. Это же долг спасателей.

– Да, но... – Я замолкаю. Конечно, он ее искал – как могло быть иначе?

Я обнимаю Патрика, и он прижимается ко мне, зарывшись лицом в шею. Подумать только, его жизнь казалась мне безоблачной, я верила, что этот добродушный, неконфликтный мужчина не знает горя! Однако его призраки не менее реальны, чем мои. Впервые я оказалась рядом с человеком, который нуждался во мне не меньше, чем я в нем.

Мы медленно идем к коттеджу, и Патрик говорит, что он меня догонит, только возьмет кое-что из машины.

– Что, что? – с любопытством допытываюсь я.

– Увидишь, – отвечает он с прежней веселой искоркой в глазах. Я невольно чувствую к нему уважение за такую способность не гнуться под ударами судьбы. Может, трагедия его только закалила? Вот бы и мне когда-нибудь стать такой же!

Патрик возвращается, без видимых усилий неся на плече елку. Меня колет острое сожаление при воспоминании, как я раньше радовалась Рождеству. В детстве мы с Евой соблюдали строгий ритуал украшения елки: сперва гирлянда, потом мишура, затем торжественное водружение на елочные лапы шаров, и наконец потрепанный ангел качается на верхушке. Наверное, сестра до сих пор украшает так елку со своими детьми.

Я не хотела ставить елку в своем коттедже – украшения для детей и семей, но Патрик настаивает.

– Я ее обратно не повезу, – заявляет он, втаскивая деревце через дверь и усыпая иглами пол. Установив его на грубой деревянной подставке, он проверяет, прочно ли получилось. – Как же на Рождество и без елки!

– Мне нечего на нее повесить, – возражаю я.

– А ты загляни в мою сумку.

Я открываю темно-синий рюкзак Патрика и нахожу там старую обувную коробку, перехваченную толстой резинкой. Приподняв крышку, я вижу десяток красных шаров – стекло от времени покрылось сетью мелких трещин.

– О, – шепчу я, – какие красивые!

Я поднимаю шар за петельку, и он вертится сперва в одну, затем в другую сторону, сотни раз отражая мое лицо.

– Это бабушкины. Я же говорил, в ее шкафу найдется что угодно.

Я стараюсь не покраснеть, вспомнив, как заглядывала в шкаф на кухне и видела снимок Патрика с девушкой – как я теперь понимаю, той, которая утонула.

– Чудесные шары, спасибо!

Мы наряжаем елку вместе. Патрик привез гирлянду крохотных лампочек, а у меня нашлась лента, чтобы продеть между еловыми ветвями. Шаров всего двенадцать, но они сверкают не хуже метеоров. Я вдыхаю запах хвои, желая навсегда сохранить этот моментальный снимок счастья.

Нарядив елку, я сажусь, положив голову Патрику на плечо, и смотрю, как свет отражается от круглых стеклянных боков и отбрасывает причудливые тени на стену. Большим пальцем Патрик водит круги по моему запястью, и на душе впервые за много лет легко и спокойно. Я поворачиваюсь поцеловать Патрика, наши языки переплетаются, и когда я открываю глаза, то вижу, как он смотрит на меня.

– Пойдем наверх, – шепчу я. Не знаю, что заставило меня захотеть этого сейчас, но во мне родилась физическая потребность быть с ним.

– Точно? – Патрик чуть отодвигается и заглядывает мне в глаза.

Я киваю. На самом деле я не уверена, но хочу выяснить. Мне требуется узнать, иначе ли это будет – с ним.

Пальцы Патрика запутываются в моих волосах. Он целует меня в шею, щеку, находит губы. Встав, он мягко тянет меня к лестнице, большим пальцем по-прежнему поглаживая мне ладонь, будто не может прекратить ласкать меня ни на мгновение. Когда я поднимаюсь по узкой лестнице, он идет следом, легко придерживая меня за талию. Сердце мое учащенно бьется.

Без камина и теплой плиты здесь зябко, но я дрожу от предвкушения, а не от холода. Патрик садится на кровать и мягко тянет меня прилечь рядом с ним. Он отводит волосы с моего лица, ласкает пальцем за ухом и вниз по шее. Я сразу начинаю нервничать: я знаю, насколько я несексапильна, как скучна и неизобретательна; захочет ли Патрик быть со мной, когда убедится в этом? Но я безумно хочу его; шевельнувшееся желание внизу живота настолько внове, что возбуждение растет еще сильнее. Я пододвигаюсь ближе к Патрику – так близко, что наше дыхание смешивается, и с минуту мы лежим вот так – соприкасаясь губами, но не целуясь, пробуя, но не вкушая. Он медленно расстегивает на мне рубашку, не отводя взгляд от моих глаз.

Не в силах больше ждать, я расстегиваю джинсы и стаскиваю их в безрассудной торопливости, а затем неверными пальцами справляюсь с застежкой рубашки Патрика. Мы неистово целуемся, избавляясь от одежды, пока он не остается обнаженным, а я только в трусах и футболке. Он берется за подол, но я еле заметно качаю головой.

Возникает пауза. Я ожидаю, что Патрик начнет настаивать, но он несколько секунд смотрит мне в глаза, потом наклоняет голову и целует мои груди через мягкий тонкий хлопок. Когда он опускается ниже, я выгибаюсь назад и отдаюсь во власть его прикосновений.

Я дремлю в путанице простыней, рук и ног и скорее чувствую, чем вижу, как Патрик тянется выключить лампу.

– Оставь свет, – прошу я, – пожалуйста.

И он не спрашивает, почему, а обнимает меня – берет в свои объятия – и целует в лоб.

Я просыпаюсь, зная – что-то изменилось, но спросонья не сразу догадываюсь, что именно. Это не чье-то присутствие в моей кровати, хотя я отвыкла от веса второго тела на постели; это понимание, что я спала без сновидений. Я улыбаюсь: я проснулась потому, что выпалась. Не от собственного крика, не от визга тормозов или глухого щелчка головы о лобовое стекло. Впервые больше чем за год мне не снился тот роковой несчастный случай.

Я хочу встать и сварить кофе, но тепло кровати заставляет меня нырнуть обратно под стеганое одеяло и прижаться к горячему обнаженному телу Патрика. Я глажу его по боку, ощущая под пальцами подтянутый живот и сильное бедро, и между ног у меня сводит сладкой судорогой. Меня не устает поражать собственное тело, которое молит о ласке. Шевельнувшись, Патрик чуть приподнимает голову и улыбается мне с закрытыми глазами:

– С Рождеством.

– Хочешь кофе? – спрашиваю я, целуя его в плечо.

– Позже, – говорит он и тянет меня обратно под одеяло.

Мы остаемся в постели до полудня, упиваясь друг другом и лакомясь мягкими пирожками с приторным липким джемом из черной смородины. Патрик спускается принести еще кофе и заодно захватывает подарки, которые накануне мы положили под елку.

– Куртка! – вскрикиваю я, срывая бумагу с пухлого, неумело упакованного свертка, который подает мне Патрик.

– Не очень романтично, – робко произносит он, – но нельзя же тебе и дальше носить этот жуткий дождевик и в пир, и в мир – ты замерзнешь!

Я немедленно надеваю куртку: толстую, теплую, непромокаемую, с глубокими карманами и капюшоном. Она в миллион раз лучше той, в

которой я спускалась на пляж (тот дождевик висел на крыльце коттеджа, когда я здесь поселилась).

– А я считаю, тепло и сухость – самая романтическая штука, – отвечаю я, целуя Патрика. – Мне очень нравится, спасибо!

– Там в кармане кое-что лежит, – добавляет Патрик. – Не совсем подарок, скорее необходимость.

С любопытством пошарив в карманах, я достаю мобильный телефон.

– Это мой старый, все равно без дела лежит. Немудрящий, но работает – тебе не придется каждый раз ходить до трейлерного парка, чтобы позвонить.

Я уже хочу ответить, что звонить мне разве что ему, но до меня доходит – наверное, Патрик это и имеет в виду. Ему не нравится, что со мной невозможно связаться. Я не знаю, как отнестись к мобильнику, но благодарю Патрика, а себе напоминаю, что необязательно все время держать телефон включенным.

Он подает мне второй подарок, тщательно завернутый в фиолетовую бумагу и завязанный ленточкой.

– Это упаковывал не я, – сообщает он без всякой необходимости.

Я осторожно разворачиваю бумагу и с благоговением, которого она заслуживает, открываю узкую коробочку. Внутри перламутровая брошь в форме морской раковины. Отражая свет, она переливается всеми цветами радуги.

– О Патрик! – Меня захлестывает восторг. – Какое чудо!

Взяв брошь, я прикалываю ее к своей новой куртке. Мне неловко дарить собственный карандашный набросок – Патрик в спасательной шлюпке на берегу Порт-Эллиса, но не уходящий на вызов, а благополучно возвратившийся на берег.

– Ты удивительно талантлива, Дженна, – говорит он, любуясь листком в рамке. – Ты зарываешь свой талант в землю в нашей глуши. Тебе бы выставку устроить! Подпишешь рисунок?

– Не могу, – односложно отвечаю я, не объясняя почему, и предлагаю прогуляться: нужно же выгулять мою новую куртку и Бо.

На пляже никого нет, вода отступила – сейчас как раз середина отлива, и передо мной тянется огромная ровная поверхность белого песка. Чреватые снегом тучи нависают над скалами, которые кажутся еще белее на фоне сизого неба. Вверху кружат чайки – их жалобные крики эхом отдаются в пустоте, а волны ритмично набегают на песок.

– Почти святотатство портить своими следами такую красоту. – На ходу я беру Патрика за руку. Фотоаппарат сегодня остался дома. Мы

заходим далеко вперед по влажному песчаному дну, и мыски наших ботинок погружаются в холодную пену зимнего моря.

– У меня мама раньше плавала на Рождество, – делится со мной Патрик. – Из-за этого они с отцом всякий раз ссорились. Он знал, какие коварные здесь течения, и твердил, что она ведет себя безответственно, но мама хватала полотенце и бежала окунаться, как только все откроют подарки. Мамино поведение всех очень смешило, и народ ее подбадривал, стоя, разумеется, на берегу.

– С ума сойти. – Я не могу прогнать мысли о девушке, которая утонула, и удивляюсь, как после такой трагедии Патрик по-прежнему живет у моря и может находиться рядом с водой. Бо носится вдоль прибоя, пытаюсь ухватить зубами каждую волну.

– А у тебя есть безумные фамильные традиции? – спрашивает Патрик.

Я задумываюсь, улыбаясь воспоминаниям о рождественских каникулах.

– Да нет, – отвечаю я наконец. – Но я очень любила Рождество. Родители начинали готовиться к празднику еще в октябре, и дом наполнялся возбуждающими любопытство свертками, спрятанными в шкафах и под кроватями. Когда отец ушел, мы продолжали устраивать праздник, но атмосфера сказки исчезла раз и навсегда.

– А ты пыталась его отыскать? – Патрик сжимает мою руку.

– Да. Когда я была в университете, я разыскала отца и узнала, что у него новая семья. Я ему написала, а он ответил, что не считает нужным ворошить прошлое. Этот ответ меня просто убил.

– Дженна, но это ужасно!

Я дергаю плечом, притворяясь, что мне все равно.

– А с сестрой ты дружишь?

– Раньше дружила. – Я поднимаю плоский камушек и пытаюсь запустить его над самой поверхностью воды, чтобы сшибать гребешки волн, однако морская рябь слишком мелкая. – Когда отец ушел, Ева приняла мамину сторону, а я, наоборот, возненавидела мать за то, что она выставила папу из дома. Конечно, мы с сестрой дружили, но я давно ее не видела. Несколько недель назад я послала ей открытку. Не знаю, получила ее Ева или нет – может, она переехала.

– Вы поссорились?

Я киваю:

– Ей не понравился мой муж.

Это звучит дерзко, и дрожь страха пробегает у меня по спине.

– А тебе он нравился?

Это странный вопрос, и я отвечаю не сразу. Я очень долго ненавидела Йена и боялась его.

– Когда-то нравился, – признаюсь я наконец. Я помню, как он красиво ухаживал, как выгодно отличался от парней из колледжа с их неуклюжими руками и плоским юморком.

– Вы давно в разводе?

Я не поправляю его.

– Довольно давно.

Подобрав пригоршню камушков, я принимаюсь швырять их в море. Камень за каждый год, миновавший с тех пор, когда я ощущала себя любимой. Лелеемой.

– Иногда я думаю – может, он еще вернется. – У меня вырывается смешок, показавшийся фальшивым даже мне самой. Патрик пристально смотрит на меня.

– А детей у вас не было?

Я наклоняюсь – якобы за галькой.

– Он не горел желанием, – отвечаю я. В конце концов, это недалеко от истины. Йен не желал иметь ничего общего со своим сыном.

Патрик обнимает меня за плечи:

– Прости, я задаю слишком много вопросов.

– Ничего, – отвечаю я и понимаю, что действительно не против. С Патриком мне спокойно. Мы медленно идем по берегу. Обледеневшая тропинка скользкая, и я радуюсь, что Патрик обнимает меня за талию. Я рассказала больше, чем намеревалась, но всей правды открыть не могу. Иначе он уйдет, и тогда никто не удержит меня от падения.

Глава 20

Теперь Рэй просыпался, охваченный уже забытым оптимизмом. Он взял отпуск на все Рождество, и хотя пару раз наведывался в офис и привозил документы домой, не мог не признать: отдых пошел ему на пользу. Сейчас его живо интересовало, как Кейт справляется с расследованием.

Из девяти с лишним сотен красных «Фордов Фокусов» и «Фиест» с бристольской регистрацией только сорок заставили сработать систему автоматического распознавания номеров. Видеозаписи стирались через девяносто дней, но Кейт, вооружившись списком автомобилей, выяснила всех до единого владельцев, намереваясь допросить их о передвижениях в день рокового наезда. За последние четыре-пять недель список значительно сократился, но дальше дело застопорилось: то машина оказывалась продана без оформления полагающихся документов, то официальный владелец переехал, не оставив нового адреса. Чудо, что Кейт вообще вычеркнула столько непричастных к аварии, учитывая сезон рождественских отпусков. Но теперь праздники закончились – наступало время решительного прорыва.

Рэй сунул голову в комнату сына. Из-под одеяла виднелась только темная макушка, и Рэй беззвучно прикрыл дверь. Его новогодний оптимизм совсем не передался сыну, чье поведение ухудшилось настолько, что он схлопотал от директрисы два официальных предупреждения. В третий раз его отстранят от занятий. Рэю такая мера казалась нелепостью: мальчишка и так прогуливает больше уроков, чем посещает, и ненавидит саму идею школьных занятий.

– Люси еще спит? – спросила Мэгс, когда Рэй вошел в кухню.

– Оба спят.

– Нужно будет уложить их пораньше, – сказала Мэгс. – Им через три дня в школу.

– У меня есть чистые рубашки? – спросил Рэй.

– Как, ты себе ни одной не постирал? – Мэгс скрылась в смежной прачечной и вернулась с пятеркой выглаженных рубашек, переброшенных через руку. – Эх, хорошая у тебя жена! Не забудь, мы идем в гости к соседям.

Рэй застонал:

- Это обязательно?
- Да. – Мэгс вручила ему рубашки.
- Ну кто приглашает гостей в первый день нового года? – возопил Рэй. – Дурацкое время для вечеринки.
- По мнению Эммы, все так усердно отмечают Рождество и Новый год, что каждый только рад опохмелиться по окончании праздников.
- Ничего подобного, – буркнул Рэй. – Делать мне нечего... Заведут шарманку о том, как их штрафовали за скорость в тридцать семь миль в час при ограничении в тридцать, хотя вблизи не было ни одной школы, и какая это пародия на правосудие! Стоит мне где-то появиться, и через пять минут разговор превращается в огульное охаивание полиции.
- Не могут же люди сидеть в гробовом молчании, – со стоическим терпением возразила Мэгс. – Они тебя практически не знают...
- На то есть веские причины.
- ...поэтому вынуждены говорить с тобой о работе. Будь снисходительнее. В крайнем случае меняй тему и поддерживай светскую беседу.
- Ненавижу светскую беседу!
- Прекрасно! – Мэгс грохнула сковороду на стол с неожиданной силой. – Тогда не ходи. Ей-богу, Рэй, так всем будет лучше. Нечего портить людям настроение!
- Рэю не понравилось, что жена разговаривает с ним как с ребенком.
- Я не отказываюсь пойти, я только жалуюсь, что будет очень скучно!
- Мэгс повернулась к мужу, не столько раздраженная, сколько расстроенная:
- А жизнь – это не только пироги и пиво, Рэй.
- С Новым годом вас обоих. – Рэй вошел в общий зал полицейского управления и поставил перед Стампи жестяную коробку «Кволити-стрит». – Вот вам компенсация за Рождество и Новый год.
- В национальные праздники в управлении работали только дежурные, и Стампи вытянул короткую соломинку.
- Какая ж это компенсация – коробка шоколада за выход на работу в семь утра первого января!
- Рэй улыбнулся:
- Ты все равно староват для новогодних танцулек, Стампи. Мы вот с Мэгс заснули, не дождавшись полуночи.
- А я никак не отойду, – зевнула Кейт.
- Хорошо отпраздновала? – спросил Рэй.

– Насколько я помню, да, – засмеялась она, и Рэй ощутил укол зависти. Он сомневался, что Кейт на своих вечеринках выслушивает нудные разговоры о штрафах за превышение скорости и брошенный на улице мусор.

– Так, ну, что у нас имеется? – спросил он.

– Хорошая новость, – похвасталась Кейт. – У нас есть номер машины!

Рэй, не сдержавшись, широко улыбнулся:

– Наконец-то! Ты уверена, что это тот самый автомобиль?

– Точно тот. После наезда тачка ни разу не засветилась на уличных камерах слежения, и хотя налог уже просрочен, с учета ее не снимали. Наверное, отправили на автосвалку или сожгли. Машина зарегистрирована в Бофор-Кресент, около пяти миль от того места, где сбили Джейкоба. Мы со Стампи съездили туда вчера, но там пусто – дом сдавался внаем. Стампи пытается дозвониться в кадастровую службу и узнать, остался ли у владельца новый адрес бывшего жильца.

– Но имя мы узнали? – не утерпел Рэй.

– Узнали, – улыбнулась Кейт. – В системе банковского обслуживания его нет, в списках избирателей тоже, поэтому онлайн я ничего найти не могу, но сегодня мы все выясним. Я направила в компанию коммунального обслуживания запрос на персональные данные их абонента, и сейчас, когда праздники позади, мы начнем получать ответы.

– Мы и насчет матери Джейкоба тоже немного продвинулись, – похвалился Стампи.

– Молодцы! – похвалил Рэй. – Надо мне чаще отпуск брать. Вы с ней пообщались?

– Телефона нет, – огорчил его Стампи. – Кейт наконец вышла на замещающую преподавательницу из Сент-Мэри, которая дружила с потерпевшей. С ее слов, после несчастного случая женщине казалось, что в случившемся все винят ее. Она сгорала от стыда и возмущения, что водителю-виновнику все сошло с рук...

– Сошло с рук, вот как? – возмутился Рэй. – А мы, значит, сидели на заднице и ничего не делали?

– Я всего лишь повторяю слова той учительницы, – возразил Стампи. – В общем, женщина оборвала все связи и уехала из Бристоля с намерением начать жизнь заново. – Он постучал по папке, потолстевшей на несколько дюймов с тех пор, как Рэй видел ее в последний раз. – Я пока жду имейл от местной полиции, но к концу дня у нас должен быть ее адрес.

– Хорошая работа. Очень важно загодя ввести мамашу в игру на тот случай, если дело дойдет до суда. Меньше всего нам нужно, чтобы какой-

нибудь журналюга возмущался во всех СМИ, что полиция больше года не могла предъявить обвинение...

У Кейт зазвонил мобильный.

– Управление полиции, констебль Эванс.

Рэй хотел удалиться в свой кабинет, но Кейт бешено зажестичулировала, подзывая его и Стампи.

– Отлично! – ответила она в телефон. – Спасибо вам огромное.

Девушка что-то быстро записала в большом блокноте.

– Попался, – торжествующе улыбнулась она.

Стампи тоже улыбнулся, что для него было редкостью.

– Звонили из телефонной компании, – пояснила Кейт, ерзая на стуле от возбуждения. – Они рассмотрели наше ходатайство о предоставлении личных данных владельца скрытого номера и назвали нам адрес!

– Давай сюда.

Кейт вырвала из блокнота верхний лист и подала Стампи.

– Блестящая работа, – одобрил Рэй. – Не будем тянуть. – Из металлического шкафчика на стене он сгреб две связки ключей и бросил одну Стампи, который ловко перехватил ключи на лету. – Стампи, бери все, что у нас есть на мать Джейкоба, и дуй в местное отделение. Скажи им, что мы не можем ждать – срочно нужен ее адрес. Не возвращайся, пока ее не найдешь, а когда отыщешь, сразу скажи – водитель ответит по всей строгости закона. А мы с Кейт проведем задержание... – После паузы Рэй бросил ключи Кейт: – Лучше ты за руль, мне тут надо отменить планы на вечер.

– Что-нибудь крутое? – поинтересовалась девушка.

Рэй усмехнулся.

– Поверь, я с удовольствием поработаю.

Глава 21

Я вздрагиваю от стука в дверь: неужели уже пора? Я часто забываю о времени, когда редактирую фотографии. Бо наостряет уши, но не лает, и я, погладив песика, подхожу к двери и отодвигаю засов.

– Только ты одна и запираешь дверь во всей округе, – добродушно ворчит Патрик. Он шагает через порог и целует меня.

– Городская привычка, – легко отвечаю я и снова задвигаю засов, после чего пытаюсь повернуть и ключ.

– Неужели Йестин так и не починил замок?

– Ну, ты же знаешь Йестина, – отзываюсь я. – Обещает, обещает, но никогда ничего не чинит. Грозился прийти сегодня вечером, но что-то мне подсказывает – можно не ждать. По-моему, ему кажется нелепым, что я вообще запираюсь.

– В принципе, справедливо. – Патрик наваливается на дверь и стискивает пальцами большой ключ, с усилием провернув его. – По-моему, последний раз ограбление со взломом Пенфач видел в пятьдесят четвертом году...

Он улыбается, но я остаюсь безучастной к подтруниванию. Он не знает, как по вечерам я дотошно осматриваю дом и просыпаюсь от шума за окном. Кошмары прекратились, но страх во мне еще живет.

– Проходи к плите, погрейся, – говорю я. Погода очень холодная, Патрик явно выглядит замерзшим.

– Да, стужа установилась надолго. – Патрик следует моему совету и прислоняется к древней «Аге». – У тебя дров достаточно? Я могу завтра привезти.

– Йестин мне столько привез, что до весны хватит, – отвечаю я. – Он приезжает за арендой первого числа и обычно с целой горой дров в прицепе. Деньги брать отказывается.

– Хороший человек. Они с моим отцом сто лет знакомы – бывало, просидят вечер в пабе, потом плетутся домой и уверяют мою мать, что не пьяны. Вряд ли Йестин сильно изменился.

Я смеюсь.

– Мне он нравится. – Достав из холодильника две бутылки пива, я протягиваю одну Патрику. – Так что же это за таинственный ингредиент к ужину?

Утром он звонил сказать, что с ужином можно не возиться, и мне

любопытно узнать, что же в сумке-холодильнике, которую он оставил у дверей.

– Да вот, привез благодарный клиент, – отзывается Патрик. Он расстегивает сумку, лезет внутрь и, как фокусник кролика из шляпы, вытаскивает блестящего сине-черного лобстера, лениво шевельнувшего на меня клешнями.

– Господи! – вырывается у меня восторженный и обескураженный возглас при виде предполагаемого меню: я никогда не бралась за что-то настолько сложное. – И многие клиенты тебе платят лобстерами?

– Не поверишь, – хмыкает Патрик. – А еще фазанами и кроликами. Иногда передают лично, но чаще я нахожу подношения на крыльце клиники... – Он улыбается: – Я уже не допытываюсь, откуда что. Фазанами налоги, конечно, не заплатишь, но, к счастью, хватает пациентов и с чековыми книжками. Я не могу отказать в помощи больному животному только потому, что у хозяина нет денег его лечить...

– Ах ты, старый простак. – Я обнимаю Патрика и долго целую в губы.

– Тс-с-с, – говорит он, когда мы отодвигаемся друг от друга, – ты разрушишь имидж мачо, который я так старательно строю. У меня, например, хватает жестокости освежевать пушистого кролика или сварить лобстера. – И он зловеще захихикал, как мультяшный злодей.

– Дуралей, – смеюсь я. – Надеюсь, ты правда знаешь, как его готовить, потому что я ни разу не пробовала.

Я с опаской посматриваю на лобстера.

– Смотрите и учитесь, мадам, – произносит Патрик, вешая кухонное полотенце на руку и кланяясь с преувеличенной любезностью. – Кушать вскоре будет подано.

Я достаю самую большую кастрюлю, а Патрик опускает лобстера обратно в сумку-холодильник и застегивает молнию. Пока на плите закипает вода, я наполняю раковину, чтобы промыть салат. Мы работаем слаженно, в спокойном молчании. Бо иногда крутится у наших ног, напоминая о своем присутствии. Атмосфера легкая и приятная, без тени угрозы, и я сдерживаю улыбку, поглядывая на Патрика, занятого приготовлением соуса.

– Все нормально? – спрашивает он, перехватив мой взгляд и положив деревянную ложку на сковородку. – О чем ты думаешь?

– Ни о чем, – говорю я, глядя на свой салат.

– Да ладно, скажи!

– Я думала о нас.

– Вот теперь ты просто обязана мне все рассказать! – смеется Патрик и

брызгает на меня водой из раковины.

Не удержавшись, я вскрикиваю. Разум не успевает урезонить меня, подсказав, что это же Патрик, Патрик дурачится, и я инстинктивно пригибаюсь, прикрывая голову. Автоматическая мышечная реакция, от которой учащается пульс и потеют ладони. Воздух загустевает вокруг меня, и на секунду я переношусь в другое время и место.

Воцарившееся молчание такое глубокое, что его почти можно потрогать. Я медленно выпрямляюсь. Сердце колотится о ребра. Патрик стоит, опустив руки, и на его лице написан ужас. Я пробую заговорить, но во рту пересохло, а паника, сжимающая горло, еще не улеглась. Я гляжу на Патрика, на замешательство и вину на его лице, и понимаю, что придется объясниться.

– Прости, пожалуйста, – начинаю я. – Я... – И в смятении закрываю лицо руками.

Патрик шагает ко мне и пытается обнять, но я отталкиваю его, стыдясь своей реакции и борясь с острым желанием рассказать ему все.

– Дженна, – мягко говорит он, – что с тобой случилось?

В дверь стучат. Мы переглядываемся.

– Я открою, – предлагает Патрик, но я качаю головой.

– Это Йестин, – обрадовавшись передышке, я потираю лицо ладонями. – Я сейчас.

Едва открыв дверь, я сразу понимаю, что происходит.

Все, чего я изначально хотела, – сбежать. Притвориться, что жизнь, которую я вела до несчастного случая, принадлежала кому-то другому. Обмануть себя надеждой, что я еще могу быть счастлива. Я часто думала, какой будет моя реакция, когда меня найдут. Я гадала, как меня повезут обратно и буду ли я сопротивляться.

Но когда полицейский уточняет мое имя, я лишь киваю:

– Да, это я.

Полицейский постарше меня, с коротко стриженными темными волосами и в темном костюме. Он производит впечатление доброго человека, и я невольно думаю, какая у него жизнь; есть ли жена и дети.

Стоящая рядом с ним женщина выходит вперед. Она моложе, с темными вьющимися волосами, красиво обрамляющими лицо.

– Детектив-констебль Кейт Эванс, – представляется она, открыв кожаный бумажник и сверкнув металлическим значком. – Бристольская криминальная полиция. Вы задержаны за причинение смерти по неосторожности вследствие нарушения правил вождения транспортного средства и за оставление места аварии. Вам необязательно что-то говорить,

но вашей защите может повредить, если, отвечая на вопросы, вы не упомянете то, на что позже будете ссылаться в суде...

Зажмурившись, я медленно выдыхаю. Вот и конец игры.

Часть вторая

Глава 22

Ты сидела в углу студенческого клуба, когда я впервые тебя увидел. Ты не обратила на меня внимания – в тот раз еще нет, хотя я, безусловно, выделялся из толпы: единственный костюм в море денима. Окруженная подругами, ты чему-то смеялась так весело, что утирала выступившие слезы. Я отнес свой кофе за соседний стол и принялся просматривать газету, прислушиваясь к вашим разговорам, которые перепархивали с одной темы на другую, как это принято у женщин. Наконец я отложил газету и начал просто смотреть на тебя. Я узнал, что вы все с факультета искусств и учитесь последний курс; впрочем, об этом можно было догадаться по уверенности, с которой ты перекрикивалась с подругами через весь зал и хохотала, не обращая внимания на то, что могут подумать другие. Тогда я и узнал твое имя – Дженна, оставшись смутно разочарован: твои роскошные волосы и бледная кожа делали тебя похожей на модель прерафаэлитов, и я ожидал чего-то более классического – Аурелия, например, или Элинора. Однако ты, без сомнения, была самой красивой в клубе; остальные были слишком нахальны и слишком банальны. Ты была им ровесницей – минимум на пятнадцать лет моложе меня, но на твоём лице уже тогда читалась некая зрелость. Ты оглядывала бар, будто ища кого-то, и я улыбнулся тебе, но ты не заметила, а мне пора было идти на лекцию, до которой оставалось несколько минут.

Я согласился прочесть шесть лекций в качестве приглашенного специалиста в рамках проекта интеграции вашего колледжа в деловое сообщество. Лекции были достаточно легкими: половина аудитории дремала, а другая слушала с предельным вниманием, подавшись вперед и ловя каждую мою фразу. Неплохо для того, кто даже не учился в колледже... Что удивительно для бизнес-курса, на лекцию пришли и несколько девушек: я заметил, как многозначительно они переглянулись, когда я в первый день вошел в лекционный зал. Я был новостью в этих стенах – старше юнцов в коридорах, однако моложе профессоров и штатных лекторов. Мои костюмы от хорошего портного, рубашки идеально подогнаны, на манжетах серебряный блеск запонок. В волосах не было седины – тогда не было, – и под пиджаком не скрывалось возрастное брюшко.

Читая лекцию, я нарочно делал паузу посреди фразы и смотрел в глаза какой-нибудь студентке, каждую неделю новой. Они заливались румянцем

под моим взглядом, улыбались и отводили глаза, а я продолжал говорить. Я посмеивался про себя, представляя, какую надуманную причину они состреляют, чтобы задержаться после лекции, как будут лезть из кожи вон в попытке подойти ко мне, прежде чем я соберу книги и уйду. Я прислонился к краю стола, опираясь одной рукой, и подавался вперед, чтобы расслышать их вопрос, следя, как потухал блеск надежды в их глазах, когда они понимали – я никуда не собираюсь их приглашать. Они меня не интересовали, в отличие от тебя.

На следующей неделе ты снова была в клубе с подругами, и когда я проходил мимо вашего стола, ты посмотрела на меня и улыбнулась. Ты была одета в ярко-синий топ, из-под которого виднелись лямки кружевного черного лифчика; и в мешковатые брюки с накладными карманами, низко сидевшие на бедрах. Тонкая полоска гладкой загорелой кожи мелькала между топом и брюками, и я заинтересовался, знаешь ли ты об этом, и если да, то почему тебя это не беспокоит.

Разговор у вас перешел с учебы на отношения – полагаю, с мальчишками, хотя вы и называли их мужчинами. Твои подруги понижали голос, и мне приходилось напрягать слух; я внутренне приготовился выслушать твою партию в этой литании случайных связей и безголового флирта. Но я оценил тебя правильно – от тебя я слышал только залиvistый смех и иронические подколки в адрес подруг. Ты отличалась от них.

Я думал о тебе всю неделю. В обед я ходил по кампусу в надежде на случайную встречу, увидел одну из твоих подруг – высокую, с крашеными волосами – и пошел за ней, но она скрылась в библиотеке, а я не мог зайти следом и проверить, там ты или нет.

В день моей четвертой лекции я приехал пораньше и был вознагражден за свои усилия: ты сидела в одиночестве за тем же самым столиком, что и в прошлые два раза. Ты читала письмо, и я заметил, что ты плачешь. Тушь у тебя под глазами размазалась, и хотя ты ни за что бы не поверила, так ты была еще красивее. Я подошел с чашкой кофе:

– Не возражаете, если я присяду?

Ты затолкала письмо в сумку.

– Валяйте.

– По-моему, мы с вами уже виделись раньше, – сказал я, опускаясь напротив тебя.

– Да? Простите, не помню.

То, что меня так легко забыли, раздражало, но ты была расстроена и не могла мыслить ясно.

– Я у вас читаю лекции.

Я уже убедился, что принадлежность к преподавательскому составу добавляет привлекательности в глазах студенток – то ли из расчета, что я «замолвлю словечко», или же я выгодно отличался от зеленых студентов, не знаю, но до сих пор эта фраза меня не подводила.

– Вот как? – Твои глаза загорелись. – А по какому предмету?

– Экономика и предпринимательство.

– А-а... – Искра исчезла, и я ощутил острую обиду, что ты способна так бездумно сбрасывать со счетов по-настоящему важные вещи. Замечу кстати, что твое искусство не прокормит и не оденет семью и не возродит к жизни город.

– А чем вы занимаетесь, когда не читаете лекций? – спросила ты.

Казалось бы, какая мне разница, что ты подумаешь, но я вдруг очень захотел произвести на тебя впечатление.

– Я владею компанией, разрабатывающей компьютерные программы, – ответил я. – Мы продаем их по всему миру.

Я не упомянул о Даге, которому принадлежало шестьдесят процентов фирмы, тогда как мне всего сорок, и не стал уточнять, что «по всему миру» на данном этапе означает Ирландию. Наш бизнес действительно расширился, и я не сказал тебе ничего такого, чего не говорил бы управляющему банка в недавнем заявлении о предоставлении кредита.

– Вы на последнем курсе? – сменил я тему.

Ты кивнула:

– Я изучаю...

Я остановил тебя жестом:

– Не говорите, позвольте мне угадать.

Ты засмеялась – игра тебе понравилась, и я якобы погрузился в неспешные раздумья, позволив взгляду блуждать по твоему полосатому платью с лайкрой и шарфу, которым были стянуты твои волосы. Ты тогда была полнее, и округлости груди натягивали ткань. Я отчетливо видел очертания твоих сосков, и мне стало интересно, бледные у тебя ареалы или темные.

– Вы изучаете искусство, – сказал я наконец.

– Да! – Ты не скрывала удивления. – А как вы догадались?

– У вас внешность художницы, – ответил я как нечто очевидное.

Ты ничего не сказала, но на скулах проступили два ярких пятна, и ты не удержала улыбки, разлившейся по лицу.

– Йен Петерсен. – Я протянул руку и, ощутив прохладу твоей кожи, задержал твои пальцы на долю секунды дольше, чем требовалось.

– Дженна Грэй.

– Дженна, – повторил я. – Необычное имя. Сокращенное?

– Да, от Дженнифер. Но все зовут меня Дженна.

Ты беззаботно засмеялась. Последние следы слез исчезли, и с ними и беззащитность, которую я находил столь притягательной.

– Я невольно заметил, что вы несколько расстроены. – Я указал на письмо, запиханное в твою сумку, стоявшую открытой. – Плохие новости?

Твое лицо сразу омрачилось:

– Это от моего отца.

Я ничего не сказал, выжидательно наклонив голову чуть набок. Женщинам редко нужно приглашение поговорить о своих проблемах, и ты не стала исключением.

– Он ушел, когда мне было пятнадцать, и с тех пор я его не видела. Месяц назад я его отыскала и написала, но он не хочет меня знать. Говорит, у него новая семья, и он не готов «ворошить прошлое». – Ты изобразила пальцами кавычки и неудачно постаралась сарказмом замаскировать горечь.

– Это ужасно, – произнес я. – Не представляю, как кто-то может не захотеть вас видеть.

Ты немедленно покраснела.

– Ему же хуже, – отрезала ты. Но глаза у тебя снова подозрительно заблестели, и ты уставилась в стол.

Я подался вперед:

– Разрешите принести вам кофе?

– Это было бы прекрасно.

Когда я вернулся, тебя уже окружила компания друзей. Двоих девушек я узнал, но к ним присоединилась сегодня третья с каким-то длинноволосым юнцом с проколотыми ушами. Они заняли все стулья, и мне пришлось взять один от соседнего стола. Я вручил тебе твою чашку в ожидании, что ты объяснишь остальным – у нас разговор, однако ты лишь поблагодарила меня за кофе и представила своим подругам, имена которых я тут же забыл.

Одна из них задала мне вопрос, но я не мог отвести от тебя глаз. Ты увлеченно говорила с длинноволосым о какой-то курсовой работе. Пряди падали тебе на лицо, и ты нетерпеливо убирала их за ухо. Должно быть, ты почувствовала мой взгляд, потому что повернула голову. Твоя улыбка была извиняющейся, и я сразу простил тебе бестактность твоих друзей.

Мой кофе остыл. Я не хотел уходить первым, чтобы не становиться предметом обсуждения вашей компании, но до лекции оставалось всего

несколько минут. Я встал и дождался, когда ты это заметишь.

– Спасибо за кофе.

Я хотел спросить, увидимся ли мы еще, но как я мог это сделать в присутствии рассеявшихся вокруг тебя подружек?

– До следующей недели? – небрежно сказал я, будто это было не важно, но ты уже повернулась к подругам, и я уходил под звуки твоего смеха, звеневшего в ушах.

Это смех не позволил мне прийти в клуб на следующей неделе, и когда мы снова увиделись через две недели, облегчение на твоем лице доказало – я поступил правильно, не ища встречи. На этот раз я не спрашивал у тебя разрешения присесть, а сразу подошел с двумя чашками кофе (для тебя – черный, с одной ложкой сахара).

– Вы помните, как я пью кофе?

Я пожал плечами, будто это пустяки, хотя пометил это в своем дневнике в день нашего знакомства, как делаю всегда.

На этот раз я нарочно расспрашивал тебя о тебе и смотрел, как ты раскрываешься, точно листок, ищущий влаги. Ты показала мне свои рисунки; листая неплохие, но неоригинальные работы, я говорил тебе, что ты исключительно талантлива. Когда пришли твои подруги, я хотел уже встать и принести еще стульев, но ты сказала им, что занята и посидишь с ними в другой раз. В тот момент всякая тревога по поводу тебя исчезла: я смотрел в твои глаза, пока ты, вспыхнув и заулыбавшись, не отвела взгляд.

– Через неделю мы не увидимся, – сказал я. – Сегодня у меня последняя лекция.

Я был тронут разочарованием на твоем лице.

Ты открыла рот, но остановилась, и я ждал, наслаждаясь этим ожиданием. Я мог озвучить приглашение и сам, но предпочитал услышать его от тебя.

– Может, нам куда-нибудь сходить? – предложила ты.

Я ответил не сразу, будто такая мысль не приходила мне в голову:

– Так давайте поужинаем. В городе открылся новый французский ресторан, можно пойти в выходные.

Твое нескрываемое удовольствие было очаровательным. Я подумал о Мэри, столь холодно-безразличной ко всему, столь равнодушной к сюрпризам, привыкшей скучать. Прежде я не приписывал это возрасту, но при виде твоего ребяческого удовольствия от перспективы ужина в модном ресторане понял, что поступаю правильно, ища девушку помоложе. Менее опытную. Я, конечно, не считал тебя невинной простушкой, но ты еще не

успела стать циничной и недоверчивой.

Я забрал тебя от общежития, не обращая внимания на заинтересованные взгляды студенток, проходивших мимо твоей двери, и испытал удовольствие, когда ты появилась в элегантном черном платье, и твои длинные ноги были обтянуты плотными черными колготками. Когда я открыл перед тобой дверь машины, ты даже вздрогнула от удивления:

- Я могу к этому привыкнуть!
- Вы изумительно выглядите, Дженнифер, – сказал я.
- Меня никто не называет Дженнифер! – засмеялась ты.
- Вам это не нравится?
- Да нет, просто смешно звучит.

Ресторан не заслуживал восторженных отзывов, которые я о нем прочел, но тебе вроде бы все понравилось. Ты заказала жареный картофель к курице, и я прокомментировал твой выбор:

- Какая редкость встретить девушку, которая не боится пополнеть!
- И улыбнулся в знак того, что я не придаю значения лишним фунтам.
- Я не сижу на диете, – отозвалась ты. – Жизнь слишком коротка.

Однако, подобрав сливочный соус, в котором плавала курятина, картофель ты есть не стала. Когда официант предложил меню десерта, я отказался:

– Кофе, пожалуйста. – Я видел твое разочарование, но тебе не нужны жирные пудинги. – Чем вы намерены заняться после окончания колледжа?

Ты вздохнула:

– Не знаю. Мне хочется открыть свою галерею, но в ближайшее время нужно найти какую-то работу.

– Художницей?

– Если бы! Вообще я скульптор и могу продавать свои работы, но чтобы оплачивать счета, надо будет хвататься за любую подработку – в баре или в магазине, раскладывать товар по полкам. Боюсь, в конце концов придется возвращаться к матери.

– Вы с ней не ладите?

Ты сморщила нос, как ребенок.

– Не очень. С моей сестрой они друг на друга не надышатся, а вот мы с ней никогда не понимали друг друга. Это из-за нее папа ушел из семьи, даже не попрощавшись.

Я налил нам по бокалу вина.

– Что же она сделала?

– Выгнала его. Объяснила, что ей жаль, но она тоже живой человек и

больше терпеть не намерена. А потом вообще отказалась говорить об этом. С таким эгоизмом, как у нее, я еще не сталкивалась.

Я видел боль в твоих глазах и успокоительно накрыл ладонью твои руки.

– Вы напишете отцу еще раз?

Ты неистово замотала головой.

– Он ясно дал понять, чтобы я оставила его в покое. Не знаю, что мама ему сделала, но он настолько обижен, что даже знать нас не хочет.

Я переплел пальцы с твоими и погладил большим пальцем гладкую кожу запястья.

– Родителей не выбирают, – сказал я. – К сожалению.

– А вы со своими ладите?

– Мои родители умерли.

Я так часто произносил эту ложь, что почти начал верить в нее сам. Может, это и правда – откуда мне знать? Я не высылал им свой адрес, когда переехал на юг, и вряд ли они ночи не спят от беспокойства.

– Мне очень жаль.

Ты сжала мою руку, и твои глаза стали лучистыми от сочувствия.

Я ощутил жар в паху и опустил взгляд:

– Это произошло очень давно.

– Значит, у нас с вами есть нечто общее, – сказала ты и смело улыбнулась. Улыбка показывала – ты возомнила, что поняла меня. – Мы оба тоскуем по нашим отцам.

Я не понял, была ли твоя двусмысленность намеренной – ты ошиблась по обоим пунктам, – но оставил тебя в заблуждении, что ты меня раскусила.

– Забудьте о нем, Дженнифер, – попросил я. – Вы не заслужили подобного обращения. Без него вам будет лучше.

Ты кивнула, но я видел – ты мне не веришь. По крайней мере, тогда не поверила.

Ты ожидала, что я поеду к тебе, но у меня не было желания тратить время в студенческой комнатенке, попивая дешевый кофе из щербатых кружек. Я бы повез тебя к себе, но там все еще повсюду лежали вещи Мэри, и тебе это не понравилось бы. К тому же на этот раз я чувствовал нечто иное. Я не хотел одноразовой интрижки. Я хотел тебя.

Я проводил тебя до дверей общежития.

– Значит, рыцарство не умерло, – пошутила ты.

Я обозначил галантный поклон и, когда ты засмеялась, почувствовал себя абсурдно довольным оттого, что развеселил тебя.

– Меня еще никогда не приглашал в ресторан настоящий джентльмен.

– Ну что ж, – я взял тебя за руку и поднес ее к моим губам, – тогда нам следует сделать это традицией.

Ты вспыхнула, прикусила губу и приподняла подбородок, готовая к поцелую.

– Спокойной ночи, – сказал я, повернулся и пошел к машине, не оборачиваясь. Ты хотела меня – это было очевидно – но ты еще не захотела меня достаточно сильно.

Глава 23

Рэя несколько сбило с толку отсутствие эмоциональной реакции у Дженны Грэй: ни яростных воплей, ни ожесточенного отрицания, ни обвального раскаянья. Он внимательно следил за ней, пока Кейт производила арест, но заметил лишь едва уловимое облегчение. Непонятно отчего у него стало тягостно на душе: после года с лишним поисков убийцы Дженна Грэй оказалась вовсе не тем, что он ожидал.

Она скорее была эффектной, нежели миловидной: нос тонкий, но довольно длинный, кожа бледная, но усеянная веснушками, которые местами сливались. Зеленые глаза, чуть приподнятые к вискам, придавали ее внешности нечто кошачье, темно-рыжие волосы падали на плечи. На лице ни следа косметики, и хотя мешковатая одежда скрывала фигуру, узкие запястья и тонкая шея свидетельствовали, что она хрупкого сложения.

Дженна спросила, есть ли у нее минута собрать вещи.

– У меня сейчас в гостях друг – мне нужно ему объяснить. Не оставите ли вы нас вдвоем?

Она говорила так тихо, что Рэй подался вперед, чтобы расслышать.

– Боюсь, мы не имеем права, – сказал он. – Мы обязаны присутствовать.

Она прикусила губу, мгновение помедлила, затем отступила, пропуская Рэя и Кейт внутрь. В кухне стоял человек с бокалом вина в руке. Все до единой эмоции, отсутствовавшие у Дженны, были четко написаны на лице «гостя», в котором Рэй предположил бойфренда задержанной.

Внутри коттедж оказался до странности мал – неудивительно, что мужчина все слышал, подумал Рэй, бросая взгляды на гостиную. Ровно составленные в линию камушки с пляжа пылились на едва намеченной каминной полке; перед камином постелен темно-малиновый коврик, испещренный крохотными черными прожженными пятнышками от искр. Диван застелен разноцветным покрывалом, видимо, в попытке оживить обстановку, но свет в коттедже был тусклый, и низкий потолок даже заставил Рэя пригнуть голову, чтобы разминуться с балкой, отделявшей кухню от гостиной. Ну и дыра – до ближайшего жилья несколько миль; и промозглый холод, несмотря на зажженный камин. Рэй гадал, почему Грэй выбрала этот коттедж: неужели решила, что здесь искать не станут?

– Это Патрик Мэтьюс, – представила гостя Дженна, будто на

официальном приеме, но тут же повернулась спиной к Рэю и Кейт. Инспектор сразу почувствовал себя лишним. – Я должна буду поехать с этими полицейскими, – произнесла она без выражения, разве что немного отрывисто. – В прошлом году случилось нечто ужасное, и я должна это исправить.

– Что происходит? Куда тебя забирают?

Либо он действительно ничего не знает, либо перед ними виртуозный лжец, подумал Рэй.

– В Бристоль, – сказал инспектор, выходя вперед и подавая Патрику визитку. – Для допроса.

– А нельзя ли отложить до завтра? Утром я могу подвезти ее до Суонси.

– Мистер Мэтьюс, – начал Рэй, теряя терпение. До Пенфача они добирались три часа и еще час искали чертов Блэйн Сэди. – В ноябре прошлого года был насмерть сбит пятилетний ребенок, машина с места происшествия скрылась. Боюсь, до утра дело ждать не может.

– Но при чем тут Дженна?

Повисла пауза. Патрик поглядел на Рэя, перевел взгляд на Дженну и медленно покачал головой:

– Нет. Здесь какая-то ошибка. Ты ведь даже не умеешь водить!

Она ответила, не отводя глаз:

– Никакой ошибки нет.

У Рэя мороз по спине пробежал от холодности в ее голосе. За прошедший год он неоднократно думал, как можно обладать настолько ледяным сердцем, чтобы бросить умирающего ребенка на дороге, и сейчас, стоя рядом с виновницей, с трудом сохранял профессиональную выдержку. Его коллегам тоже нелегко будет сохранить хладнокровие – сложно же общаться, например, с задержанными насильниками женщин и детей. Он взглянул на Кейт и понял – она тоже едва сдерживается. Чем скорее они вернутся в Бристоль, тем лучше.

– Нам пора, – сказал он Дженне. – Когда мы доедем в изолятор, вас допросят, и у вас будет возможность рассказать, что произошло. До этого мы о случившемся не говорим. Вам все понятно?

– Да. – Дженна взяла маленький рюкзак, висевший на спинке стула, и взглянула на Патрика: – Приглядишь за Бо? Я постараюсь позвонить, когда что-нибудь прояснится.

Мужчина кивнул, но ничего не сказал. Рэй гадал, о чем он сейчас думает. Каково узнать, что тебе лгал человек, которого, как тебе казалось, ты хорошо знаешь?

Рэй надел Дженне наручники, проверив, чтобы они не сдавливали запястья, и снова удивился отсутствию реакции. Он заметил покрытую рубцами ладонь, но женщина сжала кулак, и шрамы скрылись.

– К сожалению, до машины придется долго идти, – предупредил он. – Мы смогли доехать только до трейлерного парка.

– Отчего же, – возразила Дженна, – это в полумиле отсюда.

– И только? – удивился Рэй. Они с Кейт блуждали целую вечность, освещая тропу фонариком, отыскивающимся в багажнике. Батарейки садились, и приходилось то и дело трясти фонарик, чтобы он снова включился.

– Позвони, как только сможешь, – попросил Патрик, когда Дженну выводили. – И попроси адвоката! – крикнул он вслед, но мгла поглотила его слова, и Дженна не ответила.

Спотыкаясь, они чуть ли не на ощупь шли к трейлерному парку. Рэй был рад, что Дженна их ведет. Очень худая, но ростом не ниже Рэя, она явно знала дорогу лучше полицейских. Рэй совершенно потерялся и даже не был уверен, насколько они близко к краю обрыва. Время от времени до них доносился шум разбивающейся о скалы волны, настолько громкий, что Рэй так и ждал почувствовать соленые брызги на лице. Он вздохнул с облегчением, когда впереди замаячили трейлеры, и открыл Дженне заднюю дверь «Корсы» без спецзнаков. Задержанная села в машину без единого звука.

Рэй и Кейт отошли переговорить.

– Слушайте, она вообще нормальная? – спросила Кейт. – По сути, она и двух слов не сказала.

– Кто ее знает, может, у нее шок!

– А мне кажется, за год она уже поверила, что все будет шито-крыто. Поразительное бессердечие, – покачала головой девушка.

– Давай-ка сперва ее выслушаем, прежде чем повесим, – хмыкнул Рэй.

После эйфории от долгожданного обнаружения виновницы арест, можно сказать, разочаровал.

– Вы не забыли, что красивые тоже могут убивать? – не удержалась Кейт и, прежде чем Рэй ответил, забрала у него ключи и зашагала к машине.

Обратный путь оказался на редкость нудным – на М-4 «Корса» попала в настоящую пробку. Рэй и Кейт негромко переговаривались на безобидные темы – об офисной политике, новых машинах, о наборе людей в отдел особо тяжких, объявленном в «Еженедельных приказах». Рэю показалось,

что Дженна задремала, однако она разжала губы, когда они подъезжали к Нью-порту:

– Как вы меня нашли?

– Это не было особо сложно, – едко отозвалась Кейт. – У вас же интернет-аккаунт на ваше имя. На всякий случай мы спросили у хозяина коттеджа, то ли это место. Он нам очень помог.

Рэй взглянул в зеркало на Дженну, интересуясь ее реакцией, но она безучастно глядела в окно на плотный поток машин. Единственным, что выдавало напряжение, были лежавшие на коленях руки, стиснутые в кулаки.

– Должно быть, вам нелегко жить после того, что вы сделали... – продолжала Кейт.

– Кейт, – предупреждающе протянул Рэй.

– ...но матери Джейкоба пришлось еще труднее!

– Хватит, – оборвал подчиненную Рэй. – Прибереги это для допроса.

Он строго посмотрел на Кейт, которая возмущенно уставилась на него в ответ. Ночь обещала быть долгой.

Глава 24

В темноте полицейской машины я позволяю себе заплакать. Горячие слезы падают на мои сжатые кулаки, когда констебль Эванс говорит со мной, не скрывая презрения. Я заслужила и не такое, но все равно выдержать трудно. Я ни на минуту не забывала о матери Джейкоба, ни на миг не переставала думать о ее потере – куда большей, чем моя. Я ненавижу себя за то, что сделала.

Я заставляю себя дышать глубоко и ровно, маскируя рыдания, не желая привлекать к себе внимание. Я представляю, как полицейские стучатся в дверь к Йестину, и щеки у меня пылают от стыда. Новость о том, что я встречаюсь с Патриком, вмиг облетела Пенфач; возможно, деревня уже знает и о скандале.

Но больнее всего думать о взгляде Патрика, которым он провожал меня, когда я вышла из коттеджа с полицейскими. Это был взгляд человека, которого предали; эмоции не могли быть яснее, будь они даже написаны буквами в десять футов высотой. Все, во что он верил, оказалось ложью, причем ложью, придуманной ради того, чтобы скрыть не имеющее оправдания преступление. Я не могу винить его за этот взгляд. Надо мне было дважды подумать, прежде чем с кем-то сблизиться. Прежде чем кого-то к себе подпускать.

Мы уже подъезжаем к Бристолу. Надо взять себя в руки. Меня приведут в комнату для допросов и предложат нанять адвоката. Полицейские станут задавать вопросы, а я – отвечать как можно спокойнее. Я не стану плакать или оправдываться. Мне предъявят обвинение, потом состоится суд, и все будет кончено, долгожданное правосудие свершится. Правда, я не уверена, что все произойдет именно так: мои знания о работе полиции почерпнуты из детективных романов и газетных статей – я как-то не ожидала, что окажусь по ту сторону решетки. Мне представляются штабеля газет с моей фотографией, на которой видны все до единой морщинки. Лицо убийцы. «Задержана виновная в гибели Джейкоба Джордана!»

Не знаю, попадет ли в газеты мое имя, но если и нет, писать о случившемся будут обязательно. Я прижимаю руку к груди, чувствуя, как сердце стучит прямо в ладонь. Мне жарко, я оплываю потом, как в лихорадке. Теперь все откроется.

Машина сбрасывает скорость и сворачивает на парковку перед некрасивыми серыми зданиями, которые отличает от соседних лишь эмблема полицейского управления графств Эйвон и Сомерсет над входом. Автомобиль ловко заезжает в узенькое пространство между двумя полицейскими машинами, и констебль Эванс открывает мою дверцу.

– Все нормально? – спрашивает она уже мягче, будто сожалея о резких словах, брошенных мне в дороге.

Я киваю, переполняемая жалкой благодарностью.

Места открыть дверцу толком нет, с закованными руками вылезать неудобно, и я окончательно теряюсь и пугаюсь, гадая, уж не в этом ли истинное назначение наручников. Куда я могу здесь сбежать? Двор обнесен высокой стеной, выход преграждают автоматические ворота. Когда я наконец выпрямляюсь, констебль Эванс берет меня повыше локтя и куда-то ведет. Она вовсе не так крепко меня держит, но само действие будит во мне безотчетный страх, и я с трудом удерживаюсь, чтобы не начать вырываться. Она подводит меня к металлической двери, где уже стоит второй детектив. Нажав кнопку, он говорит в интерком:

– Инспектор Стивенс, ноль девять, с одной женщиной.

Тяжелая дверь со щелчком открывается, и мы проходим в большую комнату с грязно-белыми стенами. Дверь позади захлопывается с грохотом, от которого закладывает уши. Воздух затхлый, несмотря на шумную работу потолочного кондиционера. Откуда-то из глубины лабиринта стен и коридоров доносится ритмичное постукивание. У стены к полу привинчена серая металлическая скамья, где сидит совсем молодой парень, грызя ногти и сплевывая откусанное на пол. На нем синие потрепанные спортивные брюки, кроссовки и грязная серая фуфайка с неразличимым логотипом. Смрад от его тела вызывает невольную тошноту. Я отворачиваюсь, чтобы он не заметил жалость и страх в моих глазах.

Но отворачиваюсь недостаточно быстро.

– Что, все рассмотрела, цыпочка? – Голос у парня гнусавый и высокий, вроде мальчишечьего. Я снова бросаю на него взгляд, но не отвечаю. – Пощупай, не стесняйся! – Он хватается за пах и смеется. Безудержное веселье плохо сочетается с этой серой, безрадостной коробкой.

– Заканчивай, Ли, – обрывает его инспектор Стивенс, и парень с усмешкой приваливается к стене, радуясь собственному остроумию.

Констебль Эванс снова берет меня за локоть, впиваясь ногтями в кожу, и подводит к высокому столу. За компьютером сидит полицейский в форме – белая рубашка обтягивает огромный живот. Он кивает Эванс, мельком взглянув на меня.

– Обстоятельства задержания?

Эванс снимает с меня наручники, и мне сразу становится легче дышать. Я растираю красные вдавленные линии на запястьях, находя странное удовольствие в щиплющей боли.

– Сержант, это Дженна Грэй. Двадцать шестого ноября 2012 года в районе Фишпондс был сбит Джейкоб Джордан. Водитель скрылся. Автомобиль был установлен – красный «Форд Фиеста» за номером «J634 OUP», зарегистрированный на Дженну Грэй. Сегодня вечером мы приехали в Блэйн Сэди, коттедж у деревни Пенфач в Уэльсе, где в девятнадцать тридцать три я произвела арест Грэй по подозрению в причинении смерти по неосторожности и самовольном оставлении места аварии.

Сзади со скамьи слышится низкий свист. Инспектор Стивенс оборачивается и меряет Ли нехорошим взглядом.

– Что он вообще здесь делает? – спрашивает он, ни к кому в особенности не обращаясь.

– Ждет своего адвоката. Сейчас я его уберу, – не поворачивая головы, сержант орет: – Салли, отведи Робертса обратно в камеру номер два!

Из смежной комнаты за спиной сержанта выходит плотная коренастая надзирательница; на ее ремне звенит огромная связка ключей. Она что-то жует и на ходу смахивает крошки со своего галстука. Надзирательница уводит Ли куда-то в недра изолятора, и он бросает на меня взгляд, полный отвращения, прежде чем скрыться за углом. Вот так будет в тюрьме, думаю я, когда все узнают, что я убила ребенка: отвращение на лицах других заключенных, повернутые ко мне спины... Я невольно закусываю губу, сразу поняв, что этим дело не ограничится. Под ложечкой сжимается от страха, и я впервые сомневаюсь, что выдержу. Но я напоминаю себе, что бывало и хуже – и я пережила.

– Ремень, – говорит сержант, протягивая прозрачный пакет.

– Что? – теряюсь я. Он говорит со мной так, будто я знаю порядки.

– Ремень снимайте и кладите сюда. Украшения носите? – Он явно теряет терпение, и я лихорадочно расстегиваю ремень, вытягиваю его из шлевок джинсов и опускаю в пакет.

– Нет.

– Обручальное кольцо?

Я качаю головой, инстинктивно трогая легкую бороздку на безымянном пальце. Констебль Эванс просматривает содержимое моей сумки. Там нет ничего особо личного, но все равно кажется, будто грабитель шарит в моем доме. На стол выкатывается тампон.

– Вам это нужно? – деловито спрашивает она. Ни инспектор Стивенс,

ни сержант ничего не говорят, но я густо краснею.

– Нет.

Эванс бросает тампон в прозрачный пакет и открывает кошелек. Вынув банковские карты, она наклоняет его, чтобы монеты ссыпались в угол, и только тут я замечаю бледно-голубую визитку, затесавшуюся среди чеков. Мне кажется, что в комнате повисает плотная тишина, забившая уши. Я слышу стук собственного сердца. Взглянув на констебля Эванс, я понимаю, что она перестала писать и внимательно смотрит на меня. Я не хотела глядеть на нее, но не могу отвести взгляд. Оставь эту бумажку, думаю я, просто оставь! Подчеркнуто неторопливо констебль берет карточку и рассматривает. Кажется, она собирается спросить меня о ней, но потом молча записывает в перечень вещей и бросает в пакет к остальному. Я медленно выдыхаю.

Я стараюсь сосредоточиться на том, что говорит сержант, но сразу путаюсь в скороговорке правил и прав. Нет, я никому не хочу сообщать, что я здесь. Нет, мне не нужен адвокат.

– Вы уверены? – вмешивается инспектор Стивенс. – Находясь здесь, вы имеете право на юридическую помощь.

– Мне не нужен адвокат, – тихо повторяю я. – Я сделала то, что сделала.

Настала пауза. Трое полицейских переглядываются.

– Распишитесь здесь, – говорит сержант. – Еще здесь, здесь и здесь. – Я беру ручку и вывожу свою фамилию рядом с жирными черными крестами. Сержант глядит на инспектора Стивенса: – Ну что ее, сразу на допрос?

Комната для допросов тесная и прокуренная, несмотря на отклеивающуюся табличку «Не курить» на стене. Инспектор Стивенс показывает, где я должна сесть. Я пытаюсь пододвинуться к столу, но стул привинчен к полу. На поверхности стола кто-то выдавил ручкой целую серию ругательств. Инспектор Стивенс щелкает черной коробочкой выключателя на стене, и звучит высокий электронный сигнал. Детектив откашливается.

– Сейчас двадцать два сорок пять, четверг, второе января 2014 года, мы находимся в комнате для допросов номер три управления криминальной полиции Бристоля. Допрос проводит инспектор Рэй Стивенс, номер жетона 431, присутствует констебль Кейт Эванс, номер жетона 3908. – Он глядит на меня: – Пожалуйста, назовите свое полное имя и дату рождения.

Я сглатываю и проговариваю через силу:

– Дженна Элис Грэй, двадцать восьмое августа 1976 года.

Я отстраненно слушаю, что говорит инспектор Стивенс: серьезность выдвинутых обвинений, тяжелейшее влияние трагедии на родственников жертвы, возмущенная общественность. Пока он не сказал ничего, чего бы я уже не знала, и никак не усугубил бремени вины, которое я давно несу.

Наконец настает моя очередь.

Я говорю тихо, не отрывая глаза от стола, надеясь, что инспектор меня не перебьет, потому что повторять я не буду. Я скажу это только однажды.

– Тот день был долгим. Я проводила выставку своих работ на другом конце Бристоля и устала. Шел дождь, я плохо видела дорогу...

Мой голос звучит размеренно и ровно. Я готова объяснить, как все произошло, но не хочу показаться оправдывающейся: разве можно оправдать случившееся? Я столько раз проговаривала про себя, что скажу, если настанет эта минута, однако слова звучат нескладно и неискренне.

– Он выскочил из ниоткуда, – продолжаю я. – Только что дорога была совершенно пуста, а через мгновение он уже бежит на другую сторону, маленький мальчик в синей вязаной шапочке и красных перчатках. Было уже поздно как-то реагировать.

Я обеими руками вцепляюсь в край стола, чтобы удержаться в настоящем, потому что прошлое угрожает меня поглотить: я снова слышу визг тормозов, чувствую отвратительный запах горелой резины на мокром асфальте. Когда Джейкоба подбросило на капот, на долю секунды он оказался всего в нескольких дюймах от меня – я могла протянуть руку и коснуться его лица через стекло. Но он, вялый, неудержимо сполз и рухнул на дорогу. Только тогда я заметила его мать, нагнувшуюся над бездыханным телом, стараясь нащупать пульс. Поняв, что случилось, она закричала – из нее исторгся звериный вопль, в котором живой души не было. Я в ужасе смотрела через рябое от дождя стекло, как лужа крови растекается под затылком мальчика, и мокрый асфальт блестел красным в свете фар.

– Почему же вы не остановились, не вышли? Не вызвали помощь?

Усилием воли я заставляю себя снова оказаться в допросной и увидеть перед собой инспектора Стивенса. Я почти забыла, что он тоже здесь.

– Я не могла.

Глава 25

– Да как это так, она спокойно могла остановиться! – бушевала Кейт, нервно меряя шагами коротенькое расстояние от своего письменного стола до окна. – У нее ледяное нутро – у меня от нее мурашки!

– Ты не могла бы присесть? – Рэй допил кофе и подавил зевок. – От тебя уже в глазах рябит.

Уже в первом часу ночи им пришлось сделать перерыв, чтобы дать Дженне поспать.

Кейт присела.

– Почему, по-вашему, она так легко раскололась спустя столько времени?

– Не знаю, – отозвался Рэй, откинувшись на стуле и пристроив ноги на стол Стампи. – Тут что-то не то.

– А конкретнее?

Рэй покачал головой:

– Просто ощущение. Устал, наверное. – Открылась дверь общего зала, и вошел Стампи. – Как ты поздно! Ну, как столица?

– Бьет ключом, – ответил Стампи. – Бог знает, зачем люди вообще там селятся.

– Уломал мамашу Джейкоба?

Стампи кивнул.

– Ну, в наш фан-клуб она не скоро запишется, но содействовать согласилась. После смерти Джейкоба на нее надели все, кому не лень. Она жаловалась, что и без того нелегко, когда ты иностранка, а трагедия только подлила масла в огонь...

– Когда она уехала из Бристоля? – спросила Кейт.

– Сразу после похорон. В Лондоне большая польская диаспора, Аня там живет в съемном доме с какими-то двоюродными сестрами. Между нами, то, что ее не горят желанием брать на работу, здорово затруднило наши поиски.

– Она охотно шла на контакт? – Рэй сладко потянулся и захрустел суставами пальцев. Кейт вздрогнула.

– Вполне, – подтвердил Стампи. – Вообще у меня создалось впечатление, что она испытала облегчение, когда появилось с кем поговорить о Джейкобе. Представляете, она ничего не сказала родственницам! Говорит, ей стыдно.

– В смысле, стыдно? Чего ей стыдиться, черт побери? – не выдержал Рэй.

– А-а, долгая история. Аня приехала в Великобританию в восемнадцать лет, причем как сюда попала, отвечает довольно уклончиво. Короче, работала уборщицей в офисах в Глитхорне, сошлась с одним из тамошних работников и сразу забеременела.

– То есть с отцом ребенка она уже рассталась? – уточнила Кейт.

– Ну да. Анины родители пришли в ужас от появления внебрачного внука и потребовали, чтобы дочь возвращалась в Польшу, но Аня отказалась. Говорит, хотела сама справиться.

– А теперь она винит себя во всех грехах. – Рэй покачал головой. – Бедняжка. Сколько ей сейчас?

– Двадцать шесть. Гибель Джейкоба она восприняла как кару свыше за то, что ослушалась родителей.

– Как это все печально, – не выдержала Кейт, сидевшая подтянув колени к груди. – Но это же не ее вина – не она была за рулем той проклятой машины!

– Я язык отболтал, доказывая, но Аня все равно себя изводит. Я сказал, что мы кое-кого задержали и ожидаем предъявления обвинения. Я вперед-то не забежал? – Стампи покосился на Кейт.

– Меня сейчас лучше не цеплять, – огрызнулась та. – По ночам мое чувство юмора спит. Да, мы, раскололи Грэй, но время было позднее, и ее отправили на боковую до утра.

– Тогда и я на боковую, – подхватил Стампи. – Вы не против, босс? – Он растянул галстук.

– Я двумя руками за, – ответил Рэй. – Все, Кейт, хватит на сегодня. Утром попробуем вытянуть из Грэй, где машина.

Они вышли во двор. Стампи махнул на прощание, проезжая через автоматические ворота, и Рэй и Кейт остались стоять почти в полной темноте.

– Какой длинный день, – выдохнул Рэй. Несмотря на усталость, ему отчего-то не хотелось ехать домой.

– Да.

Они стояли так близко, что Рэй улавливал слабый аромат духов Кейт. Сердце у него забилось сильнее. Если он ее сейчас поцелует, обратной дороги не будет.

– Ну что, тогда спокойной ночи, – сказала девушка, стоя неподвижно.

Рэй отступил на шаг и вынул ключи.

– До утра, Кейт. Спокойных снов.

Отъезжая, он тихо выдохнул. Еще немного, и он бы перешел черту. Все было слишком близко.

Только в два часа ночи Рэй наконец рухнул в кровать – и, по ощущениям, через минуту запищал будильник. Он спал беспокойно, не в силах не думать о Кейт, и тщетно запрещал себе мысли о ней во время утреннего совещания.

В десять они встретились в столовой. Рэю стало интересно, думала ли и Кейт о нем всю ночь, но он выбрал себя за эту мысль. Он ведет себя нелепо, и чем скорее он оставит прошлое в прошлом, тем будет лучше.

– Я уже стар, чтобы работать сутками, – пожаловался он, когда они с Кейт стояли в очереди за Мойриным «дежурным завтраком», который в управлении прозвали холестеринным за несомненную способность забивать сосуды жиром. Рэй немного надеялся, что Кейт возразит, но сразу же почувствовал себя глупо.

– А я рада, что не работаю патрульной, – отозвалась она. – Помните, как зверски хочется спать в три утра?

– Такое не забывается. Стараешься не заснуть и мечтаешь, чтобы подвернулась погоня – взбодриться на адреналине. Сейчас я бы так не смог.

Они понесли тарелки с беконом, сосисками, яичницей, кровяной колбасой и тостами к свободному столу. За едой Кейт успевала просматривать «Бристоль пост».

– Обычное чтение, – сказала она. – Выборы в муниципалитет, школьные праздники, жалобы на собачье дерьмо... – Свернув газету, она отложила ее в сторону. С фотографии на первой полосе на них глядел Джейкоб Джордан.

– Грэй с утра что-нибудь новое сказала? – спросил Рэй.

– Нет, завела вчерашнюю пластинку, – ответила Кейт. – По крайней мере, она последовательна, но молчит как рыба на вопросы о том, где машина или почему она все-таки не остановилась и не вышла.

– К счастью, наша задача установить, что случилось, а не почему, – напомнил Рэй. – Нам и так работы хватает. Передавай дело в прокуратуру, посмотрим, примут ли там решение сегодня.

Кейт молчала, о чем-то думая.

– Что?

– Вы вот сказали вчера – что-то тут не так... – начала она.

– Ну?

– Мне тоже так кажется. – Кейт отпила чая и поставила кружку на стол, уставившись в нее так пристально, будто в темной жидкости крылся

ответ.

– Думаешь, она сочиняет?

Иногда такое случалось, особенно с резонансными делами. Кто-то непременно признавался и брал на себя всю вину, а на допросе выяснялось, что человек физически не имел возможности это совершить. Возможно, они с Кейт упускают какую-то важную деталь – то, что намеренно скрывается от прессы; добавить ее, и рабочая версия с треском рухнет.

– Да нет. Машина, в конце концов, описание случившегося почти дословно совпадает с рассказом Ани Джордан. Просто... – Кейт подалась вперед и взглянула на Рэя. – Помните, как она на допросе описывала момент столкновения?

Рэй кивнул.

– Она так подробно описала, как выглядел Джейкоб, во что он был одет, какой рюкзачок нес...

– Ну, мало ли какие мелочи могут врезаться в память, – отозвался Рэй, невольно имитируя будущие возражения суперинтенданта и Риппон. На самом деле он ощущал то же странное беспокойство, которое кольнуло его накануне: Дженна Грэй что-то недоговаривает.

– По отсутствию тормозного следа на дороге мы знаем, что машина не тормозила, – продолжала Кейт. – И Грэй сама сказала, что Джейкоб выскочил «из ниоткуда». – Она показала пальцами кавычки. – Но если все произошло так стремительно, как она могла запомнить столько мелочей? А если все происходило медленнее и у нее было время хорошо разглядеть мальчишку, почему же она его сбила?

Рэй помолчал. Кейт сидела бодрая, собранная, блестя глазами, несмотря на недосып. Перед ним снова была Кейт, взявшая след.

– То есть ты предлагаешь...

– Я бы пока не стала предъявлять обвинение.

Рэй медленно кивнул. Отпустить подозреваемую после полного признания? Риппон взовьется до небес.

– Я хочу найти ее машину.

– А что это изменит? – хмыкнул Рэй. – Максимум, что мы обнаружим, – ДНК Джейкоба на капоте и отпечатки Грэй на руле. Меня больше интересует ее мобильный. Она утверждает, что выбросила его, выехав из Бристоля, не желая, чтобы ей звонили. Но что, если она его выбросила, потому что там были какие-то улики? Я хочу знать, кому она звонила непосредственно перед и сразу после аварии.

– Значит, выпускаем под залог? – спросила Кейт.

Рэй помолчал. Предъявить обвинение легче легкого: аплодисменты на

совещании и одобрительное похлопывание по плечу от начальницы, но если в деле что-то не вяжется? Официальная версия говорила одно, инстинкт сыщика подсказывал другое.

Рэй подумал о Аннабель Сноуден, несколько дней лежавшей еще живой в ящике дивана своего папаши, который притворно умолял полицию отыскать похитителя дочери. Чутье тогда подсказывало правильно, но Рэй предпочел отмахнуться.

Если выпустить Дженну под залог на несколько недель, можно установить все обстоятельства, воссоздать точную картину – словом, испробовать все возможное, прежде чем обвиняемая предстанет перед судом.

Он кивнул Кейт:

– Отпускай.

Глава 26

После первого свидания я не звонил почти неделю, а позвонив, уловил неуверенность в твоём голосе. Ты терялась в догадках – правильно ли ты поняла очевидные признаки, не сказала ли чего неуместного или, может, надела неудачное платье...

– Вы свободны сегодня вечером? – спросил я. – Я бы хотел снова вас пригласить.

Сказав это, я вдруг понял, как сильно хочу тебя увидеть. Вытерпеть эту неделю оказалось неожиданно сложно.

– Это было бы прекрасно, но у меня уже планы на вечер.

В твоём голосе слышалось сожаление, но я знал эту старую тактику. Игры, в которые играют женщины в начале отношений, разнообразны, но несложны и прозрачны. Ты наверняка по косточкам препарировала наше свидание в компании подружек, которые наперебой делились с тобой советами, как прачки у забора.

Не показывай излишней готовности.

Заставь тебя добиваться.

Когда он позвонит, притворись, что ты занята.

Это было канителью и ребячливо.

– Вот жалость, – непринужденно продолжал я. – А я достал билеты на «Палп», думал, может, вы пойдете.

Ты замялась, и я уже решил – ты моя, но ты держалась твердо.

– Простите, я правда не могу. Я обещала Саре, что у нас будет девичник в баре «Айс». Она поссорилась со своим бойфрендом, а теперь, получается, и я ее кину?

Это звучало убедительно, и я задался вопросом, долго ли ты придумывала эту версию. Я помолчал, чтобы в трубке настала ощутимая пауза.

– Но завтра я свободна, – сообщила ты. Восходящая интонация превратила сказанное в вопрос.

– Боюсь, завтра я занят. Ну, ничего, как-нибудь в другой раз. Повеселитесь сегодня.

Положив трубку, я посидел у телефона. У меня задергалось веко, и я раздраженно потер глаз. Я не ожидал, что ты станешь играть в такие игры, и был разочарован тем, что ты сочла это необходимым.

Остаток дня я не находил себе места. Я навел порядок в доме, собрав

все вещи Мэри из комнат и сложив их кучей в спальне. Вещей оказалось больше, чем я думал, но отдать их ей я уже вряд ли смог бы. Я затолкал все в чемодан, чтобы отвезти на свалку.

В семь часов я выпил бутылку пива, затем еще одну. Я сидел на диване, положив ноги на кофейный столик; по телевизору показывали глупейшую викторину, а я думал о тебе. Мне пришло в голову позвонить в общежитие, якобы чтобы оставить сообщение, и невзначай узнать, что ты вообще-то сидишь в своей комнате. Но после третьей бутылки пива я принял иное решение.

Я поехал к бару «Айс» и остановился недалеко от входа. Некоторое время я сидел за рулем, глядя, как люди заходят в бар. Девушки были в невероятно коротких юбках, но мой интерес к ним являлся лишь праздным любопытством: я думал о тебе. Меня тревожило, насколько ты успела занять мои мысли и как важно мне убедиться, правду ли ты сказала. Я мог войти в «Айс» и подловить тебя на лжи – обойти переполненный бар и не увидеть тебя, потому что ты наверняка в общежитии, сидишь на кровати с бутылкой дешевого вина и смотришь фильм с Мэг Райан. Но тут же я понял – я хочу не этого, я желаю увидеть, как ты пройдешь мимо меня со своей жалкой брошенной подружкой. Я хотел ошибиться в расчетах. Желание было настолько новым, что я едва не рассмеялся.

Я выбрался из машины и пошел в бар. Купив бутылку «Бекс», я начал пробиваться через толпу. Кто-то столкнулся со мной и пролил пиво на мои туфли, но я был слишком занят поиском, чтобы потребовать извинений.

И тут я тебя увидел. Ты стояла в конце барной стойки, тщетно помахивая десятифунтовой банкнотой барменам, которые едва успевали обслуживать напивавших посетителей – толпа у бара образовалась в четыре человека толщиной. Ты заметила меня, и на твоём лице мелькнуло недоумение, будто ты не сразу узнала, кто я, но потом ты улыбнулась, хотя улыбка была осторожнее, чем в прошлую встречу.

– Что вы здесь делаете? – спросила ты, когда я к тебе пробился. – Я думала, вы на концерте «Палп»!

Я видел, что тебя переполняют подозрения. Женщины только говорят, что любят сюрпризы, а на самом деле предпочитают знать о них заранее, чтобы подготовиться.

– Я уступил билеты сотруднику, – сказал я. – Не хотелось идти одному. Ты сконфузилась, оказавшись причиной изменения моих планов.

– Но как вы попали сюда? – не сдавалась ты. – Вы ходите в «Айс»?

– Я встретил приятеля, – ответил я, показывая две бутылки «Бекс», которые предусмотрительно купил. – Мы зашли в бар, а теперь его что-то

нигде не видно. Наверное, ему повезло!

Ты засмеялась. Я протянул тебе «Бекс»:

– Не пропадать же добру!

– Ой, мне, наверное, пора. Я пришла купить нам выпить – если, конечно, меня когда-нибудь обслужат. Сара держит нам столик.

Ты поглядела в угол, где долговязая девица с крашеными волосами разговаривала с парнем лет двадцати пяти. На наших глазах юнец подался к ней и поцеловал.

– С кем это она? – спросил я.

Ты ответила не сразу, медленно покачав головой:

– Вообще не знаю.

– Похоже, она действительно порвала с бывшим бойфрендом, – сказал я. Ты засмеялась. – Поэтому... – Я снова протянул пиво. Ты широко улыбнулась и взяла бутылку, звякнув ею о мою и сделав большой глоток. Опустив «Бекс», ты облизнула нижнюю губу. Это была намеренная провокация, и я почувствовал эрекцию. Делая новый глоток, ты смотрела мне в глаза почти с вызовом.

– Поехали ко мне, – сказал я вдруг. Сара куда-то исчезла – видимо, скрывшись с новым кавалером. Я задумался, не противно ли ему, что она настолько доступна.

Мгновение ты колебалась, глядя на меня, затем повела плечом и взяла меня за руку. Бар ломился от посетителей, к выходу пришлось проталкиваться. Я сжимал твои пальцы, чтобы не потерять тебя в толпе. Твоя готовность поехать и возбуждала и огорчала меня: я невольно задумался, сколько раз ты это уже делала и с кем.

Мы вывалились из душного чрева «Айс» на улицу, и ты вздрогнула от холода.

– Ты без куртки?

Ты покачала головой. Я снял пиджак и накинул тебе на плечи, пока мы шли к машине. Ты с благодарностью улыбнулась, и меня словно окатило теплой волной.

– Разве вам можно за руль?

– Все в порядке, – коротко ответил я. Некоторое время мы ехали молча. Твоя юбка немного съехала вверх, когда ты села. Я положил руку тебе чуть выше колена, тронув кончиками пальцев кожу внутри бедра. Ты чуть повела ногой – достаточно, чтобы моя рука передвинулась на коленную чашечку.

– Ты сегодня потрясающе выглядишь.

– Вам правда нравится? Спасибо.

Я переключил передачу и снова положил руку тебе повыше колена, передвинувшись на дюйм выше, нежно поглаживая пальцами твою кожу. На этот раз ты не шевельнулась.

Дома ты ходила по гостиной, трогая и рассматривая вещи. Мне это было неприятно, и я побыстрее приготовил кофе. Совершенно бесполезный ритуал – пить никому из нас не хотелось, хотя ты сказала, что хочешь кофе. Я поставил чашки на стеклянный столик, и ты присела на диван, боком ко мне. Я заправил тебе волосы за уши, задержав ладони у твоих щек, прежде чем подался вперед и поцеловал тебя. Ты немедленно ответила, твой язык проник ко мне в рот, а руки гладили спину и плечи. Я медленно наклонился вперед, не отрываясь от твоих губ, так что ты оказалась подо мной. Приятно было быть с кем-то таким страстным, таким готовым. Мэри отличалась редкостной холодностью – временами казалось, будто она вообще отсутствует: тело выполняло необходимые движения, но мысли витали где-то далеко.

Я повел рукой от колена вверх, ощутив мягкую, гладкую плоть бедра, но ты сразу оторвалась от моих губ и заерзала на диване, отстраняясь.

– Не так резво, – велела ты, однако твоя улыбка свидетельствовала – ты это не всерьез.

– Не могу, – сказал я. – Ты так красива, что я не в силах устоять.

Ты порозовела. Я оперся на локоть, другой рукой забросил подол юбки тебе на живот и медленно запустил палец под эластик твоих трусиков.

– Я не...

– Тс-с-с, – сказал я, целуя тебя. – Не испорти момент. Ты удивительно красивое создание, Дженнифер. Ты так меня возбуждаешь...

Ты ответила на поцелуй и перестала притворяться. Ты хотела меня не меньше, чем я тебя.

Глава 27

Поезд от Бристоля до Суонси идет почти два часа, и хотя мне безумно хочется вновь увидеть море, я радуюсь одиночеству и времени подумать. В изоляторе я совсем не спала – обуреваемая мыслями, ждала наступления утра. Я боялась, что если закрою глаза, кошмары начнутся снова, поэтому сидела на тонком пластиковом матрасе и слушала крики и стук в коридоре. Утром надзирательница предложила мне принять душ, указав на отгороженную бетонную нишу в углу женского крыла. Плитка была мокрой, из стока торчал клочок волос, как притаившийся паук. Я отказалась, и в результате затхлый запах камеры впитался в одежду и волосы.

Меня допросили снова – молодая констебль и инспектор постарше. Они бились со мной, но я не позволила вытянуть из себя новые подробности.

«Я его убила, – повторяла я. – Разве этого недостаточно?»

Наконец они сдались и отвели меня на металлическую скамью в приемной изолятора, а сами начали шептаться с сержантом.

«Мы вас отпускаем до суда», – сказал инспектор Стивенс, и я непонимающе уставилась на него. Я не ожидала, что меня отпустят, и мне стало стыдно от облегчения, которое я испытала, узнав, что мне даровано еще несколько недель свободы.

Две женщины, ехавшие на соседних местах, сходят в Кардиффе, охваченные волнением от предстоящего шопинга и едва не забыв пальто. Они оставляют сегодняшнюю «Бристоль пост»; я дотягиваюсь и беру газету, не зная, хочу читать или нет.

Вот оно, на первой полосе: «Водитель, сбивший ребенка, арестован».

С участвующим дыханием я пробегаю статью и с облегчением выдыхаю, удостоверившись, что фамилии они не указали.

«Женщина тридцати с лишним лет арестована в связи с гибелью пятилетнего Джейкоба Джордана, сбитого машиной в ноябре 2012 года в Фишпондсе. Арестованная отпущена до суда и должна явиться в центральное управление бристольской полиции в следующем месяце».

Я представляю эту газету во всех домах Бристоля: люди качают головами и теснее прижимают к себе своих детей. Я перечитываю заметку – нет ли каких-то намеков на то, где я живу, и складываю газету так, чтобы статья оказалась внутри.

В Суонси на автовокзале я заталкиваю газету в урну под пустые банки

колы и обертки от фастфуда. Газета запачкала мне руки; я пытаюсь оттереть краску, но пальцы все равно в серых пятнах.

Автобус до Пенфача опаздывает, и когда я наконец добираюсь до деревни, уже темнеет. Магазин при почте еще работает, и я решаю купить продуктов. Оба прилавка обслуживает Нэрис Мэддок, которой после школы помогает шестнадцатилетняя дочь: нельзя же купить конверты за прилавком продуктового магазина или банку тунца и пакет яблок у почтовой стойки, поэтому обычно приходится ждать, когда Нэрис закроет кассу и доковыляет с одного конца зала в другой. Сегодня за продуктовым прилавком стоит ее дочь. Я набираю яиц, молока, фруктов, пакет собачьего корма и выкладываю покупки на прилавок, улыбнувшись девушке, всегда державшейся дружелюбно. Та отрывается от своего журнала, оглядывает меня с головы до ног, ничего не говоря, и снова опускает голову.

– Здравствуйте? – говорю я. От неловкости приветствие звучит вопросом.

Над дверью звякает колокольчик – пожилая женщина, которую я видела в деревне, входит в магазин. Девушка поднимается и что-то громко произносит по-валлийски в соседнее помещение. Через несколько секунд за вторую кассу встает Нэрис.

– Нэрис, здравствуйте, я возьму вот это, – начинаю я.

Лицо Нэрис остается таким же каменным, как у ее дочери. Я даже думаю – уж не поссорились ли они. Хозяйка подчеркнуто глядит мимо меня, обращаясь к вошедшей старухе:

– *Alla I eich helpu chi?*

Они начинают беседу. Валлийский кажется мне прежней тарабарщиной, но неприязненные взгляды в мою сторону и отвращение на лице Нэрис говорят сами за себя. Речь идет обо мне.

Старуха обходит меня и протягивает мелочь за газету, а Нэрис пробивает ее покупки. Взяв мою корзину с продуктами, она опускает ее за прилавок, к своим ногам, после чего отворачивается.

С нестерпимо пылающими щеками я кладу кошелек обратно в сумку и так быстро направляюсь к выходу, что задеваю стойку. Пакетики с соусом летят на пол, и за спиной раздается неодобрительное цоканье, пока я судорожно дергаю ручку двери. Быстрым шагом я иду по деревне, не глядя по сторонам из страха нарваться на новый конфликт. Проходя мимо трейлерного парка, я уже плачу навзрыд. Жалюзи на окне подняты, то есть Бетан еще в магазине, но я не могу заставить себя зайти. Я дохожу до коттеджа и только тут спохватываюсь, что не видела машины Патрика на парковке у магазина. Не знаю, с какой стати ей там быть – я не позвонила

ему из Бристоля, он не знает, что я приехала, – но отсутствие Патрика пробуждает во мне дурные предчувствия. Интересно, он остался или же уехал, как только меня забрали полицейские? Может, он не хочет больше меня знать? Я утешаю себя, что если даже Патрик меня бросил, Бо он не оставит.

Я подношу ключ к замку и только тут понимаю, что красное на двери – не оптическая иллюзия от заходящего солнца, а мазки краски, нанесенной пучком травы, брошенным здесь же, у моих ног. Слова написаны в спешке – красные брызги покрывают каменный порог.

«Убирайся вон!»

Я невольно оглядываюсь, ожидая поймать чей-то взгляд, однако сумерки сгустились – ничего не разглядеть в нескольких футах. Задрожав, я начинаю поворачивать ключ, теряя терпение из-за неподатливого замка. От отчаяния я с силой пинаю дверь. Кусок засохшей краски отлетает, и я бью дверь снова – переполняющие меня эмоции вдруг изливаются неожиданной иррациональной яростью. Замок открыть это, конечно, не помогает... В конце концов я замираю, прижавшись лбом к деревянной двери, пока не успокаиваюсь настолько, чтобы с новой попытки совладать с ключом.

В коттедже холодно и неудобно, словно он тоже гонит меня прочь. Я сразу понимаю, что Бо здесь нет, и когда захожу в кухню проверить, теплая ли плита, на столе вижу записку:

«Бо в приюте при клинике. Напиши мне, когда вернешься. П.»

Мне не нужно дальнейших объяснений, что все кончено. На глаза наворачиваются слезы, и я зажмуриваюсь, чтобы они не полились по щекам. Я напоминаю себе, что сама выбрала этот путь и должна ему следовать.

Передразнивая лаконичность Патрика, я сбрасываю ему однострочное сообщение. Он отвечает, что привезет пса после работы. Я почему-то полагала, что он ответит более пространно, и одновременно жду и страшусь встречи.

У меня остается два часа до его приезда. Снаружи темно, но я не хочу сидеть в коттедже. Я снова надеваю куртку и выхожу.

В темноте на пляже кажется странно и непривычно. Вверху никого нет, и я спускаюсь к самой кромке воды, останавливаясь на мелководье. Ботинки на секунду скрываются в пене набежавшей волны. Я делаю шаг вперед, и край брюк намокает в воде. Я ощущаю, как сырость поднимается по ногам.

Но продолжаю идти.

Песчаное дно Пенфачской бухты пологое – шельф тянется больше сотни метров, а потом резко начинается глубина. Вглядываясь в горизонт, я ставлю одну ногу перед другой, чувствуя, как ботинки вязнут в мокром песке. Вода уже выше колен, края волн задевают ладони, и я вспоминаю, как мы с Евой играли у моря, зачерпывая ведерками водоросли и перепрыгивая пенные гребешки. Вода ледяная – когда волны начинают закручиваться на уровне бедер, у меня перехватывает дыхание, но я иду вперед. Я слышу рев, но если это шумит море, я не знаю, зовет оно меня или предостерегает. Продвигаться вперед все труднее: я уже бреду по груди в воде, с трудом волоча ноги, и тут я падаю – наступаю в пустоту и проваливаюсь под воду. Я приказываю себе не плыть, но приказ пропадает втуне – руки бешено машут сами собой. Я вдруг думаю о Патрике, которому придется искать еще и мое тело, пока прилив не выбросит его на берег, разбитое о камни и изъеденное рыбами.

Словно от оплеухи, я резко вскидываю голову и хватаю глоток воздуха. Я так не могу. Не могу всю жизнь бегать от ошибок, которые совершила. Охваченная паникой, я теряю направление и, не видя берега, плаваю кругами, но тучи вдруг расходятся, и луна освещает скалы, обступившие залив. Я плыву к пляжу. Меня порядком снесло в море после того, как я сорвалась с шельфа, и хотя я брыкаюсь под водой, стараясь нащупать дно, я ощущаю только ледяную воду. Меня накрывает волной, и я давлюсь соленой водой и судорожным кашлем. Мокрая одежда тянет на глубину, и я не могу сбросить зашнурованные ботинки, ставшие очень тяжелыми.

Руки уже болят, в груди давит, но голова ясная, и я с усилием вдыхаю и ныряю под волну, сосредоточившись на том, чтобы ровно и симметрично водить руками, раздвигая толщу воды. Вынырнув глотнуть воздуха, я вижу, что немного приблизилась к берегу, и повторяю маневр. Снова, снова и снова, и наконец я опускаю ногу и касаюсь мыском чего-то твердого. Проплыв еще несколько взмахов, я снова задеваю ногой о дно. Я плыву, бегу и чуть ли не ползком выбираюсь из моря. Соленая вода в легких, в ушах, в глазах. На сухом песке я стою на четвереньках и некоторое время прихожу в себя, прежде чем встать в полный рост. Меня бьет крупная дрожь – от холода и от осознания, что я способна на нечто столь непростительное.

Вернувшись в коттедж, я срываю с себя мокрую одежду и бросаю кучей на кухонный пол. Я спешу натянуть побольше теплого и сухого, а затем снова спускаюсь на первый этаж и разжигаю огонь в очаге. Я не

слышу, как подходит Патрик, но до меня доносится лай Бо, и я, не дожидаясь стука, распахиваю дверь настежь и опускаюсь на корточки поздороваться с псом и скрыть свою неуверенность перед Патриком.

– Зайдешь? – спрашиваю я, наконец выпрямляясь.

– Мне нужно возвращаться.

– Всего на минуту. Пожалуйста...

Поколебавшись, он входит и прикрывает за собой дверь. Он не собирается садиться, и мы так и стоим неподвижно. Бо на полу между нами. Патрик глядит мимо меня в кухню, где вокруг промокшей одежды натекла лужа, на его лице проступает замешательство, но он молчит, и только тут я убеждаюсь – чувства, которые он ко мне питал, испарились. Ему все равно, почему моя одежда мокрая, почему даже куртка, его подарок, вся в воде. Его волнует только чудовищная тайна, которую я от него скрыла.

– Мне очень жаль.

Жидковато, но искренне.

– Чего именно? – Патрик не дает мне легко отделаться.

– Того, что я лгала тебе. Я должна была признаться, что я...

Я недоговариваю, но Патрик помогает:

– Убила человека?

Я зажмуриваюсь. Когда я снова открываю глаза, Патрик идет к двери.

– Я не знала, как тебе сказать, – вырывается у меня. Слова в спешке налетают друг на друга: – Я боялась, кем ты меня сочтешь...

Он качает головой, видимо, не зная, что обо мне и думать.

– Скажи мне одно: ты действительно уехала от того мальчика? Я могу понять несчастный случай, но ты уехала, не остановившись помочь?

Его глаза ищут мои, прося ответа, который я не могу дать.

– Да, – говорю я, – уехала.

Патрик рвет на себя дверь с такой силой, что я отшатываюсь, и через мгновение скрывается в ночи.

Глава 28

В тот раз ты осталась на ночь. Я натянул одеяло на нас обоих и лежал рядом, глядя, как ты спишь. Твое лицо было гладким и безмятежным – лишь едва заметные движения глаз под полупрозрачными веками. Когда ты спала, мне не надо было притворяться и держать дистанцию на случай, что ты поймешь, как сильно я в тебя влюблен. Я мог нюхать твои полосы, целовать твои губы, пить твоё мягкое дыхание. Во сне ты была совершенна.

Ты улыбнулась раньше, чем открыла глаза. Ты потянулась ко мне без подсказки, и я расслабился и позволил тебе заняться со мной любовью. Впервые я был рад женщине в кровати утром и понял, что не хочу, чтобы ты уходила. Не будь это абсурдным, я бы сказал тебе там же и тогда же, что люблю тебя. Вместо этого я сделал тебе завтрак, а потом снова увел в кровать, чтобы ты знала, как сильно я тебя хочу.

Я испытал удовольствие, когда ты попросила о новой встрече. Это означало, что мне не придется жить еще неделю в одиночестве, выжидая подходящего момента позвонить. Поэтому я позволил тебе думать, что решения принимаешь ты, и мы встретились вечером и еще раз через день. Вскоре ты уже приходила каждый вечер.

– Ты должна оставить здесь какие-нибудь свои вещи, – однажды сказал я.

У тебя сделался удивленный вид, и я понял, что нарушаю правила: мужчины не торопят отношения. Но когда я возвращался с работы, только перевернутая кружка на сушке доказывала, что ты вообще здесь была, и неуверенность выводила меня из равновесия. У тебя не было причин возвращаться, тебя здесь ничто не держало.

Вечером ты пришла с маленькой сумкой, поставила в стакан в ванной новую зубную щетку и положила чистое белье в выдвижной ящик, который я тебе выделил. Утром я принес тебе чай и поцеловал, уходя на работу. Я чувствовал твой вкус на губах, когда ехал в офис. Позвонив домой, я понял по твоему немного сиплому голосу, что ты снова заснула.

– Что стряслось? – спросила ты.

Как я мог сказать, что просто захотел снова услышать твой голос?

– Можешь сегодня заправить постель? – попросил я. – А то ты никогда не заправляешь.

Ты засмеялась, и я пожалел, что позвонил. Вернувшись домой, я сразу пошел наверх, не сняв обуви, но твоя зубная щетка оказалась на месте.

Я освободил для тебя место в шкафу, и постепенно ты перевезла большую часть своего гардероба.

– Сегодня меня не будет, – сказала ты однажды, когда я сидел на кровати, надевая галстук. Ты пила чай в кровати, волосы у тебя были спутаны, вчерашний макияж немного размазался вокруг глаз. – Мы с ребятами с нашего курса сегодня договорились кое-куда сходить...

Я ничего не сказал, сосредоточенно завязывая темно-синий галстук идеальным узлом.

– Ты же не против?

Я обернулся.

– А ты знаешь, что сегодня ровно три месяца с того дня, как мы познакомились в студенческом клубе?

– Как, неужели?

– Я заказал столик в «Пти Руж» – это туда я водил тебя на первое свидание, помнишь? – Я встал и надел пиджак. – Я должен был сначала узнать твое мнение. Нет причин, отчего бы тебе помнить такую ерунду, как тот день.

– Но я помню! – Ты отставила чашку и откинула одеяло, передвинувшись на кровати и поднявшись на колени возле меня. Ты была обнаженной, и когда ты меня обняла, я ощутил тепло твоих грудей сквозь рубашку. – О том дне я помню все: как по-джентльменски ты себя вел и как сильно я хотела увидеть тебя снова.

– У меня для тебя кое-что есть, – вдруг сказал я, надеясь, что он до сих пор в ящике тумбочки. Пошарив, я нащупал его у задней стенки, под пачкой презервативов. – Вот.

– Это то, что я думаю? – озорно улыбнулась ты, играя ключом в воздухе. Я спохватился, что не снял брелок Мэри, и серебряное сердечко закружилось и засверкало.

– Ты же здесь каждый день. Ключ может тебе пригодиться.

– Спасибо, это многое для меня значит.

– Мне нужно на работу. Хорошего тебе вечера. – Я поцеловал тебя.

– Нет, я отменю. Ты же столько старался... Я с удовольствием пойду с тобой на ужин. Теперь, когда у меня есть это, – ты подняла ключ, – я буду здесь, когда ты вернешься с работы.

Головная боль начала проходить уже по дороге в офис, но окончательно отпустила, лишь когда я позвонил в «Пти Руж» и заказал столик на вечер.

Верная слову, ты ждала меня с работы в платье, вызывающе

облегавшем твою фигуру и открывавшем длинные загорелые ноги.

– Как я выгляжу? – Ты покружилась и, улыбаясь, остановилась передо мной, оперев руку на бедро.

– Прелестно.

Отсутствие восторга в моем голосе было явным, и твоя поза сразу изменилась: плечи чуть поникли, рука пробежала по платью спереди.

– Слишком откровенно?

– Ты выглядишь прекрасно, – сказал я. – А что еще у тебя здесь из вещей?

– Очень обтягивающее, да? Но у меня только джинсы, в которых я была вчера, и чистый топик...

– Идеальный вариант, – сказал я, подходя тебя поцеловать. – Такие ноги созданы для брюк, в джинсах ты выглядишь прекрасно. Беги переоденься, мы еще заедем выпить до ужина.

Я беспокоился, что зря дал тебе ключ, но тебя увлекла новизна ведения хозяйства. Почти каждый день меня встречал запах свежих пирогов или жареной курицы, и хотя ты готовила самое элементарное, ты училась. Когда твои творения оказывались несъедобны, я их оставлял нетронутыми, и скоро ты стала стараться не на шутку. Однажды я застал тебя за чтением кулинарной книги, а рядом лежали ручка и листок.

– Что такое соус ру? – спросила ты.

– Почему мне знать?

У меня был трудный день, и я устал.

Ты будто не заметила моей грубости.

– Я готовлю лазанью – как положено, без консервов. У меня есть все ингредиенты, но рецепт будто написан на тарабарском языке...

На столе лежали глянцевые красные перцы, помидоры, морковь и сырая крошенная говядина. Овощи находились в коричневых бумажных пакетах из специализированного овощного, и даже мясо выглядело так, будто оно было куплено у мясника, а не в супермаркете. Должно быть, ты потратила на подготовку весь день.

Не знаю, что подтолкнуло меня испортить тебе удовольствие: может, гордость на твоём лице, или то, что ты казалась такой спокойной, уверенной. Слишком уверенной.

– Я не голоден.

У тебя вытянулось лицо, и мне сразу стало легче, будто я одним махом оторвал пластырь или беспокоивший струп.

– Прости, – сказал я. – Ты много хлопотала?

– Нет, все нормально, – ответила ты, но было видно, что ты обижена. Ты захлопнула кулинарную книгу. – Приготовлю в другой раз.

Я надеялся, что ты не будешь дуться целый вечер, и ты будто стряхнула обиду и открыла бутылку своего любимого дешевого вина. Я налил себе немного виски и сел напротив.

– Не верится, что в следующем месяце я заканчиваю колледж, – сказала ты. – Время буквально пролетело.

– Чем планируешь заниматься дальше?

Ты сморщила нос.

– Пока ничем не планирую. Летом буду отдыхать, может, поеду путешествовать.

Так я впервые узнал о твоём желании путешествовать и задумался, кто вбил эту идею в твою голову и с кем ты мечтала отправиться в путешествие.

– Мы можем поехать в Италию, – сказал я. – С удовольствием повезу тебя в Венецию. Ты будешь в восторге от архитектуры и музеев.

– Ах, Венеция... Сара с Иззи собираются на месяц в Индию, может, и я с ними поеду на пару недель или покатаюсь по Европе по «Интеррейлу»^[6]... – Ты засмеялась: – Я не знаю, мне всего хочется! В этом-то и проблема.

– Может, тебе лучше подождать? – Я взболтал остаток виски в бокале. – Летом все разъедутся, потом вернутся и начнут одновременно искать работу. Нужно воспользоваться преимуществом, пока другие шатаются по свету.

– Ну, может быть.

Я видел, что не убедил тебя.

– Я тут думал, может, нам съехаться?

Ты приподняла бровь, будто почуяв подвох.

– Это всего лишь здравый смысл – ты все равно здесь практически живешь, а собственного жилья тебе не снять при твоих будущих доходах. Чего доброго, окажешься в какой-нибудь съемной дыре с соседями.

– Я собиралась немного пожить дома, – отозвалась ты.

– Я удивлен, что ты готова общаться с матерью, которая фактически лишила тебя отца.

– Она нормальная, – возразила ты, но уже не так уверенно.

– Нам же хорошо вместе, – настаивал я. – Зачем что-то менять? Твоя мама живет в часе езды отсюда, мы практически перестанем видеться. Разве ты не хочешь быть со мной?

– Хочу, конечно!

– Ты могла бы переехать ко мне и не волноваться о деньгах. Счета будут моей заботой, а ты сосредоточишься на подготовке портфолио и продаже своих скульптур.

– Но это несправедливо по отношению к тебе! Я должна что-то делать.

– Можешь готовить и помогать с уборкой, хотя в этом и нет необходимости. Мне достаточно просыпаться рядом с тобой каждое утро, и чтобы ты встречала меня каждый вечер.

Улыбка осветила твое лицо:

– Точно?

– Я еще никогда не был более точен.

Ты переехала ко мне в последний день учебы, ободрав постеры в своей комнате и перевезя вещи на машине, одолженной у Сары.

– Остальное от мамы в следующие выходные привезу, – пообещала ты. – Погоди, там еще кое-что, сюрприз для тебя... для нас.

Ты выбежала на улицу и открыла пассажирскую дверцу, где на полу стояла картонная коробка. Ты достала и принесла ее так бережно, что я предположил – там нечто бьющееся, но когда ты протянула мне подарок, коробка оказалась слишком легкой, чтобы содержать стекло или фарфор.

– Открой! – Ты чуть не лопалась от сдерживаемого восторга.

Я приподнял крышку, и на меня из коробки уставился меховой комок.

– Это кошка, – ровно сказал я. Никогда не находил ничего привлекательного в животных, особенно в кошках и собаках, которые повсюду оставляют шерсть и требуют прогулок, любви и общения.

– Котенок! – поправила ты. – Правда, очаровательный?

Ты вынула его из коробки и прижала к груди.

– Евина кошка преподнесла сюрприз. Ева всех раздала, а этого для меня оставила. Его зовут Гизмо!^[7]

– А тебе не приходило в голову спросить меня, прежде чем тащить в мой дом котенка? – Я и не подумал умерить свой тон, и ты сразу расплакалась. Это была такая пошлая и жалкая тактика, что я окончательно вышел из себя. – Неужели ты не видела социальную рекламу с призывом хорошенько подумать, прежде чем заводить питомцев? Неудивительно, что столько животных выбрасывают на улицу, раз люди вроде тебя принимают импульсивные решения!

– Я надеялась, он тебе понравится, – ответила ты, плача. – А у меня будет компания, пока ты на работе. Он мог бы смотреть, как я рисую...

Я замолчал. До меня дошло, что это существо действительно способно послужить тебе развлечением, пока меня нет. Пожалуй, я смогу смириться

с кошкой, если тебе больше ничего не потребуется.

– Только проследи, будь любезна, чтобы он не добрался до моих костюмов, – бросил я.

Я пошел наверх, а когда спустился, ты уже выставила на кухне лежанку и две миски, а у двери – лоток.

– Это только пока он не научится ходить на улицу, – объяснила ты. В твоих глазах читалась опаска и осторожность, и я был крайне раздосадован, что ты видела, как я потерял самообладание. Я заставил себя погладить котенка и услышал, как ты вздохнула с облегчением; а потом ты подошла и обняла меня за талию. – Спасибо.

Ты целовала меня такими поцелуями, которые всегда служили предисловием к сексу, и когда я легонько нажал тебе на плечо, ты опустилась на колени без малейшего недовольства.

Ты просто заиклилась на том котенке. Его еда, его игрушки, даже его идиотский лоток были для тебя интереснее, чем убирать дом или готовить ужин. Куда интереснее, чем говорить со мной. Ты играла с ним целыми вечерами, возя по полу игрушечных мышей на веревочке. Ты уверяла, что днем работала над своим портфолио, но я, вернувшись с работы, видел, что твои порошки и краски в гостиной стоят нетронутыми.

Через две недели после того, как ты ко мне переехала, я, придя домой, нашел на кухонном столе записку:

«Ушла гулять с Сарой. Ложись, меня не жди».

Я, как всегда, звонил тебе в тот день два или три раза, но ты не удосужилась меня предупредить. Ты ничего не оставила на ужин, решив, видимо, поесть в городе и не подумав, что буду есть я. Я достал из холодильника пиво. Котенок мяукал и цеплялся за брючину, впиваясь когтями мне в ногу. Я отбросил его, и котенок упал на пол. Я закрыл его в кухне и включил телевизор, но не мог сосредоточиться. Все, о чем я мог думать, – о вечере, когда вы с Сарой в последний раз ходили в бар, о быстроте, с которой она уединилась со своим новым знакомым, и о легкости, с которой ты поехала домой ко мне.

«Ложись, меня не жди».

Я не затем просил тебя жить со мной, чтобы проводить вечера в одиночестве. Одна женщина меня уже околпачила, и я не допущу, чтобы это случилось снова. Мяуканье продолжалось. Я пошел за новой бутылкой пива. Котенок мяукал за самой дверью, и я нарочно резко ее открыл: от толчка животное славно прокатилось по полу. Выглядело это комично, и на минуту у меня поднялось настроение, пока я не пошел в гостиную и не увидел бардак, который ты устроила на полу. Ты кое-как сгребла все в угол

комнаты, но на газете лежал комок свежей глины, от которого на деревянном полу наверняка останется пятно. На подносе стояли твои баночки из-под джема с сомнительным содержимым.

Котенок мяукал. Я отпил пива. По телевизору показывали документальный фильм о жизни дикой природы, и я смотрел, как лиса рвет кролика на части. Я прибавил громкость, но котенка все равно было слышно. Его нытье ввинчивалось мне в мозг; с каждым новым писком гнев, распиравший мне грудь, усиливался до ослепляющей ярости, знакомой, но не подвластной мне. Я встал и пошел на кухню.

Ты вернулась за полночь. Я сидел в кухне, не включая свет, с пустой бутылкой пива в руке, и слышал, как ты очень аккуратно прикрыла дверь, расстегнула сапоги и на цыпочках пошла по коридору в кухню.

– Повеселилась?

Ты вскрикнула. Это было бы смешно, не будь я так зол на тебя.

– Иисусе, Йен, как ты меня напугал! Почему ты сидишь в темноте?

Ты включила свет, и флуоресцентная лампочка, замигав, очнулась к жизни.

– Жду тебя.

– Я же написала, что вернусь поздно!

Твой язык немного заплетался, и я задумался, сколько же ты выпила.

– После паба мы все поехали к Саре и... – Увидев мое лицо, ты осеклась: – Что произошло?

– Я ждал тебя, чтобы ты не наткнулась на это сама, – сказал я.

– На что наткнулась? – Ты вдруг протрезвела. – Что-то случилось?

Я указала на пол возле лотка, где неподвижно лежал котенок. Он уже окоченел, и одна лапа торчала вверх.

– Гизмо! – Ты зажала рот руками, и я подумал, что тебя сейчас стошнит. – Боже мой, как же так?

Я поднялся со стула, чтобы тебя утешить.

– Когда я вернулся с работы, его рвало в гостиную. Я начал искать в Интернете, что делать, но через полчаса он сдох. Мне очень жаль, Дженнифер, я знаю, как ты его любила.

Ты уже плакала навзрыд, всхлипывая в мою рубашку, а я крепко прижимал тебя к себе.

– Когда я уходила, с ним все было в порядке! – Ты вглядывалась в мое лицо в поисках ответа. – Не понимаю, как это могло случиться!

Должно быть, ты заметила легкое колебание на моем лице, потому что отстранилась.

– Ты что-то недоговариваешь?

– Это, наверное, к делу не относится, – ответил я. – Тебе и так тяжело.

– Скажи!

Я вздохнул.

– Когда я пришел домой, он был в гостиной.

– Я закрыла его в кухне, как всегда, – возразила ты, но в твоем голосе слышалось сомнение.

Я пожал плечами:

– Не знаю, дверь была открыта. Гизмо драл газеты из стопки рядом с твоим подносом и, видимо, заинтересовался. Не знаю, что у тебя в банке с красной этикеткой, но крышка валялась на полу, и Гизмо сунул туда нос.

Ты побелела.

– Там глазурь для моих моделей!

– Ядовитая?

Ты кивнула.

– В ней есть карбонат бария. Это действительно опасная штука, я всегда наглухо закрывала банку. О господи, это все моя вина! Бедный Гизмо!

– Дорогая, не вини себя. – Я обнял тебя и прижал к груди, целуя в волосы. От них несло табачным дымом. – Это просто случайность. Ты пытаешься успеть все сразу. Лучше было тебе остаться и доделать работу, а ты вон отрывалась в клубе. Уж конечно, Сара бы тебя поняла! – Ты прижалась ко мне, и твои рыдания начали затихать. Я снял с тебя пальто и поставил сумку на стол. – Пойдем наверх. Утром я встану пораньше и займусь Гизмо.

В спальне ты притихла, и я дал тебе время почистить зубы и умыться. Я выключил свет и лег, а ты прижалась ко мне, как ребенок. Мне очень понравилось, что ты во мне так нуждаешься. Я начал поглаживать тебе спину и целовать в шею.

– Ты не против, если мы сегодня не будем? – спросила ты.

– От этого станет легче, – заверил я. – Я хочу, чтобы тебе было лучше.

Ты не протестовала, но когда я тебя целовал, ты не ответила. Я вошел в тебя резко, грубо, желая добиться какой-то реакции – любой, но ты закрыла глаза и не издала ни звука. Ты отняла у меня все удовольствие, и за твой эгоизм я отымел тебя жестче.

Глава 29

– Что это? – Рэй остановился за Кейт, глядя на маленький прямоугольник плотной бумаги, который та вертела в руках.

– Было у Грэй в кошельке. Когда при составлении описи Грэй ее увидела, у нее глаза на лоб полезли. Вот хочу понять почему.

Бледно-голубая визитная карточка была стандартного размера, с двумя строчками адреса – где-то в центре Бристоля, но больше ни единой буквы. Рэй взял карточку у Кейт и потер пальцами.

– Совсем дешевая, – заключил он. – Не знаешь, чей это логотип?

Вверху были вытиснены словно бы две незаконченные восьмерки, одна внутри другой.

– Ни разу такого не видела.

– И адрес в нашей системе не засвечен?

– Никаких данных, и в списке избирателей тоже ничего.

– Может, ее собственная старая визитка? – Рэй снова взгляделся в логотип.

Кейт покачала головой:

– Судя по ее реакции, нет. Карточка словно напомнила ей о чем-то страшном, и Грэй очень не хотела, чтобы я об этом узнала.

– Есть только один способ это выяснить. – Рэй подошел к металлическому шкафчику и взял ключи от машины. – Поехали.

– Куда?

Вместо ответа Рэй приподнял голубую карточку. Кейт схватила куртку и бегом кинулась за начальником.

* * *

Они не сразу нашли дом 127 на Грантем-стрит – невзрачное кирпичное строение в бесконечном ряду нечетных номеров, отчего-то совсем не соответствовавших своим четным соседям. Рэй и Кейт постояли на тротуаре, разглядывая запущенный сад и серые тюлевые занавески на окнах. В соседнем саду два тюфяка служили лежанкой для бдительной кошки, которая замяукала, едва детективы направились к крыльцу. В отличие от соседних домов с дешевенькими пластиковыми дверьми, номер 127 встречал гостей нарядно покрашенной крепкой деревянной дверью с

глазком. Щели для писем и газет в двери не имелось, зато к стене был привинчен металлический почтовый ящик, запертый на висячий замок.

Рэй нажал на кнопку звонка. Кейт начала доставать служебное удостоверение, но Рэй тронул ее за локоть:

– Лучше не надо, пока не выясним, кто здесь живет.

За дверью слышались шаги – кто-то шел по кафельному полу. Когда шаги стихли, Рэй повернулся к дверному глазку. Какая бы проверка ни была в обычае у обитателей номера 127, детективы ее явно прошли, потому что через секунду щелкнул замок, затем на несколько оборотов открылся второй, и дверь отодвинулась от косяка дюйма на четыре, удерживаемая цепочкой. Столь внушительные меры безопасности обычно свойственны очень пожилым людям, но из-за двери на Рэя глядела приблизительно его ровесница, одетая в платье с мелким рисунком и темно-синий кардиган с лимонно-желтым шарфом в вырезе.

– Что вам угодно?

– Я ищу знакомую, – начал Рэй, – Дженну Грэй. Она живет на этой улице, но я, хоть убейте, не помню номер дома. Вы ее, я так полагаю, не знаете?

– Боюсь, что нет.

Рэй постарался заглянуть в дом за ее плечом, но женщина немного прикрыла дверь, многозначительно глядя Рэю прямо в глаза.

– Наверное, вы здесь недавно живете? – подключилась Кейт, словно не замечая сдержанность собеседницы.

– Достаточно давно, – отрезала женщина. – Если вы спросили, что хотели, то, извините...

– Простите за беспокойство, – отозвался Рэй, взяв Кейт под руку. – Пойдем, дорогая. Я сейчас позвоню знакомым, может, подскажут адрес...

Он поднял свой мобильный.

– Но...

– Спасибо вам большое, – перебил Рэй, незаметно подтолкнув Кейт.

– А, ну да, – сориентировалась констебль, – мы лучше позвоним. Спасибо, что уделите нам время.

Женщина плотно закрыла дверь, и было слышно, как несколько раз повернулся ключ сперва в одном замке, потом в другом. Рэй вел Кейт под ручку, пока они не скрылись из виду у возможных обитателей дома, и остро ощущал близость девушки.

– Что скажете? – спросила она, усевшись в машину. – Грэй бывала тут раньше? Как по-вашему, тетка знает больше, чем говорит?

– Ну, это-то с гарантией, – кивнул Рэй. – Ты заметила, во что она

одета?

– Платье и темная кофта, – сразу же ответила Кейт.

– А еще?

Девушка недоуменно покачала головой.

Рэй нажал кнопку на своем мобильном, и экран ожил. Инспектор повернул телефон к Кейт.

– Вы ее сфотографировали?!

Рэй ухмыльнулся и пальцами растянул фотографию на экране, увеличив изображение. Он указал на узел светло-желтого шарфа, украшенный маленьким кружком:

– Значок видишь?

На круглом значке Кейт разглядела две черные незаконченные восьмерки, одна внутри другой.

– Логотип, как на визитке? – догадалась девушка. – Отличная работа!

– Дженна каким-то образом связана с этим домом, – произнес Рэй. – Только вот как?

Глава 30

Я отказываюсь понимать, почему ты захотела непременно познакомить меня со своей родней. Свою мать ты ненавидела, а с Евой хоть и перезванивалась раз в неделю, но твоя сестрица ни разу не приехала в Бристоль. Так почему ты должна была срываться в Оксфорд всякий раз, как ей понадобится? Но ты летела по первому зову, как примерная девочка, оставляя меня одного на ночь, а иногда и дольше, воркуя над ее растущим пузом и наверняка флиртуя с ее богатым муженьком. Каждый раз ты просила меня поехать с тобой, но я неизменно отвечал отказом.

– Они скоро решат, что я тебя придумала, – вымученно улыбнулась ты. В твоём голосе слышалось отчаяние: – Я хочу встретиться с тобой Рождество – в прошлом году мне тебя не хватало.

– Так оставайся здесь, со мной!

Такой простой выбор! Ну почему тебе недостаточно меня?

– Но я же хочу и с родными увидаться! Нам обязательно оставаться на ночь – можем приехать только на праздничный обед.

– И даже не выпить? Тоже мне, праздник!

– Я сяду за руль. Ну пожалуйста, Йен, я очень хочу тобой похвастаться!

Ты буквально умоляла. Ты постепенно ушла от своего вульгарного макияжа, но в тот день ты ярко накрасила губы, и я следил за алыми изгибами твоего рта, пока ты меня упрашивала.

– Хорошо, – пожал я плечами. – Но на следующее Рождество мы будем только вдвоем.

– Спасибо! – просияв, ты обняла меня.

– Теперь еще подарки покупать... Хотя зачем им наши подарки, у них же все есть!

– О, не заботься об этом, – сказала ты, слишком обрадованная, чтобы заметить мой язвительный тон. – Ева любит духи, а Джефф будет доволен бутылке скотча. Клянусь, все будет прекрасно! Они тебе понравятся.

Я в этом сомневался. О «леди Еве» я был наслышан достаточно, чтобы у меня сложилось определенное мнение, хотя меня заинтриговала твоя заикленность. Лично я никогда не воспринимал отсутствие братьев и сестер как трагедию, и меня раздражало, что ты так часто общаешься со своей Евой. Я входил в кухню, когда ты говорила с ней по телефону, и если ты торопилась закончить разговор, я знал – вы обсуждали меня.

– Чем ты сегодня занималась? – спросил я, меняя тему.

– О, у меня выдался исключительный день! Я ходила на ланч в «Три колонны», организованный такой, знаешь, сетевой группой представителей творческих профессий. Поразительно, сколько же нас, и все работают дома в маленьких комнатках... или за кухонным столом. – Ты виновато поглядела на меня.

В кухне уже стало невозможно есть из-за постоянного слоя краски, глиняной пыли и небрежных рисунков, разбросанных по столу. Повсюду лежат твои вещи – я больше не чувствую себя здесь хозяином. Когда я покупал этот дом, он не казался мне тесным; даже когда здесь жила Мэри, места хватало нам обоим. Мэри была тише, чем ты. Не такая энергичная. С ней было проще, если не считать ее лживости. Но теперь я ученый и больше не дам себя обмануть.

Ты все распространялась о своем ремесленном ланче, и я прислушался к тому, что ты говоришь.

– ...вот мы и подумали, что на шестерых мы, пожалуй, потянем...

– Что потянете?

– Так плату же за общую студию! Отдельно для себя я мастерскую снять не могу, но если скинуться – я же немного зарабатываю преподаванием, – то у меня будет нормальная печь для обжига, и я смогу убрать с твоих глаз весь мой беспорядок...

Я и не предполагал, что ты получала какой-то доход от своих уроков. Я предложил тебе вести курс гончарного дела, потому что это представлялось мне более рациональным расходом твоего времени, чем изготовление фигурок, которые ты продавала за бесценок. Я ожидал, что ты возьмешь на себя часть ипотеки, прежде чем с кем-то о чем-то договариваться. В конце концов, ты живешь у меня бесплатно.

– Дорогая, на бумаге все гладко, но вдруг кто-то из вашей шестерки переедет? Как вы будете делить между собой его часть ренты?

Я видел, что об этом ты еще не думала.

– Но мне необходимо помещение для работы, Йен! Преподавание – это, конечно, интересно, но я не готова заниматься им до бесконечности. Мои скульптуры начали покупать, и если я буду делать их быстрее и брать больше заказов, я создам приличный бизнес!

– Ты много скульпторов и художников с собственным бизнесом знаешь? – съязвил я. – Нужно же реально смотреть на вещи – возможно, твои усилия никогда не выйдут за рамки хобби, которое приносит тебе толику денег на булавки.

Слышать правду тебе не понравилось.

– Однако если создать подобие кооператива, мы сможем помогать друг другу. Мозаики Авриль отлично сочетаются с моими работами, а Грант пишет великолепные картины. Моих подруг по колледжу бы привлечь, но я же сто лет ни с кем не перезванивалась...

– Эта затея чревата проблемами, – сказал я.

– Да, нужно все тщательно продумать.

Я видел, что ты уже приняла решение. Ты погонишься за новой мечтой, и я тебя потеряю.

– Слушай, – бодро начал я, скрывая охватившую меня тревогу, – я уже давно подумываю переехать в другой дом!

– Переехать? – недоверчиво переспросила ты.

Я кивнул.

– Подберем дом с большим садом, и я построю тебе студию в саду.

– Мою собственную студию?

– С печью для обжига. Можешь сорить там, сколько душе угодно.

– Ты сделаешь это для меня?

На твоём лице появилась широкая улыбка.

– Я для тебя все сделаю, Дженнифер, ты же знаешь.

Это была правда. Я был готов на все, чтобы тебя удержать.

Пока ты мылась в душе, зазвонил телефон.

– А Дженна дома? Это Сара.

– Привет, Сара, – отозвался я. – Нет, она куда-то уехала с подругами. Дженна разве не перезвонила тебе в прошлый раз? Я передал ей твоё сообщение.

В телефоне стало тихо.

– Нет, она не перезванивала.

– А, ну я напомним, что ты звонила.

Пока ты была наверху, я открыл твою сумку. Там все было как обычно: чеки действительно из тех мест, где, по твоим словам, ты побывала. Узелок напряжения в груди смягчился. По привычке я проверил отделение для банкнот в твоём кошельке, и хотя там было пусто, я нащупал странное утолщение. Приглядевшись, я заметил прорезь в подкладке, под которой оказалась тоненькая стопка денег. Я переложил их к себе в карман. Если это были хозяйственные деньги, на всякий случай спрятанные понадежнее, ты иххватишься. Если же ты ни о чём не спросишь, я пойму, что у тебя есть от меня секреты и что ты крадешь мои деньги.

Ты не спросила – ни сразу, ни потом.

Когда ты ушла от меня, я даже не сразу это понял. Я ждал, недоумевая, где тебя носит, и только когда наконец пошел спать, то обратил внимание – нет твоей зубной щетки. Я пересмотрел чемоданы, но исчезла только небольшая сумка. Неужели он предложил купить тебе все необходимое? Неужели он обещал дать тебе все, что ты хочешь? А что ты предложила ему взамен? Ты мне отвратительна. Но я тебя отпускаю. Я сказал себе, что без тебя мне лучше, и пока ты не побежала в полицию с обвинениями, которые они, несомненно, решат трактовать как *насилие*, так и быть, я позволю тебе скрыться в неведомых далях. Я мог бы тебя отыскать, но не хочу. Ты понимаешь? Я тебя не хочу! И я бы забыл про тебя, не будь этой маленькой заметки в «Бристоль пост». Твое имя не упоминалось, но неужели я мог не понять, что это ты?

Я представил, как полицейские расспрашивают тебя о твоей жизни, отношениях. Я так и видел, как они искушают тебя, вкладывают ответы тебе в рот, и вот ты уже плачешь и разбалтываешь им все. Я знаю, ты не выдержишь, и вскоре копы явятся ко мне на порог совать свой нос в то, что их не касаются. Меня назовут домашним тираном, агрессивным типом и любителем рукоприкладства. Я ни то, ни другое, ни третье; ты получала только то, на что сама напрашивалась.

Угадай, куда я сегодня ездил. Ну, давай, с трех попыток!.. Не знаешь? В Оксфорд, к твоей сестрице. Если кто и знает, где ты скрываешься, так это «леди Ева». Ее дом мало изменился за прошедшие пять лет: все те же идеально подстриженные лавровые деревья по обе стороны аллеи и тот же дурацкий дверной звонок.

Улыбка Евы растаяла, едва она увидела меня.

– Йен, – ровно сказала она, – какой сюрприз.

– Давно не виделись, – отозвался я. У твоей Евы с самого начала не доставало смелости прямо сказать, что она обо мне думает. – Ты так весь дом выстудишь, – сделал я замечание, перешагнув порог и пошел по выложенному черными и белыми плитками полу. Еве ничего не оставалось, кроме как закрыть дверь и поспешить за мной. Проходя, я якобы случайно задел ее груди. «Леди Ева» обогнала меня и первой вошла в гостиную, показывая, кто в доме хозяйка. Жалкое создание...

Я уселся в кресло Джеффа, зная, что она терпеть этого не может. Ева опустила в другое, напротив. Я видел, что она с трудом сдерживает желание спросить, зачем я пожаловал.

– Что, Джеффа дома нет? – осведомился я, и в глазах Евы мелькнул страх. Она боится меня, понял я, и эта мысль оказалась неожиданно возбуждающей. Меня давно интересовало, какова «леди Ева» в постели:

неужели такая же консервативная, как ты?

– Поехал с детьми в город.

Она двинулась на стуле. Я нарочно тянул паузу, и Ева не выдержала:

– Зачем ты приехал?

– Мимо проезжал, – отозвался я, оглядывая просторную гостиную. Ева обновила интерьер – тебе бы понравилось: она выбрала такую же банальную блеклую гамму, как ты хотела для нашей кухни. – Давно не виделись, Ева.

Она чуть кивнула в знак согласия, но не ответила.

– Я ищу Дженнифер, – сказал я.

– В смысле?! Только не говори, что она наконец бросила тебя!

Это прозвучало с большей страстностью, чем я в ней предполагал.

На колкость я решил не реагировать.

– С ней все в порядке? Где она живет?

У нее хватило наглости беспокоиться о тебе. После всех ее слов. Лицемерная тварь.

– Ты хочешь сказать, что к тебе она не приезжала?

– Я не знаю, где она.

– Да ладно! – Я не поверил ей ни на секунду. – Вы же так нежно общались – у тебя наверняка есть какие-то предположения!

У меня снова задергался угол глаза, и я потер веко рукой.

– Мы пять лет не разговаривали, Йен. – Ева встала. – Все, тебе пора.

– Ты хочешь сказать, она пять лет не давала о себе знать? – Я вытянул ноги и уселся поудобнее. Я сам решу, когда уходить.

– Нет, – ответила Ева, невольно взглянув на каминную полку. – Я прошу тебя уйти.

Камин у нее был совершенно безликий, с аккуратным таким газовым пламенем и фальшивыми углями. На выкрашенном белой краской навершии стояли дорожные часы, а справа и слева всякие открытки и приглашения.

Я сразу заметил то, что Ева ни за что не хотела мне показывать. Ты бы лучше подумала, Дженнифер, прежде чем присылать нечто столь характерное. Фотография резко выделялась среди приглашений с позолоченным краем: пляж, снятый с высоты, с какого-то скалистого уступа. На песке буквы, составлявшие слова «Леди Ева».

Я встал и дождался, пока Ева первой направится к дверям. На прощание я наклонился и поцеловал ее в щеку, почувствовав, как она с отвращением отшатнулась. Я подавил острое желание швырнуть ее о стену за то, что лгала мне.

Твоя сестрица распахнула дверь, и я устроил небольшой спектакль, ища ключи.

– Должно быть, в кресле выпали, – «сообразил» я. – Я сейчас.

Оставив Еву стоять в холле, я вернулся в гостиную, взял фотографию и перевернул, однако адреса, который я так надеялся найти, не было, а лишь какое-то сиропно-приторное послание твоим скачущим почерком. Ты же писала мне записки и оставляла их под моей подушкой и в портфеле! Почему ты перестала мне писать? У меня сжалось горло. Я вгляделся в фотографию. Где же ты? Напряжение угрожало вылиться в приступ бешенства, и я разодрал фотографию пополам и еще раз пополам, сразу почувствовав себя лучше. Обрывки я сунул за каминные часы за мгновение до того, как в гостиную вошла Ева.

– Нашел, – сказал я, похлопав себя по карману.

Она обвела глазами комнату, несомненно, ожидая увидеть какой-то беспорядок. Пусть смотрит, думал я. Пусть заметит.

– Очень рад был увидаться, Ева, – сказал я. – Обязательно зайду еще, как только буду в Оксфорде.

Я пошел к выходу. Ева открыла рот, но оттуда не вырвалось ни звука.

– Жду с нетерпением, – закончил я за нее.

* * *

Я сел искать в Интернете, едва приехав домой. В высоких скалах, окружавших пляж, и в сером небе со зловещими тучами было нечто чисто британское, поэтому я набрал в строке поиска «пляжи Великобритании». Я просматривал сотни снимков, кликая на новые и новые страницы, но мне попадались лишь фотографии из туристических путеводителей, где оказалось полно детей, играющих у моря на песке. Тогда я изменил параметры поиска, добавив «пляжи со скалами в Великобритании». Я найду тебя, Дженнифер. Куда бы ты ни скрылась, я тебя найду.

И приеду за тобой.

Глава 31

Бетан шагает мне навстречу в низко надвинутой вязаной шапке и заговаривает еще издали. Умный ход; я не могу разобрать слов, но не могу и уйти, раз со мной говорят. Я останавливаюсь и жду, пока Бетан подойдет.

Мы бродили по полям, Бо и я, держась подальше от скал и беспокойного моря. Я теперь боюсь подходить к морю, страшась не воды, а своего разума. Я чувствую, что схожу с ума, и как бы я ни утомляла себя ходьбой, от этого мне не уйти.

– Я так и думала, что это вы здесь наверху!

Трейлерный парк отсюда едва видно – из окна ее магазина я, должно быть, выгляжу крошечным пятнышком на склоне горы. Улыбка Бетан по-прежнему открытая и теплая, будто ничего не изменилось с нашей прошлой встречи, хотя она не может не знать, что я арестована и отпущена из тюрьмы до суда. Вся деревня об этом знает.

– Я как раз собралась погулять, – заявляет Бетан. – Пройдемся?

– Вы же никогда не гуляете?

Губы Бетан чуть изгибаются в улыбке:

– Ну, значит, вот так сильно мне хотелось вас увидеть!

Мы с Бетан как-то сразу начинаем идти в ногу, а Бо, этот вечный охотник за кроликами, убегает вперед. День морозный и ясный – дыхание повисает туманным облачком. Приближается полдень, но земля еще твердая от ночного мороза; похоже, весна никогда не настанет. Я пристрастилась вычеркивать дни на календаре; дата, когда мне предстоит явиться в полицейское управление, отмечена большим черным крестом. Осталось десять дней. Из памятки, которую мне вручили в изоляторе, я знаю – суд может состояться не сразу, но все равно я вряд ли проведу это лето в Пенфаче. Интересно, как сильно я буду скучать.

– Я так понимаю, вы знаете, – говорю я наконец, не в силах дальше выносить молчание.

– Куда ж деваться, в деревне живем. – Бетан тяжело дышит, и я немного замедляю шаг. – Я не любительница сплетен, – продолжает она, – я скорее предпочту услышать версию из первых уст, но у меня впечатление, что вы меня избегаете.

Я не отрицаю этого.

– Хотите поговорить?

Я машинально отвечаю «нет» и сразу же понимаю, что как раз очень

хочу. Я набираю в грудь воздуха.

– Я убила мальчика. Его звали Джейкоб.

От Бетан слышится какой-то звук – вздох, наверное, или шорох одежды от покачивания головой, но она ничего не говорит. Я мельком вижу море – мы приближаемся к скалистому обрыву.

– Было темно, шел дождь, я его не видела, а когда увидела, тормозить было поздно.

Бетан длинно выдыхает:

– Так это был несчастный случай!

Она не спрашивает, а утверждает, и я тронута ее верой в меня.

– Да.

– Но это, я так понимаю, не все?

Со слухами в Пенфаче поставлено на совесть.

– Нет, не все.

Мы доходим до вершины и поворачиваем влево, к заливу.

– Я не остановилась, – через силу произношу я. – Уехала, бросив пострадавшего на дороге с его матерью.

Я не могу заставить себя взглянуть на Бетан, и она тоже молчит довольно долго, а потом лишь спрашивает:

– Почему?

Это самый трудный вопрос, но здесь, по крайней мере, я могу сказать правду.

– Потому что я боялась.

Я отваживаюсь украдкой взглянуть на Бетан, но ее лицо непроницаемо. Она вглядывается в морскую даль. Я останавливаюсь рядом.

– Вы теперь будете меня ненавидеть?

Бетан печально улыбается.

– Дженна, вы натворили страшное дело и будете жить с этим до конца дней. По-моему, это достаточное наказание, как считаете?

– Меня отказались обслуживать в магазине. – Жалуясь на деревенский остракизм, я чувствую себя мелочной, однако пережитое унижение задело меня неожиданно сильно.

Бетан пожимает плечами:

– Деревенские – странный народ. Чужих не любят, им только повод дай, сейчас же ухватятся...

– Я не знаю, как быть.

– Не обращайтесь внимания. Покупайте еду не в деревне и ходите с поднятой головой. Что происходит между вами и полицией, дело только

ваше и больше ничье.

Я благодарно улыбаюсь. Практичность Бетан поистине универсальна.

– Я тут вчера одну из кошек к ветеринару носила, – как ни в чем не бывало сообщает она, будто меняя тему.

– Вы видели Патрика?

Бетан поворачивается ко мне:

– Он не знает, что вам сказать.

– А мне показалось, как раз знает, – не сдерживаюсь я, вспомнив холодность в его голосе и в глазах.

– Он же мужчина, Дженна, а они куда проще нас. Поговорите с ним. Вот как со мной говорите, так и с ним поговорите. Скажите ему – вы боялись. Он поймет, как вы жалеете о том, что случилось.

Я вспоминаю, что они дружат с самого детства, и на мгновение колеблюсь – может, Бетан права и у нас с Патриком еще есть шанс? Но она не видела, как Патрик смотрел на меня.

– Нет, – вздыхаю я, – все кончено.

Мы доходим до бухты. Вдоль полосы прибоя какая-то пара прогуливает своего пса, но, кроме них, на пляже ни души. Начинается прилив, волны лижут песок, подбираясь все ближе к скалам. Посреди пляжа чайка трудится над расклеванным крабом. Я хочу уже попрощаться с Бетан, когда замечаю кое-что на песке у самой кромки воды. Щурясь, я вглядываюсь в надпись, но прибой размыл буквы. Новая волна разглаживает песок, скрывая последние следы, но я же это видела, сомнений быть не может! Сзади слышится шорох. Я оборачиваюсь как ужаленная, но там никого нет. Я судорожно озираюсь, оглядывая тропу, скалы, пляж внизу. Неужели Йен где-то здесь и сейчас видит меня?

Бетан с тревогой спрашивает:

– Что с вами? Что стряслось?

Я слепо смотрю на нее, видя вместо Бетан надпись, которую прочла на песке не то по-настоящему, не то в своем воображении. Вокруг словно клубится белый туман, и кровь ревет в ушах, почти заглушая шум моря.

– Дженнифер, – почти беззвучно произношу я.

– Дженнифер? – переспрашивает Бетан, покосившись на пляж, где волны перекатываются по гладкому песку. – Кто это – Дженнифер?

Я пытаюсь сглотнуть, но влажный ком застревает в горле.

– Я. Это я Дженнифер.

Глава 32

– К сожалению... – начал Рэй, присев на край стола Кейт с листком в руке.

Кейт взяла бумагу и положила на стол, не взглянув:

– Прокуратура все-таки решила предъявить обвинение?

Инспектор кивнул.

– Нет доказательств, что Дженна что-то скрывает. Больше тянуть не получится. Сегодня она явится в управление, и будем передавать дело в суд... – Рэй заметил выражение лица девушки: – Кейт, ты проделала отличную работу, ты прислушивалась к подсказкам интуиции, читала между строк, так сказать. Именно так поступают хорошие сыщики. Но и хороший сыщик должен уметь остановиться.

Дружески потрепав ее по плечу, он ушел, оставив Кейт читать решение прокуратуры. Конечно, такой поворот способен выбить из колеи, но в этом и состоит риск интуитивных действий: инстинкту не всегда можно доверять.

В два часа дежурный сообщил, что Дженна ждет в приемной. Рэй лично сопроводил ее в изолятор, указав на металлическую скамью у стены, пока печаталось обвинительное заключение. Волосы Дженны были собраны в хвост, открывая высокие скулы и бледную чистую кожу.

Рэй взял у сержанта распечатанные документы и подошел к скамье:

– Вы обвиняетесь по статье один закона о дорожном движении от 1988 года в причинении смерти по неосторожности Джейкобу Джордану 26 ноября 2012 года и по части второй параграфа сто семьдесят в оставлении места аварии и сокрытии факта наезда. Вы желаете что-нибудь сказать? – Рэй пристально следил за ней, ища признаки страха или шока, но Дженна Грэй лишь закрыла глаза и покачала головой:

– Нет.

– Вы переночуете в изоляторе, а завтра утром предстанете перед магистратским судом.

Подошла ожидавшая надзирательница, но Рэй вмешался:

– Я ее сам отведу.

Легонько взяв Дженну повыше локтя, инспектор повел ее в женское крыло. Скрип резиновых подошв спровоцировал какофонию жалоб и просьб, когда они шли мимо забранных решетками камер:

– Начальник, выпусти курнуть!

– А мой адвокат пришел или нет?

– А прикажите, пусть мне второе одеяло дадут!

Рэй шел с бесстрастным лицом, зная по опыту, что в порядки изолятора лучше не вмешиваться. Хор голосов сменился недовольным ворчаньем. У седьмой камеры инспектор остановился:

– Разуйтесь, пожалуйста.

Дженна развязала шнурки и, упираясь мыском в пятку, стянула обувь. Отставив ботинки к стене (на гладкую серую плитку просыпалось немного песка), она поглядела на Рэя, который кивнул на пустую камеру. Войдя, Дженна присела на койку, покрытую голубым пластиковым матрасом.

Рэй прислонился к дверной раме:

– Дженна, о чем вы нам не говорите?

Она испуганно повернула голову:

– В каком смысле?

– Почему вы тогда уехали?

Дженна не ответила. Она откинула волосы от лица, и Рэй снова увидел страшный шрам на всю ладонь. Наверное, ожог или какая-нибудь производственная травма.

– Что с рукой? – спросил он.

Дженна отвела глаза и не ответила.

– Что будет в суде? – спросила она.

Рэй вздохнул, видя, что из Дженны Грэй ничего не вытянуть.

– Завтра состоится только первое слушание. Вас попросят ответить на предъявленные обвинения, и дело передадут в уголовный суд.

– А потом?

– Вам вынесут приговор.

– Я сяду в тюрьму? – спросила Дженна, поднимая глаза на Рэя.

– Возможно.

– Надолго?

– Могут дать до четырнадцати лет. – Рэй внимательно следил за Дженной, на лице которой наконец отразился страх.

– Четырнадцать лет, – повторила она и сглотнула.

Рэй затаил дыхание. На мгновение ему показалось – вот сейчас она объяснит, что заставило ее умчаться прочь от сбитого ребенка, однако Дженна отвернулась и легла на пластиковый матрас, закрыв глаза.

– Если можно, мне бы хотелось немного поспать.

Рэй некоторое время смотрел на нее, потом ушел. Грохот от захлопнувшейся двери камеры эхом летел ему вслед.

– Отличная работа. – Мэгс с порога поцеловала мужа в щеку. – Я видела новости. Все-таки ты правильно поступил, не закрыв дело!

Рэй что-то ответил, по-прежнему думая о странностях в поведении Дженны.

– Риппон-то довольна?

Рэй прошел в кухню, где жена открыла банку горького пива и налила ему в бокал.

– На седьмом небе. Разумеется, обращение к населению спустя год после несчастного случая тут же оказалось ее идеей... – Он криво улыбнулся.

– А тебе не обидно?

– Да нет. – Рэй отпил пива и поставил кружку с удовлетворенным вздохом. – Мне все равно, кому достанутся лавры, если расследование проведено по всем правилам и в суде будет результат. К тому же самое трудное досталось Кейт.

Может, ему показалось, но упоминание о Кейт вызвало у Мэгс раздражение.

– Как считаешь, сколько ей дадут? – спросила она.

– Лет шесть или семь. Зависит от судьи и от того, захотят ли устроить показательную порку. Когда речь идет о ребенке, люди часто поддаются эмоциям.

– Шесть лет – это чепуха, – отрезала Мэгс, думая о Томе и Люси.

– Только не когда шесть лет ни за что, – буркнул Рэй больше самому себе.

– То есть?!

– В этом деле много странностей.

– Каких это?

– Мы считаем, она что-то недоговаривает, но прокуратура решила предъявлять обвинение, и мы уже ничего не можем сделать. Я и так дал Кейт максимум времени.

Мэгс устала на мужа:

– А кто из вас отвечает за расследование? Это Кейт считает, что там не все ясно? Поэтому ты выпустил Грэй под залог?

Рэй поднял глаза, удивленный резкостью тона жены.

– Нет, – медленно ответил он, – я выпустил ее под залог, потому что для следствия полезно без суеты перепроверить факты и убедиться, что под суд пойдет настоящий виновник.

– Слушай, инспектор Стивенс, я порядки знаю! Может, я катаюсь с детьми в школу и обратно и собираю им с собой завтраки, но я тоже

работала в полиции, поэтому не говори со мной как с дурой!

– Прости, прости, виновен по всем пунктам. – Рэй шутливо выставил ладони оборонительным жестом, но Мэгс не засмеялась. Намочив маленькое полотенце в горячей воде, она начала энергично протирать столешницы и дверцы.

– Удивляюсь я вам. Баба сбежала с места аварии, бросила машину и скрылась в Богом забытой глуши; через год ее нашли, и она во всем призналась. В чем тут сомнения-то? Какие неясности? По мне, все просто как дважды два!

В Рэе плеснулось раздражение. День был долгим и непростым, и больше всего ему хотелось спокойно посидеть с пивом.

– Там много странностей, – возразил он. – И я доверяю профессиональному чутью Кейт.

Он почувствовал, что краснеет, и сам удивился, почему так защищает свою коллегу.

– Вот как? – сухо переспросила Мэгс. – Ну что ж, молодец твоя Кейт!

Рэй шумно вздохнул:

– Что опять стряслось?

Мэгс продолжала тереть дверцы шкафов.

– Опять Том что-то натворил?

Она заплакала.

– Господи, Мэгс, ну что ж ты сразу не сказала? Давай выкладывай. – Рэй встал и обнял жену, повернув ее от раковины к себе и мягко отобрав мокрое полотенце.

– Мне кажется, он крадет.

Ярость, поднявшаяся в Рэе, была такой неистовой, что он не сразу смог заговорить.

– Почему ты решила?

Это уже последняя капля. Одно дело прогуливать школу и хлопать дверьми в порядке подросткового бунта, но чтобы красть?!

– Я ни в чем не уверена, – начала объяснять Мэгс, – я с ним еще не говорила... – Она увидела лицо мужа и предупреждающе выставила руку: – И не стану, пока все не выясню!

Рэй набрал воздуха в грудь.

– Рассказывай по порядку.

– Я прибирала в его комнате... – Мэгс на мгновение закрыла глаза, – и нашла под кроватью коробку с вещами. Айпод, ДВД-диски, гора конфет, новые кроссовки...

Рэй покачал головой, но промолчал.

– Карманных денег у него быть не может, – продолжала Мэгс, – потому что он еще не расплатился с нами за разбитое окно. Где он все это взял, ума не приложу! Разве что украл...

– Замечательно, – процедил Рэй. – Значит, закончит за решеткой. Вот газеты взовьются – сын инспектора криминальной полиции сел за кражи в магазинах!

Мэгс с тоскливым изумлением уставилась на мужа:

– И это все, что тебя заботит? Твой сын последние полтора года совершенно изменился! Твой прежде счастливый, уравновешенный, умный сын прогуливает школу и крадет, а ты думаешь лишь о том, как это скажется на твоей карьере? – Мэгс выставила руки, словно отгораживаясь от мужа: – Не хочу с тобой говорить.

Она решительно пошла к двери, но, будто что-то вспомнив, развернулась всем корпусом:

– Тома оставь мне, ты только все испортишь. У тебя, гляжу, есть дела поважнее.

Она взбежала по лестнице. Хлопнула дверью спальни. Рэй знал, что сейчас с Мэгс не сладишь – она ничего не захочет слушать. Он не карьерист, но и пустить службу на самотек не имеет права, раз он в семье единственный добытчик, и нечего тут кипятиться... Что касается Тома, пусть Мэгс с ним разбирается, если хочет. Честно говоря, Рэй даже не знал, как за это браться.

Глава 33

Дом в Бофорт-Кресент был гораздо больше моего прежнего. Мне не одобрили ипотеку на полную сумму, и я взял заем, надеясь, что смогу его выплатить. Нелегкое дело, но оно того стоило. При доме имелся длинный сад для твоей студии, и я видел, как сияли твои глаза, когда мы размечали место для будущей постройки.

– Идеально, – говорила ты. – У меня здесь будет все, что нужно.

Я взял несколько дней отпуска на работе и сразу после переезда начал строить мастерскую. Ты не знала, как и отблагодарить меня за такую заботу: приносила чашки с дымящимся чаем и зазывала на суп с домашним хлебом. Я так не хотел, чтобы это прекращалось, что почти без задней мысли замедлил темп. Вместо того, чтобы выходить в сад в девять утра, я начинал в десять, дольше обедал, а часа в четыре садился в деревянной скорлупе мастерской и просто ждал, пока ты позовешь меня в дом.

– Ты не можешь работать при таком свете, дорогой, – уговаривала ты. – Смотри, у тебя руки ледяные! Пойдем, я тебя согрею!

Ты целовала меня, приговаривая, как рада, что у тебя будет личное пространство, что о тебе еще никто так не заботился и как ты меня любишь.

Я уехал на работу, пообещав закончить внутреннюю отделку в выходные, но когда вернулся домой, ты уже перетасила туда старый стол и разложила свои глазури и инструменты. В углу стояла новая печь для обжига, а гончарный круг раскорячился посередине. Ты сидела на маленьком табурете, сосредоточенно занимаясь глиной, вращавшейся под твоими ладонями. Я следил за тобой через окно и видел, как горшок меняет форму от легчайшего прикосновения. Я надеялся, что ты почувствуешь мое присутствие, но ты не поднимала глаз, и я распахнул дверь.

– Скажи же, прелесть? – заявила ты, по-прежнему не глядя на меня. – Как же мне здесь нравится! – Ты сняла ногу с педали, колесо замедлилось и наконец остановилось. – Пойду переодену рубашку и накрою ужин.

Ты легко поцеловала меня в щеку, держа руки на отлете, чтобы не задеть мой костюм.

Я постоял, глядя на стены, которые собирался увешать полками, на угол, где я хотел соорудить для тебя специальный стол, а потом шагнул вперед и на секунду нажал ногой на педаль гончарного круга. Колесо крутнулось, не сделав даже полный оборот, но без твоих рук горшок

скособочился и провалился внутрь себя.

С тех пор я тебя практически не видел. Ты смастерила обогреватель, чтобы подольше сидеть в своей студии, и даже по выходным вскакивала на рассвете и натягивала измазанную глиной одежду, чтобы бежать в мастерскую. Я все-таки повесил тебе полки, но так и не сделал задуманного стола, и вид твоего обшарпанного убожества не переставал меня раздражать.

Мы прожили в новом доме около года, когда у меня возникла необходимость слетать в Париж по работе. Даг вышел на потенциального нового клиента, и мы планировали произвести впечатление, чтобы они разместили у нас большой заказ на программное обеспечение. Наш бизнес буксовал, и доходы были скромнее и поступали реже, чем мне было обещано. Я по-прежнему вынимал кредитку, водя тебя в рестораны и покупая цветы, но выплачивать за дом становилось все сложнее. Парижский клиент мог спасти положение.

– Можно, я тоже поеду? – попросила ты. Это, по-моему, был единственный раз, когда ты проявила интерес к моему бизнесу. – Я так люблю Париж!

Я помнил, как похотливо Даг глазел на Мэри, когда я однажды привел ее на офисную вечеринку, и как она начала вести себя в ответ. Я не собирался повторять эту ошибку.

– Я там буду работать круглые сутки, некогда будет тебя развлекать. Съездим вместе, когда я освобожусь. К тому же тебе нужно закончить вазы.

Ты целыми, по-моему, неделями таскалась по сувенирным лавчонкам и галереям с образцами твоего ремесла; все, чего ты добилась в результате, – два магазина захотели взять дюжину твоих горшков и ваз на комиссию. Ты была так довольна, словно выиграла в лотерею, и сидела над гончарным кругом с удвоенным усердием.

– Чем дольше делаешь, тем меньше в итоге стоит твое время, – предупредил я тебя, но с тем же успехом я мог делиться своим деловым опытом со стенкой. Ты продолжала часами раскрашивать и покрывать глазурью свою глину.

Я позвонил тебе, приземлившись в Париже, и почувствовал нестерпимую ностальгию по дому, услышав твой голос. Даг повел клиента на ужин, а я, сославшись на мигрень, остался и заказал стейк в номер, жалея, что все-таки не взял тебя. Безукоризненно заправленная кровать казалась огромной и неприветливой, и в одиннадцать вечера я спустился в гостиничный бар. Я заказал виски и остался у стойки, повторив заказ прежде, чем допил первую порцию. Я послал тебе сообщение, но ты не

ответила; полагаю, ты была в своей мастерской, безразличная к моим звонкам.

За столиком сидела женщина в сером полосатом деловом костюме и черных туфлях на шпильках; рядом на стуле лежал открытый портфель. Она просматривала какие-то документы и, подняв голову и поймав мой взгляд, изобразила скорбную улыбку. Я улыбнулся в ответ.

– Вы англичанин, – сказала она.

– Неужели это так очевидно?

Женщина засмеялась.

– Когда столько едешь, учишься замечать мелочи. – Она подобрала бумаги и отправила их в портфель, закрыв его с громким щелчком. – Все, хватит на сегодня!

Однако она не сделала движения уйти.

– Могу я составить вам компанию? – спросил я.

– Сделайте одолжение.

Я не планировал, но это было именно то, чего мне не хватало. Я не спрашивал ее имени до самого утра, когда она вышла из ванной, завернувшись в полотенце.

– Эмма, – ответила она. Моим именем она не поинтересовалась, и я гадал, часто ли она делает это с незнакомцами в безымянных гостиничных номерах разных городов.

После ее ухода я позвонил тебе и позволил рассказать о твоём дне: как доволен вазами владелец магазина и как ты ждёшь не дождешься моего возвращения. Ты жаловалась, что соскучилась и в разлуке тебе плохо, и я почувствовал, как меня вновь наполняет уверенность и в душе воцаряется спокойствие.

– Я люблю тебя, – сказал я. Я знал, ты хочешь это услышать. Тебе ведь недостаточно видеть, сколько я для тебя делаю, как я о тебе забочусь. Ты еле слышно вздохнула.

– Я тоже тебя люблю.

Даг явно мастерски обработал клиента за ужином: по шуточкам за утренними переговорами стало понятно, что они сходили в стриптиз-клуб. К полудню мы заключили сделку, и Даг позвонил в наш банк заверить, что мы снова платежеспособны.

Я попросил человека с ресепшена вызвать мне такси.

– Где в городе лучшие ювелирные магазины? – спросил я.

Клерк понимающе улыбнулся:

– Маленький сувенир для леди, сэр?
Я проигнорировал его фамильярность.

– Так где?

Его улыбка стала напряженной.

– На улице Фобур-Сент-Оноре, мсье.

Пока я ждал такси, клерк держался самым подобострастным образом, но его вольность стоила ему чаевых, а я боролся с раздражением до конца поездки.

Я прошел всю Фобур-Сент-Оноре, прежде чем выбрал маленький ювелирный с прозаическим названием «Мишель», где черные подставки были утыканы сверкающими бриллиантами. Я выбирал не торопясь, но продавцы в скромных костюмах так и вились вокруг, предлагая помощь и совет, и я не мог сосредоточиться. В конце концов я выбрал самое большое и броское, от которого ты не сможешь отказаться: квадратный белый бриллиант на простом платиновом ободке. Подавая кредитку, я сказал себе, что ты этого стоишь.

Я прилетел на следующей утро. Маленькая кожаная коробочка прожгла дыру в кармане моего пальто; я планировал повести тебя на ужин, но когда ты открыла дверь, выбежала мне навстречу и обняла изо всех сил, я не смог ждать ни секунды.

– Выходи за меня замуж.

Ты засмеялась, но, видимо, увидела, что я не шучу, потому что смех оборвался, и ты зажала рот ладонью.

– Я люблю тебя, – продолжал я. – И не могу без тебя.

Ты ничего не отвечала. Такого я не предусмотрел. Я ожидал, что ты забросишь руки мне на шею, поцелуешь, может, всплакнешь, но, безусловно, примешь мое предложение. Я нашарил коробочку с кольцом и сунул тебе в руку.

– Я серьезно, Дженнифер. Я хочу, чтобы ты была моей. Навсегда. Скажи, что выйдешь за меня. Пожалуйста, скажи, что выйдешь!

Ты едва заметно качнула головой, но открыла коробочку, и у тебя даже рот приоткрылся.

– Я даже не знаю, что сказать...

– Скажи «да».

Возникла пауза – достаточно длинная, чтобы я испугался: ты мне откажешь. А потом ты сказала «да».

Глава 34

Я вздрагиваю от металлического грохота. Когда вчера ушел инспектор Стивенс, я долго смотрела в потолок с лохмотьями отслаивающейся краской, ощущая через тощий матрац холод бетонного основания, и не заметила, как заснула. Сейчас я испуганно сажусь на кровати, сразу почувствовав, что руки затекли, а голова раскалывается от боли.

Что-то дребезжит, и я с запозданием соображаю, что это громко лязгнул открывшийся квадратный лючок в центре двери, через который чья-то рука сует пластмассовый поднос:

– Шевелись, не целый день мне тут стоять!

Я принимаю поднос.

– Можно мне таблетку от головной боли?

Надзирательница сбоку от окошка, ее лица не видно – только черная форма и прядь осветленных волос.

– Врача тут нет, жди, пока привезут в суд.

Еще недоговорив, она грохает железной створкой так, что стены камеры дрожат от резонанса. В коридоре слышатся удаляющиеся тяжелые шаги.

Я сажусь на койку и отпиваю чая, расплескавшегося на поднос. Он еле теплый и приторный, но я жадно пью, осознавая, что ничего не ела со вчерашнего обеда. На завтрак сосиски с фасолью в контейнере для микроволновки, расплавившемся по краям. Фасоль утопает в подозрительном ярко-оранжевом соусе. Оставив еду нетронутой, я использую туалет по назначению. Унитаз без сиденья, только металлическая чаша, и листки жесткой бумаги. Я тороплюсь закончить свои дела, прежде чем вернется надзирательница.

Пицца давно остыла, когда в коридоре снова раздаются шаги. Они замирают у двери в мою камеру, и я слышу бренчанье ключей. Тяжелая дверь распаивается, и я вижу хмурую девушку лет двадцати с небольшим. По черной форме и сальным светлым волосам я узнаю в ней надзирательницу, которая принесла мне завтрак. Я указываю на поднос на матраце:

– Боюсь, я не смогла это съесть.

– Неудивительно, – хмыкает надзирательница. – Я бы лучше с голоду померла.

Сидя на металлической скамье в приемной изолятора, я надеваю свои ботинки. Рядом еще трое заключенных, все мужчины и все в спортивных штанах и фуфайках с капюшонами, настолько похожих, что я сперва приняла это за подобие тюремных роб. Они сидят развалясь, чувствуя себя настолько же привычно, насколько мне здесь дико. На стене над нашими головами множество объявлений, но ни одно из них я не нахожу полезным. Информация об адвокатах, переводчиках, дисциплинарных проступках, за которые грозят «особые меры», – мне все это полагается знать? Всякий раз, когда меня охватывает паника, я напоминаю себе, что совершила; теперь я не имею права бояться.

Мы ждем, должно быть, с полчаса, и наконец трещит зуммер. На экране системы видеонаблюдения появляется большой белый фургон.

– Ну что, карета подана, – объявляет сержант.

Парень рядом со мной сплевывает сквозь зубы и что-то бормочет. Я не вслушиваюсь и не стараюсь разобрать.

Сержант нажимает кнопку, и в открывшуюся дверь входят двое охранников.

– Сегодня четверо клиентов у вас, Эш, – обращается сержант к одному из вошедших. – Что, «Сити»-то вчера продули с разгромным счетом?

Он сочувственно качает головой, но при этом широко улыбается. Охранник по имени Эш добродушно пихает его в плечо.

– Мы еще себя покажем, – обещает он и мельком глядит на нас: – Документы на них готовы?

Они с сержантом углубляются в обсуждение матча, а сотрудница охраны подходит ко мне.

– Все в порядке, дорогуша? – спрашивает она. Охранница полноватая и какая-то очень домашняя, материнские интонации не вяжутся с черной формой, и мне, как ни нелепо, вдруг хочется плакать. Она велит мне встать и проводит ладонями по плечам, рукам, ногам и спине, запускает палец под пояс и под кромки эластичного лифчика через рубашку. Я вижу, как юнцы на скамье подталкивают друг друга локтями, и чувствую себя голой. Охранница пристегивает мое правое запястье к своему левому и выводит из изолятора.

Мы едем в суд в фургоне с перегородками, напоминающим денники для лошадей на сельскохозяйственных выставках, куда мать водила меня и Еву. Когда фургон сворачивает за угол, я с трудом удерживаюсь на узком сиденье: мои запястья прикованы к цепи, натянутой поперек выгородки. От тесноты у меня начинается клаустрофобия, и я отворачиваюсь к

затемненному стеклу, за которым калейдоскопом форм и красок мелькают бристолевские дома. Я пытаюсь разобраться, где мы едем, но меня начинает мутить, и я закрываю глаза, прижавшись лбом к холодному стеклу.

Камера на колесах сменяется стационарной, в недрах магистратского суда. Мне приносят чай – на этот раз горячий – и тост, который дерет горло как занозами. Адвокат будет в десять часов, говорят мне. Разве еще нет и десяти часов? Я за сегодня прожила уже целую жизнь.

– Мисс Грэй?

Адвокат молодой и равнодушный, зато в дорогом солидно-полосатом костюме.

– Я не просила адвоката.

– Согласно судебной процедуре, обвиняемый обязан иметь юридического представителя или же представлять себя самому. Вы желаете быть собственным адвокатом, мисс Грэй? – Его выгнутая бровь намекает, что на такое решится лишь законченный глупец.

Я отрицательно качаю головой.

– Хорошо. Далее. Я так понимаю, во время допроса вы согласились с обвинениями в причинении смерти по неосторожности и в том, что скрылись с места аварии и не сообщили о факте наезда?

– Да.

Адвокат перебирает документы в папке, которую принес с собой, развязав и небрежно бросив на стол красную ленту. На меня он по-прежнему не смотрит.

– Вы хотите заявить о своей виновности или невиновности?

– Я виновна, – произношу я, и слово повисает в воздухе. Впервые я сказала это вслух: виновна.

Он пишет что-то куда длиннее, чем одно слово, и мне хочется подглядеть, что он там пишет.

– Я подам от вашего имени ходатайство об оставлении на свободе до суда. Шансы на удовлетворение ходатайства у вас хорошие – ранее вы не привлекались, условий залога не нарушали, в управление явились вовремя... Против только то, что вы долго скрывались... А вы не страдаете нарушениями психического здоровья?

– Нет.

– Жаль. Ну, нет так нет, будем действовать иначе... У вас есть вопросы?

Целая сотня.

– Нет, – отвечаю я.

– Встать, суд идет!

Я ожидала, что присутствующих будет больше, но кроме скучающего вида мужчины с блокнотом в той части зала, которая, по словам сопровождающего меня пристава, отведена для прессы, здесь почти никого нет. Мой адвокат сидит за длинным столом спиной ко мне, рядом с ним молодая женщина в темно-синей юбке водит маркером по распечатанной странице. За тем же столом, но немного в стороне, сидит почти идентичная пара – представители обвинения.

Пристав тянет меня за рукав, и я спохватываюсь, что во всем зале стою только я. Мировой судья, узколицый человек с редкими волосами, уже занял свое место, заседание началось. Сердце у меня стучит тяжело и больно, лицо горит от стыда. Несколько зрителей, сидящих на местах для публики, рассматривают меня с любопытством, будто я экспонат в музее. Мне вспомнилось читанное когда-то о публичных казнях во Франции: гильотина, установленная посреди городской площади, и вязальщицы, споро позвякивавшие спицами в ожидании экзекуции. По спине пробежал мороз от сознания, что я являюсь сегодняшним развлечением.

– Пусть обвиняемая встанет.

Я снова поднимаюсь на ноги и называю свое имя по просьбе секретаря суда.

– Признаете ли вы себя виновной или невиновной?

– Виновной, – хрипло отвечаю я и сразу кашляю, прочищая горло, но повторить меня не просят.

Представители обвинения и адвокат с помощницей спорят о том, чтобы выпустить меня до суда, сойдясь в словесном поединке, от которого у меня голова идет кругом.

– Ставки слишком высоки – обвиняемая скроется!

– Но обвиняемая соблюла условия освобождения до суда и впредь готова придерживаться правил!

– Речь идет о пожизненном сроке!

– Речь идет о жизни.

Они говорят друг с другом через мирового судью – так поссорившиеся дети общаются через родителей. Обороты речи нарочито высокопарны и подчеркнуты эффектными пылкими жестами, зря пропадающими в пустом зале. Спор идет о том, оставаться ли мне под стражей до начала разбирательства в уголовном суде или же отправляться домой до

назначенной даты. Я начинаю понимать, что мой адвокат настаивает на втором, и мне хочется дернуть его за рукав и сказать – я вовсе не горю желанием дожидаться суда на свободе; кроме Бо, дома меня никто не ждет и не скучает. В тюрьме я буду в безопасности. Но я молча сижу, положив руки на колени, не зная, что за зрелище представляю собой. Правда, на меня, по-моему, никто и не глядит. Я невидимка. Я стараюсь следить за обсуждением, догадаться, кто побеждает в словесной битве, но быстро теряю нить.

В зале наступает тишина. Судья устремляет на меня взгляд, в котором нет и тени улыбки. Меня посещает абсурдное желание заверить этого человека, что я не похожа на обычных подсудимых, что я, как и он, из приличной семьи, училась в университете, устраивала званые ужины и имела множество друзей. Что когда-то я была уверенной в себе и общительной. Что до прошлого года я ни разу не преступала закон, и произошедшее – чудовищная случайность. Но во взгляде судьи безразличие, и я понимаю – ему все равно, кто я и сколько званых ужинов устроила. Я всего лишь очередная преступница на первичном слушании и ничем не отличаюсь от остальных. Я не могу избавиться от ощущения, что меня насильно лишают моей индивидуальности.

– Защитник горячо отстаивает ваше право дожидаться суда на воле, мисс Грэй, – говорит судья. – Уверяет, что вы скорее улетите на Луну, чем снова сбежите от правосудия. – С публичной галереи доносятся смешки – там во втором ряду уселись две старушки с термосом. Современные *tricotouses*^[8] на моей казни. Уголки губ мирового судьи с признательностью подрагивают. – Он клянется, что вы скрылись с места этого действительно чудовищного преступления, потому что потеряли голову, и такое поведение для вас совершенно нехарактерно и больше не повторится. Очень надеюсь, мисс Грэй, что ваш защитник не ошибся с оценкой.

Судья делает паузу, и я перестаю дышать.

– Обвиняемая отпущена на свободу до суда.

У меня вырывается вздох, который можно принять за признак облегчения.

С мест для прессы слышится какой-то шум, и я вижу, что молодой человек, как попало засунув блокнот в карман пиджака, бочком торопится выйти из ряда в проход. Коротко кивнув судье, он быстро покидает зал. Створки дверей некоторое время качаются после его ухода.

– Всем встать!

После ухода судьи гул в зале усиливается. Я вижу, как мой адвокат наклоняется к представителям обвинения, они вместе чему-то смеются,

после чего он возвращается к скамье подсудимых.

– Хороший результат, – говорит он мне, искренне улыбаясь. – Рассмотрение назначено на семнадцатое марта. Вам предоставят полную информацию о различных вариантах юридического сопровождения. Спокойно вам добраться домой, мисс Грэй.

Странно выходить без конвоя из зала суда после суток, проведенных в камере. Я иду в столовую, покупаю кофе и от нетерпения обжигаю язык – очень хочется чего-нибудь покрепче, чем полицейский чай.

Под стеклянным навесом над входом в магистратский суд укрываются от мелкого дождя группки людей, настойчиво говорящих друг с другом, то и дело затягиваясь сигаретами. Я спускаюсь по ступеням, но меня толкает женщина, идущая навстречу, и кофе, плеснувшись через плохо закрытую крышку, выливается мне на руку.

– Простите, – машинально говорю я, но, остановившись и подняв глаза, вижу, что женщина преградила мне путь, и в руке у нее микрофон. Я вздрагиваю от неожиданной ослепительной вспышки и в нескольких футах от себя замечаю фотографа.

– Как вам перспектива оказаться за решеткой, Дженна?

– Что?! Я...

Микрофон резким движением тычут мне буквально в лицо.

– Вы будете и дальше настаивать на своей виновности? Как вы считаете, что чувствует сейчас мама маленького Джейкоба?

– Я – да, я...

Меня толкают со всех сторон, репортерша кричит свои вопросы, пытаюсь перекрыть скандирование, которое я не могу разобрать. Шум стоит, как на футбольном стадионе или концертной арене. Я не могу дышать, и когда пытаюсь отвернуться, меня толкают в противоположную сторону. Кто-то дергает меня за куртку, и я, оступившись, налетаю на кого-то, но грубым толчком меня возвращают в вертикальное положение. Я вижу коряво написанный плакат, высоко поднятый над группой протестующих. Тот, кто писал, начал слишком крупно, и последние буквы пришлось выводить вплотную, чтобы уместилось: «Правосудия для Джейкоба!»

Вот оно что. Вот какую фразу они скандируют.

– Правосудия для Джейкоба! Правосудия для Джейкоба!

Снова и снова. Кричат, кажется, уже со всех сторон. Я оглядываюсь в поисках просвета, но и сбоку нас уже окружают люди. Стакан с кофе выпадает у меня из пальцев, крышка отскакивает, и коричневая жидкость забрызгивает мне ботинки и течет по ступеням. Я снова спотыкаюсь и на

секунду думаю, что сейчас упаду и буду раздавлена этой яростной толпой.

– Тварь!

Я вижу искривленный в бешенстве рот и огромные круглые серьги, качающиеся в ушах. Женщина гортанно рычит и харкает мне в лицо. В последнюю секунду я успеваю отвернуться, и теплая слюна попадает мне на шею и стекает за воротник куртки. Это становится для меня не меньшим шоком, чем, допустим, удар в лицо: я вскрикиваю и закрываюсь локтями выставленных рук, ожидая нового нападения.

– Правосудия для Джейкоба! Правосудия для Джейкоба!

Чья-то рука сжимает мое плечо, и я, напрягшись, рвусь прочь, в панике высматривая, куда бежать.

– Давайте-ка уйдем красиво, – предлагает кто-то.

Это инспектор полиции Стивенс с мрачным и решительным лицом. Он ведет меня вверх по лестнице обратно в здание суда, отпуская мое плечо сразу же, как только мы минуем охрану. Он ничего не говорит, и я безмолвно иду за ним через двойные двери в тихий внутренний двор. Он показывает на калитку:

– Автовокзал вон там. Вы в порядке? Хотите, я кому-нибудь позвоню, чтобы вас встретили?

– Не надо, спасибо... Что бы я без вас делала. – Я на секунду зажимаюсь.

– Чертовы стервятники, – ворчит инспектор Стивенс. – Кричат, что они всего лишь делают свою работу, но не остановятся ни перед чем, лишь бы сострять статью. А протестующие... У здания суда всегда толчется компания уродов со сменными плакатами вроде флюгера, протестующих в очередной раз против чего-нибудь. Не принимайте близко к сердцу.

– Постараюсь, – криво улыбнувшись, я поворачиваюсь уходить.

– Мисс Грэй!

– Да?

– Вы когда-нибудь жили на Грантем-стрит в доме номер 127?

Я чувствую, как кровь отливает от моего лица, и вымученно улыбаюсь.

– Нет, инспектор, – тщательно подбирая слова, отвечаю я, – там я никогда не жила.

Он кивает, пристально глядя на меня, и машет на прощание. Проходя калитку, я оглядываюсь и вижу, что инспектор Стивенс стоит на том же месте и не сводит с меня глаз.

К моему огромному облегчению, поезд до Суонси почти пустой. Я откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза – меня до сих пор трясет

после встречи с протестующими. Поглядев в окно, я выпускаю вздох облегчения оттого, что еду в Уэльс.

Четыре недели. У меня четыре недели перед тем, как я сяду в тюрьму. Такое невозможно представить, и, однако, это самая реальная для меня перспектива. Я звоню Бетан и говорю, что к вечеру все-таки буду дома.

– Вас отпустили?

– До семнадцатого марта.

– Но это же хорошо! – Бетан явно растеряна, не слыша в моем голосе энтузиазма.

– Вы сегодня на пляж спускались? – спрашиваю я.

– Выводила собак в обед по верхней тропинке, а что?

– На песке ничего не было?

– Да там обычно ничего и не бывает, – смеется Бетан. – Чему там быть?

Я почти успокаиваюсь. Мне уже кажется, что собственное имя на песке мне померещилось.

– Да так, – уклончиво отвечаю я. – До скорой встречи.

Когда я добираюсь до Бетан, она зазывает меня остаться на ужин, но из меня сейчас плохая компания, поэтому я извиняюсь и откланиваюсь. Однако она настаивает, что даст мне еды с собой, и я жду, пока она наливает суп в пластиковый контейнер. Потратив почти час, я целую Бетан на прощание и веду Бо по тропинке к коттеджу.

Дверь настолько разбухла от непогоды, что я не могу повернуть ключ. Я наваливаюсь на дверь плечом, и она немного поддается; достаточно для того, чтобы освободить замок и позволить мне повернуть ключ, который теперь вращается свободно, ничего не задевая в механизме. Бо заходится неистовым лаем, но я велю ему замолчать. Я подозреваю, что сломала дверь, но мне уже все равно: пришел бы Йестин починить замок сразу, когда я его просила, дел было бы на пять минут. А теперь моя постоянная возня с ключом и замком усложнит ему задачу.

Я переливаю суп Бетан в ковшик и ставлю на плиту, положив хлеб поближе к огню. В коттедже холодно, и я оглядываюсь в поисках джемпера, но внизу ничего нет. Бо беспокойно мечется по гостиной, словно за сутки успел совсем отвыкнуть.

На лестнице что-то изменилось, но я не сразу понимаю, что именно. Снаружи еще не стемнело, однако свет совсем не проходит в слуховое окошко. Что-то преграждает ему путь.

Я поднимаюсь почти на самый верх, прежде чем до меня доходит.

– Ты нарушила свое обещание, Дженнифер.

Йен сгибает ногу в колене и с силой толкает меня подошвой в грудь. Не удержавшись за перила, я падаю назад, скатываюсь по ступенькам и ударяюсь о каменный пол.

Глава 35

Кольцо ты сняла через три дня, и это было для меня сродни удару в лицо. Ты сказала, что боишься поцарапать камень и вынуждена так часто снимать кольцо за работой, что боишься в итоге его потерять. Ты начала носить его на тонкой золотой цепочке, и я повел тебя покупать обручальное кольцо – простое и плоское, которое ты могла бы носить постоянно.

– Можешь надеть сейчас, – сказал я, когда мы вышли из ювелирного отдела.

– Но ведь свадьба только через полгода!

Ты держала меня за руку, и я с силой сжал твои пальцы, когда мы переходили дорогу.

– Я имел в виду, вместо помолвочного кольца, чтобы у тебя что-то было на руке.

Ты меня неправильно поняла.

– Йен, но я совсем не против. Я охотно подожду свадьбы.

– Но как же люди узнают, что мы обручены? – Я не мог этого так оставить. Я остановил тебя и взял за плечи. Ты огляделась на окружающих, занятых покупками, и попыталась высвободиться, но я держал тебя крепко. – Как они узнают, что ты моя, если ты не носишь моего кольца?

Я узнал этот взгляд – я уже видел у Мэри эту смесь вызова и опаски, и получить его от тебя было не менее неприятно, чем от нее. Да как ты смеешь бояться меня? Мышцы напряглись сами собой, и лишь когда гримаса боли мелькнула на твоем лице, я спохватился, что мои пальцы глубоко впились тебе в плечи. Я сразу опустил руки.

– Ты меня любишь? – спросил я.

– Ты же знаешь, что люблю!

– Тогда почему ты не хочешь, чтобы люди знали – мы скоро поженимся?

Я сунул руку в пакет, достал футляр и открыл. Я хотел прогнать выражение опаски из твоих глаз и, подчиняясь порыву, опустился на одно колено и поднес тебе открытую коробочку. От проходящих мимо покупателей тут же донесся одобрительный гул, и яркий румянец залил твоё лицо. Людской поток вокруг нас замедлился – многие останавливались посмотреть, и я ощутил волну гордости оттого, что ты со мной. Моя прекрасная Дженнифер.

– Ты выйдешь за меня?

Тебе не достало сил справиться с волнением:

– Да.

На этот раз твой ответ последовал куда быстрее, чем в прошлый, и стеснение у меня в груди мгновенно прошло. Я надел кольцо на твой безымянный палец и встал поцеловать тебя. Вокруг раздались приветственные крики, кто-то похлопал меня по спине. Я обнаружил, что не могу согнать с лица улыбку. Вот как надо было сразу делать, подумал я: дать тебе больше торжественности, праздника. Ты заслуживала большего.

Держась за руки, мы шли по оживленным бристольским улицам, а я все потирал металл твоего обручального конца большим пальцем правой руки.

– Давай прямо сейчас поженимся, – предложил я. – Пойдем в бюро регистраций, позовем свидетелей с улицы и заключим брак!

– Но ведь все назначено на сентябрь! Приедут все мои родственники, нельзя же настолько забегать вперед!

Тебя понадобилось довольно долго убеждать, что пышное венчание в церкви будет ошибкой: отца у тебя нет, к алтарю вести некому, да и зачем выбрасывать деньги на вечеринку для подруг, с которыми ты уже не общаешься? Мы заказали гражданскую церемонию в отеле «Корт-ярд» с торжественным обедом на двадцать человек. Я попросил Дага быть моим шафером, остальные гости предполагались с твоей стороны. Я пытался представить среди приглашенных и моих родителей, но в памяти всплыло лишь лицо отца во время нашей последней встречи. На нем застыло выражение разочарования. Отвращения. Я прогнал это воспоминание.

Но сейчас ты уперлась.

– Планы менять уже поздно, Йен. Всего шесть месяцев – не так уж долго ждать.

Ждать было действительно недолго, но я считал дни, когда ты станешь миссис Петерсен. Я говорил себе, что тогда мне сразу станет легче. Спокойнее. Я буду знать, что ты меня любишь и останешься со мной.

В ночь перед нашей свадьбой ты захотела остаться с Евой в отеле, а мне пришлось провести дурацкий вечер в пабе с Джеффом и Дагом. Последний предпринял неудачную попытку устроить настоящий мальчишник, но никто не возразил, когда я сказал, что пораньше лягу спать – завтра торжественный день.

В отеле «Корт-ярд» я успокоил нервы двойным виски. Джефф потрепал меня по плечу и назвал отличным парнем, хотя раньше мы практически не общались. Он не стал пить со мной и за полчаса до церемонии кивнул на дверь, где стояла женщина в темно-синей шляпке.

– Готов с тещей познакомиться? – хохотнул Джефф. – Не злая, не бойся!

Во время наших прежних встреч я находил его натужное веселье невыносимо раздражающим, но в тот день был даже рад отвлечься. Мне постоянно хотелось позвонить тебе и убедиться, что ты придешь. Я не мог заглушить панику, ледяной страх под ложечкой, что ты выставишь меня дураком, не явившись на свадьбу, и я буду униженно стоять в одиночестве на глазах собравшихся.

Я в сопровождении Джеффа пошел к двери. Твоя мать протянула руку, я принял ее, после чего немного нагнулся и поцеловал будущую родственницу в сухую щеку.

– Как я рад познакомиться с вами, Грейс! Я столько о вас слышал!

Ты говорила мне, что совсем не похожа на мать, но я увидел такие же, как у тебя, высокие скулы. Возможно, ты унаследовала масть и артистические гены своего папаши, но у тебя была хрупкая фигура Грейс и ее настороженная мина.

– Хотелось бы мне сказать то же самое. – Уголки губ Грейс еле заметно дрогнули в улыбке. – Но если я хочу знать, что происходит в жизни Дженны, мне приходится спрашивать у Евы.

Я сделал, надеюсь, сочувственное лицо, словно тоже всецело зависел от твоего расположения духа. Я предложил Грейс выпить, и она приняла бокал шампанского.

– В честь события, – сказала она, не предложив тост.

Ты заставила меня ждать пятнадцать минут, как это в обычае у невест, а потом Даг притворился, что потерял кольцо. В результате мы, наверное, выглядели как любая другая свадьба в любом другом отеле страны. Но когда ты шла ко мне по центральному проходу, ни одна невеста не могла бы сравниться с тобою красотой. Платье было простым – вырез сердечком и юбка, плавно облегавшая бедра и ниспадавшая до пола – и сияло атласным блеском. Ты несла маленький букет белых роз, а волосы были убраны наверх и уложены эффектными локонами.

Мы встали рядом, и я все поглядывал на тебя, как ты слушала регистратора, проводившего церемонию. Когда мы произносили наши клятвы, ты поглядела мне в глаза, и мне стали безразличны и Джефф, и Даг, и твоя мать. В комнате могла быть тысяча человек, но я видел только тебя.

– Объявляю вас мужем и женой.

Раздались нерешительные аплодисменты, и я поцеловал тебя в губы, прежде чем мы повернулись и пошли по проходу вместе. В барной зоне отель сервировал напитки и канапе, и я смотрел, как ты ходишь по залу и

принимая комплименты, выставляя руку с кольцом, чтобы им восхищались.

– Какая она сейчас красивая, правда?

Я не заметил, как ко мне подошла Ева.

– Она всегда красивая, – возразил я, и твоя сестрица кивнула, признавая поправку.

Взглянув на нее, я увидел, что Ева следит не за тобой, а за мной:

– Вы же не будете ее обижать?

Я засмеялся:

– Кто же спрашивает такое у молодого мужа в день свадьбы?

– Вообще-то это самое важное, – заявила Ева, отпив глоток шампанского и пристально глядя на меня. – Вы мне многим напоминаете нашего отца.

– Ну, значит, вот что Дженнифер во мне нашла, – коротко ответил я.

– Возможно, – согласилась Ева. – Надеюсь, в отличие от него, вы ее не подведете.

– Я не имею намерения бросать вашу сестру, – отрезал я. – Хотя это и не вашего ума дело. Она взрослая женщина, а не ребенок, расстроенный донжуанством папаши.

– Наш отец не был донжуаном, – просто сказала Ева – не в защиту, а просто констатировав факт, и я заинтересовался. Я всегда думал, что он оставил ее мать ради другой женщины.

– Тогда почему он ушел?

Ева проигнорировала мой вопрос.

– Заботьтесь о Дженне, она заслуживает хорошего обращения.

Я не мог дольше выносить ее самодовольного лица или слушать нелепые покровительственные заявления. Оставив Еву стоять у бара, я подошел к тебе и обнял за талию. Тебя, мою жену.

Я обещал тебе Венецию и не мог дождаться, когда покажу тебе этот город. В аэропорту ты гордо протянула свой новый паспорт и озорно улыбнулась, когда они вслух прочли твое имя.

– Так непривычно звучит!

– Скоро привыкнете, миссис Петерсен, – сказал я.

Узнав, что мы летим первым классом, ты пришла в восторг и решила извлечь из этого максимум. Перелет длился всего два часа, но ты натянула маску для сна, переключала каналы с фильма на фильм и то и дело пила шампанское. Я смотрел на тебя, упиваясь тем, что ты счастлива, и все это благодаря мне.

Наш пересадочный рейс задержался, и в гостиницу мы попали с опозданием. От шампанского у меня разболелась голова, я устал и был недоволен плохим обслуживанием. Я мысленно поставил галочку потребовать возврата средств за трансфер по возвращении домой.

– Давай оставим чемоданы и пойдем погуляем! – начала ты, когда мы вошли в отделанный мрамором холл.

– Мы здесь будем две недели, поэтому сейчас закажем обслуживание в номер и распаковку чемоданов. Венеция до утра никуда не денется. Кроме того, – я обнял тебя и сжал твои ягодички, – сегодня наша брачная ночь.

Ты поцеловала меня, пощекотав языком, затем отодвинулась и взяла за руку.

– Еще и десяти часов нет! Пойдем, обойдем квартал и где-нибудь выпьем, а затем, обещаю, пойдем спать!

Клерк за стойкой администратора улыбнулся, не пытаясь скрыть своего любопытства в ожидании дармового представления.

– Любящие ссорятся? – Он засмеялся, несмотря на взгляд, который я на него бросил, и я ужаснулся, увидев, что ты смеешься вместе с ним.

– Я пытаюсь убедить моего мужа, – с ударением произнесла ты и подмигнула мне, словно это что-то меняло, – прогуляться по Венеции, прежде чем мы поднимемся в номер. Это такой потрясающий город!

Ты на секунду закрыла глаза – чуть дольше, чем надо, чтобы моргнуть, и я понял, что ты немного пьяна.

– Город очень красивый, синьора, но не такой красивый, как вы. – Клерк отвесил нелепый поклон.

Я глядел на тебя, ожидая твоего возмущения, но ты порозовела, и я увидел, что ты польщена. Польщена словами этого жиголо, этого елейного типа с маникюром и цветком в петлице!

– Наш ключ, пожалуйста. – Я шагнул вперед, заслоняя тебя, и навалился на стойку. После секундной паузы клерк подал мне картонный бумажник, в котором лежали две карты-ключа размером с кредитку.

– *Бона сера*, синьор.

Он уже не улыбался.

Я отказался нести наши чемоданы, предоставив тебе самой тащить твой к лифту, и нажал кнопку третьего этажа. Я наблюдал за тобой в зеркало.

– Какой он любезный, правда? – спросила ты, и во рту у меня стало горько от желчи. В аэропорту все было так хорошо, в самолете так весело, и вот теперь ты все испортила. Ты говорила, но я уже не слушал. Я думал о том, как ты манерничала, как залилась краской и позволила ему флиртовать

с тобой. Тебе это нравилось.

Наш номер находился в конце застеленного ковром коридора. Я сунул карту-ключ в считыватель и рывком провел, нетерпеливо ожидая щелчка, означающего, что замок открыт. Пихнув дверь, я вкатил свой чемодан, не заботясь, что створка закроется прямо тебе в лицо. В номере было жарко, но окна не открывались; я оттянул ворот душившей меня рубашки. Кровь пульсировала в ушах, а ты все говорила. Трещала, как ни в чем не бывало, будто ты только что не унизила меня.

Кулак сжался сам собой, кожа натянулась на выступивших костяшках. Давящий пузырь рос в груди, заполняя собой все свободное место, сдвинув легкие в сторону. Я поглядел на тебя, все еще смеющуюся, все еще тараторящую, поднял кулак и врезал тебе прямо в лицо.

Почти сразу пузырь в груди лопнул, и меня окатило спокойствием: так адреналин выделяется после секса или тренировки в спортзале. Голова почти сразу прошла, уголок глаза перестал дергаться. Ты издала странный захлебывающийся звук, но я не взглянул на тебя. Я вышел из номера и спустился на лифте в холл, а оттуда на улицу, не глядя на приемную стойку. По дороге мне попался бар, и я выпил две кружки пива, не обращая внимания на попытки бармена завязать разговор.

Час спустя я вернулся в отель.

– Можно мне льда, пожалуйста?

– Си, синьор. – Клерк скрылся и вернулся с ведерком льда. – Бокалы, синьор?

– Нет, спасибо.

Я уже был спокоен и дышал размеренно и ровно. Я пошел по лестнице, чтобы оттянуть возвращение.

Когда я открыл дверь, ты лежала, свернувшись, на кровати, но тут же села и попятилась, наткнувшись на изголовье. На тумбочке валялся комок окровавленных салфеток, но несмотря на твои попытки вытереться, на верхней губе у тебя засохла кровь. Синяк уже наливался на переносице и под глазом. При виде меня ты заплакала, и слезы окрашивались кровью, пока добежали до подбородка. Капая на твою блузку, они оставляли маленькие розовые следы.

Я поставил на стол запотевшее ведерко, расстелил салфетку и начал накладывать в нее лед. Свернув салфетку, я присел рядом с тобой. Ты задрожала, но я мягко приложил сверток со льдом к твоему лицу.

– Я нашел отличный бар, – приговаривал я. – Тебе понравится. Я погулял по кварталу и заметил пару мест, куда мы завтра сходим

пообедать, если тебе захочется.

Я опустил руку, державшую лед. Ты уставилась на меня расширенными, настороженными глазами. Тебя по-прежнему трясло.

– Ты замерзла? Вот, закутайся. – Я стянул одеяло с кровати и накрыл твои плечи. – Ты устала, сегодня был длинный день... – Я поцеловал тебя в лоб, но ты все равно плакала, и я очень сожалел, что ты испортила нашу первую ночь. Я-то думал, ты другая и мне не понадобится снова такая разрядка и это блаженное ощущение покоя, которое наступает после взбучки. Я с горечью убедился, что на поверку ты оказалась не лучше прочих.

Глава 36

Сияясь вздохнуть, я слышу, как скулит Бо, вылизывая мое лицо и тычась в меня носом. Я пытаюсь собраться с мыслями, как-то двигаться, но от сильного удара перехватило дыхание, и я не могу подняться. Даже если бы тело подчинялось, внутри меня что-то происходит, стремительно сжимая и сокращая мой мир. Я вдруг снова оказываюсь в Бристоле, не зная, в каком настроении Йен вернется домой. Я стряпаю ему ужин, внутренне готовясь к тому, что все это может полететь мне в лицо. Скрючившись на полу своей мастерской, я тщетно стараюсь прикрыть голову от ударов, градом сыплющихся на меня.

Йен осторожно сходит по ступеням, качая головой, будто жуя строптивного ребенка. Я вечно разочаровывала его, никогда не знала, что полагалось сказать или сделать, как бы ни старалась угадать. Он говорит негромко, и если не вслушиваться, можно решить, что это некие заботливые речи, но от самого звука его голоса меня начинает трясти, будто я лежу на льду.

Йен останавливается надо мной – буквально, широко расставив ноги – и медленно оглядывает мое тело. Стрелки на его брюках выглажены до бритвенной остроты, пряжка ремня отполирована так, что я вижу в ней отражение своего перепуганного лица. Заметив пушинку на своем пиджаке, он снимает ее и отпускает, предоставив ей медленно падать на пол. Бо скулит, и Йен пинает его в голову так, что пес отлетает фута на три в сторону.

– Пожалуйста, не бей его!

Бо визжит, но поднимается и ковыляет в кухню, где я его не вижу.

– Ты была в полиции, Дженнифер, – утвердительно говорит Йен.

– Прости, пожалуйста. – Это вышло шепотом, и я не уверена, расслышал ли он, но если повторить и Йен почувствует, что я вымаливаю прощение, это приведет его в ярость. Странно, как быстро все вернулось: необходимость балансировать, будто на проволоке, делая то, что велено, и при этом не напуская на себя жалкий вид, который его бесит. За годы брака мне редко удавался этот трюк.

Я сглатываю:

– Я... я сожалею.

Йен держит руки в карманах с самым спокойным, даже безмятежным видом, но я хорошо его знаю. Я знаю, как быстро он переходит от...

– Ты, блин, сожалеешь?!

Он мгновенно приседает, придавив коленями мои руки к полу.

– Ты решила – извинишься, и все забыто?

Он подается вперед, нажимая всем весом, давя коленными чашечками мои мышцы. Я не удерживаю крик боли, и губы Йена кривятся от отвращения при виде такого слабоволия. Я чувствую, как к горлу поднялась желчь, и сглатываю горечь.

– Ты рассказала им обо мне?

В углах его рта выступает пена, брызги слюны летят мне в лицо, и неожиданно вспоминается женщина с серьгами возле здания суда: кажется, прошло не несколько часов, а много дней.

– Нет. Нет, не рассказывала.

Мы снова играем в эту игру: Йен подает вопрос, будто мяч, а я пытаюсь отбить подачу. Раньше я играла хорошо. Мне даже казалось, что я угадываю искорку уважения в его глазах: Йен резко прекращал скандал и включал телевизор или выходил из дома, но в какой-то момент я потеряла нужную колею, или же он изменил правила, и с тех пор я, хоть убей, не угадываю с ответом. Сейчас, однако, мои слова вроде бы его устроили, и он меняет тему:

– Ты с кем-то встречаешься?

– Нет, – поспешно отвечаю я, радуясь, что могу сказать правду, хотя и знаю, что Йен мне не поверит.

– Лгунья! – Он хлещет меня по щеке тыльной стороной ладони. Слышится громкий щелчок, как от хлопанья кнута, и когда Йен заговаривает снова, у меня в ушах еще звенит. – Кто-то помог тебе создать сайт, нашел эту хибару. Кто?

– Никто, – произношу я, ощущая во рту вкус крови, – я все сделала сама.

– Ты ничего не умеешь делать сама, Дженнифер. – Йен наклоняется так низко, что его лицо почти касается моего. Усилием воли я заставляю себя не шевелиться, зная, как он ненавидит, если я вздрагиваю. – Ты даже убежать не смогла нормально! Ты хоть представляешь, как легко было тебя отыскать, как только я понял, где ты делала свои фотографии? В Пенфаче все просто счастливы помочь незнакомцу отыскать старую подругу!

Мне даже в голову не пришло поинтересоваться, как же он меня нашел. Я всегда знала: он – найдет.

– Кстати, неплохую фотографию ты прислала сестрице.

Это небрежное замечание кажется мне новой оплеухой, от которой голова идет кругом:

– Что ты сделал с Евой?

Если с сестрой или ее детьми что-нибудь случилось, я никогда себе не прощу. Я так хотела дать ей знать, что она мне по-прежнему дорога, что пренебрегла вполне реальной опасностью.

Йен смеется.

– Зачем мне что-то с ней делать? Она интересует меня не больше, чем ты. Ты жалкая, ничего не стоящая шлюха, Дженнифер. Ты без меня ничто. Ничто! Ну-ка, кто ты?

Я молчу.

– Отвечай! Кто ты?

Кровь струйкой стекает мне в горло, и я едва могу сдержать кашель.

– Я ничто.

Йен снова смеется и передвигается, уже не давя всем весом мне на мышцы. Боль в руках немного ослабевает. Он проводит пальцем по моему лицу, по щеке и губам. Я знаю, что сейчас будет, но от этого не легче. Йен медленно расстегивает пуговицы на моей рубашке, отодвигая полы дюйм за дюймом, и задирает мою майку, обнажая груди. Его взгляд проходится по мне без всякой страсти, без малейшей искорки желания, после чего он расстегивает брюки. Я закрываю глаза и прячусь поглубже в себя, не в силах двигаться или говорить. У меня мелькает мысль – а что, если бы раньше я кричала, или говорила «нет», или боролась, или просто отталкивала его? Но я ничего не делала – я никогда не сопротивлялась – и могу винить во всем только себя.

Не знаю, сколько я пролежала, но в коттедже очень холодно и темно. Я натягиваю джинсы и перекатываюсь на бок, подтянув колени к груди. Между ног – тупая боль и влага, в которой я подозреваю кровь. Я не уверена, что потеряла сознание, но не помню, как Йен ушел.

Я зову Бо. После мучительной тишины песик осторожно выглядывает из кухни, поджав хвост и прижав уши.

– Бо, прости, ну, прости, малыш. – Я подзываю его к себе, но когда протягиваю руку, пес гавкает. Всего один раз – предупреждая, повернув голову к двери. Я с трудом поднимаюсь на ноги, вздрогнув от острой боли в теле, и тут в коттедж стучат.

Я застываю посреди комнаты, нагнувшись и придерживая Бо за ошейник. Пес утробно рычит, но не лает.

– Дженна! Ты дома?

Патрик.

Я чуть не оседаю обратно на пол от облегчения. Дверь не заперта, и,

распахнув ее, я подавляю всхлип при виде Патрика. Я не включила свет в гостиной в надежде, что темнота скроет мое лицо, на котором уже, наверное, проступили синяки.

– Ты в порядке? – спрашивает он. – Случилось что-нибудь?

– Я... Я, должно быть, заснула на диване.

– Бетан сказала, что ты вернулась. – Поколебавшись, он на секунду опускает глаза, но тут же снова смотрит на меня: – Дженна, я пришел извиниться. Я не имел права так с тобой разговаривать, просто все это стало настоящим шоком...

– Ничего, – говорю я, глядя мимо него на темные скалы. Может, Йен сидит там и следит за нами? Нельзя позволить ему увидеть нас вместе – не хватает подставить под удар еще и Патрика, вместе с Евой и другими дорогими мне людьми. – Это все?

– Можно войти? – Патрик двигается в направлении гостиной, но я отрицательно качаю головой. – Дженна, что происходит?

– Патрик, я не хочу тебя больше видеть.

Будто со стороны я слышу произнесенные мною слова и не позволяю себе взять их обратно.

– Я тебя не виню, – говорит он. Лицо у него помятое, будто он не выспался. – Я отвратительно повел себя и не знаю, как теперь быть. Когда я узнал, что ты... что случилось, я от шока, не иначе, умом тронулся. Я не мог находиться рядом с тобой...

Я начинаю плакать, не в силах больше сдерживаться. Патрик берет меня за руку, и я не хочу, чтобы он ее отпускал.

– Дженна, я хочу понять. Не стану притворяться, что я не шокирован и не считаю это страшным, но я хочу понять, что случилось. Я хочу быть рядом с тобой.

Я молчу, зная, что мне остается только одно. Патрика надо вывести из-под удара.

– Мне тебя не хватает, Дженна, – тихо произносит он.

– Я не хочу тебя больше видеть, – отняв руку, я продолжаю тверже: – Не хочу знаться с тобой.

Патрик отшатывается, словно от удара. Его побелевшее лицо различимо и в темноте.

– Зачем ты так говоришь?

– Я так хочу.

Ложь – суцкая пытка.

– Потому что я тогда ушел?

– Ты тут ни при чем, это не имеет к тебе отношения. Оставь меня, и

все.

Патрик глядит на меня, и я через силу встречаюсь с ним взглядом, молясь про себя, чтобы он не угадал борьбу, которая наверняка отражается в моих глазах. Приподняв руки в знак того, что отступается, Патрик поворачивается и бредет прочь.

Споткнувшись на тропинке, он переходит на бег.

Захлопнув дверь, я сползаю на пол, подтягиваю к себе Бо и громко плачу в его мягкую шерсть. Я не смогла спасти Джейкоба, но в моих силах защитить Патрика.

Немного успокоившись, я звоню Йестину и прошу починить замок.

– Коттедж теперь вообще нараспашку, – жалуясь я. – Замок сломан, дверь невозможно запереть снаружи.

– Не волнуйтесь вы об этом, – заводит Йестин свое обычное. – Никто здесь ничего не украдет...

– Мне нужно, чтобы замок работал! – Решительность в моем голосе шокирует нас обоих, и в трубке на несколько секунд становится тихо.

– Ладно, сейчас приеду...

Он появляется меньше чем через час и сразу принимается за работу, отказавшись от предложенного чая. Сняв замок и смазывая механизм, Йестин что-то тихо насвистывает, затем привинчивает замок обратно и показывает, как легко теперь поворачивается ключ.

– Спасибо, – выдыхаю я, чуть не плача от облегчения. Йестин с любопытством глядит на меня, и я плотнее запахииваюсь в кардиган. Пятна синяков расползаются по моим предплечьям, по краям переходя в красные кровоподтеки под кожей, как чернильные пятна на промокашке. Тело болит так, будто я пробежала марафон; левая щека опухла, и я часто трогаю языком шатающийся зуб. Я распустила волосы и перекинула их вперед, на лицо, чтобы скрыть самое заметное.

Я вижу, как Йестин смотрит на красную надпись на двери.

– Я ототру, – поспешно говорю я, но он не отвечает и лишь молча кивает на прощание, но потом словно бы передумывает и поворачивается ко мне:

– Пенфач – деревня маленькая, тут все друг про друга знают.

– Я уже поняла, – сдержанно киваю я. Если он ждет, что я начну оправдываться, его ждет разочарование. Я приму свое наказание от суда, а не от деревенских жителей.

– Я бы на вашем месте держался особняком, – договаривает Йестин, –

пока все не уляжется.

– Спасибо за совет, – чинно отвечаю я.

Закрыв дверь, я поднимаюсь наверх и наливаю себе ванну. Я сижу в горячей воде, зажмурившись, чтобы не видеть следы, проступившие на теле. На грудях и бедрах сплошь мелкие синяки от пальцев, обманчиво нежные на моей бледной коже. Я поступила глупо, рассчитывая скрыться от своего прошлого. Как бы быстро и далеко я ни убежала, мне от него не уйти.

Глава 37

– Помочь тебе? – предложил Рэй, хоть и знал, что у Мэгс, как всегда, все под контролем.

– Все готово, – отказалась она, снимая фартук. – Рис и чили в духовке, пиво в холодильнике, на десерт – шоколадные брауни.

– Здорово, – отозвался Рэй, неловко топчась в кухне.

– Можешь вынуть посуду, раз уж ищешь себе занятие.

Рэй начал доставать чистые тарелки из посудомойки, стараясь придумать тему для беседы, которая не закончится скандалом.

Сегодняшний ужин был идеей Мэгс: надо же отпраздновать удачное завершение расследования, сказала она. Рэй даже подумал – может, таким способом жена хочет извиниться перед ним за свою вспышку?

– Спасибо, что устроила целый праздник, – произнес он, тяготясь тишиной, и вынул из посудомойки подставку для ложек и вилок, закапав пол. Мэгс подала ему тряпку.

– Это одно из самых громких дел, которые ты раскрыл, как же не отметить. – Она взяла у него тряпку и бросила в раковину. – И потом, если уж выбирать между походом на троих в «Голову кобры» и посиделками у нас дома...

Рэй выдержал удар, не дрогнув. Так вот в чем дело...

Они старательно обходили друг друга в кухне, словно ступая по льду, будто Рэй не провел ночь на диване, а их сын не устроил в своей комнате склад краденых вещей. Рэй покосился на жену, но ничего не угадал по ее лицу и счел за благо промолчать. С недавних пор что бы он ни говорил, все оказывалось невпопад.

Он понимал, что несправедливо сравнивать Мэгс с Кейт, но на работе ему было гораздо проще. Кейт не имела привычки обижаться, и Рэю не приходилось мысленно репетировать фразы, а с Мэгс он все продумывал наперед, прежде чем поднять непростую тему.

Он не был уверен, что Кейт захочет прийти на ужин.

«Я пойму, если ты не придешь», – сказал он ей.

Кейт явно удивилась.

«Почему это я... – Она прикусила губу. – А, понятно. – Она пыталась сохранить серьезность, в пару к угрюмому лицу Рэя, но в глазах плясали веселые искорки. – Я же вам сказала – что было, то прошло. Я не против – ну, если вы не против».

«Я-то справлюсь», – отозвался Рэй.

Он надеялся, что справится, но ему вдруг стало нестерпимо неловко, как это Кейт и Мэгс окажутся в одной комнате. Ночью, лежа без сна на диване, он не мог отделаться от мысли, что Мэгс знает о их поцелуе с Кейт и нарочно пригласила ее, чтобы уличить мужа в измене. Правда, сцены при посторонних были не в духе Мэгс, однако от перспективы застойной пикировки Рэя бросало в пот.

– Из школы через Тома передали письмо, – сказала вдруг Мэгс. Это вырвалось у нее совершенно неожиданно, и Рэй догадался, что она сдерживалась с самого его прихода с работы.

– Что за письмо?

Мэгс вынула из кармана фартука листок и подала мужу.

«Уважаемые мистер и миссис Стивенс!

Буду весьма признательна, если вы запишетесь ко мне на прием. Необходимо обсудить проблему, возникшую в нашей школе.

С уважением,

Энн Камберленд,

*директор средней школы Морленд
Даунс».*

– Наконец-то! – выдохнул Рэй, шмякнув ладонью по листку. – Значит, все-таки признали, что у них проблема! И всего-то полтора года понадобилось, черт побери!

Мэгс открыла бутылку вина.

– Мы уже – сколько, второй год? – настаиваем, что ребенка в школе травят, а они наотрез отрицали даже самую возможность...

Мэгс взглянула на мужа, и на секунду ее лицо сморщилось, а воинственность пропала.

– Как мы могли это упустить? – Она зашарила по рукаву кофты в поисках бумажной салфетки. – Я чувствую себя никудышной матерью! – Она проверила и второй рукав до самого верха, но ничего не нашла.

– Мэгс, перестань. – Рэй вытащил свой носовой платок и мягко промокнул слезы, повисшие на ее нижних ресницах. – Ничего ты не упускала, и никто из нас не упускал. Мы почуяли неладное, едва Том пошел в эту школу, и все уши администрации прожужжали, требуя

разобраться!

– Не их обязанность улаживать такие вещи. – Мэгс высморкалась. – Родители-то мы.

– Так проблема же не дома, а в школе, и теперь, когда они наконец-то признали ее существование, дело сдвинется с мертвой точки.

– Надеюсь, Тома теперь не затравят окончательно...

– Я могу поговорить с ребятами из службы охраны общественного порядка, на территории которых Морленд Даунс, – начал Рэй. – Пусть заедут и проведут собрание о школьном хулиганстве...

– Нет!

Неистовость в голосе Мэгс заставила его замолчать на полужеле.

– Давай ограничимся взаимодействием со школой, не надо везде приплетать полицию! Хотя раз решим проблему своими силами! Я настаиваю, чтобы ты не говорил о Томе никому из сослуживцев...

И тут, как нарочно, раздался звонок в дверь.

– Ты в состоянии сейчас устраивать ужин? – спросил Рэй.

Мэгс кивнула, с силой вытерла лицо и вернула платок мужу.

– Со мной все в порядке.

В коридоре Рэй взглянул на себя в зеркало: кожа серая, вид усталый. Ему очень захотелось отправить Кейт восвояси и провести вечер с женой, но Мэгс целый день готовила – она не обрадуется, если все усилия пойдут прахом. Рэй вздохнул и открыл дверь.

Кейт явилась в джинсах, высоких сапогах и черной футболке с острым вырезом. В ее наряде не было ничего особо гламурного, но она выглядела моложе и неформальнее, чем на работе, и в целом это несколько выбивало из колеи. Рэй отступил, пропуская гостью в коридор.

– Какая прекрасная идея! – начала Кейт. – Спасибо большое за приглашение!

– Пожалуйста, – откликнулся Рэй, провожая ее на кухню. – Вы со Стампи здорово потрудились, и я решил показать вам обоим, как ценю вашу работу... – Не удержавшись, он улыбнулся: – А если честно, все придумала Мэгс, меня благодарить не за что.

Мэгс молча согласилась с этим комментарием, чуть улыбнувшись.

– Здравствуйте, Кейт, очень приятно наконец-то с вами познакомиться. Быстро добрались, дорогу нашли? – Женщины смотрели друг на друга, и Рэй поразились их несходству. Мэгс не нашла времени переодеться, и ее фуфайку украшал узор из крохотных брызг соуса. Жена выглядела так, как всегда – теплой, знакомой, доброй, но рядом с Кейт казалась... Рэй не сразу подобрал слово. *Неухоженной*. Но он тут же ощутил укол вины и шагнул к

Мэгс, будто близость могла служить панацеей от неверности.

– Какая красивая у вас кухня! – Взглянув на ярусную подставку с брауни, только что из духовки, политыми белым шоколадом, Кейт протянула чизкейк в коробке: – Я принесла пудинг, но теперь он выглядит определенно жалким.

– Очень любезно с вашей стороны, – отозвалась Мэгс, принимая коробку у Кейт. – Я всегда считала самыми вкусными сладости, приготовленные другими.

Кейт благодарно улыбнулась. Рэй медленно выдохнул: может, вечер и не выльется в кромешную неловкость, хотя чем скорее подоспеет Стампи, тем лучше.

– Что вам налить? – спросила Мэгс. – Рэй предпочитает пиво, а я выпью вина, если вы составите мне компанию.

– Прекрасно.

Рэй крикнул наверх:

– Том, Люси, идите поздоровайтесь, что вы как дички какие-то!

Послышался громкий топот, и дети сбежали вниз. Войдя в кухню, они неловко остановились на пороге.

– Это Кейт, – сказала Мэгс, – стажерка из отдела вашего папы.

Рэй вытаращил глаза от такого пренебрежительного представления, зато Кейт и бровью не повела.

– Еще несколько месяцев, – озорно улыбнулась она, – и я стану настоящим детективом! Как жизнь, ребята?

– Хорошо, – хором ответили Люси и Том.

– Ты, наверно, Люси? – продолжала Кейт.

Люси унаследовала волосы Мэгс, но в остальном была копией Рэя. Все говорили, как дети удались в отца. Рэй не замечал никакого сходства, пока дети бодрствовали – дочь и сын отличались весьма яркой индивидуальностью, но когда они спали и их лица разглаживались, Рэй видел два собственных отражения. Он недоумевал: неужели когда-то был таким же ершистым, как сын, который сейчас с хмурой гримасой уставился в пол, будто имея что-то против кафельной плитки. Том так намазал волосы гелем, что голова оцетинилась колючими прядями, под стать выражению лица.

– А это Том, – нашла Люси.

– Скажи «здравствуйте», Том!

– Здравствуйте, Том, – повторил тот, не отрывая взгляд от пола.

Мэгс раздраженно махнула на него полотенцем.

– Простите, Кейт!

Но Кейт искренне улыбнулась Тому. Мальчишка взглянул на мать, явно гадая, не заставит ли она его остаться со взрослыми.

– Дети! – выразительно произнесла Мэгс. Она сняла пленку с тарелки с бутербродами и подала сыну. – Идите поешьте наверху, если не хотите сидеть *со старичьем*, – сказала она с притворным содроганием. Люси захихикала. Том вытаращил глаза на мать, но тарелку взял, и парочка сразу же скрылась на лестнице.

– Они хорошие ребята, – объяснила Мэгс, – в основном, – добавила она так тихо, что было непонятно, сказано это себе или остальным.

– Что, снова проблемы в школе? – спросила Кейт.

Рэй застонал про себя и поглядел на жену, которая подчеркнуто избегала смотреть на него. И заметил, что Мэгс поджала губы.

– Ничего такого, с чем мы сами не справимся, – отбрила она.

Рэй вздрогнул и поглядел на Кейт, пытаясь извиниться взглядом, но так, чтобы Мэгс не заметила. Надо было предупредить девушку, насколько болезненно Мэгс воспринимает все, связанное с Томом. Возникла неловкая пауза, и тут мобильный Рэя пискнул – пришло сообщение. Рэй выхватил телефон из кармана, и сердце у него екнуло при взгляде на экран.

– Стампи не придет, – объявил он. – У него мама опять упала.

– Она жива? – спросила Мэгс.

– Вроде жива, он сейчас везет ее в больницу, – Рэй набрал Стампи ответ и убрал телефон. – Значит, посидим втроем.

Кейт перевела взгляд с Рэя на Мэгс, которая отвернулась к плите и начала помешивать чили.

– Слушайте, – сказала девушка, – давайте соберемся в другой раз, когда Стампи сможет?

– Глупости, – отмахнулся Рэй с беззаботностью, которая даже ему самому показалась фальшивой. – Самим нам столько чили не осилить, тут нужна помощь.

Он поглядел на Мэгс, немного надеясь, что она согласится с Кейт и отменит ужин, но жена продолжала мешать соус.

– Безусловно, – резко сказала она и подала мужу рукавицы для горячего: – На вот, неси запеканку. Кейт, а вы берите тарелки и идите в столовую!

Приборы на столе не лежали, но Рэй автоматически сел во главе стола, а Кейт слева от него. Мэгс поставила на стол сковороду с рисом и вернулась на кухню за миской тертого сыра и сметаной в тубике. Она заняла место напротив Кейт, и какое-то время все трое молча передавали друг другу блюда и накладывали еду на тарелки.

Ужин начался, но звяканье вилок о фарфор только подчеркивало отсутствие беседы. Рэй ломал голову, о чем поговорить. Мэгс не понравится, если они заведут речь о работе, но, может, это самая безопасная территория? Не успел он ничего придумать, как Мэгс отложила вилку.

– Вам нравится работать в полиции, Кейт?

– Очень. Переработка, конечно, убивает, но работа отличная, я всегда хотела этим заниматься.

– А я слышала, с моим полицейским инспектором сработаться нелегко.

Рэй возмущенно поглядел на Мэгс, но жена любезно улыбалась гостю. Улыбка ничуть не растопила неловкости, сковавшей Рэя изнутри.

– Он вовсе не так уж плох, – пошутила Кейт, покосившись на Рэя. – Хотя не представляю, как вы миритесь с беспорядком: в его кабинете просто свалка – повсюду недопитые чашки кофе.

– Потому что из-за занятости мне не удастся допить чашку нормально, – возразил Рэй. Тем, что дамы прохаживаются на его счет, он при данных обстоятельствах решил пренебречь.

– А еще он всегда прав, – сообщила Мэгс.

Кейт притворилась, что обдумывает эту реплику.

– За исключением тех случаев, когда не прав.

Женщины засмеялись, и Рэй позволил себе чуть расслабиться.

– А дома он тоже напевает под нос «Огненные колесницы»? – спросила Кейт.

– Не знаю, – не задумываясь, ответила Мэгс. – Я ведь его почти не вижу.

Легкость сразу улетучилась, и некоторое время они ели в молчании.

Рэй кашлянул, и Кейт подняла глаза. Он с извиняющимся видом улыбнулся, и девушка повела плечом, но когда Рэй повернул голову, то заметил – Мэгс за ним наблюдает, и на ее лбу залегла морщинка. Жена отложила вилку и отодвинула тарелку.

– Мэгс, а вы скучаете по работе в полиции? – спросила Кейт.

Об этом спрашивали все, словно ожидая, что Мэгс сохнет от тоски по бумажным горам, безбожно ненормированному рабочему графику и грязнейшим трущобам, где вытирать ноги приходится на выходе.

– Да, – без колебаний ответила жена.

Рэй вскинул голову:

– Что?

Мэгс, не поведя бровью, продолжала:

– Я не по прежним обязанностям скучаю, а скорее по тому, какой я

тогда была. Невыносимо, знаете ли, когда нечего сказать, нечему научить людей...

Рэй даже перестал жевать: Мэгс осталась точно такой, какой всегда была и будет – с удостоверением сотрудника полиции или без.

Кейт понимающе кивнула, и Рэй остался благодарен сотруднице за сдержанность.

– А вернуться в профессию не хотите?

– Да как же я могу? Кто присмотрит за этой парочкой? – Мэгс указала на потолок. – Не говоря уж о нем! – Она кивнула на Рэя. На ее лице не было улыбки, и Рэй не мог понять выражение ее глаз. – Помните пословицу: за каждым великим мужчиной стоит его...

– Это правда, – вдруг поддержал ее Рэй с большей страстью, чем требовал светский разговор: – На тебе все держится.

– Пудинг! – перебила Мэгс и встала: – Или еще чили, Кейт?

– Нет-нет, спасибо. Давайте я вам помогу?

– Сидите, это и минуты не займет. Я уберу со стола и схожу наверх проверить, не затевают ли дети какую-нибудь проказу... – Она унесла на кухню все лишнее. На лестнице послышались легкие шаги, и сразу из комнаты Люси забубнили голоса.

– Извини, – сказал Рэй, – не знаю, что на нее нашло.

– Это из-за меня? – спросила Кейт.

– Вряд ли. Она с недавних пор в странном расположении духа – из-за Тома, что ли... – Он ободряюще улыбнулся: – Виноват, как всегда, окажусь я, иначе у нас не бывает.

Они услышали, как Мэгс спустилась, и вскоре она вошла в столовую, неся блюдо брауни и сливочник.

– Вообще-то я, наверное, пропущу десерт, – сказала Кейт, вставая.

– Тогда, может, фрукты? У меня есть дыня!

– Не в этом дело, я устала, с ног валюсь. Неделя выдалась непростая... Но ужин был удивительно вкусный, спасибо!

– Ну, если вы решили... – Мэгс поставила брауни. – Я еще не поздравила вас с раскрытием дела Грэй. Рэй утверждает, что основная заслуга принадлежит вам. Такой результат, да еще на стажировке, достоин записи в послужном списке.

– Ну, это результат работы всей команды, – отозвалась Кейт. – Мы все старались.

Рэй понял, что она имела в виду под «всей командой», но Кейт при этом глядела на него, и он не отважился бросить взгляд на Мэгс.

В коридоре хозяйка поцеловала гостью в щеку.

– Приходите к нам еще! Рада была с вами познакомиться.

Рэй надеялся, что только он уловил неискренность в голосе жены. Он попрощался с Кейт, колебавшись, целовать ее или нет, и решил – будет странно, если не поцелует. Он постарался, чтобы поцелуй вышел чисто символическим, однако почувствовал на себе тяжелый взгляд жены и испытал облегчение, когда Кейт пошла по аллее, а входная дверь была закрыта и заперта.

– Ну а я не откажусь, пожалуй, от этих брауни, – сказал он с деланой веселостью. – Ты будешь?

– Я на диете, – отрезала Мэгс. Она пошла в кухню, разложила гладильную доску, залила в утюг воды и включила. – В холодильнике контейнер с рисом и чили для Стампи – завтра передашь. Он в больнице толком не поест. Наверняка до утра там проторчит, а с утра ему готовить некогда.

Рэй принес тарелку на кухню и ел стоя.

– Это очень заботливо с твоей стороны.

– Стампи хороший человек.

– Что есть, то есть. Я работаю с отличными людьми.

Мэгс промолчала, взяла брюки и начала гладить. Когда она заговорила, тон был небрежный, но носик утюга с силой прижимался к ткани:

– А она красивая!

– Кейт?

– Нет, Стампи! – Мэгс раздраженно покосилась на мужа. – Конечно, Кейт!

– Наверное. Я об этом не думаю.

Ложь была верхом нелепости – Мэгс знала Рэя лучше, чем кто-либо. Жена приподняла бровь, но у Рэя отлегло от сердца, когда он увидел ее улыбку. Он решился шутливо ее поддразнить:

– Ревнуешь, что ли?

– Вот уж несколько, – отозвалась Мэгс. – Если она согласна помогать с глажкой, пусть хоть вообще переезжает.

– Прости, что я рассказал ей о Томе, – сказал Рэй.

Мэгс нажала на утюге кнопку, и облако пара с шипением окутало брюки. Отвечая, она не поднимала глаз от утюга:

– Ты любишь свою работу, Рэй, и мне очень нравится эта черта. Это часть тебя. Но дети и я оказались почему-то на втором плане. Я чувствую себя невидимкой!

Рэй открыл рот, чтобы возразить, но Мэгс покачала головой.

– Ты больше говоришь с Кейт, чем со мной, – продолжала она. – Я же

видела сегодня симпатию между вами. Я не дура, я знаю, что такое сутками работать бок о бок: конечно, при таких условиях начнешь откровенничать. Но это не значит, что и со мной нельзя поговорить. – Утюг снова зашелся паром в ее руке, и Мэгс начала гонять его взад-вперед по доске. – На смертном одре никто не сокрушается, что мало времени отдавал работе, – добавила она. – Наши дети растут, меняются, а ты это пропускаешь. Не успеешь оглянуться, как они разлетятся из дома, ты окажешься на пенсии, и останемся только мы с тобой, разучившиеся говорить друг с другом.

Это неправда, подумал Рэй, подбирая аргументы, но возражения застряли в горле, и он лишь помотал головой, будто отгоняя нарисованную женой картину. До него долетел вздох, но, возможно, Мэгс просто снова нажала на кнопку утюга.

Глава 38

Ты так и не простила мне ту ночь в Венеции, не избавилась от своей опасливой настороженности и никогда больше не доверялась мне полностью. Даже когда синяк на переносице сошел и мы могли бы забыть о том случае, я знал, что ты по-прежнему о нем думаешь. Я догадался об этом по тому, как твои глаза следили за мной, провожая по комнате, когда я шел взять пиво, и по тому, как ты медлила перед ответом, хотя и постоянно уверяла, что с тобой все в порядке.

По случаю нашей годовщины я повел тебя в ресторан. В антикварном книжном на Чэпл-роуд я нашел книгу о Родене в кожаном переплете и завернул ее в газету, выпущенную в тот день, когда состоялась наша свадьба.

– Первая годовщина – бумажная свадьба, – напомнил я тебе, и твои глаза засияли.

– Какая прелесть! – Ты бережно сложила газету, убрала ее в книгу, на которой я написал посвящение: «Дженнифер, которую я люблю все больше день ото дня», и крепко поцеловала меня в губы: – Я люблю тебя.

Иногда я в этом уверен не был, но зато я не сомневался в своих чувствах к тебе. Я любил тебя с такой силой, что это меня даже пугало. Я не знал, что можно хотеть кого-то настолько бешено, что готов на все, лишь бы удержать этого человека при себе. Если бы я мог увезти тебя на необитаемый остров, подальше от всех, я бы это сделал.

– Меня попросили взять новую взрослую группу, – сказала ты в ресторане, когда нас проводили к нашему столику.

– А сколько заплатят?

Ты сморщила нос.

– Мало, но это же терапевтический курс, предлагаемый по специальной ставке людям с депрессией. Я считаю, это благородное дело.

– Курам на смех! – фыркнул я.

– Существует прямая связь между творческим поиском и настроением, – произнесла ты. – Отрадно же знать, что я помогаю им выздороветь, пусть даже курс длится всего восемь недель. Я смогу найти место в моем графике.

– Главное, о работе не забудь, – сухо сказал я.

Твои поделки продавались уже в пяти магазинах города.

Ты кивнула:

– С этим без проблем. С регулярными заказами я справлюсь, просто ограничу на время набор дополнительных заказов. Вообще я не ожидала, что буду столько преподавать. Надо на будущий год это подсократить.

– Ты же знаешь пословицу, – усмехнулся я. – Кто умеет – делает, кто не умеет – учит.

Ты ничего не ответила.

Принесли нашу еду. Официант с большой помпой вынул салфетку из твоего бокала и налил вина.

– Я подумала, может, лучше мне открыть отдельный счет для бизнеса, – заявила ты.

– Для чего тебе это делать? – У меня невольно возник вопрос, кто мог тебе это предложить и почему ты обсуждаешь наши финансовые дела с посторонними.

– Так мне будет проще подавать налоговую декларацию – ну, когда все поступления на одном счете.

– Это означает прорву дополнительных бумажек, – напомнил я, разрезав стейк пополам проверить, так ли он прожарен, как я люблю. Жир я аккуратно отложил на край тарелки.

– Я не против.

– Нет, лучше пусть все будет на моем счете, – сказал я. – В конце концов, это я плачу ипотеку и оплачиваю счета.

– Ну, наверное. – Ты ковыряла свое ризотто.

– Тебе нужно больше денег? – спросил я. – Я могу добавить тебе на хозяйственные расходы, если хочешь.

– Если только немножко.

– А для чего тебе деньги?

– Я бы кое-что купила, – ответила ты. – Мне бы пригодилась новая одежда.

– Так я сам пройду с тобой по магазинам! Тебе же самой известно, как ты покупаешь платья: выбираешь такие, что разочаровываешься в них, едва доехав домой, и в итоге половину возвращаешь. – Я засмеялся и потянулся через стол, чтобы взять тебя за руку. – Возьму на работе денек, и мы отлично проведем время. Пообедаем в приличном месте и пройдемся по магазинам. Грабь мою кредитку как хочешь. Такой вариант тебя устроит?

Ты кивнула, и я сосредоточился на бифштексе. Я заказал еще бутылку красного и когда закончил ужинать, мы были последней парой в ресторане. Я оставил непомерные чаевые и упал на официанта, который принес мое пальто.

– Простите, – сказала ты, – он много выпил.

Официант вежливо улыбнулся, а я подождал, пока мы вышли на улицу, взял тебя под руку и впился в мышцу двумя пальцами – указательным и большим:

– Никогда не смей за меня извиняться!

Ты была шокирована. Не знаю, почему – разве ты не этого ожидала с самой Венеции?

– Прости, – сказала ты, и я взял тебя просто за руку.

Домой мы вернулись уже поздно, и ты сразу отправилась наверх. Я выключил внизу свет и пошел за тобой, но ты уже оказалась в кровати. Когда я лег рядом, ты повернулась ко мне и поцеловала, проведя ладонью по моей груди.

– Прости. Я люблю тебя, – произнесла ты.

Я закрыл глаза и ждал, когда ты нырнешь под одеяло. Я знал, что это бесполезно – я выпил две бутылки вина и едва почувствовал что-то в паху, когда ты начала ласкать меня там губами. Я позволил тебе стараться несколько секунд – и оттолкнул твою голову.

– Ты меня больше не возбуждаешь, – сказал я и отвернулся к стене. Ты ушла в ванную, и засыпая, я слышал, как ты плачешь.

Я не планировал тебе изменять, когда вступал с тобою в брак, но ты вообще перестала стараться в постели. Ты винишь меня за то, что я искал удовольствия в других местах, когда единственной альтернативой являлась миссионерская поза с женой, которая всегда лежит с закрытыми глазами? Я начал погуливать в пятницу после работы, приходя домой ближе к утру, насытившись той, с кем оказался в постели. Тебе будто и дела не было, и спустя какое-то время я вообще перестал приходить домой в пятницу. Я возвращался в субботу к обеду и находил тебя в твоей студии, а ты никогда не спрашивала, где я был и с кем. Это превратилось в подобие игры – посмотреть, насколько далеко я могу зайти, прежде чем ты уличишь меня в неверности.

В день, когда ты это сделала, я смотрел футбол. «Манчестер Юнайтед» играли с «Челси», и я сидел, положив ноги на стол, с бутылкой холодного пива в руке. Ты остановилась перед экраном.

– Отойди, к чертям, им дали дополнительное время!

– Кто такая Шарлотта? – спросила ты.

– В смысле? – Я вытянул шею, чтобы видеть телевизор.

– Ее имя написано на чеке в кармане твоего пальто, вместе с номером телефона. Кто она такая?

Из телевизора послышался восторженный рев – «Манчестер» забили гол перед самым финальным свистком. Я вздохнул и потянулся за пультом, чтобы выключить телевизор.

– Теперь ты довольна? – спросил я, прикуривая сигарету (я знал, что ты этого терпеть не можешь).

– Не мог бы ты не курить в доме?

– Нет, – ответил я, выпуская струю дыма в твою сторону. – Это мой дом, а не твой.

– Кто такая Шарлотта? – Ты дрожала, но по-прежнему стояла передо мной.

Я засмеялся.

– Понятия не имею! – Это было правдой: я действительно совсем не помнил эту Шарлотту. Мало ли какую из этих девиц звали Шарлоттой. – Наверное, официантка, которой я понравился. Я сунул чек в карман, не посмотрев.

Я говорил легко, ничуть не оправдываясь, и увидел, что ты поколебалась.

– Надеюсь, ты меня ни в чем не обвиняешь? – Я подчеркнуто выдержал твой взгляд, но ты сразу отвела глаза и ничего не сказала. Я едва не рассмеялся. Тебя было так легко переиграть.

Я встал. На тебе была майка без лифчика под ней, и я видел и верх твоих грудей в вырезе, и твои соски под тканью.

– Ты что, и на улицу так выходила? – спросил я.

– Только в магазин.

– Выставив свои сиськи? – продолжал я. – Хочешь, чтобы тебя приняли за потаскуху?

Ты скрестила руки на груди, но я их оттолкнул:

– Значит, посторонним можно разглядывать, а от меня закрываемся? Тут без вариантов, Дженнифер: либо ты шлюха, либо нет.

– Я не шлюха, – тихо сказала ты.

– А отсюда не так выглядит. – И я ткнул сигаретой тебе между грудей, затушив ее о кожу. Ты вскрикнула, но я уже вышел из гостиной.

Глава 39

Рэй широким шагом возвращался в кабинет после утреннего совещания, когда его перехватила оперативная дежурная Рэйчел, миниатюрная женщина пятидесяти с лишним лет, с аккуратным птичьим личиком и коротко стриженными седыми волосами.

– Рэй, вы сегодня дежурный инспектор?

– Да, – с подозрением ответил он, зная, что ничего хорошего этот вопрос не сулит.

– К нам пришла некая Ева Мэннинг, желает заявить о своих опасениях за жизнь сестры.

– А что, больше ею заняться некому?

– Все на выезде, а она очень взволнованна. Уже час ждет, когда к ней кто-то выйдет.

Рэйчел больше ничего не добавила, демонстративно глядя на Рэя поверх простых, в металлической оправе, очков, в ожидании, чтобы он поступил как положено. Рэй почувствовал себя мальчишкой, получившим выговор от доброй, но грозной тетушки.

Он поглядел на приемную, где ожидающая дама копалась в своем мобильном телефоне:

– Это она?

Внешность Евы Мэннинг скорее подходила для кафе, чем для отделения полиции. Блестящие каштановые волосы падали вперед, когда она наклоняла голову, а от канареечно-желтого пальто с огромными пуговицами и подкладкой в цветочек в приемной будто прибавилось света. Кондиционер в управлении работал только в двух режимах – арктический холод или тропическая жара, сегодня явно выдался день тропиков, и Рэй чертыхнулся про себя. По протоколу, заявлениями об опасении за жизнь и благополучие обязаны заниматься офицеры полиции, хотя та же Рэйчел элементарно сняла бы с дамочки предварительные показания.

Он вздохнул.

– Ладно, сейчас кого-нибудь пришлю.

Удовлетворенная Рэйчел вернулась за свой стол.

Рэй поднялся наверх и увидел в общем зале Кейт.

– Слушай, спустись, займешься опасениями за жизнь.

– А почему дежурный не может?

Рэй засмеялся при виде мины, появившейся на лице девушки.

– Я сам пробовал эту отмазку... Иди, это отнимет у тебя максимум двадцать минут.

Кейт вздохнула:

– Гоняете меня, потому что я безотказная!

– Смотри не повтори кому-нибудь, – улыбнулся Рэй. Кейт вытаращила глаза, но невольно зарделась.

– Давай, это работа, в конце концов! – Рэй сунул ей записку, переданную Рэйчел. – Вот, Ева Мэннинг, ждет внизу.

– С вас за это причитается.

– Всей душой за, – отозвался Рэй. Он уже извинился за неловкость во время домашнего ужина, но Кейт только отмахнулась, как от пустяка, и больше они об этом не говорили.

Рэй прошел к себе в кабинет. Открыв портфель, он увидел на ежедневнике стикер с датой и временем встречи с директрисой школы – Мэгс обвела цифры красным фломастером на случай, если муж проглядит. Рэй приклеил стикер на монитор рядом с другими, тоже с архиважной информацией.

Он как раз разбирался с входящими документами, когда постучала Кейт.

– Не мешай, – проворчал Рэй, – я в ударе...

– Можно я вам расскажу кое-что по этому заявлению Мэннинг?

Рэй поднял голову и указал Кейт на стул.

– А что вы делаете? – спросила девушка, указывая на горы бумаг на столе.

– А-а, административные обязанности. В основном подшиваю дела и свожу расходы за полгода – из финансового отдела звонили, сказали, что если я не подам отчет сегодня, мне бюджет не утвердят.

– Вам нужен бухгалтер.

– Мне нужно, чтобы мне не мешали ловить преступников и не сваливали на меня все это дерьмо... Извини, выкладывай, что там у тебя.

Кейт взглянула в свои записи:

– Ева Мэннинг постоянно проживает в Оксфорде, но ее сестра Дженнифер живет здесь, в Бристоле, со своим мужем Йеном Петерсеном. Ева с сестрой перестали общаться около пяти лет назад, и все это время заявительница не пересекалась с зятем, однако пару недель назад Петерсен совершенно неожиданно приехал к ней и стал расспрашивать, где сейчас ее сестра.

– То есть жена от него ушла?

– Судя по всему, да. Несколько месяцев назад миссис Мэннинг

получила от сестры открытку, но штемпель разобрать не смогла и выбросила конверт. Открытка непонятным образом оказалась изорванной и засунутой за каминные часы; Мэннинг убеждена, что это сделал ее зять во время своего визита.

– А зачем ему это?

Кейт пожала плечами.

– Миссис Мэннинг тоже не знает, но отчего-то это ее очень взволновало. Она хочет заявить об исчезновении сестры.

– Какое исчезновение, раз она открытки шлет, – недовольно буркнул Рэй. – Женщина просто не хочет, чтобы ее нашли. Это совершенно разные вещи.

– Вот этими же словами я ответила Мэннинг, но показания на всякий случай записала. – Кейт подала файл с двумя исписанными листами.

– Спасибо, я погляжу. – Рэй взял записи и положил на стол среди моря бумаг. – Когда я расправлюсь с бумажками, составишь мне компанию в пабе? Мне бы это очень пригодилось.

– С удовольствием.

– Отлично, – повеселел Рэй. – Только недолго – Том к кому-то идет после школы, я обещал забрать его в семь.

– Без проблем. Значит, у Тома появились друзья?

– Надеюсь, – отозвался Рэй. – Хотя кто они, он мне не говорит. Может, на следующей неделе узнаем побольше, когда наведаемся в школу, но я особо не рассчитываю.

– Если вам нужна жилетка, я, конечно, выслушаю, – усмехнулась Кейт. – Но насчет детей-подростков ничего не присоветую.

Рэй засмеялся:

– Честно говоря, я был бы рад поговорить о чем-то кроме детей-подростков.

– А, тогда буду счастлива отвлечь от тяжелых мыслей, – улыбнулась Кейт, и Рэй вдруг отчетливо вспомнил тот вечер у двери ее квартиры. А помнит ли об этом Кейт? Он готов был спросить, но девушка уже ушла к своему столу.

Рэй вынул телефон, чтобы написать сообщение жене, и подумал, какое объяснение не вызовет у Мэгс раздражения, но и не будет откровенной ложью. Вообще непонятно, почему он должен скрывать от нее правду: пинта пива в компании Кейт ничем не отличается от той же пинты со Стампи (Рэй отмахнулся от голоса в голове, который без обиняков сказал ему, почему это разные вещи).

Вздохнув, он убрал мобильный в карман, так ничего и не написав.

Легче вообще ничего не говорить. Взглянув через открытую дверь на общий зал, он увидел макушку Кейт, сидевшей за столом. Да, она безусловно отвлечет его от тяжких мыслей. Рэй только не был уверен, подходящее ли это отвлечение.

Глава 40

Проходит две недели, прежде чем я решаюсь показаться на людях: фиолетовые синяки на руках выглядят теперь бледно-зелеными. Жуткие кровоподтеки на коже повергают в шок, а ведь всего два года назад они были для меня чем-то столь же привычным, как цвет волос.

Из дома меня гонит нужда – закончился собачий корм. Я оставляю Бо в коттедже, чтобы съездить на автобусе в Суонси: там в супермаркете никто не обратит внимания на женщину, которая не поднимает глаз и замотана в шарф, несмотря на теплую погоду. Я шагаю по тропе к трейлерному парку и не могу избавиться от ощущения, что за мной следят. Я оборачиваюсь, потом вдруг пугаюсь, что не в ту сторону, снова оглядываюсь в другую, но и в там никого нет. Охваченная паникой, я кручусь на месте, не в силах ничего разглядеть из-за черных пятен, мельтешащих перед глазами и перемещающихся, как нарочно, синхронно с направлением взгляда. Я еле удерживаюсь от истерики – неистовый страх в груди вызывает почти физическую боль. Я быстрым шагом, временами переходя на бег, направляюсь туда, где виднеются ряды трейлеров и магазин Бетан. Постепенно сердце начинает биться ровнее, и я кое-как беру себя в руки. В такие моменты тюрьма кажется желанной и безопасной.

Парковка перед магазином предназначена для постояльцев трейлерного парка, но близость к пляжу привлекает любителей пеших прогулок по скалам. Бетан не против, только в разгар сезона она выставляет большие плакаты «Частная парковка» и выходит на порог магазина, если откуда-нибудь взявшаяся «дикая» семейка начинает разгружать все для пикника. Но сейчас, когда сезон закрыт, на парковке лишь несколько машин, оставленных собачниками или самыми закаленными туристами.

«Вам-то, конечно, можно», – сказала мне Бетан при первом знакомстве.

«У меня нет машины», – ответила я.

Тогда Бетан предложила парковаться здесь моим друзьям и не пеняла мне, что этой привилегией пользовался только Патрик, который оставлял свой «Лендровер» у магазина и шел к коттеджу пешком. Я гоню это воспоминание, прежде чем оно успевает окрепнуть.

Сейчас на парковке всего три машины – старенький «Вольво» Бетан, незнакомый фургон и – я зажмуриваюсь и трясую головой. Это невозможно!

Откуда здесь взялась моя машина? Мгновенно вспотев, я начинаю хватать воздух ртом, не в силах уложить в голове то, что вижу. На переднем бампере вмятина, в центре лобового стекла паутина белесых трещин размером с кулак.

Это моя машина.

Бессмыслица какая-то: автомобиль же остался в Бристоле! Я сбежала на перекладных не потому, что полиция могла отследить машину, хотя такая мысль тоже приходила мне в голову; я просто не могла ее видеть. У меня даже мелькает дикая догадка, что детективы нашли машину и привезли ее сюда проверить мою реакцию. Я невольно оглядываюсь, ожидая, что сейчас откуда-нибудь выскочат вооруженные полицейские.

В полном замешательстве я не могу сообразить, насколько это важно и важно ли вообще. Должно быть, да, иначе в полиции не допытывались бы, где машина. Надо от нее избавиться. Мне вспоминаются виденные фильмы: может, столкнуть с обрыва? Или лучше сжечь? Ключи торчат в зажигании, и я не колеблясь открываю дверцу и сажусь за руль. Сразу захлестывают воспоминания о несчастном случае: я слышу вопль матери Джейкоба и свой собственный, полный ужаса крик. Меня трясет, но я держу себя в руках. Машина послушно заводится, и я вылетаю с парковки. Если Бетан выглянет в окно, она меня не разглядит, увидит только автомобиль в облаке пыли. Я направляюсь в Пенфач.

– Приятно снова сесть за руль?

Размеренный, сухой голос Йена. Я бью по тормозам, и машину заносит влево – я едва удерживаю руль. Я уже сжимаю ручку двери, когда соображаю, что голос доносится из плеера.

– Я так и знал, что ты стосковалась по своему железному коньку. Не благодари меня за то, что я тебе его вернул.

Эффект немедленный: от звуков этого голоса я сразу становлюсь меньше, съеживаюсь, вжимаюсь в сиденье, будто могу совсем в нем исчезнуть. Вспотевшие ладони начинает горячо покалывать.

– Ты забыла свою клятву, Дженнифер.

Я хватаюсь за грудь, стараясь унять бешеный стук сердца.

– Ты стояла рядом со мной и обещала любить, почитать и слушаться меня, пока смерть не разлучит нас.

Он старается побольнее задеть меня; напевная формула брачной клятвы, которую я принесла много лет назад, странно контрастирует с холодным голосом. Он ненормальный, теперь я это понимаю, и мне страшно подумать о годах, которые я с ним прожила, не зная, на что он способен.

– Побегать в полицию со всякими россказнями – не совсем послушание мужу, не правда ли, Дженнифер? Выболтать, что происходит за закрытыми дверьми супружеского дома, нельзя назвать почтением ко мне. Помни, ты всякий раз получала только то, на что напрашивалась...

Я не могу слушать дальше – я тычу пальцами по кнопкам, и диск наконец выезжает с мучительной медлительностью. Я выхватываю его и пытаюсь разломить пополам, но он не сгибается, и тогда я ору на него – мое искаженное лицо отражается в сверкающей поверхности. Выбравшись из машины, я запускаю диск в придорожные кусты.

– Оставь меня в покое! – кричу я. – Просто оставь меня!

Дальше я еду бешено, рискованно, пролетая между рядами высоких живых изгородей. Пенфач остается позади, вдоль дороги тянутся поля. Меня трясет, переключить передачу за гранью моих возможностей, поэтому я так и еду на второй, и машина протестующе стонет. Слова Йена эхом звучат в голове: «Пока смерть не разлучит нас».

Посреди поля одиноко торчит полуразрушенный амбар, и я сворачиваю на ухабистую колею. Подъехав, я вижу, что крыши у амбара нет – обнажившиеся стропила тянутся к небу. В одном углу гора старых покрышек, в другом – ржавеющая негодная техника. Подойдет. Я заезжаю в амбар и оставляю машину в дальнем углу. На полу свален брезент; я тяну за край одного свертка, разворачивая его и заливая себя скопившейся в складках тухлой водой. Кое-как мне удастся натянуть брезент на машину. Это, конечно, рискованно, но под темно-зеленым брезентом автомобиль практически сливается с обстановкой: следов вторжения совсем незаметно.

Я пускаюсь в далекий обратный путь, невольно вспоминая день, когда впервые пришла в Пенфач: мое будущее было куда неопределеннее прошлого. Теперь я знаю свое будущее: еще две недели я проведу в Пенфаче, затем вернусь в Бристоль, выслушаю приговор и окажусь в безопасности.

Впереди виднеется автобусная остановка, но я прохожу мимо, успокаиваясь мерным ритмом шагов. Постепенно ко мне возвращается самообладание. Йен решил поиграть, вот и все. Если бы он хотел меня убить, то сделал бы это еще в коттедже.

Когда я подхожу к коттеджу, уже вечерет, и небо заволакивает тучами. Я надеваю свою непромокаемую куртку и сразу вывожу Бо. Мы спускаемся на пляж. Здесь, у моря, я могу дышать. Именно моря мне будет не хватать больше всего.

Ощущение взгляда в спину становится нестерпимым. Стоя спиной к морю, я осматриваю скалы и цепенею от ужаса, разглядев наверху

маленькую фигурку. Я подзываю Бо и хочу взять его за ошейник, но пес гавкает и бросается от меня по песку к тропе, ведущей наверх, к мужчине, силуэт которого четко вырисовывается на фоне неба.

– Бо, назад!

Пес и ухом не ведет. Ноги у меня будто прирастают к месту, и только когда Бо гигантскими прыжками одолевает подъем, фигура шевелится. Мужчина наклоняется погладить Бо, и я сразу узнаю знакомый жест. Это Патрик.

После нашего разговора о новой встрече не приходилось и думать, но меня окатывает огромная волна облегчения, и я, не помня себя, спешу по размашистым следам, оставленным Бо на песке, и взбегаю наверх.

– Как ты? – спрашивает Патрик.

– Нормально.

Мы словно незнакомцы, ходящие в разговоре вокруг да около.

– Я оставлял сообщения.

– Да, я видела.

Я не ответила ни на одно. Сперва прослушивала, но мне было невыносимо сознавать, как я поступила с Патриком, поэтому остальные я сразу стирала. В конце концов я просто выключила телефон.

– Дженна, мне тебя не хватает.

Мне было понятней и легче иметь дело с разгневанным Патриком, но сейчас он говорит тихо, просительно, и я чувствую, что моя решимость дает трещину. Я разворачиваюсь и иду в направлении коттеджа.

– Тебе не следовало сюда приезжать, – бросаю я, сопротивляясь искушению оглядеться и проверить, не следят ли за нами. Меня повергает в ужас мысль, что Йен увидит нас вдвоем.

Почувствовав на щеке каплю дождя, я натягиваю капюшон. Патрик широкими шагами нагоняет меня и идет рядом.

– Дженна, поговори со мной. Перестань убегать!

Но я всю жизнь убегаю, когда не могу себя защитить.

Сверкает молния, и дождь начинает лить с такой силой, что у меня даже дух захватывает. Небо сразу темнеет – наши тени исчезают. Бо припадает к земле, прижав уши. Мы добегаем до коттеджа, и я справляюсь с замком в тот момент, когда над головой раздается удар грома. Бо прошмыгивает между нашими ногами и стрелой летит на второй этаж. Я зову его, но он не показывается.

– Пойду взгляну, как он. – Патрик поднимается по ступеням, а я задвигаю засов и тоже иду наверх. Патрик сидит на полу спальни с дрожащим Бо на руках. – Все собаки одинаковы, – говорит он, чуть

улыбнувшись. – И нервные пудели, и brutальные мастифы терпеть не могут гром и фейерверки.

Я опускаюсь на колени и глажу Бо по голове. Пес тихо скулит.

– Что это? – спрашивает Патрик. Моя деревянная шкатулка выглядывает из-под кровати.

– Это мое, – резко говорю я и пинком отправляю шкатулку подальше.

Глаза Патрика расширяются, но он ничего не произносит, неловко поднимается и несет Бо вниз.

– Если включить радио, собака быстрее успокоится, – сообщает он мне тоном ветеринара клиенту. Не то в силу привычки, не то он наконец решил: хватит – значит, хватит. Но когда он сажает Бо на диван, накрывает одеялом и погромче включает «Классик ФМ», чтобы хоть отчасти заглушить раскаты грома, то говорит снова, уже мягче: – Я его не брошу.

Я прикусываю губу.

– Ты его здесь оставь, когда уедешь, – продолжает он. – Необязательно со мной встречаться или звонить, просто оставь его здесь, а я приду и заберу, и он будет жить у меня, пока ты... – Он делает паузу. – Пока тебя не будет.

– Меня может не быть несколько лет. – На последних словах мой голос дрожит.

– Давай не будем забегать вперед. – Патрик наклоняется и касается губами моего лба.

Я отдаю ему запасной ключ из ящика на кухне, и Патрик уходит, не прибавив ни слова. Я сдерживаю слезы, зная, что не имею права на слабость. Я сама так решила, и, как бы больно ни было, иначе нельзя. Но сердце все равно радостно трепещет, когда пять минут спустя в дверь стучат. Патрик за чем-то вернулся!

Я распахиваю дверь.

– Освобождайте коттедж, – с порога говорит Йестин.

– Что?! – Я хватаюсь за стену, чтобы удержаться на ногах. – Но почему?

Не глядя мне в глаза, он нагибается почесать Бо за ушами и потрепать за мордочку.

– Чтоб к утру духу вашего не было.

– Йестин, я же не имею права! Вы ведь знаете, что происходит. Меня оставили на свободе до суда с четким условием – чтобы я не меняла адрес!

– Не моя проблема. – Йестин наконец глядит мне в лицо, и я вижу, что он совсем не рад своей миссии. Подбородок у него квадратный, напряженный, но в глазах стоит боль. Он качает головой: – Слушайте,

Дженна, в Пенфаче знают, что вас арестовали за сбитого мальчишку и что вы здесь живете только потому, что я сдал вам коттедж. Для них это все равно, как если бы я сам за рулем сидел. Этим дело не кончится. – Он показывает на граффити (несмотря на все мои усилия, надпись еще читается). – Собачье дерьмо в щель для газет, петарды, бензин – в газетах о таком все время пишут.

– Йестин, мне некуда идти, – упрашиваю я, но и этот довод не действует.

– Деревенский магазин отказался принимать у меня товар, – буркает он. – Так им, видишь ли, гнусно, что я даю убийце крышу над головой.

У меня перехватывает дыхание.

– А сегодня утром они отказались обслуживать Глинис. Одно дело я, но когда они взъелись на мою жену...

– Всего несколько дней, Йестин, – умоляю я. – Через две недели я предстану перед судом и после этого уже сюда не вернусь. Пожалуйста, разрешите мне остаться до тех пор!

Йестин сует руки в карманы и смотрит куда-то в море. Я жду, зная, что больше ничем не могу заставить его передумать.

– Две недели, – наконец отвечает он. – Но ни на день больше. И если у вас есть хоть капля здравого смысла, держитесь от деревни подальше.

Глава 41

Ты торчала в своей мастерской целыми днями и норовила улизнуть туда и вечером, если я не говорил тебе остаться. Тебе будто было все равно, как напряженно я работаю и как мне хочется немного отдыха и дружеской компании по вечерам, чтобы кто-нибудь поинтересовался моими делами. Ты, как мышь, шмыгала в свой сарай, едва выдавалась возможность. Каким-то образом ты стала довольно известным местным скульпторам – не за твои тошнотворные горшки, а за статуэтки едва восьми дюймов в высоту. Мне они не нравились – искаженные лица и непропорциональные конечности, но, видимо, на рынке существовал спрос на подобные причуды, и ты еле успевала справляться с наплывом заказов.

– Я купил диск, сегодня посмотрим, – сказал я, когда в субботу утром ты вошла на кухню заварить кофе.

– Ладно.

Ты не спросила, какой фильм, а я не знал. Я собирался выйти попозже и выбрать диск.

В ожидании, пока закипит чайник, ты прислонилась к столешнице, заложив большие пальцы в карманы джинсов. Волосы у тебя были заправлены за уши, и я разглядел ссадину на щеке. Ты перехватила мой взгляд и выправила пряди, прикрыв щеку.

– Хочешь кофе? – спросила ты.

– Да, спасибо. – Ты налила воды в две кружки, но насыпала кофе только в одну. – А ты разве не будешь?

– Я скверно себя чувствую. – Ты отрезала ломтик лимона и бросила в кружку. – Мне уже несколько дней как-то не очень.

– Дорогая, что ж ты не сказала! Присядь. – Я подвинул для тебя стул, но ты покачала головой.

– Все нормально, просто немного нездоровится. Завтра пройдет.

Я обнял тебя и прижался щекой к твоей щеке:

– Бедная малышка, я позабочусь о тебе!

Ты тоже меня обняла, и я мягко качал тебя, баюкая, пока ты не отодвинулась. Мне стало крайне неприятно: отчего такое пренебрежение, когда я всего лишь пытаюсь тебя ободрить? Мои челюсти сжались, и в твоих глазах сразу мелькнула настороженность. Я был рад этой опаске – она доказывала, что тебе пока не все равно, что я думаю и делаю, но в то же время во мне усиливалось раздражение.

Я протянул руку к твоей голове и услышал, как ты резко вдохнула, дернувшись и зажмурившись. Я остановил руку, едва коснувшись твоего лба, и осторожно снял что-то с твоих волос.

– Паучок, – сказал я, разжимая кулак, чтобы тебе показать. – Говорят, это к деньгам.

На другой день лучше тебе не стало, и я настоял, чтобы ты отлежалась. Я принес тебе крекеры, чтобы успокоить расстроенный желудок, и читал вслух до тех пор, пока ты не сказала, что у тебя болит голова. Я хотел вызвать доктора, но ты обещала, что в понедельник поедешь в больницу к открытию. Я гладил тебя по волосам, смотрел, как двигаются твои глаза под веками, и гадал, кого ты видишь во сне.

В понедельник утром я оставил тебя в постели, положив рядом с твоей противозачаточной таблеткой записку с напоминанием сходить к врачу. Я звонил с работы, но ответа не было, и хотя после этого я звонил каждые полчаса, ты не брала трубку, и мобильный был выключен. От волнения я утратил всякое самообладание и к обеду решил съездить домой и проверить, как ты.

Твоя машина стояла у дома, и когда я вставил ключ в замок, то понял, что дверь заперта на два оборота. Ты сидела на диване, опустив голову на руки.

– С тобой все в порядке? Я чуть с ума не сошел!

Ты подняла голову, но ничего не сказала.

– Дженнифер! Я звонил все утро, почему ты не брала трубку?

– Я выходила, – произнесла ты и... замолчала, ничего не объяснив.

Внутри меня вскипал пузырь гнева.

– А тебе не приходило в голову, что я волнуюсь?

Я схватил тебя за ворот джемпера и поднял с дивана. Ты закричала, и от этого звука я утратил способность мыслить ясно. Я протащил тебя спиной вперед через всю гостиную и впечатал в стену. Мои пальцы сжали твою шею; я чувствовал, как часто и резко бьется твой пульс по сравнению с моим.

– Пожалуйста, не надо! – закричала ты.

Медленно, мягко вдавливая пальцы в твое горло, я глядел, как рука сжимается все сильнее, будто она принадлежала кому-то другому. У тебя вырвался полузадушенный стон:

– Я беременна!

Я опустил руку.

– Этого не может быть.

– Но это так.

– Ты же принимаешь противозачаточные!

Заплавав, ты съехала на пол и обхватила колени. Я стоял над тобой, стараясь осмыслить услышанное. Ты беременна.

– Должно быть, это вышло в тот раз, когда я болела, – проговорила ты.

Я присел на корточки и обнял тебя. Я думал о своем отце, о том, каким холодным и необщительным он всегда был, и в душе поклялся никогда не поступать так с моим собственным ребенком. Я надеялся, что это будет мальчик. Он станет брать с меня пример, мечтать вырасти таким, как я. Я не мог удержать улыбки, против воли раздвигавшей мои губы.

Ты опустила руки и поглядела на меня. Тебя трясло, и я погладил тебя по щеке:

– У нас будет ребенок!

Твои глаза еще были мокры, но напряжение медленно уходило с лица.

– Ты не сердишься?

– С какой стати мне сердиться?

Я был в эйфории. Это все изменит. Я представил тебя беременную, с тугим животом, всецело зависящую от меня, благодарную, когда я массирую тебе стопы или приношу чай. Когда появится ребенок, ты перестанешь работать, и я буду обеспечивать вас обоих. Я точно увидел наше будущее.

– Это чудо-ребенок, – сказал я, взяв тебя за плечи. Ты напряглась. – В последнее время у нас не все шло гладко, но теперь все будет иначе. Я о вас позабочусь. – Ты смотрела мне прямо в глаза, и я почувствовал себя виноватым. – Отныне все будет хорошо, – повторил я. – Я так люблю тебя, Дженнифер.

Новые слезы брызнули у тебя из глаз и потекли по щекам.

– Я тоже люблю тебя.

Я хотел извиниться за все, что я тебе причинил, за каждый раз, когда делал тебе больно, но слова застряли в горле.

– Никому не говори, – вырвалось у меня вместо этого.

– О чем?

– О наших ссорах. Обещай, что никому не скажешь.

Я по-прежнему держал тебя за плечи и вновь почувствовал, как твоя плоть окружает мои пальцы. Глаза у тебя стали испуганными.

– Никогда, – выдохнула ты. – Ни одной живой душе.

Я улыбнулся.

– А теперь перестань плакать, это вредно для ребенка. – Я встал и протянул руку, чтобы помочь тебе подняться на ноги. – Тебя тошнит?

Ты кивнула.

– Ляг на диван, я принесу одеяло.

Ты возражала, но я отвел тебя на диван и помог лечь. Ты носила моего сына, и я намерен был позаботиться о вас обоих.

Перед первым УЗИ ты очень волновалась:

– Вдруг что-то не так?

– С какой стати чему-то быть не так? – удивился я.

Я взял отгул на работе и сам отвез тебя в клинику.

– У него скоро сформируются пальчики – правда, поразительно? – тараторила ты, начитавшись книжек о младенцах. Ты стала одержима беременностью, накупила горы журналов и сидела в Интернете, просматривая советы относительно родов и грудного вскармливания. Что бы я ни говорил, разговор неминуемо сворачивал на детские имена или список вещей, которые предстояло купить.

– Да, кто бы мог подумать, – ответил я. Я все это уже слышал. Беременность не сработала так, как я рассчитывал: упрямая как черт, ты по-прежнему пропадала в мастерской, и когда я приносил тебе чай или массировал стопы, благодарности я не получал. Ты больше внимания уделяла нерожденному ребенку, который даже понятия не имел, что о нем говорят, чем собственному мужу, стоящему перед тобой. Я представлял, как ты склоняешься над новорожденным, совершенно забыв о моей роли в его создании, и мне отчего-то все чаще стало вспоминаться, как ты часами играла с тем котенком.

Когда врач размазывала гель по твоему животу, ты вцепилась мне в руку и сжимала до тех пор, пока мы не услышали ритмичный глухой стук и не разглядели на экране крошечное трепещущее пятно.

– Вот голова, – указала врач. – И можно различить его ручки – он вам машет!

Ты засмеялась.

– Значит, мальчик? – с надеждой спросил я.

Врач обернулась:

– Это фигура речи, пол мы еще долго не узнаем. Но все выглядит хорошо, нормальные размеры для вашего срока. – Она распечатала снимок и протянула тебе: – Поздравляю!

К гинекологу нам было через полчаса, и мы ждали в приемной в окружении других пар. Напротив, безобразно раскорячившись, сидела женщина с гротескно огромным животом. Я отвел взгляд и почувствовал

облегчение, когда нас пригласили в кабинет.

Врач взяла у тебя голубую папку и проглядела записи, уточняя у тебя детали и подкладывая информационные листки о питании и здоровье беременных.

– Моя жена уже и так эксперт, – не выдержал я. – Она прочла столько книг, что знает все.

Гинеколог оценивающе поглядела на меня:

– А вы, мистер Петерсен? Тоже эксперт?

– Мне это не нужно, – отрезал я, выдержав ее взгляд. – Не я же буду рожать.

Она ничего не сказала.

– Давайте-ка померим давление, Дженна. Закатайте рукав и кладите руку вот сюда, на стол.

Ты поколебалась, и лишь через секунду я понял почему. Челюсти у меня невольно сжались, но я сел посвободнее, наблюдая за происходящим с напускным безразличием.

Синяк у тебя выше локтя стал бледно-зеленым. Он сильно выцвел за последние дни, но упорно не желал проходить, как все твои синяки. Я знал, что это невозможно, но иногда мне казалось, будто ты нарочно держишься за них, чтобы напоминать мне о случившемся и провоцировать у меня чувство вины.

Гинеколог промолчала, и я немного расслабился. Она измерила тебе давление, оказавшееся несколько повышенным, записала цифры и повернулась ко мне:

– Не могли бы вы подождать в приемной? Я хочу поговорить с Дженной наедине.

– В этом нет необходимости, – отказался я. – У нас нет секретов друг от друга.

– Это стандартная практика нашей клиники, – холодно сказала врач.

Я посмотрел на нее, но она не дрогнула, и я встал.

– Прекрасно. – Я не торопясь вышел в коридор и встал у кофемашины, откуда мне была видна дверь кабинета.

Оглядевшись, я заметил, что ни одного мужчины без своей жены в приемной больше нет. Никого не просили выйти. Я пересек коридор и распахнул дверь, не постучав. У тебя что-то было в руке, и ты сунула это между страницами медицинской карты. Маленький бумажный прямоугольник голубого цвета с каким-то логотипом наверху.

– Дженнифер, нам нужно переставить машину, – сказал я. – Мы припарковались только на полчаса.

– А, ладно, извините, – последнее было адресовано гинекологу, которая улыбнулась тебе, не обратив на меня ни малейшего внимания. Подавшись вперед, она тронула тебя за руку:

– По телефону на первой странице карты звоните в случае любых вопросов.

Домой мы ехали молча. Ты держала распечатку УЗИ на коленях, изредка прикладывая ладонь к животу, словно пытаясь увязать то, что ты чувствуешь, с тем, что ты видишь.

– О чем гинеколог хотела поговорить? – спросил я, когда мы доехали домой.

– О моей истории болезни, – ответила ты, но слишком быстро, словно заученно.

Я знал, что ты лжешь. Позже, когда ты заснула, я пролистал твою карту, желая найти голубую визитку с круглым логотипом, но ее там не оказалось.

Я наблюдал, как ты меняешься, как растет у тебя живот. Я рассчитывал, что твоя зависимость от меня усилится, но вместо этого ты стала более самостоятельной и стойкой. Я снова терял тебя, на этот раз из-за ребенка, и не знал, как тебя вернуть.

Лето выдалось жарким, и ты взяла в привычку ходить по дому в опущенной под выпирающий живот юбке и задранной куцей майке. Пупок у тебя торчал – я не мог на это смотреть. Я не понимал, почему тебе так нравится разгуливать в подобном виде и даже открывать дверь.

Ты перестала работать, хотя до родов оставалось много недель, и я рассчитал уборщицу. Какой смысл платить за уборку, если ты целыми днями дома и ничего не делаешь?

Утром я оставил тебя за глажкой и, вернувшись, увидел, что все выглажено и дом сверкает. Ты выглядела уставшей, и я был тронут твоей старательностью. Я решил налить тебе ванну – побаловать немножко – и задался вопросом, не заказать ли для тебя еды из ресторана или, может, самому что-то приготовить. Я понес рубашки наверх и открыл краны, прежде чем позвать тебя.

Я развешивал рубашки в шкаф, когда кое-что заметил.

– Что это?

Ты сразу смутилась:

– След от утюга. Прости, пожалуйста, телефон зазвонил, и я отвлеклась. Но это край подола, когда ты заправишь рубашку, видно не будет.

Ты расстроилась, но это же такой пустяк, всего лишь рубашка. Я отложил ее и шагнул вперед обнять тебя, однако ты дернулась и жестом защиты прикрыла живот, отвернув лицо и сморщившись в ожидании удара. Я же не собирался делать ничего подобного!

Но сделал, и в этом ты можешь винить только себя.

Глава 42

Мобильный у Рэя зазвонил, когда он пристраивал машину на последнее свободное место во дворе. Он нажал на гарнитуре «принять» и обернулся посмотреть, нельзя ли податься назад еще чуть-чуть.

Оливия Риппон без предисловий перешла к делу:

– Я хочу, чтобы брифинг по операции «Сокол» состоялся сегодня.

«Мондео» Рэя ткнулся в синий «Вольво», припаркованный сзади.

– Блин!

– Это не совсем та реакция, на которую я рассчитывала. – В голосе начальницы слышались нотки юмора. Рэй даже растерялся: что привело ее в такое хорошее настроение?

– Простите, мэм. – Он выбрался из машины, оставив ключи в зажигании на случай, если владельцу «Вольво» понадобится выехать, и оглядел бампер, но вмятин не заметил. – Вы говорили о...

– Брифинг по «Соколу» запланирован на понедельник, – повторила Риппон с нехарактерным для нее терпением, – но я хочу ускорить события. Вы видели утренние новости, где некоторые другие службы получили свою порцию критики за недопустимую снисходительность к хранению наркотиков?

Ага, подумал Рэй, вот чем объясняется твоя радость!

– Сейчас самый подходящий момент продемонстрировать нашу нетерпимость к наркотикам. Национальные издания уже подхватили тему, и я хочу, чтобы вы собрали необходимые ресурсы на несколько дней раньше.

Рэй похолодел.

– Сегодня я никак не могу, – ответил он.

В трубке повисла пауза.

Рэй ждал, пока Риппон заговорит, но молчание тянулось, становясь невыносимым, и он почувствовал, что должен объяснить.

– У меня в полдень встреча с директором школы, где учится мой сын.

Ходили слухи, что, пока учились дети Риппон, она принимала участие в родительских собраниях с помощью телефонной конференции, и Рэй понимал – вряд ли такая причина покажется ей уважительной.

– Рэй, – сказала начальница уже безо всякой иронии в голосе. – Как вам известно, я поддерживаю работников с иждивенцами и всячески отстаиваю гибкий рабочий график для людей с детьми. Но либо я сильно

ошибаюсь, либо у вас есть жена, так или нет?

– Так.

– И она тоже намерена присутствовать на разговоре с директором?

– Да.

– Так в чем, позвольте спросить, проблема?

Прислонившись к стене у бокового входа в управление, Рэй поглядел в небо в поисках вдохновения, но увидел только низкие серые тучи.

– Моего сына травят в школе, мэм. Боюсь, ему сильно достается. Это первая возможность поговорить со школьной администрацией после того, как они признали существование проблемы, и жена настаивает на моем присутствии... – Рэй мысленно выругал себя за то, что сваливает вину на Мэгс. – Я должен там быть, я хочу там побывать!

Оливия чуть смягчилась.

– Сочувствую, с детьми действительно бывают проблемы. Если вас так тянет на это собрание, идите, но брифинг состоится в любом случае, и сообщение об этом появится в национальных СМИ и покажет, что мы сплоченная, прогрессивная, нетерпимая к правонарушениям сила. Если вы не можете провести брифинг, я найду того, кто сможет. Позвоню вам через час.

– Вот тебе и выбор Хобсона, – буркнул Рэй, убирая мобильный в карман. Ничего сложного: на одной чаше весов карьера, на другой семья. Поднявшись в кабинет, он закрыл дверь и сел, сложив ладони. Операция «Сокол» обещала стать резонансной, и Рэй не сомневался, что Риппон его проверяет: готов ли он на жертвы ради продвижения по служебной лестнице? Рэя не так уж привлекала новая должность, но через год пора менять машину, сын и дочь скоро начнут заговаривать о каникулах за границей, да и Мэгс заслуживает дома попросторнее. У него двое способных детей, которые будут поступать в университет, а где взять на это средства, если долгожданное повышение уплывет? Нельзя сделать яичницу, не разбив яиц.

С тяжким вздохом он снял трубку и набрал свой домашний номер.

Начало операции «Сокол» обставили самым торжественным образом: представителей прессы пригласили в конференц-зал главного управления на полчасовой брифинг, и Риппон представила Рэя как «одного из наших лучших детективов». Инспектор точно и глубоко отвечал на вопросы о масштабах распространения наркотиков в Бристоле, о мерах, которые принимает полиция, и о своей личной преданности задаче восстановления общественной безопасности и искоренения уличной торговли наркотиками.

Когда репортер «Ай-ти-эн» попросил его добавить в заключение несколько слов, Рэй, глядя в камеру, со всей твердостью произнес:

– Есть отдельные личности, которые с неслыханной наглостью занимаются своим грязным бизнесом, считая, что полиция бессильна им помешать. Но у нас достаточно ресурсов, нашу решимость не поколебать, и мы не успокоимся, пока не очистим от наркотиков улицы Бристоля!

Это заявление вызвало аплодисменты, и Рэй покосился на Риппон, которая еле заметно кивнула. В результате проведенных рейдов по шести адресам удалось произвести четырнадцать задержаний. Обыск займет не один час, и Рэй гадал, как Кейт справляется с новыми обязанностями ответственного по вещдокам.

Улучив минуту, он ей позвонил.

– Как раз вовремя, – похвалила Кейт. – Вы тут?

– Я у себя в кабинете, а что?

– Приходите в столовую через десять минут, у меня для вас кое-что есть!

Он спустился через пять минут, нетерпеливо ожидая Кейт, которая влетела в двери с широкой улыбкой на лице.

– Кофе будешь? – спросил Рэй.

– Времени нет, нужно возвращаться, вы поглядите сюда! – Девушка протянула прозрачный пакет с голубой визитной карточкой.

– Такая же, как найденная у Дженны Грэй при обыске, – удивился Рэй. – Где взяли?

– В одном из домов во время обыска. Но не совсем такая. – Кейт разгладила пакет, и Рэй смог прочесть надпись на карточке. – Логотип такой же, а вот адрес другой.

– Интересно. У кого это нашли?

– У Доминики Леттс, но она отказывается говорить без адвоката. – Кейт взглянула на часы. – Черт, пора... – Она сунула Рэю пакет. – Можете оставить себе, у меня есть копия. – Она снова улыбнулась и убежала, оставив Рэя рассматривать визитку. Адрес самый обычный – улица в жилом квартале, вроде Грантем-стрит, но в логотипе, кажется, был какой-то скрытый смысл – разомкнутые снизу восьмерки одна в другой, как русские матрешки.

Рэй покачал головой. Нужно зайти в изолятор и проверить, все ли путем, потому что завтра Грэй приедет на суд. Пакет с визиткой он сунул в карман.

Только в десять вечера Рэй сел в машину и впервые за день почувствовал

какой-то подвох в своем решении предпочесть работу семье. Всю дорогу он раскладывал ситуацию по полочкам и затормозил у дома, почти убедив себя, что поступил правильно. Он верил в это, пока не услышал, как Мэгс плачет в гостиной.

– Господи, Мэгс, что стряслось? – Выронив портфель, Рэй присел перед женой на корточки, отведя волосы, чтобы увидеть ее лицо. – С Томом что-нибудь?

– Да! – Она оттолкнула его руки.

– Что сказали в школе?

– Они считают, это продолжается минимум год. Директриса пояснила – они ничего не могли сделать, пока у них не было доказательств.

– А теперь доказательства появились?

Мэгс странно, резко засмеялась:

– Еще какие! По всему Интернету. Кражи в магазинах, нападения на улице с целью заснять реакцию на телефон... Полный джентльменский набор, короче. Все заснято и выложено на «ютьюбе», смотри не хочу!

У Рэя сжалось в груди. При мысли о том, через что пришлось пройти его сыну, инспектору стало физически нехорошо.

– Он спит? – Рэй кивнул вверх.

– Наверно. Утомился, бедняжка – я полтора часа на него орала.

– Орала?! – Рэй встал. – Иисусе, Мэгс, разве парню мало досталось?

Он сделал движение к лестнице, но Мэгс схватила мужа за руку:

– Ты так ничего и не понял?

Рэй недоуменно посмотрел на жену.

– Да, ты, гляжу, и впрямь женился на своей работе. Том вовсе не жертва, Рэй. Наш сын – первый в школе хулиган!

Рэй даже покачнулся, как от удара.

– Его заставили!

Мэгс перебила, уже мягче:

– Никто его не заставлял! – Вздохнув, она снова села. – Похоже, он сколотил небольшую, но влиятельную шайку, человек в шесть. Среди них Филипп Мартин и Коннор Экстелл.

– Ничего себе, – пробормотал Рэй, узнав известные в городе фамилии.

– По достоверной информации, верховодит у них Том. Это ему принадлежит идея прогуливать уроки и подкарауливать учеников возле образовательного центра для особенных детей...

Рэй так и обмер.

– А вещи под кроватью? – только и спросил он.

– Украдены по заказу. Том лично ни одну не крал – он, видишь ли, не

любит пачкать ручонки.

Рэй никогда не слышал такой горечи в голосе жены.

– И что нам теперь делать?

На случай аврала на работе существует протокол. Приказы, законы, правила, специально обученная команда профессионалов. А тут Рэй чувствовал себя беспомощным.

– Разберемся, – просто сказала Мэгс. – Извинимся перед теми, кому отравлял жизнь наш Том, вернем краденое, но прежде выясним, зачем он это делал.

Рэй помедлил. Трудно было выдавить из себя этот вопрос, но раз уж его посетила такая мысль, промолчать он не мог.

– Это моя вина? – спросил он. – Потому что меня никогда нет рядом?

Мэгс взяла мужа за руку:

– Перестань себя растравлять. Это и моя вина – я тоже ни о чем не догадывалась.

– Надо было мне чаще дома бывать.

Жена промолчала.

– Мэгс, прости. Так будет не всегда. Как только я стану суперинтендантом...

– Ты же прирожденный сыщик!

– Да, но...

– Так зачем тебе новая должность и совершенно другие обязанности?

– Как зачем? – даже растерялся Рэй. – Ради всех нас! Чтобы купить дом побольше, чтобы тебе не пришлось выходить на работу...

– Но я очень даже хочу работать! – всплеснула руками Мэгс. – Дети целыми днями в школе, ты в управлении, а как же я? Перспектива новой карьеры заставила меня встряхнуться впервые за много лет... – Поглядев на Рэя, она смягчилась: – Ах ты, старый дуралей!

– Прости, – повторил Рэй.

Мэгс поцеловала его в лоб.

– Ты Тома сегодня не трогай. Я завтра не пущу его в школу, будет ему разговор. А сейчас давай-ка поговорим о нас.

Рэй проснулся и увидел, как Мэгс тихо ставит на тумбочку чашку чая.

– Я так и думала, что ты захочешь встать пораньше, – шепнула она. – Сегодня же суд над Грэй.

– Ничего, Кейт и одна справится. – Рэй сел на постели. – Я останусь дома и поговорю с Томом.

– И пропустишь минуту славы? Не выдумывай, поезжай. Мы с Томом

чем-нибудь займемся по дому, как в детстве. У меня ощущение, что ему не нотации нужно читать, а выслушать.

Рэй подумал, какая мудрая у него жена.

– Из тебя выйдет блестящий учитель. – Он взял ее за руку: – Я тебя недостойн.

Мэгс улыбнулась.

– Это уж как водится, но ты от меня никуда не денешься.

Дружески сжав его руку, она пошла вниз, оставив мужа пить чай. Рэй задался вопросом, давно ли работа вышла на первый план, и со стыдом понял – он не помнит, когда было иначе. Это надо менять и думать в первую очередь о Мэгс и детях. Как он мог быть настолько слеп к ее желаниям? Оказывается, не только ему жизнь временами кажется скучной. Мэгс пытается справиться со скукой, решив начать поиски новой работы, а что делает он? Рэй подумал о Кейт и покраснел.

Он принял душ, оделся и сошел вниз, ища пиджак от костюма.

– Он здесь, – сказала Мэгс, выходя из гостиной с пиджаком в руках. Она указала на пакет, торчащий из кармана: – А это что?

Рэй вынул пакет с карточкой и подал жене:

– Это может иметь отношение к делу Грэй. Не могу понять, что изображает логотип.

Мэгс взяла пакет и взгляделась в визитку.

– Это же человек, – сразу сказала она, – который кого-то обнимает.

У Рэя даже приоткрылся рот. Он поглядел на карточку и увидел то, что описывала Мэгс. Незаконченная непропорциональная восьмерка оказалась головой и плечами, а руки обнимали меньшую фигурку, повторявшую очертания первой.

– Ну конечно же! – вырвалось у него. Он вспомнил о доме на Грантем-стрит со множеством замков и тюлевыми шторами, не позволявшими заглянуть внутрь. Он подумал о Дженне Грэй и постоянном страхе, застывшем в ее глазах. Картина начинала складываться.

На лестнице послышались шаги, и в кухне появился Том, опасливо косясь на отца. Рэй уставился на него. Много месяцев он думал, что его сын – жертва, но, оказывается, таких жертв лучше обходить стороной.

– Я все неправильно понял, – произнес он.

– В смысле? – переспросила Мэгс, но Рэй уже ушел.

Глава 43

Вход в бристольский королевский суд находится в маленьком переулке с подходящим названием Смолл-стрит.

– Я вас лучше тут высажу, – говорит мне таксист. Если он и узнал меня по фотографии в газетах, то не подает виду. – Возле суда сегодня толпа, ближе не подъехать.

Он останавливает такси на углу возле «Ол Бар Уан», откуда расслабленно выходят самодовольные «деловые костюмы» после ланча. Один из них ухмыляется мне:

– Эй, красотка, хочешь выпить?

Я отворачиваюсь.

– Дура фригидная, – ворчит он, и его спутники покатываются со смеху. Я глубоко вздыхаю, стараясь не поддаваться панике и высматривая Йена. Он где-нибудь здесь? Он видит меня?

Высокие здания Смолл-стрит словно клонятся друг к другу, создавая сумрачный гулкий проход, от которого по спине пробегает дрожь. Не пройдя и нескольких шагов, я вижу толпу, о которой говорил таксист. Часть дороги отгорожена, и за натянутыми барьерами собралось человек тридцать. Некоторые участники протеста держат плакаты на палках, пристроив их на плечо, а через барьер перекинут огромный лист, где жирно намалевано красной краской: «Убийца!» – и с каждой буквы стекают струйки, имитируя сочащуюся кровь. Двое полицейских в светоотражающих жилетах стоят сбоку от группы протестующих, сохраняя невозмутимое спокойствие, хотя оглушительное скандирование можно расслышать и на другом конце Смолл-стрит:

– Правосудия для Джейкоба! Правосудия для Джейкоба!

Я медленно иду ко входу, пожалев, что не захватила шарф или темные очки. Краем глаза на противоположном тротуаре я замечаю человека – он стоит, прислонившись к стене, но при виде меня выпрямляется и выхватывает мобильный телефон. Я ускоряю шаги, но мужчина не отстает, спеша по своей стороне улицы. Он куда-то звонит – разговор длится буквально несколько секунд. Карманы его светлого жилета оттопыриваются от разнообразных фотообъективов, насколько я понимаю, а на плече висит черная сумка. Обогнав меня, он вытаскивает фотоаппарат, вставляет объектив движением, свидетельствующим о многолетней практике, и делает снимок.

Я не буду обращать на них внимания, думаю я, задыхаясь от волнения. Я просто войду в суд, будто их нет рядом. Полиция здесь для того, чтобы удерживать протестующих за ограждениями, вот я и сделаю вид, будто никакой толпы нет.

У самого входа ко мне подсказывает репортерша, которую месяц назад я видела на лестнице у магистратского суда.

– Пара слов для «Пост», Дженна! Возможность донести до читателя вашу версию!

Я пытаюсь ее обойти и чуть не сталкиваюсь с протестующими. Скандирование переходит в яростные крики и улюлюканье, и вдруг толпа прорывается ко мне. Одно из ограждений опрокидывается и падает на булыжники – резкий, как выстрел, звук падения эхом отдается в каменном ущелье Смолл-стрит. Полицейские спокойно выдвигаются вперед, расставив руки, и оттесняют всех обратно за барьер. Некоторые участники протеста снова принимаются скандировать, но большинство смеются и болтают друг с другом, будто вышли за покупками. Веселая вылазка.

Когда толпа отступает и полицейские восстанавливают ограждение вокруг разрешенного для протеста пятачка, возле меня остается стоять женщина. Она моложе меня – ей нет и тридцати – и, в отличие от других протестующих, она без плаката, только что-то сжимает в руке. На ней коричневое, довольно короткое платье поверх черных колготок, а на ногах совсем не подходящие ни к платью, ни к сезону грязноватые белые парусиновые кеды. Пальто расстегнуто, несмотря на холод.

– Он был таким хорошим ребенком, – тихо говорит она.

И я сразу узнаю в ней черты Джейкоба: чуть раскосые голубые глаза, лицо сердечком, острый подбородок.

За барьерами наступает молчание. Все смотрят на нас.

– Он почти не плакал, даже когда болел, просто лежал рядом со мной, смотрел на меня и ждал, когда ему полегчает.

Ее английский безукоризненный, но с неуловимым акцентом – Восточная Европа, наверное. Голос звучит размеренно, будто женщина пересказывает автоматически заученный текст, и хотя она держится стойко, мне кажется, что она напугана нашей встречей не меньше моего, а возможно, и больше.

– Я была совсем молоденькой, когда родила. Сама еще девчонка. Его отец не хотел, чтобы я рожала, но я не смогла прервать беременность. Я очень любила своего ребенка уже тогда. – Она говорит ровно, без эмоций. – Джейкоб стал для меня всем.

У меня выступают слезы. Я презираю себя за эту слабость – ведь мать

Джейкоба стоит передо мной с сухими глазами. Я заставляю себя не вытирать щеки и чувствую, что моя собеседница тоже вспоминает тот вечер, когда она всматривалась в залитое дождем лобовое стекло, щурясь от света фар. Сегодня нас ничто не разделяет, она видит меня так же четко, как я ее. Я удивляюсь, почему она не набрасывается на меня, не бьет, не кусает, не царапает мое лицо? Сомневаюсь, что на ее месте мне хватило бы сдержанности.

– Аня! – Какой-то человек зовет ее из толпы протестующих, но она, не обращая внимания, протягивает фотографию и держит, пока я не беру.

Снимок не тот, что был во всех газетах; с улыбкой, открывающей недостаток передних зубов, и в школьной форме, голова чуть повернута, как велел фотограф. Здесь Джейкобу всего три-четыре года, и мать прижимает его к себе, лежа в высокой траве, густо заросшей одуванчиками. Судя по ракурсу, Аня сама сделала этот снимок: ее рука вытянута за пределы кадра. Джейкоб смотрит в камеру, щурясь на солнце и смеясь, и Аня тоже смеется, но глядит на Джейкоба, и в ее глазах можно увидеть крошечные отражения сына.

– Мне очень жаль, – говорю я. Меня передергивает от бессилия и беспомощности этих слов, но я не могу подобрать других или промолчать при виде ее горя.

– У вас есть дети?

Я думаю о своем сыне, о его невесомом тельце, завернутом в больничное одеяло, о боли в матке, которая никогда не проходит. В английском языке должно быть слово для матери без детей, для женщины, лишившейся ребенка, который был смыслом ее жизни.

– Нет. – Я тщетно подыскиваю, что еще сказать, и протягиваю фотографию обратно. Аня качает головой.

– Мне не нужно, – отказывается она, – я ношу его лицо тут. – Она прижимает ладонь к груди. – Но вам, – тут следует секундная пауза, – вам надо помнить. Вы должны помнить, что был такой мальчик, что у него была мать и что ее сердце разбито.

Нырнув под барьер, она скрывается в толпе, а я судорожно втягиваю воздух, будто долго просидела под водой.

Мой адвокат – женщина средних лет – глядит на меня с известным интересом, входя в маленькую комнату для консультаций, возле которой в коридоре стоит охранник.

– Рут Джефферсон, – представляется она, протягивая руку. Ее рукопожатие твердо. – Сегодня простой этап, мисс Грэй. Вы уже признали

свою вину, поэтому предстоящее слушание нужно лишь для вынесения приговора. Наше разбирательство в расписании идет первым после обеденного перерыва, и, боюсь, вам достался судья Кинг.

Рут присаживается напротив меня за стол.

– А что плохого в судье Кинге?

– Скажем так, он не отличается снисходительностью, – невесело усмехается Рут, блеснув великолепными белыми зубами.

– Сколько мне дадут? – не удерживаюсь я и тут же мысленно себя одергиваю. Это не важно. Главное сейчас – поступить правильно.

– Сложно сказать. Скрыться с места аварии и не сообщить о случившемся – это грубое нарушение, однозначно влекущее за собой лишение водительских прав, но сейчас это для нас не важно, потому что наезд со смертельным исходом в любом случае означает срок. А дальше возможны два варианта. За причинение смерти по неосторожности теоретически полагается лишение свободы от двух до четырнадцати лет, но в пояснениях к законодательству рекомендовано от двух до шести. Судья Кинг будет настаивать на шести, и моя задача – убедить его, что два года вполне достаточно. – Она открывает черную чернильную ручку. – У вас случайно нет психических отклонений в истории болезни?

Я качаю головой, и на лице адвоката мелькает огорчение.

– Давайте тогда об аварии. Я так понимаю, в тот вечер видимость на дороге была очень плохой. Вы видели мальчика перед столкновением?

– Нет.

– Вы страдаете какими-то хроническими заболеваниями? – спрашивает Рут. – Это весьма ценно в делах такого рода. Или, может, вы плохо себя чувствовали в тот вечер?

Я бесстрастно смотрю на нее. Адвокат цокает языком:

– Вы прямо-таки затрудняете мне работу. Вы страдаете аллергией? Может, вы чихнули перед самым наездом?

– Не понимаю.

Рут вздыхает и произносит медленно, будто растолковывая ребенку:

– Судья Кинг уже просмотрел материалы дела и составил в уме приговор. Моя задача – убедить его, что это был просто несчастный случай, уйти от наезда не представлялось возможным, и вы очень сожалеете о случившемся. Я не вкладываю слова вам в рот, это так, для примера. – Рут смотрит на меня в упор: – Так, может, у вас был приступ аллергии, и вы чихнули?

– Но я не чихала!

Так вот как это делается? Одна ложь громоздится на другую, и все

ради того, чтобы получить минимальное наказание? Неужели наша система правосудия настолько порочна? Мне становится противно.

Рут Джефферсон углубляется в свои записи и вдруг поднимает голову:

– Мальчик действительно выбежал на дорогу неожиданно? По словам его матери, она отпустила его руку, когда они подошли к переходу, стало быть...

– Она не виновата!

Адвокат приподнимает тщательно выщипанные брови.

– Мисс Грэй, – спокойно произносит она, – мы здесь не для того, чтобы устанавливать, чья это вина. Мы с вами должны обсудить смягчающие обстоятельства данного случая. Пожалуйста, не позволяйте эмоциям брать верх над рассудком.

– Простите, но смягчающих обстоятельств не было, – резко говорю я.

– Моя работа их найти, – парирует Рут. Она откладывает папку и подается вперед: – Поверьте, мисс Грэй, есть огромная разница между двумя и шестью годами в тюрьме, и если есть хоть что-то, что оправдывает ваши действия – задавить пятилетнего и уехать, – скажите мне об этом сейчас.

Мы несколько секунд смотрим друг на друга.

– Мне очень жаль, но нет, – отвечаю я.

Глава 44

Не снимая пальто, Рэй быстрым шагом поднялся на этаж, рывкнув Кейт, просматривавшей список дел, раскрытых за последние сутки:

– В мой кабинет, быстро!

Констебль сразу встала и пошла следом:

– А что случилось?

Рэй не ответил. Он включил компьютер и положил голубую визитную карточку на стол.

– Напомни, у кого нашли эту карточку?

– У Доминики Леттс, сожительницы одного из наших наркодилеров.

– Она что-то говорила о ней?

– Ни словечка.

Рэй скрестил руки на груди:

– Это убежище для женщин.

Кейт непонимающе смотрела на него.

– Дом на Грантем-стрит, – пояснил Рэй, – и другой, по этому адресу. – Он кивнул на визитку. – Я считаю, это убежища для жертв домашнего насилия. – Он сел поглубже в кресло и заложил руки за голову. – Мы точно знаем, что сожитель избивал Доминику Леттс, и из-за этого чуть не сорвалась операция «Сокол». Я заехал по этому адресу по дороге на работу, там все в точности, как на Грантем-стрит: датчики движения у входа, тюлевые занавески на окнах, никакого почтового ящика у двери.

– То есть вы считаете, что Дженна Грэй – жертва?

Рэй утвердительно кивнул.

– Ты заметила, как она избегает смотреть в глаза? Вся какая-то дерганая, нервная и неизменно замыкается, почуяв угрозу.

Не успел он развить свою теорию, как зазвонил телефон: на дисплее высветился внутренний номер дежурного.

– К вам посетитель, сэр, – сообщила Рэйчел. – Некто Патрик Мэтьюс.

Имя показалось Рэю совершенно незнакомым.

– Я никого не жду, Рэйч. Запиши, чего он хочет, и выпроводи.

– Я пыталась, сэр, но он настаивает. Говорит, ему обязательно нужно с вами переговорить по поводу его подруги Дженны Грэй.

У глядевшего на Кейт Рэя глаза полезли из орбит: бойфренд Дженны? Он проверял этого Мэтьюса, но нашел только старое предупреждение за пьяный дебош, вынесенное еще в студенческие годы. Может быть, стоило

копнуть глубже?

– Проводите его ко мне, – сказал он, положил трубку и быстро объяснил Кейт суть дела.

– Думаете, это Мэтьюс распускает руки? – спросила девушка.

Рэй покачал головой:

– Непохоже.

– Так с виду никогда и не скажешь... – начала Кейт, но замолчала: в кабинет вошла Рэйчел с Патриком Мэтьюсом. Тот явился в потертой куртке и с рюкзаком на плече. Рэй указал на второй свободный стул, и гость присел на краешек, словно готовый вскочить в любой момент.

– Я так понял, у вас есть информация о Дженне Грэй? – без предисловий спросил Рэй.

– Не то чтобы информация, сэр, – ответил Патрик. – Скорее что-то на уровне интуиции.

Рэй взглянул на часы. Слушание по делу Дженны в суде состоится сразу после перерыва на обед, и Рэй хотел присутствовать в зале, когда ей вынесут приговор.

– И что же подсказывает ваша интуиция, мистер Мэтьюс? – Инспектор поглядел на Кейт, которая едва заметно дернула плечом. Да, Патрик Мэтьюс не был тем человеком, которого всем существом боялась Дженна. Но кто же так ее пугал?

– Можно просто Патрик... Слушайте, вы, конечно, решите – я нарочно так говорю, но, по-моему, Дженна не виновата.

У Рэя проснулся интерес.

– Она чего-то недоговаривает о той ночи, когда произошел несчастный случай, – продолжал Патрик. – Не только мне, вообще никому об этом не рассказывает. – Он невесело засмеялся: – Я искренне думал, что нас с ней ждет общее будущее, но если она наотрез отказывается общаться со мной, какое уж тут будущее... – Он покорно приподнял руки, и Рэю сразу вспомнилась Мэгс со своим «ты никогда со мной не говоришь».

– Как вам кажется, что она от вас утаивает? – спросил он с резкостью, которую сам от себя не ожидал. Неужели в каждом отношении есть свои секреты?

– У Дженны под кроватью стоит шкатулка, – смущенно начал Патрик. – Я бы в жизни не полез рыться в ее вещах, но она упорно не желала ничего объяснять, а когда я дотронулся до шкатулки, огрызнулась, чтобы я оставил ее в покое... Я подумал, может, там найдутся какие-то ответы...

– Короче, вы заглянули в шкатулку. – Рэй пристально посмотрел на

Патрика. Тот не производил впечатление агрессивного типа, но привычка рыться в вещах партнерши порой указывает на стремление все контролировать.

Патрик кивнул:

– У меня есть ключ от коттеджа – мы договорились, что я заберу ее собаку после того, как Дженна уедет в суд... – Он вздохнул. – Лучше бы я не трогал эту шкатулку! – Он протянул Рэю конверт: – Взгляните.

Рэй открыл конверт и увидел красную обложку британского паспорта. С фотографии на него смотрела молодая Дженна – серьезная, волосы убраны в свободный «конский хвост». Справа он увидел имя: Дженнифер Петерсен.

– Так она замужем. – Рэй взглянул на Кейт. Как это могло ускользнуть от их внимания? В отношении всех задержанных проводилась обстоятельная проверка, и уж в следственном изоляторе не прохлопали бы нечто настолько значимое, как смена фамилии! Детектив поглядел на Патрика Мэтьюса: – А вы, получается, не знали?

Процесс над Дженной должен был начаться через десять минут. Рэй забарабанил пальцами по столу: фамилия Петерсен показалась ему знакомой.

– Она сказала, что *была* замужем; я предположил, что они развелись...

Рэй и Кейт переглянулись. Рэй поднял трубку телефона и позвонил в суд.

– Слушание дела Грэй уже началось?

Он подождал, пока секретарь суда сверится со списком.

Петерсен, а не Грэй!.. Вот это косяк.

– Ладно, спасибо. – Рэй положил трубку. – Судья Кинг задерживается, у нас есть полчаса.

Кейт выпрямилась:

– Предварительные показания, которые я вам вчера принесла – ну, когда вы отправили меня разбираться с той дамочкой на ресепшене, – где они?

– Где-то среди входящих, – ответил Рэй.

Кейт кинулась перебирать бумаги. Приподняв три верхние папки, она, не найдя свободного места на столе, ухнула их на пол и принялась с поразительной быстротой просматривать документы, отбрасывая ненужные и хватая следующие.

– Вот! – торжествующе воскликнула она, вытащив файл и шлепнув его на стол перед Рэем. Поверх исписанных листков лежали клочки разорванной фотографии. Патрик взял один обрывок, с любопытством

поглядел на него и поднял взгляд на Рэя:

– Можно?

– Будьте любезны, – ответил тот, не совсем понимая, о чем просит Мэтьюс.

Патрик начал складывать фрагменты, и через полминуты перед ними лежал снимок бухты Пенфач. Рэй присвистнул:

– Так это Дженна Грэй сестра Евы Мэннингс! Вот о ком она так волновалась... – Он мгновенно переключился в рабочий режим: – Мистер Мэтьюс, спасибо, что привезли паспорт. Вынужден просить вас дожидаться нас в суде – Рэйчел объяснит, как туда добраться. А у нас срочное дело. Кейт, беги в ДН^[9], я сейчас подойду.

Кейт повела Патрика вниз, а Рэй уже говорил в трубку:

– Натали, это Рэй Стивенс из криминальной полиции. Погляди прямо сейчас, что у нас есть на Йена Петерсена, белый, примерно пятидесяти лет!

Рэй гигантскими прыжками одолел пролет лестницы и скрылся за дверью с надписью «Служба защиты». Через несколько секунд его догнала Кейт, и они вместе нажали кнопку звонка у отдела по борьбе с домашним насилием. Приветливая женщина с короткими черными волосами и крупной бижутерией открыла дверь.

– Натали, удалось что-нибудь найти?

Наталипустила детективов в кабинет и развернула к ним монитор:

– Йен Фрэнсис Петерсен родился двенадцатого апреля 1965 года, задерживался за вождение в пьяном виде и нападение сотягчающими. Кроме того, в отношении Петерсена действует судебный запрет на приближение...

– Случайно не к женщине по имени Дженнифер? – спросила Кейт. Наталипокачала головой:

– Мэри Уолкер. Мы поддержали ее решение уйти от Петерсена после шести лет систематических избиений. Она писала на него заявление, но он отмазался. Официальный запрет приближаться выдан гражданским судом и остается действительным до сих пор.

– А до этой Мэри по Петерсену что-нибудь есть?

– Про подружек – нет, но за десять лет до этого он получил предупреждение за нападение без отягчающих... на свою мать.

У Рэя желчь поднялась к горлу.

– Мы считаем, что Петерсен женат на женщине, связанной с гибелью Джейкоба Джордана, – пояснил он. Натали встала и подошла к серым металлическим стеллажам. Вытянув длинный ящик, она проворно

перебрала содержимое.

– Вот все, что у нас есть на Дженнифер и Йена Петерсенов.
Предупреждаю, чтение не для слабонервных.

Глава 45

Выставки, которые ты устраивала, были скучными; приемы мне нравились куда больше: они проходили в переоборудованных бывших складах, студиях, заводских цехах. Правда, публика там преобладала все та же: громогласные либералы в цветных шарфах. Женщины сплошь безапелляционные уродины, мужчины – вялые подкаблучники. Даже вину не доставало характера.

Перед ноябрьской выставкой ты была особенно трудной. За три дня я помог тебе перевезти твои изделия в тот склад, и остаток недели ты торчала там, якобы подготавливая выставку.

– Да сколько времени нужно, чтобы выставить несколько скульптур? – спросил я, когда ты второй вечер подряд вернулась поздно.

– Мы рассказываем историю, – ответила ты. – Гости будут переходить от одной работы к другой, и скульптуры должны говорить с ними соответствующим образом.

– Ты бы себя послушала! – засмеялся я. – Какая чушь! Ярлыки с ценами покрупнее повесь, остальное чепуха.

– Тебе необязательно приходить, если нет желания.

– Почему ты не хочешь, чтобы я там был? – Я с подозрением посмотрел на тебя. Твой взгляд был чересчур смелым, подбородок приподнят с еле заметным вызовом. Я задался вопросом, в чем причина такой внезапной *joie de vivre*^[10].

– Я просто не хочу, чтобы ты там заскучал. Мы справимся.

В твоих глазах мелькнула непонятная искорка.

– Мы? – приподнял я бровь.

Ты на мгновение растерялась, но отвернулась и притворилась, что занята мытьем посуды.

– Я и Филипп, куратор выставки.

Ты начала тереть губкой сковородку, которую я оставил отмокать. Я подошел сзади и своим весом прижал тебя к краю раковины, приблизив рот к твоему уху:

– Куратор, вот как? Ты так его называешь, когда он тебя трахает?

– Все совсем не так, – возразила ты. Еще с начала беременности ты приняла особенный тон в разговоре со мной: подчеркнуто спокойная интонация, точно ты общаешься с орущим ребенком или с сумасшедшим. Я ненавидел этот тон. Чуть отодвинувшись, я услышал, как ты с облегчением

выдохнула, и снова толкнул тебя вперед. По звуку, который ты издала, я понял, что тебе досталось в солнечное сплетение. Ты схватилась за края раковины, чтобы отдышаться.

– Ты не трахаешься с Филиппом? – прошипел я тебе в шею.

– Я ни с кем не трахаюсь.

– Ну, со мной-то точно, – сказал я. – По крайней мере, в последнее время.

Ты напряглась; я чувствовал – ты ждешь, что я проведу рукой между твоих ляжек, и даже хочешь этого. Мне было почти жаль тебя разочаровывать, но твоя тощая задница меня уже не привлекала.

В день выставки я был в нашей спальне, когда ты поднялась переодеться и замялась в нерешительности.

– Я у тебя уже все видел, – съязвил я, вынул чистую рубашку и повесил ее на дверцу шкафа. Ты разложила свой наряд на кровати. Я смотрел, как ты стягиваешь свои тренировочные штаны и складываешь фуфайку на завтра. На тебе был белый бюстгальтер и такие же трусы, и я задумался, не затем ли ты выбрала белый, чтобы он контрастировал с синяком на твоём бедре. Припухлость еще не сошла, и, присев на кровать, ты вздрогнула, словно подчеркивая – тебе больно. Ты надела широкие льняные брюки и просторную блузу из той же ткани, висевшую на твоих костлявых плечах. Я выбрал ожерелье из больших зеленых бусин на твоём туалетном столике:

– Помочь тебе надеть?

Ты колебалась, но присела на пуф. Я вытянул руки над твоей головой, держа бусы перед лицом. Ты приподняла волосы, чтобы не запутались в замочке. Я положил бусы тебе на ключицы и отвел концы назад, на долю секунды сдавив твою шею и почувствовав, как ты напряглась. Я засмеялся и застегнул ожерелье.

– Прелестно, – сказал я, нагнулся и поглядел на тебя в зеркало. – Старайся не выставить себя дурой, Дженнифер. Ты вечно срамишься на таких мероприятиях – напиваешься и начинаешь лебезить перед гостями.

Я выпрямился и натянул рубашку, выбрав бледно-розовый галстук. Надев пиджак, я взглянул в зеркало, удовлетворенный своим видом.

– Можешь вести машину, – бросил я, – если будешь трезвая.

Я несколько раз предлагал купить тебе новый автомобиль, но ты упорно держалась своей старой «Фиесты». Я терпеть не мог этот драндулет, но не собирался пускать тебя за руль моей «Ауди» после того, как ты, паркуясь, оставила на бампере вмятину, поэтому я сел на пассажирское сиденье твоей вонючей тачки и позволил отвезти себя на

твою выставку.

Когда мы приехали, у бара уже собралась целая толпа, и мы шли по залу под одобрительные перешептывания. Кто-то заплодировал, другие подхватили, но в целом хлопали лишь единицы, и результат получился довольно убогий.

Ты подала мне бокал шампанского и взяла один себе. К нам подошел брюнет с волнистыми волосами, и по тому, как загорелись твои глаза, я понял – это и есть Филипп.

– Дженна! – Он поцеловал тебя в обе щеки, и я заметил, как твоя рука коснулась его руки так коротко, что ты, наверное, думала – я не увижу. Так легко, что это могло сойти за случайность. Но я знал – это у вас некий условный знак.

Ты представила меня, и мы с Филиппом обменялись рукопожатием.

– Вы должны очень ею гордиться! – заявил он.

– У моей жены большой талант, – ответил я. – Разумеется, я ею горжусь.

После паузы Филипп снова заговорил:

– К сожалению, я вынужден похитить у вас Дженну. Мне положительно необходимо представить ее некоторым гостям – к ее работам огромный интерес, и... – Он выразительно потер пальцами, подмигнув мне.

– Я никогда не стоял на пути потенциальных сделок, – заверил я.

Я смотрел, как вы идете по залу. Филипп не убирал руку с твоего крестца, и я догадался, что у вас роман. Не знаю, как я выдержал до конца выставки, неотрывно следя за тобой. Когда в баре закончилось шампанское, я начал пить вино, оставаясь у стойки, чтобы не пришлось сто раз подходить. Я не спускал с тебя глаз. У тебя на лице была улыбка, которую я уже не вижу дома, и я вдруг вспомнил ту смеющуюся девушку, которую когда-то увидел в студенческом клубе в кругу подруг. Отчего ты совсем перестала смеяться?

Моя бутылка опустела, я попросил еще. Бармены переглянулись, но сделали, как я просил. Посетители начали расходиться. Я смотрел, как ты прощаешься с ними: некоторых целуешь, другим жмешь руки, но ни с одним ты не обнималась так тепло, как с твоим «куратором». Когда осталось всего несколько человек, я подошел к тебе.

– Пора ехать.

Ты явно смутилась.

– Я еще не могу, Йен, здесь же люди, и мне нужно помочь с уборкой.

К нам поспешил Филипп:

– Дженна, все нормально. Бедный Йен тебя почти не видел за вечер, ему, наверное, тоже хочется отметить твой триумф. Я все сам закончу, а ты заберешь свои скульптуры завтра. Какой успех! Отличная работа.

Он поцеловал тебя в щеку – на этот раз всего однажды, но во мне вскипела ярость, угрожая вырваться наружу, и я ничего не ответил.

Ты кивнула. Мне показалось, ты разочарована, что Филипп тебя не поддержал. Неужели ты надеялась, что он попросит тебя остаться? Отошлет меня прочь и задержит тебя? Я взял тебя за руку и впился пальцами между косточек, пока ты продолжала ему что-то говорить. Я знал, что ты никогда не скажешь ни слова, и медленно усиливал хватку, пока не почувствовал, как под пальцами играют хрящики.

Наконец Филипп сказал все, что мог сказать, и протянул мне руку. Пришлось тебя отпустить. Ты едва заметно выдохнула и спрятала одну руку под другую.

– Рад был познакомиться, Йен, – произнес Филипп, и его взгляд на мгновение скользнул к тебе: – Берегите ее, хорошо?

Я задумался, что же ты ему рассказывала.

– Я всегда ее берегу, – спокойно ответил я.

Я повернулся к выходу и взял тебя за локоть, глубоко погрузив большой палец в твою плоть.

– Ты делаешь мне больно, – еле слышно сказала ты. – Люди могут увидеть.

Не знаю, откуда у тебя взялся этот тон. Я его раньше не слышал.

– Дурака из меня делаешь? – прошипел я. Мы спустились по лестнице, миновав пару, которая нам вежливо улыбнулась. – Флиртуешь с ним у всех на глазах, целый вечер его трогаешь, целуешь! – Мы дошли до парковки, и я уже не стеснялся: мой голос далеко разносился в ночном воздухе. – Отвечай, ты с ним трахаешься?

Ты не ответила, и твое молчание разозлило меня еще больше. Я схватил тебя за руку и заломил за спину, сгибая все сильнее, пока ты не вскрикнула.

– Ты привезла меня сюда, чтобы посмеяться надо мной?

– Нет! – Слезы катились по твоему лицу, оставляя темные пятна на льняной блузе.

Мой кулак сжался сам собой, но когда я уже ощущал вибрацию в предплечье, мимо прошел человек.

– Добрый вечер, – поздоровался он.

Я удержал руку, и мы с тобой застыли в двух футах друг от друга, пока шаги не затихли вдали.

– Садись в машину.

Ты открыла дверцу и села за руль, попав ключом зажигания лишь с третьей попытки. Было всего четыре часа дня, но уже темнело. Шел дождь, и всякий раз, когда навстречу ехала машина, свет фар отражался от мокрого асфальта, заставляя тебя щуриться. Ты по-прежнему плакала и проводила рукой под носом.

– Только погляди на себя, – с отвращением сказал я. – Филипп знает, что ты такое на самом деле? Жалкая хнычущая мышь, а не женщина!

– Я не сплю с Филиппом, – произнесла ты, делая паузу после каждого слова. Я с размаху врезал по передней панели. Ты вздрогнула. – Я не в его вкусе, он же...

– Не говори со мной как с идиотом, Дженнифер! У меня есть глаза, я вижу, что между вами происходит!

Ты резко затормозила на красный, затем столь же резко нажала на педаль газа, когда включился зеленый. Я развернулся на сиденье боком и пристально следил за тобой. Я хотел угадать что-нибудь по твоему лицу, догадаться, о чем ты думаешь. Думаешь ли ты о нем. Я видел, что не ошибся, хотя ты и пыталась это скрыть.

Как только мы приедем домой, я это прекращу, думал я. Как только мы попадем домой, я отучу тебя думать вообще.

Глава 46

Королевский суд в Бристоле старше магистратского: от отделанных деревом коридоров веет солидностью и торжественностью. Приставы быстро выходят в коридор и возвращаются в зал суда; движение воздуха, создаваемое их развевающимися черными мантиями, заставляет трепетать углы бумаг на столе секретаря. Тишина неуютна, как в библиотеке, где давящее молчание вызывает желание закричать, и я с силой давлю основанием ладоней на закрытые глаза. Когда я убираю руки, все вокруг расплывается, кажется нечетким. Вот бы так было и дальше: размытые края и мутные силуэты кажутся не такими серьезными и угрожающими.

Теперь, когда я сижу на скамье подсудимых, я очень боюсь. Напускная смелость улетучилась, и хотя я холодею при мысли о том, что сделает Йен, если меня вдруг освободят в зале суда, я начинаю не на шутку бояться того, что ждет меня в тюрьме. Я нервно сжимаю руки, впиваясь ногтями в кожу левой ладони. Память наполняется эхом приближающихся шагов по металлическим переходам и узкими нарами в серых камерах с такими толстыми стенами, что никто не услышит моего крика. Почувствовав резкую боль, я опускаю глаза и вижу, что вонзила ногти до крови. Я вытираю выступившие капли, оставляя розовые мазки на тыльной стороне другой руки.

В подобии ложи, куда меня поместили, хватит места еще для нескольких человек. Два ряда стульев привинчены к полу, сиденья поднимаются, лишь стоит привстать, как в кино. С трех сторон меня окружает не вяжущаяся с классической обстановкой стеклянная перегородка, и я смущенно ерзаю на стуле, когда зал суда начинает наполняться. Сегодня зрителей куда больше, чем на первом слушании, и на их лицах не кроткое любопытство магистратских «вязальщиц», а жгучая ненависть ревнителей правосудия. Смуглый человек в кожаной куртке на два размера больше, чем нужно, сидит, подавшись вперед, кривя рот в молчаливой ярости. Я начинаю плакать, но он лишь качает головой, с отвращением оттопырив губу.

В моем кармане лежит фотография Джейкоба, и я трогаю ее, находя пальцами уголки.

Юристы тоже присутствуют в расширенном составе: у представителей защиты и обвинения своя команда – несколько человек, сидящих сзади за письменными столами, то и дело наклоняются друг к другу и вполголоса

обмениваются какими-то репликами. Только приставы и адвокаты здесь как рыбы в воде – перешучиваются между собой, ничуть не понижая голос, и я задаюсь вопросом, почему суд организован вот так, почему система сознательно отчуждает тех, кто в ней отчаянно нуждается. Дверь со скрипом распаивается, впуская в зал новый людской поток. У меня перехватывает дыхание, когда я вижу Аню. Она присаживается в первом ряду рядом с мужчиной в кожаной куртке, который берет ее за руку.

«Вы должны помнить, что был такой мальчик, что у него была мать и что ее сердце разбито».

Пустует только скамья присяжных. Мне представилось, как эти двенадцать мест заполняются мужчинами и женщинами, которые выслушивают показания, следят за тем, что я скажу, и решают, виновна я или нет. Я избавила их от пытки сомнения – правильный ли вердикт они вынесли, избавила Аню от боли описывать смерть сына для всего зала. Рут Джефферсон обещала, что это зачтется в мою пользу: судьи снисходительнее относятся к тем, кто сберегает государству процессуальные расходы.

– Встать, суд идет!

Судья Кинг стар, в морщинах на его лице написаны истории тысяч семей. Зоркими глазами он обводит полный зал, но не задерживает взгляда на мне. Я всего лишь очередная глава в его карьере, полной трудных решений. Наверное, про себя он уже свершил мою судьбу и знает, сколько лет мне отбывать в тюрьме.

– Ваша честь, слушается дело Дженны Грэй... – Секретарь зачитывает по бумаге, ее голос чист и деловит: – Мисс Грэй, вы обвиняетесь в причинении смерти по неосторожности, в оставлении места аварии и недонесении о случившемся. – Она глядит на меня: – Вы признаете себя виновной или невиновной?

Я прижимаю ладонь к фотографии в кармане:

– Виновной.

С публичной галереи доносится заглушенное рыдание.

«...ее сердце разрывается».

– Сядьте, пожалуйста.

Государственный обвинитель встает, берет стоящий перед ним графин и нарочито медленно наливает себе воды. Тишину в зале нарушает лишь звук воды, льющейся в стакан. Дождавшись, когда все взгляды будут устремлены на него, обвинитель начинает:

– Ваша честь, подсудимая признала себя виновной в гибели пятилетнего Джейкоба Джордана. Она призналась, что ее поведение за

рулем в тот ноябрьский вечер прошлого года было недопустимым для разумного человека. Более того, следствием установлено, что за минуту до трагедии автомобиль мисс Грэй вылетел с проезжей части на тротуар и что она ехала со скоростью от тридцати восьми до сорока двух миль в час, хотя в том районе действует ограничение скорости до тридцати миль в час.

Я сжимаю руки, стараясь дышать медленно и ровно, но мне на грудь будто давит тяжелый камень, и я не могу вздохнуть. Стук сердца эхом отдается в голове. Прикрыв глаза, я вижу мокрое от дождя лобовое стекло и слышу вопль – мой вопль – при виде маленького мальчика на тротуаре, отвернувшегося на бегу прокричать что-то своей матери.

– Далее, ваша честь. Сбив Джейкоба Джордана, который скончался на месте аварии, подсудимая не остановилась. – Обвинитель обводит взглядом зал – его риторика пропадает зря, присяжных нет. – Она не вышла из машины, не вызвала врачей, не выразила раскаяния, не оказала никакой практической помощи. Вместо этого подсудимая уехала, оставив пятилетнего Джейкоба на руках обезумевшей от горя матери.

Верно, я хорошо помню, как она наклонилась над мальчиком, почти закрыв его своим пальто, защищая от дождя. Свет фар выхватывал все до последней мелочи. Я зажимаю рот руками, боясь дышать.

– Можно предположить, ваша честь, что первоначальная реакция подсудимой была вызвана шоком, что мисс Грэй поддалась панике и уехала, не разбирая дороги, но спустя несколько минут, часов или даже суток она должна была опомниться и явиться с повинной. Вместо этого подсудимая сбежала из Бристоля в деревушку в сотнях милях отсюда, где никто ее не знал. Только что она признала себя виновной, но это заявление родилось из осознания, что ей больше некуда бежать, и обвинение почтительно настаивает, чтобы этот факт не был упущен при вынесении приговора.

– Благодарю вас, мистер Лэсситер. – Судья что-то записывает в блокноте, и государственный обвинитель склоняет голову, прежде чем сесть, предусмотрительно подтянув мантию спереди. У меня потеют ладони. От публичной галереи исходит ощутимая волна ненависти.

Мой адвокат перебирает свои бумаги. Несмотря на признание вины и уверенность, что я дорого заплачу за то, что произошло, мне вдруг очень хочется, чтобы Рут Джефферсон за меня поборолась. Мне становится дурно при мысли, что это моя последняя возможность высказаться. Через несколько минут судья вынесет приговор, и все будет кончено.

Рут Джефферсон встает и открывает рот, но тут дверь зала суда распахивается, гулко ударившись о стену. Судья Кинг резко поднимает

голову, не скрывая неодобрения.

Патрик выглядит так неуместно в обстановке зала суда, что я не сразу его узнаю. Он потрясенно смотрит на меня в наручниках, сидящую за пуленепробиваемым стеклянным экраном. Что он здесь делает? И тут я замечаю, что вместе с Патриком вошел инспектор Стивенс, который кивает судье и, подойдя к представителю обвинения, наклоняется и еле слышно о чем-то говорит.

Тот внимательно слушает, что-то записывает в блокноте и тянется над длинной скамьей передать листок Рут Джефферсон. В зале повисает тяжелое молчание, будто все задержали дыхание.

Мой адвокат читает записку и медленно встает.

– Ваша честь, могу я попросить о небольшом перерыве?

Судья Кинг вздыхает.

– Миссис Джефферсон, напомнить вам, сколько дел у меня на сегодня? У вас было шесть недель на консультации с клиенткой!

– Приношу свои извинения, ваша честь, но поступившая информация может содержать смягчающие обстоятельства для моей подзащитной.

– Хорошо, у вас пятнадцать минут. После этого я ожидаю возможности вынести вашей клиентке приговор.

Он кивает секретарю.

– Встать, суд удаляется, – объявляет та.

Ко мне входит охранник – отвести обратно в камеру.

– Что происходит? – спрашиваю я у него.

– Черт его знает, красotka, здесь и не такое бывает. То вверх, то вниз, как чертово йо-йо.

Он снова отводит меня в душную комнату, где я говорила с адвокатом менее часа назад. Почти сразу появляется Рут Джефферсон, а за ней входит инспектор Стивенс. Рут начинает говорить, прежде чем за ним закрывается дверь:

– Миз Грэй, вы отдаете себе отчет, что чинить препятствия правосудию – тоже преступление?

Я ничего не отвечаю, и она присаживается, заправляя темные волосы под белый парик с буклями.

Инспектор Стивенс лезет в карман и шлепает паспортом о стол. Мне не нужно его открывать, чтобы понять: это мой паспорт. Я гляжу на полицейского инспектора, на раздраженную адвокатшу и, протянув руку, касаюсь обложки. Я помню, как заполняла заявление о смене фамилии перед бракосочетанием. Я придумывала сотни вариантов подписи, спрашивая Йена, какая выглядит самой взрослой и лучше отражает мой

характер. Получив паспорт, я сочла его первым материальным свидетельством изменения моего статуса и не могла дожидаться, когда предъявлю его в аэропорту.

Инспектор Стивенс наклоняется, упираясь руками в стол. Его лицо оказывается на одном уровне с моим.

– Вы не обязаны больше его защищать, Дженнифер.

Я вздрагиваю:

– Пожалуйста, не называйте меня так.

– Расскажите мне, как все произошло.

Я молчу.

Детектив Стивенс заговаривает тише, и его спокойствие передается мне. В душе начинает теплиться робкая надежда.

– Мы больше не позволим ему бить вас, Дженна.

Значит, они все знают... Я медленно выдыхаю и гляжу на инспектора Стивенса и на Рут Джефферсон, вдруг ощутив страшную усталость. Инспектор открывает коричневую папку с надписью «Петерсен». Моя фамилия по мужу. Фамилия Йена.

– Десятки звонков, – произносит он. – Соседи, врачи, прохожие – но только не вы, Дженна. Вы ни разу к нам не обратились. А когда приезжали полицейские, вы не хотели с ними говорить, не выдвигали обвинения. Почему вы не позволили вам помочь?

– Потому что он бы меня убил, – просто отвечаю я.

После паузы детектив Стивенс продолжает снова:

– Когда он впервые вас ударил?

– Это сейчас важно? – Рут смотрит на свои часы.

– Да, – обрывает ее Стивенс, и адвокат вновь опускается на стул, прищурившись.

– В первую ночь после свадьбы. – Я закрываю глаза, вспоминая боль, ворвавшуюся из ниоткуда, и стыд оттого, что мой брак рухнул, еще, по сути, не начавшись. Я помню, каким нежным был Йен, когда вернулся, как мягко обихаживал мое избитое лицо. Я тогда попросила прощения и продолжала делать это еще семь лет.

– Когда вы обратились в убежище на Грантем-стрит?

Я удивляюсь тому, сколько же им известно.

– Я туда не обращалась. В больнице заметили мои синяки и начали расспрашивать про мужа. Я ничего не сказала, но они дали мне визитку и сказали, что я могу туда пойти в любой момент и буду там в безопасности. Я не поверила – как я могу оказаться в безопасности в одном городе с Йеном? – но карточку сохранила. С ней мне было не так одиноко.

– Вы ни разу не пытались от него уйти? – спрашивает инспектор Стивенс. В его глазах горит плохо скрываемый гнев, но направлен он не против меня.

– Много раз, – отвечаю я. – Йен уходил на работу, и я начинала собираться. Ходила по дому и соображала, что смогу увезти с собой. Складывала все в машину – машина, видите ли, оставалась моей.

Инспектор покачал головой, не понимая.

– Она была оформлена на мою девичью фамилию. Это вышло нечаянно – я еще не привыкла к своему новому имени, но потом это стало принципиально важным. Остальное принадлежало Йену – и дом, и бизнес... Во мне крепло ощущение, что я больше не существую, что я стала очередным его приобретением. Поэтому я так и не переоформила машину. Мелочь, конечно, но... – Я пожала плечами. – Я упаковывала вещи, а потом все аккуратно доставала и ставила обратно на свои места. Каждый раз.

– Почему?

– Потому что он бы меня нашел.

Инспектор Стивенс листает папку, оказавшуюся неожиданно толстой, хотя в ней упомянуты лишь инциденты, закончившиеся вызовом полиции. Сломанные ребра, сотрясение мозга, когда потребовалось лечение в больнице... На каждый замеченный синяк приходилось с десятков скрытых.

Рут Джефферсон кладет руку на папку:

– Можно?

Инспектор смотрит на меня, и я киваю. Он передает папку, и адвокат начинает ее просматривать.

– Но после того случая на дороге вы все-таки уехали, – говорит инспектор. – Что изменилось?

Я глубоко вздыхаю. Мне хочется сказать, что я набралась смелости, но, конечно, это было не так.

– Йен мне угрожал, – тихо отвечаю я. – Сказал, если я когда-нибудь пойду в полицию или проговорюсь о том, что случилось, он меня убьет. И я знала, что он говорит всерьез. В ночь после аварии он так меня избил, что я не могла стоять, а потом поднял за шиворот и сунул руку в кухонную раковину. Он лил мне на ладонь кипяток, пока я не потеряла сознание от боли, а затем поволок меня в мастерскую и заставил смотреть, как он крушит мои работы – все, что я закончила.

Я не могу смотреть на инспектора Стивенса – все силы уходят на то, чтобы выговаривать слова.

– После этого Йен уехал, куда – не знаю. Первую ночь я провела на

кухонном полу, затем ползком забралась на второй этаж и легла в кровать, молясь о смерти, чтобы когда он вернется, то не смог бы больше меня бить. Но он не вернулся. Его не было несколько дней, и понемногу я оправилась. Я начала мечтать, что он ушел навсегда, но он почти ничего с собой не взял и мог вернуться в любой момент. Я поняла – если останусь с ним, однажды он меня убьет. И вот тогда я сбежала.

– Расскажите, что случилось с Джейкобом.

Я опускаю руку в карман и касаюсь фотографии.

– Между Йеном и мной произошла ссора. Я проводила выставку – такой масштабной у меня еще не было. Я потратила несколько дней на ее подготовку вместе с куратором, Филиппом. Это было дневное мероприятие, но Йен все равно напился в хлам и обвинил меня в интрижке с Филиппом.

– А у вас действительно был роман?

Я краснею.

– Филипп гей, – отвечаю я. – Но Йен ничего не желал слушать. Я плакала и от слез плохо видела дорогу. Лил дождь, слепили фары встречных машин. Йен все орал на меня, называл шлюхой и потаскухой. Я поехала через Фишпондс, чтобы объехать пробки, но Йен заставил меня остановиться, ударил и отобрал ключи, хотя от выпитого не мог даже толком стоять. Машину он вел как сумасшедший, все время крича, что вот сейчас-то преподает мне урок. Мы ехали по жилым кварталам, среди домов, а Йен все прибавлял скорость. Я была в ужасе... – Рассказывая, я невольно заламываю руки. – Впереди через дорогу побежал мальчик. Я закричала, но Йен и не подумал убрать ногу с педали газа. Мы сбили ребенка. Его мать не удержалась на ногах и тоже упала на асфальт. Я попыталась выбраться из машины, но Йен запер двери кнопкой и начал сдавать назад. Он не дал мне вернуться.

Я судорожно вдыхаю, а когда выдыхаю, звук похож на низкий стон.

В маленькой комнате очень тихо.

– Джейкоба убил Йен, – говорю я, – но я чувствовала себя так, будто это я задавила ребенка.

Глава 47

Патрик ведет машину осторожно. Я приготовилась к расспросам, но он молчит, пока очертания бристольских окраин не скрываются вдали. Когда маленькие городки сменяются зелеными полями, а на горизонте проступает зазубренная линия прибрежных скал, Патрик поворачивает ко мне голову:

– Ты могла сесть в тюрьму.

– Я сама этого хотела.

– Зачем? – недоуменно спрашивает он без всякого осуждения.

– Потому что кто-то должен был заплатить за случившееся, – отвечаю я. – Кто-то должен был пойти под суд, чтобы мать Джейкоба могла спать по ночам, зная, что смерть ее сына не осталась неотмщенной.

– Но не ты же, Дженна!

Перед отъездом я спросила инспектора Стивенса, что они скажут матери Джейкоба, появившейся на несостоявшемся суде над особой, которая, как она считает, убила ее сына.

«Сперва мы задержим Петерсена, – ответил детектив, – и все ей объясним».

Я вдруг понимаю, что из-за моих откровений Ане придется пережить все это заново.

– В шкатулке с твоим паспортом я видел детскую игрушку, – начинает Патрик и замолкает, не закончив вопрос.

– Она принадлежала моему сыну Бену, – говорю я. – Я была в ужасе, когда забеременела, думала, Йен впадет в бешенство, а он вдруг пришел в восторг. Сказал, что это все изменит. Он никогда не признавался вслух, но мне казалось, он сожалеет о том, как обращается со мной. Я думала, ребенок станет для нас новым началом, и Йен поймет, что мы можем быть счастливой семьей...

– Но не получилось.

– Не получилось, – соглашаюсь я. – Первое время он на меня надыхаться не мог, чуть ли не на руках носил, подсказывал, что мне можно есть, а чего нельзя. Но когда начал расти живот, Йен становился все более отстраненным. Он будто ненавидел мою беременность и даже обижался на нее. Когда я была на седьмом месяце, я нечаянно оставила на подоле его рубашки след от утюга. Глупость с моей стороны, конечно, – пошла ответить на телефон и отвлеклась, а когда заметила, уже было поздно. Йен

обезумел. Он сильно ударил меня в живот, и у меня началось кровотечение.

Патрик сворачивает к обочине и выключает мотор. Я смотрю через ветровое стекло на запущенную территорию у дороги. Мусорная урна переполнена, ветер носит по земле пустые обертки.

– Йен вызвал «Скорую», а врачам сказал, что я упала. По-моему, они ему не поверили, но что они могли сделать? Когда мы доехали до больницы, кровотечение прекратилось, но я знала, что ребенок умер, еще до УЗИ. Я это почувствовала. Мне предложили кесарево, но я не хотела, чтобы его достали из меня вот так. Я хотела все-таки его родить.

Патрик протягивает мне руку, но я не могу заставить себя к нему прикоснуться, и его рука бессильно падает на колени.

– Мне ввели лекарства, чтобы стимулировать роды, и положили в палату к другим роженицам. Мы все проходили вместе: боли, схватки, масочная анестезия, акушерки, врачи... Единственная разница заключалась в том, что мой ребенок был мертв. Когда меня наконец повезли в родильный зал, женщина с соседней кровати помахала мне и пожелала удачи.

Йен оставался со мной во время родов, а я, хоть и ненавидела его за то, что он сделал, держалась за его руку, пока тужилась, позволяла целовать меня в лоб, потому что кто у меня еще остался? Все, о чем я могла думать, – если бы я не подпалила ту рубашку, Бен был бы жив...

Меня трясет, и я сжимаю коленями ладони, чтобы сдержать дрожь. После смерти Бена мое тело неделями пыталось убедить меня, что я стала матерью. Молоко жгло соски, а я вставала под душ и давила грудь, чтобы облегчить это распирающее, и сладкий запах молока пробивался через горячие струи воды. Однажды я подняла голову и увидела, что Йен смотрит на меня из комнаты. Мой живот еще выступал после беременности, кожа растянулась и повисла. Набухшие груди были разрисованы голубыми жилками, молоко стекало по телу. Йен отвернулся, но я успела разглядеть отвращение на его лице.

Я пыталась поговорить с ним о Бене – всего однажды, когда боль от потери была такой нестерпимой, что я едва заставляла себя передвигаться. Мне нужно было с кем-то разделить это горе – с кем угодно, а никого больше не было рядом. Но Йен прервал меня на полуслове.

«Ничего не было, – отрезал он. – Этот ребенок не появлялся и не существовал».

Может, Бен и не задышал, но он жил! Он жил во мне, он дышал моим кислородом и питался моей пищей, он был частью меня. Однако больше я о нем не говорила.

Я не смотрю на Патрика. Начав говорить, я не могу остановиться, слова торопятся из моего рта все сразу:

– Когда он родился, в палате была ужасная тишина. Кто-то назвал время, затем его положили мне на руки так осторожно, будто медики боялись сделать ему больно. Я лежала так целую вечность, глядя на его лицо, на его ресницы, губки. Я гладила его ладошку и представляла, что вот он сжимает мой палец, но наконец медсестра подошла и забрала его у меня. Я закричала, вцепилась в него, мне что-то вкололи, чтобы я успокоилась, но я не хотела засыпать, зная – когда проснусь, я снова буду одна.

Договорив, я смотрю на Патрика и вижу в его глазах слезы. Я хочу сказать, что все нормально, я в порядке, но начинаю плакать. Мы плачем, обнявшись, цепляясь друг за друга, у обочины дороги, пока солнце не начинает клониться к закату, и тогда мы едем домой.

Патрик оставляет машину перед магазином и идет со мной до коттеджа. Аренда уплачена до конца месяца, но я невольно замедляю шаги, вспомнив слова Йестины и отвращение, с которым он потребовал освободить жилье.

– Я ему позвонил, – говорит Патрик, угадав, о чем я думаю, – и все объяснил.

Он спокоен и нежен, будто я пациентка, выздоравливающая после долгой болезни. Держась за его руку, я чувствую себя в безопасности.

– Привезешь Бо? – спрашиваю я, когда мы доходим до коттеджа.

– Если хочешь.

Я киваю:

– Я хочу, чтобы все вернулось в нормальную колею.

Сказав это, я вдруг понимаю, что не очень знаю, как это – жить нормально.

Патрик задергивает шторы и заваривает мне чай, оставшись доволен тем, что мне тепло и хорошо, затем нежно целует меня в губы и уходит. Я рассматриваю застывшие мгновения моей жизни в Пенфачском заливе: фотографии, ракушки, миска Бо для воды на полу в кухне. Здесь я чувствую себя дома – больше, чем когда-либо в Бристоле.

Повинуясь порыву, я тянусь к лампе – на первом этаже это единственный источник света. Лампа заливает гостиную теплым оранжевым светом; я выключаю ее и оказываюсь во мраке. Я жду, но сердце по-прежнему бьется ровно, ладони остаются сухими, и по спине не пробегают мурашки страха. Я улыбаюсь: я уже не боюсь.

Глава 48

– Это точно тот адрес? – Вопрос был адресован Стампи, но глядел инспектор на всех присутствующих. Через два часа после выхода из королевского суда он вызвал группу поддержки, а Стампи поручил связаться с районным отделением полиции и выяснить место жительства Йена Петерсена.

– Точно, босс, – ответил Стампи. – В базе избирателей он числится на Элберком-террас в доме 72, плюс в местном отделении его пробили по базе агентства по лицензированию водителей и транспортных средств. Пару месяцев назад Петерсен получил три штрафных балла за превышение скорости, и его права вернули по этому адресу.

– Ясно, – сказал Рэй, – остается надеяться, что он дома. – Он повернулся к встрепёнувшейся группе поддержки: – Арест Петерсена крайне, подчеркиваю, крайне важен не только в связи с делом Джордана, а прежде всего ради безопасности Дженны. Она много лет терпела от Петерсена побои, пока не ушла него от после того наезда на ребенка.

Полицейские в комнате закивали; выражение лиц было одинаковым – угрюмая решимость. Все понимали, что за фрукт этот Йен Петерсен.

– В общенациональной базе он тоже есть – официальные предупреждения за нанесение побоев и две судимости – за вождение в пьяном виде и за дебош, – продолжал Рэй. – Я не хочу пускать дело Петерсена на самотек, поэтому немедленно отправляйтесь по этому адресу, сразу наденьте на него наручники и выводите. Ясно?

– Ясно, – раздался нестройный хор голосов.

– Приступайте.

Элберком-террас оказалась ничем не примечательной улицей с узкими тротуарами и двумя рядами припаркованных автомобилей. Единственное, что отличало дом 72 от соседних, – опущенные шторы на окнах.

Рэй и Кейт остановились на соседней улице ждать подтверждения, что двое полицейских обошли дом Петерсена. Рэй выключил зажигание, и они сидели в молчании, нарушаемом лишь щелчками остывающего мотора.

– Ты в порядке? – спросил Рэй.

– Да, – напряженно ответила Кейт. Ее лицо было суровым и непроницаемым, будто маска. Рэй чувствовал, как в жилах бурлит адреналин; через считанные минуты это поможет ему мастерски провести

задержание, но пока идти еще рано. Он постукивал мыском ботинка о педаль сцепления и поглядывал на девушку.

– Жилет надела?

В ответ Кейт гулко постучала кулаком по груди: бронежилет был на ней. Рэй знал, что нож легко спрятать и недолго применить, и рисковать не желал. Он пощупал под курткой, на месте ли дубинка и баллончик.

– Держись ближе ко мне, – велел он. – Если Петерсен схватится за оружие, немедленно выметайся оттуда!

Кейт приподняла брови:

– Потому что я женщина? – Она презрительно фыркнула. – Отступлю сразу после вас.

– К черту политкорректность, Кейт! – Рэй ударил ладонью по рулю, замолчал и уставился на пустую улицу. – Не хочу, чтобы тебя ранили или покалечили.

Девушка не успела ответить – в наушниках затрещало, и искаженный голос сказал:

– Ноль шесть, босс.

Это означало, что группа захвата на исходной.

– Информацию принял, – отозвался Рэй. – Если выбежит с черного хода, задерживайте. А мы пошли к двери.

– Роджер^[11], – послышалось в ответ. Рэй взглянул на Кейт:

– Готова?

– Всегда готова.

Они обогнули угол дома и быстро направились ко входу. Рэй постучал и привстал на носки заглянуть в маленькое застекленное окошко на двери.

– Видно что-нибудь?

– Нет. – Он снова постучал. Стук эхом раскатился по пустынной улице.

Кейт сказала в передатчик:

– Танго Чарли 461 контролю, запрашиваю связь с Браво Фокстрот 275!

– Связь разрешаю.

Кейт заговорила с полицейскими, ожидающими позади дома:

– Движение в доме было?

– Никакого.

– Ясно. Оставайтесь пока на месте.

– Есть.

– Спасибо, контроль. – Убрав передатчик в нагрудный карман, Кейт повернулась к Рэю: – Что ж, пришло время большого красного ключа.

Они смотрели, как сотрудники из группы проникновения раскачивают перед дверью красный металлический полицейский таран. Раздался

мощный грохот, полетели щепки, и дверь распахнулась, ударившись о стену узкого коридора. Рэй и Кейт отступили, и группа захвата ворвалась в дом, парами рассыпавшись по дому и проверяя каждую комнату.

– Чисто!

– Чисто!

– Чисто!

Рэй и Кейт вошли за ними, не теряя друг друга из виду и ожидая подтверждения, что Петерсена обнаружили. Не прошло и двух минут, как командир группы захвата спустился со второго этажа, качая головой:

– Шеф, порадовать нечем, дом пуст. Из спальни все вещи вынесены – в шкаф, в ванной ничего. Похоже, этот Петерсен сделал ноги.

– Черт! – Рэй грохнул кулаком по перилам. – Кейт, звони Дженне на мобильный. Узнай, где она, и скажи, чтобы не высывалась!

Он зашагал к машине. Кейт перешла на бег, чтобы успеть за ним.

– Мобильный выключен.

Рэй сел за руль и завел мотор.

– Куда мы сейчас? – спросила девушка, пристегиваясь.

– В Уэльс, – мрачно буркнул детектив.

Ведя машину, он отрывисто отдавал приказы:

– Свяжись с национальной базой данных, пусть соберут на Петерсена все, что можно. Звони в полицейское управление долины Темзы, пусть едут к Еве Мэннинг в Оксфорд: Петерсен ей однажды угрожал, значит, может заявиться туда снова. Свяжись с Южным Уэльсом и оставь сообщение об опасении за жизнь Дженны Гр... Петерсен, – поправился Рэй. – Пусть кто-то наведается в ее коттедж и убедится, что она жива.

Кейт торопливо записала распоряжения и вскоре начала сообщать результаты звонков:

– В Пенфаче сегодня никто не дежурит, отправят кого-нибудь из Суонси, но у них «Сандерленд» сегодня играет на домашнем стадионе, сплошные пробки.

Рэй шумно вздохнул:

– Они знают о многолетнем домашнем насилии?

– Да, и сказали, что постараются первым делом, просто не гарантируют, что успеют вовремя.

– Иисусе, – простонал Рэй, – они издеваются, что ли!

Кейт постукивала ручкой по стеклу, пробуя дозвониться Патрику.

– Черт, все время срывается.

– Звони кому-нибудь из местных, – отрывисто подсказал Рэй.

– Может, соседям? – Кейт открыла в смартфоне Интернет.

– Какие еще соседи... – И тут до него дошло: – Точно, трейлерный парк!

– Вот он. – Кейт нашла телефон на сайте и нажала. – Давай, ну давай же...

– Включи громкую связь.

– Алло, Пенфачский трейлерный парк, Бетан!

– Здравствуйте, с вами говорит констебль Кейт Эванс из бристольской криминальной полиции. Я ищу Дженну Грэй – вы ее сегодня видели?

– Сегодня нет, дорогая. Так ведь она в Бристоле! – В голосе Бетан появились нотки опасения: – Что-нибудь случилось? Как в суде-то вышло?

– Полностью оправдали. Простите, что я вас тороплю, но Дженна уехала отсюда около трех часов дня, и мне нужно убедиться, что она нормально добралась. Ее повез Патрик Мэтьюс.

– Я ни ее, ни Патрика не видела, – ответила Бетан. – Но Дженна точно вернулась – она спускалась на пляж.

– Откуда вы знаете?

– Я недавно выгуливала собак и видела надпись на песке. Правда, немного неожиданную – слово-то какое подобрала...

Рэй почувствовал, будто каменеет изнутри:

– Что было написано на пляже?

– Да что происходит? – повысила голос Бетан. – Чего вы мне недоговариваете?

– Что за надпись, я спрашиваю? – Рэй не хотел орать и на секунду испугался, что она бросит трубку. Когда Бетан наконец ответила, нерешительность в ее голосе подсказывала, что она поняла: творится что-то совсем скверное.

– Два слова всего: «Меня предали».

Глава 49

Я, должно быть, нечаянно задремала; от громкого стука в дверь я вскидываю голову и потираю затекшую шею. Мне требуется секунда, чтобы вспомнить, что я дома. Стук повторяется, на этот раз настойчивее. Я кое-как встаю на ноги, вздрагивая, когда икру сводит судорогой.

Поворачивая ключ, я ощущаю шепоток страха, но не успеваю отреагировать, как дверь распаивается, отбрасывая меня в стену. Йен стоит на пороге – красный, запыхавшийся. Я готовлюсь к удару кулаком, но удара не происходит, и я считаю биение своего сердца, пока Йен не торопясь задвигает засов.

Раз, два, три.

Быстрый и сильный стук в груди.

Семь, восемь, девять, десять.

И вот он готов, он поворачивается ко мне с той улыбкой, которую я знаю так же хорошо, как собственную. Улыбкой, когда улыбаются только губы, но не глаза. Улыбкой, которая намекает, что он для меня приготовил. Улыбкой, которая обещает, что хотя конец неминуем, быстрым он для меня не будет.

Он потирает мне шею сзади, сильно нажимая большим пальцем на верхний позвонок. Это неприятно, но не больно.

– Ты назвала мое имя полиции, Дженнифер.

– Я не...

Он хватает меня за волосы и дергает к себе так быстро, что я зажмуриваюсь, ожидая взрыва боли, когда он сломает мой нос о свой лоб. Когда я открываю глаза, его лицо оказывается в дюйме от моего. От Йена пахнет потом и виски.

– Не лги мне, Дженнифер.

Я закрываю глаза и говорю себе, что я это переживу, хотя каждая моя клеточка готова молить его убить меня побыстрее.

Свободной рукой он хватает меня за челюсть, проводит указательным пальцем по губам и просовывает палец в мой рот. Я едва сдерживаю рвотный позыв, когда он нажимает мне на язык.

– Ты лживая сука, – говорит он так спокойно, будто делает комплимент. – Ты дала обещание, Дженнифер. Ты обещала, что не пойдешь в полицию, и что же я вижу? Я вижу, что ты купила себе свободу, забрав мою. Я вижу мое имя – мое имя, черт возьми! – на первой полосе

«Бристоль пост»!

– Я им скажу, – невнятно говорю я (палец Йена по-прежнему у меня во рту), – я им скажу, что это неправда. Я скажу, что я солгала.

Слюна из моего рта заливает руку Йена, и он смотрит на это с отвращением.

– Нет, – возражает он, – ты никому ничего не скажешь.

Левой рукой удерживая меня за волосы, он отпускает мой подбородок и с силой дает пощечину:

– Иди наверх.

Я сжимаю кулаки опущенных рук, зная, что не нужно трогать лицо, которое пульсирует болью в такт биению сердца. Я ощущаю вкус крови и тихо глотаю.

– Пожалуйста, – говорю я. Мой голос звучит тонко и неестественно. – Пожалуйста, не надо...

Я пытаюсь подобрать слова, которые его не спровоцируют. Не насилуй меня, хочу я сказать. Казалось бы, это не в первый раз и даже не в сотый, но я не могу вынести мысль, что тело Йена снова будет прижиматься к моему, что он будет внутри меня, исторгая из меня звуки, которые скроют, как я его ненавижу.

– Я не хочу заниматься сексом, – говорю я, проклиная свой севший голос, который выдает Йену, как много это для меня значит.

– Заниматься сексом с тобой? – шипит он, и брызги слюны попадают на мое лицо. – Не лсти себе, Дженнифер. – Он опускает руку и меряет меня взглядом: – Иди наверх.

На подкашивающихся ногах я иду к лестнице и до самого верха цепляюсь за перила, чувствуя сзади присутствие Йена. Я прикидываю, когда вернется Патрик, но от сна я потеряла чувство времени.

Йен толкает меня в ванную:

– Раздевайся.

Мне стыдно от своей покорности.

Йен, сложив руки на груди, смотрит, как я сражаюсь со своей одеждой. Я уже плачу, не сдерживаясь, хотя и знаю, как это его злит. Я не могу перестать.

Йен вставляет в ванну затычку и открывает холодный кран, не прикасаясь к горячему. Я, обнаженная и дрожащая, стою перед ним, и он смотрит на мое тело с отвращением. Я помню, как он целовал мои ключицы, а потом мягко и почти благоговейно покрывал поцелуями невидимую линию между грудями и вдоль живота.

– Ты можешь винить только себя, – говорит он со вздохом. – Я мог

вернуть тебя в любой момент, но я тебя отпустил. Ты мне не нужна. Все, что от тебя требовалось, – держать рот на замке, и ты могла бы потихоньку доживать здесь свой век. – Он покачал головой. – Но ты поступила иначе – пошла в полицию и все выболтала, да? – Йен закрыл кран: – Лезь сюда.

Я не сопротивляюсь – теперь это уже бесполезно. Я ступаю в ванную и сажусь. От ледяной воды перехватывает дыхание, и все внутри сводит болью. Я пытаюсь обмануть себя, что вода очень горячая.

– А теперь мойся дочиста.

Он берет с пола бутылку отбеливателя, стоящую возле унитаза, и отвинчивает крышку. Я закусываю губу. Однажды Йен заставил меня пить отбеливатель – я в тот раз поздно вернулась с ужина с подругами из колледжа. Я объясняла, что не уследила за временем, но он налил густую жидкость в винный бокал и смотрел, как я подношу его к губам. Он остановил меня после первого глотка, рассмеявшись и сообщив, что только дура может это пить. Меня рвало всю ночь, а химический привкус ощущался во рту несколько дней.

Йен льет отбеливатель на мою фланелевую мочалку. Жидкость промачивает ее и капает в ванну – голубые капли расходятся по поверхности воды, как чернила на промокательной бумаге. Йен протягивает мне фланель:

– Оттирайся.

Я начинаю тереть фланелью руки, стараясь облить себя при этом водой в попытке разбавить отбеливатель.

– А теперь остальное, – командует он. – И не забудь лицо. Мойся начисто, Дженнифер, или я сам за тебя возьмусь. Может, это хоть отчасти отмое твоя испорченность.

Он указывает, пока я не прохожусь мочалкой с отбеливателем по каждой части своего тела. Кожу щиплет, и я опускаюсь глубже в ледяную воду, чтобы не так горело, не в силах сдержать дрожь, от которой стучат зубы. Эта боль и унижение хуже смерти. Поскорей бы конец.

Я больше не чувствую ног, дотягиваюсь и начинаю растирать стопы, но под моими непослушными пальцами они будто чужие. Теперь я уже не ощущаю холода. Я пытаюсь сесть, чтобы хоть полтела оставалось над водой, но Йен заставляет меня снова лечь. Мои ноги неловко согнуты и отведены в сторону – иначе бы не уместились в маленькой ванне. Он снова пускает холодную воду, пока ванна не наливается до краев. Сердце уже не колотится, отдаваясь в ушах, а еле трепещет в груди. Я становлюсь заторможенной и вялой, слыша голос Йена будто издалека. Зубы стучат, я прикусываю язык, но почти не замечаю боли.

Йен стоял надо мной, пока я мылась, но сейчас он присел на опущенное сиденье унитаза и бесстрастно смотрит на меня. Я думаю, он решил меня утопить. Это не займет много времени – я уже полумертвая.

– Знаешь, тебя легко было найти, – непринужденно сообщает он, будто мы сидим в пабе и болтаем, как старые друзья. – Можно создать сайт, не оставив бумажного следа, но ты слишком глупа и не подумала про электронный адрес.

Я ничего не отвечаю, но Йен, кажется, и не ждет ответа.

– Вы, женщины, думаете, что можете справиться сами, – продолжает он. – Вам кажется, вы запросто обойдетесь без мужчин, но когда мы предоставляем вам такую возможность, вы оказываетесь у разбитого корыта. Ты не лучше других. А ложь! Сколько же вы, женщины, лжете! Мелете, мелете своими раздвоенными змеиными языками...

Я так устала, так смертельно устала... Я соскальзываю под воду и резко просыпаюсь. Впиваюсь ногтями в бедро, но почти ничего не чувствую.

– Вы думаете, вас не разоблачат, но правда всегда выходит наружу. Ложь, измены, наглое предательство...

Его слова наплывают на меня, как волны.

– С самого начала я высказался предельно ясно – я не хочу детей!

Я закрываю глаза.

– Но у нас же нет выбора! Это женщина решает, оставлять ребенка или нет, проклятье! А мое мнение кто-нибудь спросил?

Я думаю о Бене. Он почти дожил до рождения. Если бы я только смогла уберечь его еще несколько недель...

– И вдруг мне преподносят сына, – продолжает Йен, – и я должен скакать от радости! Радоваться ребенку, о котором я вообще не просил? Ребенку, которого бы не было, если бы меня обманом не втянули во все это?

Я открываю глаза. Белая плитка над кранами покрыта сетью трещин. Я смотрю на них, пока мои глаза не заполняются водой, и тогда кафель снова кажется белым. Йен несет какой-то бред – или же я не улавливаю смысла в его словах. Я хочу возразить, но язык стал слишком большим и неповоротливым. Я не беременела от Йена обманом, это произошло случайно, и он действительно обрадовался! Он говорил, что это все изменит!

Йен подается вперед, упершись локтями в колени, и говорит, касаясь ртом сложенных рук, будто в молитве. Но кулаки у него непроизвольно сжимаются, и веко неподконтрольно дергается.

– Я от нее не скрывал, как обстоят дела, – продолжает он. – Я ей сказал – никаких отношений, но она все испортила! – Йен смотрит на меня: – Это была пустячная интрижка – перепихон со случайной девицей. Тебе необязательно было об этом знать. Но эта дура забеременела и, вместо того чтобы свалить к себе домой, осталась в Англии и превратила мою жизнь в ад!

Я стараюсь сложить в единую картину то, что говорит Йен.

– У тебя есть сын? – удастся мне выговорить.

Он смотрит на меня с кривой усмешкой.

– Нет, – поправляет он, – он никогда не был моим сыном. Это отродье польской шлюхи, которая драила туалеты у нас в офисе, а я всего лишь стал донором спермы. – Йен встает и оправляет рубашку. – Она заявила без приглашения, узнав, что залетела, но я сразу дал ей понять: если она собралась рожать, то ко мне никаких претензий. – Он вздыхает. – Потом я о ней ничего не слышал, пока ребенок не пошел в школу. Тут уж она в меня вцепилась. – Кривя губы, Йен старательно, но плохо изображает восточно-европейский акцент: – «Ему нужен отец, Йен! Я хочу, чтобы Джейкоб знал своего отца».

Я приподнимаю голову, потом с усилием, заставившим меня вскрикнуть от боли, упираюсь руками в дно ванны и кое-как сажусь.

– Джейкоб? – повторяю я. – Ты отец Джейкоба?

Наступает пауза. Йен пристально смотрит на меня и вдруг хватается за локоть:

– Вылезай!

Я переваливаюсь через край ванны и валюсь на пол: ноги не слушаются после часа в ледяной воде.

– Прикройся. – Он швыряет мне мой халат, и я натягиваю его, презирая себя за невольную благодарность. Голова идет кругом: Джейкоб был сыном Йена? Но когда Йен узнал, что сбитый мальчик – это Джейкоб, он должен был...

Истина, молнией сверкнувшая в мозгу, сродни удару ножом в живот. Смерть Джейкоба не была случайностью – Йен убил собственного сына, а сейчас собирается убить и меня.

Глава 50

– Останови машину, – приказал я.

Ты не сделала движения свернуть к обочине, и я схватился за руль.

– Йен, нет! – Ты попыталась отобрать у меня руль, мы налетели на бордюр и, вильнув, оказались на середине дороги, едва разминувшись со встречной машиной. У тебя не оставалось выбора, кроме как снять ногу с педали газа и нажать на тормоз. Мы остановились. Машина косо, почти по диагонали, застыла на дороге.

– Вылезай.

Ты не колеблясь вышла и осталась неподвижно стоять у дверцы. Мелкий дождь быстро покрывал тебя тонким слоем влаги. Я обошел машину.

– Посмотри на меня.

Ты продолжала смотреть в землю.

– Я сказал, посмотри на меня!

Ты медленно подняла голову, но смотрела мимо меня, куда-то за плечо. Я сдвинулся, чтобы оказаться на линии твоего взгляда, но ты немедленно уставилась в другую сторону. Я схватил тебя за плечи и с силой затряс. Я хотел услышать, как ты вскрикнешь: я сказал себе, что остановлюсь, когда услышу твой крик. Но ты не издала ни звука, сжимая челюсти изо всех сил. Ты играла со мной, Дженнифер. Но я все равно выиграю. Я заставлю тебя вскрикнуть.

Я отпустил тебя, и ты не смогла скрыть облегчения на лице. Выражение облегчения еще не покинуло тебя, когда я сжал кулак и ударил тебя в лицо.

Костяшки попали тебе под подбородок, и твоя голова запрокинулась, стукнувшись о крышу машины. Ноги у тебя подогнулись, и ты сползла на дорогу. Наконец-то ты издала какой-то звук – заскулила, как собачонка, которую пнули, и я невольно улыбнулся одержанной маленькой победе. Но этого было недостаточно. Я хотел услышать, как ты будешь молить о прощении, признаешь, что на выставке флиртовала и что ты спишь с другим.

Я смотрел, как ты извиваешься на мокром асфальте. Привычное облегчение не наступало – шар добела раскаленной ярости по-прежнему давил изнутри и рос с каждой секундой. Я закончу это дома.

– Садись в машину.

Я смотрел, как ты неловко поднялась на ноги. Кровь лилась у тебя изо рта, и ты безуспешно пыталась остановить ее шарфом. Ты сделала движение сесть за руль, но я тебя оттащил:

– С другой стороны.

Я завел мотор и тронул «Вольво» с места, прежде чем ты успела захлопнуть дверь. Ты встревоженно вскрикнула, поспешно закрыла дверцу и начала шарить в поисках ремня безопасности. Я засмеялся, но и это не уняло бушевавшей во мне ярости. Я даже подумал, уж не инфаркт ли у меня, так давило в груди. Дышать было больно и трудно. Это ты довела меня до такого.

– Сбрось скорость, – сказала ты. – Йен, ты едешь слишком быстро!

Слова твои вырывались с брызгами крови, забрызгавшей бардачок. Я прибавил скорость, чтобы показать – ты мной командовать не будешь. Мы ехали по жилому кварталу с аккуратными домами и вереницей припаркованных машин, занимающих часть моей полосы. Объезжая их, я выехал на встречную, несмотря на фары приближающейся машины, и утопил в пол педаль газа. Я видел, как ты закрыла лицо руками. Впереди послышался резкий сигнал, мелькнуло яркое пятно, но я успел вывернуть на свою полосу – за секунду до того, как стало слишком поздно.

Напряжение в груди чуть ослабло. Я не убрал ногу с педали газа, и мы на полной скорости свернули влево, на длинную прямую улицу, обсаженную деревьями. Я узнал ее, хотя был здесь всего лишь раз и точно не мог упомянуть при тебе ее название. Здесь жила Аня. Здесь я ее трахал. Руль выскользнул у меня из рук, и машина врезалась в бордюр.

– Пожалуйста, Йен, пожалуйста, езжай помедленнее!

По тротуару, ярдов за сто впереди, шла женщина с маленьким ребенком. На ребенке была вязаная шапка с помпоном, а женщина... Я сжал руль. Померещилось, не иначе. Я вообразил Аню только потому, что мы на ее улице. Это не могла быть Аня.

Женщина подняла голову. Волосы у нее были распущены, на голове ни шапки, ни капюшона, несмотря на дождь. Я видел ее смеющееся лицо. Мальчик бежал рядом с ней. В голове будто что-то лопнуло: это действительно она!

Я уволил Аню после того, как трахнул ее. Меня не интересовало повторение этого опыта, и я не испытывал желания видеть в офисе ее кукольное глупое лицо. Когда она снова явилась месяц назад, я бы ее и не вспомнил: но теперь она не оставит меня в покое. Я смотрел, как Аня идет навстречу, освещенная светом фар.

«Джейкоб спрашивает о своем папе, он хочет с тобой познакомиться».

Она все разрушит. Этот мальчишка погубит все. Я взглянул на тебя, но ты сидела, низко опустив голову, чуть ли не уткнувшись в колени. Почему ты больше не смотришь на меня? Раньше, когда я вел машину, ты клала руку на мое бедро, извернувшись на сиденье так, чтобы следить за мной не отрываясь. А теперь ты почти не смотришь мне в глаза. Я уже теряю тебя, а если ты узнаешь о мальчишке, мне тебя не вернуть.

Они переходили дорогу. Голова разламывалась от боли. Ты скулила, и этот звук походил на жужжание назойливой мухи.

Я вдавил педаль акселератора в пол.

Глава 51

– Ты убил Джейкоба? – спрашиваю я через силу. – Но почему?

– Он все портил, – отвечает Йен. – Если бы Аня не лезла ко мне, ничего бы с ними не случилось. Это все ее вина.

Я вспоминаю молодую женщину у здания суда и ее потрепанные парусиновые кеды.

– Ей нужны были деньги?

Йен смеется.

– Деньги бы еще ничего... Нет, она хотела, чтобы я поиграл в отца. Виделся с мальчишкой по выходным, брал его к себе ночевать, покупал дурацкие подарки на день рождения... – Он замолкает, когда я встаю, уцепившись за раковину, предварительно убедившись, что она меня выдержит. Ноги ужасно болят, понемногу согреваясь. Я гляжу в зеркало и не узнаю того, что вижу.

– Ты бы узнала о нем, – говорит Йен. – И об Ане. Ты бы от меня ушла.

Он заходит мне за спину и мягко кладет руки на плечи. На его лице появляется выражение, которое я столько раз видела утром после побоев. Я говорила себе, что это раскаяние, хотя Йен ни разу не извинился, но теперь поняла – это страх. Страх, что я увижу его таким, какой он на самом деле. Страх, что я перестану в нем нуждаться.

Я любила бы Джейкоба как родного сына, я водила бы его к нам в дом, играла бы с ним, дарила подарки, просто чтобы увидеть радость на его лице. И внезапно кажется, что Йен отнял у меня не одного, а двух детей, и я словно черпаю решимость в этих двух потерянных жизнях.

Я притворяюсь, что слабею, и опускаю голову к раковине, а затем, собрав все силы, резко откидываю ее назад. И слышу отвратительный хруст, когда мой затылок ломает ему нос.

Йен отпускает меня, схватившись за лицо: между пальцами течет кровь. Я бегу мимо него в спальню и на лестницу, но он проворен и хватается за запястье, прежде чем я успеваю добежать до ступенек. Его окровавленные пальцы скользят по моей влажной коже, и мне удается вырваться, ударив его локтем в живот и заработав такой удар кулаком, что перехватывает дыхание. На площадке темно, как в чернильнице, и я теряюсь: где же лестница? Я щупаю пол босой ногой, и пальцы касаются металлического прута на верхней ступеньке.

Я ныряю Йену под руку, упираюсь руками в стену, сгибаю локти, как для отжиманий, и с силой всем весом толкаю его назад. Йен коротко вскрикивает, теряя опору под ногами, и с грохотом скатывается по лестнице.

Становится тихо. Я включаю свет.

Йен неподвижно лежит ничком у первой ступеньки. Из глубокой ссадины на затылке сочится тоненькая красная струйка.

Цепляясь за перила, я медленно иду вниз, не отрывая взгляда от распростертой фигуры. На предпоследней ступеньке я останавливаюсь, разглядев, что его спина еле заметно поднимается и опускается.

Мое дыхание вылетает частыми короткими толчками. Я вытягиваю ногу и ступаю на холодный пол рядом с Йеном, замирая, как ребенок, играющий в «Море волнуется раз».

Я перешагиваю через его вытянутую руку.

Пальцы хватают меня за щиколотку, и я кричу, но уже слишком поздно: я оказываюсь на полу, а Йен наваливается на меня с окровавленным лицом и вымазанными кровью руками. Он ползет по моему телу все выше и пытается говорить, но слова не идут: его лицо искажено от усилий.

Он хватает меня за плечи, чтобы подтянуться к лицу, и я с силой бью коленом ему в пах. Йен ревет, отпускает меня и корчится от боли, а я кое-как поднимаюсь на ноги. Не колеблясь, я бегу к двери и рву в сторону засов – дважды пальцы соскальзывают, и лишь с третьей попытки мне удается распахнуть дверь. Ночной воздух очень холодный, тучи закрывают небо, оставляя лишь краешек луны. Я бегу, не различая дороги, и почти сразу сзади раздаются тяжелые неровные шаги Йена. Я не оборачиваюсь посмотреть, близко ли он, но слышу, как он пристанывает на каждом шагу и дышит с трудом.

По каменной тропинке больно бежать босиком, но сопенье за спиной становится тише; наверное, я вырвалась вперед. Я стараюсь сдерживать дыхание и бежать бесшумно.

И только услышав плеск волн, разбивающихся о скалистый берег, я понимаю, что пропустила поворот к трейлерному парку. Я проклиная свою глупость. Теперь у меня два варианта: спуститься на пляж или повернуть направо по тропе, уводящей от Пенфача. Я много раз гуляла здесь с Бо, но ни разу не бывала ночью – тропа слишком близко к краю обрыва, и я всегда боялась, что пес сорвется. Секунда уходит на колебания, но меня так страшит перспектива оказаться в ловушке на узком пляже, что я поворачиваю направо. Поднявшийся ветер разгоняет тучи, и в лунном свете

можно кое-что разглядеть. Я с опаской оборачиваюсь, однако сзади на тропинке никого нет.

Я перехожу на шаг, а вскоре останавливаюсь и прислушиваюсь. Тишину нарушает только шум моря, и сердце у меня немного успокаивается. Волны ритмично бьются о скалы, издали слышится длинный гудок корабля. Немного отдышавшись, я пытаюсь сориентироваться.

– А больше некуда бежать, Дженнифер.

Я оборачиваюсь как ужаленная, но не вижу его. Вглядываясь во мрак, я различаю только низкорослый кустарник, каменный приступок и пастушью хижину вдалеке.

– Где ты? – кричу я, но ветер уносит мои слова в море. Я набираю воздуха, чтобы крикнуть еще раз, но Йен оказывается у меня за спиной, захватывает локтем за шею и тащит назад. Я бью его в грудь, и хватка ослабевает настолько, что я успеваю вздохнуть. Кажется, сегодня я еще не умру. Большую часть своей взрослой жизни я пряталась, убегала и боялась, и теперь, едва я начала привыкать к спокойному существованию, Йен пришел отобрать у меня и это? Я ему не позволю! Я чувствую прилив адреналина и резко наклоняюсь вперед. Этого движения достаточно, чтобы он потерял равновесие. Мне удастся вырваться.

Я не бегу. Я достаточно бегала от него.

Йен пытается меня схватить, но я выбрасываю вперед руку и бью его основанием ладони под подбородок. От удара он пятится и несколько секунд балансирует на краю обрыва. Он тянется ко мне, цепляясь за халат, и его пальцы скользят по ткани. Вскрикнув, я отступаю на шаг и спотыкаюсь. На мгновение мне кажется, что я сейчас сорвусь вместе с ним и полечу в море, разбиваясь по пути о скалы. Но в следующий миг я лежу на кромке обрыва лицом вниз, а Йен падает. Приподняв голову, я успеваю увидеть проблеск его закатившихся глаз, прежде чем море поглощает его.

Глава 52

Мобильный Рэя зазвонил, когда они объезжали Кардифф. Он взглянул на экран:

– Полиция Южного Уэльса.

Кейт наблюдала, как Рэй слушает новости из Пенфача.

– Слава богу, – сказал он в телефон. – Без проблем. Спасибо, что позвонили.

Он нажал отбой и длинно выдохнул.

– С ней все в порядке. Вернее, не то чтобы в порядке, но она жива.

– А Петерсен?

– А вот Петерсену повезло меньше. Судя по всему, Дженна убегала от него по тропе вдоль обрыва, они боролись, и Петерсен сорвался в море.

Кейт вздрогнула:

– Какая страшная смерть...

– Он заслужил и похуже, – отрезал Рэй. – Между нами, я не верю, что он сорвался исключительно собственными силами, но полицейские из Суонси поступили совершенно правильно, записав это как несчастный случай.

Они помолчали.

– Значит, возвращаемся в управление? – спросила Кейт.

Рэй покачал головой:

– Нет смысла. Дженна в больнице в Суонси, до нее меньше часа. Можем окончательно закрыть дело и чего-нибудь поесть перед обратной дорогой.

Машин на шоссе стало меньше, и к больнице они подъехали в начале восьмого. У входа в отделение неотложной помощи толпились курильщики с наскоро сооруженными бандажами, перевязанными щиколотками и разнообразными неочевидными травмами. Рэй обошел парня, согнувшегося вдвое от боли в животе, но умудрявшегося при этом затягиваться сигаретой, которую подружка подносила к его губам.

Табачный дым, висевший в холодном воздухе, сменился медицинскими запахами и теплом приемного покоя. Рэй показал свое удостоверение усталой женщине в регистратуре, и детективов направили через двойные двери в палату «С», а оттуда в боковую комнату, где на узкой кровати, обложенная подушками, лежала Дженна.

Рэй был шокирован при виде темно-фиолетовых кровоподтеков,

видневшихся в вырезе больничного халата и на шее. Распущенные волосы падали на плечи, черты лица заострились от усталости и боли. Рядом с кроватью сидел Патрик; отложенная в сторону газета была открыта на кроссворде.

– Дженна, – негромко позвал Рэй, – как вы себя чувствуете?

Она слабо улыбнулась:

– Бывало и получше.

– Вы много вынесли. – Рэй подошел поближе. – Простите, что мы не задержали его вовремя.

– Это уже не важно.

– Я слышал, вы герой дня, мистер Мэтьюс, – сказал Рэй. Патрик протестующе замахал:

– Да какое там... Успей я часом раньше, была бы польза, но меня задержали в больнице, и когда я приехал... – Он поглядел на Дженну.

– Я бы без тебя в коттедж не дошла, – проговорила она. – Так бы и лежала там до сих пор, глядя в море. – Ее передернуло. У Рэя мороз пробежал по спине, несмотря на больничную духоту, когда он представил себе ночной мрак, холод и край скалистой площадки, обрывающейся в морскую пучину.

– Вам уже сказали, сколько вы пробудете в больнице? – спросил он.

Дженна покачала головой:

– Пока оставили под наблюдением, как у них говорится. Надеюсь, не дольше суток. – Она поглядела на Рэя и Кейт: – У меня будут неприятности, раз я солгала, кто был за рулем?

– Есть, конечно, проблемка с препятствованием совершению правосудия, – отозвался Рэй, – но я уверен, раздувать из этого дело не в интересах общественности. – Он улыбнулся. Дженна выдохнула с облегчением. – Ну, не будем вас утомлять, отдыхайте. – Рэй поглядел на Патрика: – Вы позаботитесь о ней?

До полицейского отделения Суонси ехать было минут десять. Рэя и Кейт встретил начальник местной полиции Фрэнк Раштон, немного постарше Рэя, с мощным телосложением регбиста. Он радушно встретил коллег и проводил в свой кабинет, предложив кофе. Детективы отказались.

– Нам пора возвращаться, – пояснил Рэй. – А то на сверхурочные констеблю Эванс уйдет весь бюджет отдела.

– Жаль, – посетовал Фрэнк. – А то поехали бы на карри – один из наших выходит на пенсию и устраивает отвальную!

– Никак не можем, – отказался Рэй. – Вы оставите тело Петерсена здесь, или мне связаться с офисом коронера в Бристоле?

– Если у вас есть их номер, оставьте, – попросил Фрэнк. – Я им сам позвоню, когда тело найдут.

– Как, его еще не нашли?

– Нет, – ответил Фрэнк. – Он сорвался с обрыва в полумиле от коттеджа Грэй, в противоположной стороне от Пенфача. Вы же там побывали?

Рэй кивнул:

– Нас туда отвел Патрик Мэтьюс, который ее нашел. Сомнений нет, место то самое. На земле следы, которые совпадают с рассказом Грэй о драке, и на краю обрыва свежие царапины.

– Но тела нет?

– Обычное дело. – Фрэнк заметил приподнятые брови Рэя и засмеялся: – Я про то, что тела не всегда сразу выбрасывает на берег. У нас бывают то самоубийцы, то пьяному случилось оступиться по дороге из паба, так по несколько дней порой ждем. Иногда вообще с концами, иногда фрагменты тел находим...

– В смысле? – не поняла Кейт.

– Высота над морем в том месте двести футов, – пояснил Фрэнк. – Если даже разминулся со скальными выступами, прибой обязательно разобьет труп о камни... – Он поежился. – Тела – вещь непрочная.

– Боже, – поморщилась Кейт, – что-то мне расхотелось жить у моря.

Фрэнк улыбнулся:

– Неужели не пойдете на карри? Я когда-то подумывал перевестись в Эйвон и Сомерсет. С удовольствием бы послушал, что я там пропускаю.

– Мы же хотели перекусить на дорожку, – напомнила Кейт, глядя на Рэя.

– Решайтесь, – настаивал Фрэнк. – Будет весело. Весь разыскной соберется и несколько патрульных. – Он проводил бристольских детективов, пожав им на прощание руки: – Мы уже заканчиваем и через полчаса соберемся в «Радже» на Хай-стрит. Раскрытие дела с наездом на пацана – серьезный успех, вы должны выбить себе коротенькую командировку и отметить как следует!

Они попрощались. По дороге к машине у Рэя громко заурчало в животе. Карри с курицей и пиво было бы сейчас в самый раз... Взглянув на Кейт, он представил, с каким бы удовольствием провел вечер в непринужденных разговорах с ребятами из Суонси. Жаль срываться домой на ночь глядя. Фрэнк прав – можно организовать командировку под тем предлогом, что завтра необходимо кое-что доделать.

– Пойдемте, – упрасивала Кейт, повернувшись к Рэю. – Раштон прав,

надо отпраздновать!

Они стояли почти вплотную друг к другу, и Рэй представил, как, отужинав карри в славной мужской компании и пропустив стаканчик, они идут ночевать в отель. Он сглотнул, вообразив, что может случиться после.

– В другой раз, – ответил он.

Помолчав, Кейт кивнула:

– Ладно.

Она пошла к машине, а Рэй вынул мобильный телефон и набрал сообщение Мэгс:

«Еду домой. Привезти чего из кафе?»

Глава 53

Медсестры очень добры – они умело обработали мои ушибы и не раздражаются, когда я в сотый раз прошу подтвердить, что Йен точно мертв.

– Все позади, – говорит врач. – А теперь отдыхайте.

Я не ощущаю свободы или легкости, а лишь сокрушительную усталость, которая никак не отпускает. Патрик от меня не отходит. Я просыпаюсь несколько раз за ночь, сильно вздрагивая, и он тут же наклоняется ко мне, прогоняя мои кошмары. В конце концов я соглашаюсь на предложенное медсестрой успокоительное. Кажется, я слышу, как Патрик говорит с кем-то по телефону, но засыпаю, прежде чем успеваю спросить, кто звонит.

Когда я просыпаюсь, дневной свет пробивается сквозь горизонтальные жалюзи, рисуя солнечные полосы на моей постели. Рядом на столике поднос с едой.

– Чай, наверное, уже остыл, – говорит Патрик. – Пойду попрошу свежего.

– Не надо, – удерживаю я его, стараясь сесть. Шея болит, и я притрагиваюсь к ней осторожно. Телефон Патрика начинает пищать: пришло сообщение.

– Что там?

– Ничего, – отвечает он и меняет тему: – Врач сказал, несколько дней поболит, но ничего не сломано. Они намазали тебя каким-то гелем, чтобы убрать последствия отбеливателя. Гель тебе придется наносить ежедневно, чтобы не пересушить кожу.

Я подтягиваю ноги к груди, освобождая место на кровати, и Патрик присаживается. Его лоб в морщинах, и мне жаль видеть, что это я причина его беспокойства.

– Я буду в порядке, обещаю, – говорю я. – Мне только нужно домой.

Он вглядывается в мое лицо, ища ответы. Он хочет знать, что я к нему чувствую, но этого я еще и сама не знаю. Я только знаю, что мне не стоит доверять собственным суждениям... Я через силу улыбаюсь, доказывая, что я в порядке, и закрываю глаза – больше для того, чтобы избежать взгляда Патрика, чем из желания спать.

Я просыпаюсь от звука шагов за дверью и надеюсь, что это врач, но слышу, как Патрик кому-то говорит:

– Она здесь. Я схожу в столовую за кофе, а вы пока побудьте вдвоем.

Я теряюсь в догадках, кто это может быть, и даже когда дверь распахивается и на пороге появляется стройный силуэт в ярко-желтом пальто с большими пуговицами, я не сразу понимаю, кого вижу. Я открываю рот, но ком в горле не дает произнести ни звука.

Ева бежит через палату и крепко меня обнимает:

– Как я по тебе соскучилась!

Схватившись друг за друга, мы плачем, а потом садимся по-турецки и держимся за руки, как в детстве на нижней кровати в нашей комнате.

– Ты подстриглась, – говорю я. – Тебе идет.

Ева смущенно трогает короткое каре.

– Джеффу больше нравятся длинные волосы, а мне, наоборот, покороче... Кстати, он передает тебе привет. Ох, дети же специально для тебя рисовали! – Покопавшись в сумке, сестра извлекает мятый рисунок, сложенный пополам, чтобы получилась открытка выздоравливающему. – Я сказала им, что ты в больнице, и они решили, что у тебя корь!

При виде собственного портрета в пятнах и на больничной кровати я начинаю смеяться.

– Я по ним соскучилась. Я по всем вам соскучилась.

– Нам тоже тебя не хватает. – Ева глубоко вздыхает. – Я не должна была тогда это говорить. Я не имела на это права.

Помню, когда я лежала в больнице после рождения Бена, никто не догадался убрать из палаты прозрачную детскую кроватку, и она будто дразнила меня своим видом. Ева приехала, еще ничего не зная, но по лицу сестры я поняла – медсестры успели ее предупредить. Красиво завернутый подарок был затолкан поглубже в сумку – упаковочная бумага помята и надорвана в попытке спрятать его с глаз. Я гадала, что Ева теперь сделает с подарком: найдет ли другого младенца, чтобы отдать костюмчик, выбранный для моего ребенка?

Ева сперва молчала, а потом ее прорвало:

«Это Йен с тобой что-то сделал? Он, да?»

Я отвернулась, увидела пустую кроватку и закрыла глаза. Ева никогда не доверяла Йену, хотя он тщательно скрывал свой характер и приступы гнева. Я отрицала, что у нас проблемы: сперва я была ослеплена любовью и не видела трещин в наших отношениях, а позже мне было стыдно признаться, что я столько лет живу с человеком, который меня нещадно избивает.

Я хотела, чтобы Ева меня обняла. Просто обняла и посидела так, помогая справиться с болью, от которой трудно дышать. Но сестра

разозлилась и расстроилась; ее собственное горе требовало ответов, причины, виновного.

«Он негодяй! – закричала она, и я зажмурилась под ее тирадой. – Ты, может, и слепая, а я нет. Нечего было с ним оставаться, когда ты забеременела; тогда твой ребеночек сейчас был бы жив! Ты виновата не меньше Йена!»

Глаза у меня распахнулись сами собой: сестра нечаянно попала в самое больное место.

«Убирайся, – сказала я севшим голосом, но решительно. – Моя жизнь – не твое дело, ты не имеешь права мне такое говорить. Убирайся! Не хочу больше тебя видеть!»

Ева выбежала из палаты, оставив меня обезумевшей от горя, прижимающей ладони к пустому животу. Меня задела не столько слова сестры, сколько их честность. Ева всего лишь сказала правду: смерть Бена на моей совести.

В последующие недели сестра пыталась до меня достучаться, но я отказалась с ней разговаривать, и в конце концов она оставила попытки.

– Ты видела, что он такое, – говорю я ей сейчас. – Мне надо было тебя послушаться.

– Ты же его любила, – просто отвечает сестра. – Совсем как мама папу.

Я выпрямляюсь:

– В каком смысле?

Ева молчит, и я вижу – она взвешивает, что мне сказать. Я невольно качаю головой, вдруг поняв то, что отказывалась признавать в детстве:

– Он ее бил, что ли?

Сестра молча кивает.

Я вспоминаю своего красивого, талантливого отца, всегда рассказывавшего мне смешные истории, кружившего меня на руках, даже когда я подросла. Я думаю о нашей матери, вечно молчаливой, отстраненной и холодной. Как я ненавидела ее за то, что она лишила меня отца!

– Она терпела много лет, – произносит Ева. – Однажды после школы я вошла в кухню и увидела, как он ее избивает. Я закричала, чтобы он перестал, а он повернулся и врезал мне наотмашь по лицу.

– Господи, Ева! – Мне становится нехорошо от такой разницы между нашими детскими воспоминаниями.

– Он сам испугался. Долго извинялся, говорил, что не заметил меня, но я видела его глаза перед самым ударом. В ту секунду он меня ненавидел, и

я до сих пор считаю, что он мог меня убить. А в маме что-то будто щелкнуло: она велела ему немедленно уйти и не возвращаться, и он ушел без единого слова.

– Да, его не было, когда я вернулась из балетной школы, – соглашаюсь я, вспомнив свое безудержное горе от отсутствия папы.

– Мама пригрозила, что обратится в полицию, если он когда-нибудь покажется рядом. Ей было тяжело лишать нас отца, но она решила, что в первую очередь нас нужно защитить.

– Она мне ничего не рассказывала, – жалею я, сознавая, что попросту не оставила маме такой возможности. Как же я могла настолько неправильно все истолковать! Вот бы мама была еще жива, чтобы я могла все исправить...

Не выдержав, я начинаю плакать.

– Знаю, дорогая, знаю, – приговаривает Ева, поглаживая меня по волосам, как в детстве, а потом обнимает и тоже плачет.

Она остается со мной еще два часа, а Патрик то появляется в палате, то снова уходит в столовую, не желая мешать разговору, но беспокоясь, что я переутомлюсь.

Ева оставляет мне кипу журналов, которые я не стану читать, и обещает приехать снова, как только я вернусь в коттедж, то есть, по словам врача, уже через пару дней.

Патрик берет меня за руку.

– Йестин послал двух парней с фермы заняться коттеджем, – сообщает он. – Они поменяют замок, и ключ будет только у тебя. – Должно быть, на моем лице появляется тревога. – Они все приведут в порядок, будто ничего и не было.

Нет, думаю я, это невозможно.

Но в ответ я благодарно сжимаю его руку. На лице Патрика читаются только честность и доброта, и я понимаю: несмотря ни на что, жизнь продолжается. Жизнь может быть хорошей.

Эпилог

Световой день увеличился, и Пенфач снова вошел в привычный ритм, нарушаемый только сезонным наплывом отдыхающих. Воздух напоен запахами крема от солнца и морской соли, колокольчик над дверью деревенского магазина не умолкает. Трейлерный парк открывается на летний сезон, освеженный слоем краски; полки у Бетан доверху забиты всякой всячиной для отпуска.

Туристам нет дела до местных сенсаций, и, к моему облегчению, деревенские тоже быстро теряют охоту к пустым пересудам. К тому времени, как ночи вновь начинают удлиняться, слухи сходят на нет, затухнув в отсутствие новой информации и благодаря яростному сопротивлению Бетан и Йестина, которые считают своим прямым долгом осадить любого всезнайку.

Вскоре последняя палатка сложена, последние ведро и лопатка проданы, последнее мороженое съедено, и все забыто. Там, где я видела осуждение и закрытые двери, теперь меня встречают с распростертыми объятиями.

Верный слову, Йестин привел коттедж в порядок. Он сменил замки, вставил новые окна, закрасил надписи на деревянной двери, и благодаря его усилиям малейшие следы того, что там произошло, исчезли. Хотя я никогда не смогу забыть той ночи, я все равно хочу здесь жить – на вершине холма, где слышен только вой ветра. Я счастлива в коттедже и не позволю Йену уничтожить еще и эту часть моей жизни.

Я снимаю с вешалки поводок. Бо нетерпеливо ждет у двери, пока я надену куртку, чтобы вывести его перед сном. Я до сих пор не могу оставлять дверь незапертой, но когда я дома, то уже не запираюсь на все обороты и засовы и не вздрагиваю, если Бетан входит в кухню, не постучав.

Патрик почти всегда остается у меня, но без слов понимает, когда мне нужно побыть одной (причем улавливает это едва ли не раньше меня самой). Тогда он тихо уезжает к себе в Порт-Эллис, оставляя меня наедине с моими мыслями.

Я смотрю вниз на море, где начинается прилив. Пляж испещрен следами людей, собак и чаек, которые слетают на пляж вытащить червей из песка. Уже поздно, поэтому на каменистой тропинке я одна. У края обрыва появился новый забор и таблички, запрещающие подходить к краю. Одиночество вдруг кажется мне томительным. Вот бы Патрик сегодня

приехал!

Волны накатываются на берег, покрывая песок белой пеной, которая пузырится и исчезает. Каждая волна заходит чуть дальше прежней, оставляя после себя ровный блестящий песок, и тут же новая волна спешит занять ее место. Я уже готова повернуть назад, когда мое внимание привлекают какие-то письмена на песке. Волны тут же слизывают надпись, разобрать ее становится невозможно. В этот момент закатное солнце заливает море жидким блеском, и набежавшая волна сверкает изумительными красками на фоне сырого темного песка. Тряхнув головой, я поворачиваю к коттеджу, но меня словно тянет назад, и я возвращаюсь к краю обрыва еще раз взглянуть на пляж.

Там ничего нет.

Я плотнее запахиваю куртку, сдерживая дрожь. Мне уже мерещится. На песке нет никаких надписей, тем более выведенных отчетливо и жирно. Там пусто. Я не вижу там своего имени.

Дженнифер.

Море не ждет: новая волна прокатывается по песку, и всякие следы исчезают. Чайка делает последний круг над заливом, и солнце опускается за горизонт.

И наступает тьма.

notes

Примечания

1

Крепыш, коренастый (*англ.*) – *Здесь и далее – примеч. пер.*

Программа телеканала «Би-би-си», посвященная розыску преступников.

3

Beau (*фр.*) – красивый.

4

Пиво низового брожения.

Скаутская организация для девочек.

Единый европейский железнодорожный проездной для молодежи.

Штукенция, финтифлюшка (*англ.*).

Вязальщицы (*фр.*).

Отдел по борьбе с домашним насилием.

Радости жизни (*фр.*).

11

Вас понял!

Table of Contents

[Клэр Макинтош Я отпускаю тебя](#)

[Часть первая](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Часть вторая](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)
[Глава 34](#)
[Глава 35](#)
[Глава 36](#)
[Глава 37](#)
[Глава 38](#)
[Глава 39](#)
[Глава 40](#)
[Глава 41](#)
[Глава 42](#)
[Глава 43](#)
[Глава 44](#)
[Глава 45](#)
[Глава 46](#)
[Глава 47](#)
[Глава 48](#)
[Глава 49](#)
[Глава 50](#)
[Глава 51](#)
[Глава 52](#)
[Глава 53](#)
[Эпилог](#)

[Примечания](#)

[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)
[7](#)
[8](#)
[9](#)
[10](#)
[11](#)